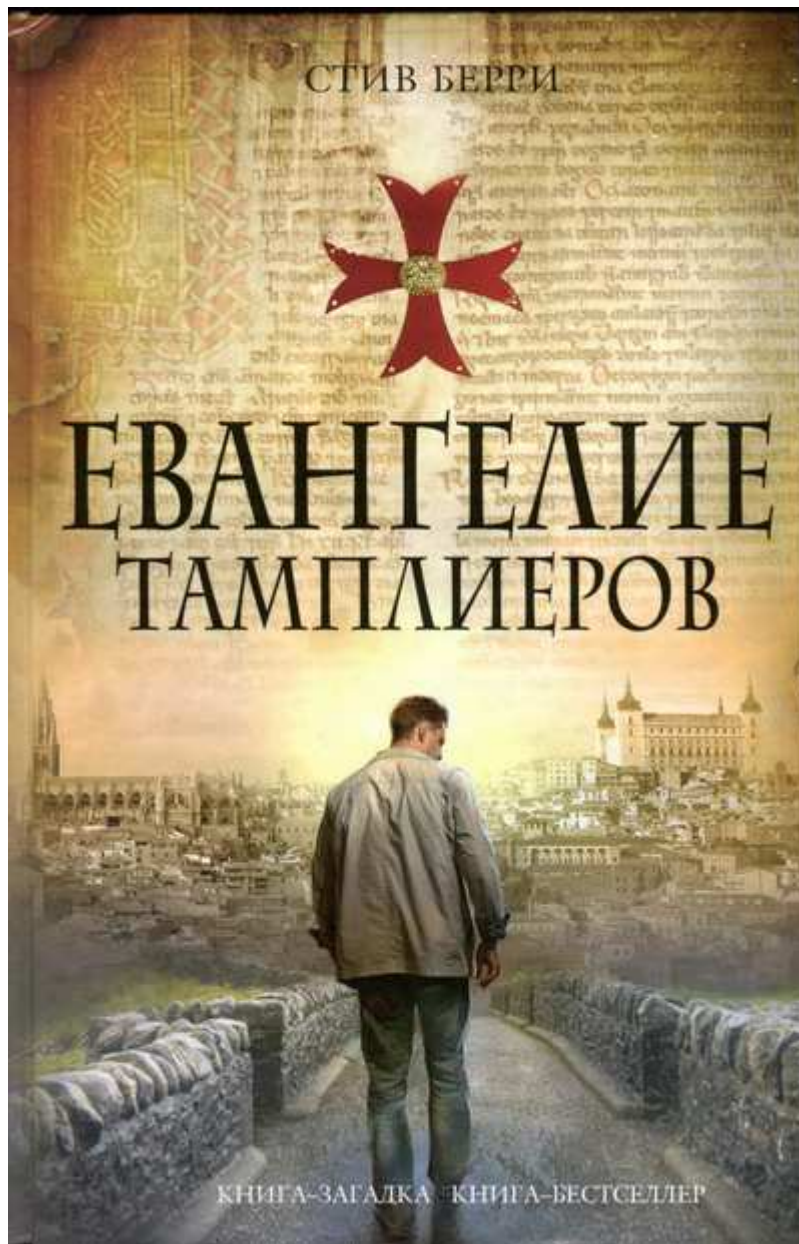


Стив Берри
Евангелие тамплиеров

Коттон Малоун – 1



«Стив Берри "Евангелие тамплиеров"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб.; 2011
ISBN 978-5-699-52822-6

Аннотация

Куда исчезли несметные сокровища тамплиеров и в чем заключался секрет могущества этого древнейшего ордена, повелевавшего королями и папами и уничтоженного много веков назад? Уже давно человеческие умы занимают эти мировые загадки, и ключи к их раскрытию пытаются найти многие. Среди охотников за сокровищами есть не только ученые. Раймон де Рокфор, возглавляющий армию наемных убийц, тоже идет по следу, но движут его действиями вовсе не научные интересы. Ему хорошо известны и истинная сущность сокровищ, и то, что их обладатель способен повелевать миром...

Стив Берри «Евангелие тамплиеров»

Иисус сказал: «Много раз вы желали слышать эти слова, которые Я вам говорю, и у вас нет другого, от кого (вы можете) слышать их. Наступят дни — вы будете искать Меня, вы не найдете Меня».

От Фомы святое благовествование, 43

Это наш родник, миф о Христе.
Папа Лев X

Посвящается Элизабет, всегда

ПРОЛОГ

Франция, Париж

Январь 1308 года

Жак де Моле мечтал о смерти, но знал, что ему не скоро будет даровано это утешение. Двадцать второй магистр Бедных братьев — рыцарей Христа и Храма Соломона, религиозного ордена, существовавшего милостью Господа уже двести лет, вместе с пятью тысячами братьев был узником Филиппа IV, короля Франции. пытки и издевательства длились уже третий месяц.

— Встать, — скомандовал появившийся в дверях кельи Гийом Эмбер.¹

Де Моле не шелохнулся.

— Ты высокомерен даже перед лицом смерти, — сказал Эмбер.

— Высокомерие — это почти все, что у меня осталось.

Эмбер был Великим инквизитором Франции и личным исповедником Филиппа IV, это означало, что он пользовался большим расположением короля. Этот человек обладал лошадиными чертами лица, наклонностями садиста и бесчувствием статуи. Де Моле много раз безуспешно гадал, что еще, помимо пыток, радует душу доминиканца. Но единственное, что смог выяснить магистр, — это как вывести инквизитора из себя.

— Я не подчинюсь ни одному твоему приказу.

— Ты уже покорился нашей воле, но не хочешь признать очевидное.

Это было правдой, и де Моле в очередной раз проклял свою слабость. После арестов, произошедших 13 октября, Эмбер подверг братьев жестоким пыткам, и многие рыцари были готовы сознаться в любых злодеяниях, лишь бы прекратить мучения. Де Моле сгорал от стыда при воспоминании о том, в чем сознался сам, — якобы неопиты ордена отрицали величие Господа Иисуса Христа и плевали на крест в знак презрения. Де Моле был настолько сломлен, что даже написал послание, призывая братьев покаяться, как сделал это он сам, и многие последовали его примеру.

Несколько дней назад в Париж наконец прибыли эмиссары его святейшества Клементы V. Клементы считали марионеткой Филиппа. Исходя из этого, прошлым летом де Моле привез с собой во Францию золотые флорины и двенадцать лошадей, навьюченных мешками с серебром. Деньги предназначались для того, чтобы купить милость короля, если обстоятельства сложатся неудачно. Но магистр недооценил жадность монарха. Филипп не хотел довольствоваться частью богатства. Он хотел получить все, чем владел орден. Поэтому

¹ Гийом Эмбер (Гийом Парижский) — личный духовник короля, ставший впоследствии Великим инквизитором Франции.

были сфабрикованы обвинения в ереси и за один день взяты под арест тысячи тамплиеров. Де Моле поведал посланцам Папы о пытках, которым его подвергли, и публично отказался от своего признания, хотя знал, что это повлечет за собой наказание.

Магистр многозначительно заметил:

— Должно быть, Филипп сейчас обеспокоен, что Папа может проявить твердость характера.

— Неразумно оскорблять того, в чьей власти ты находишься, — ответил на это Эмбер.

— Что умно?

— Делать то, чего хотим мы.

— И как после этого я предстану перед своим Господом?

— Твой Господь ждет, когда перед ним предстанете вы все — ты и все остальные рыцари-тамплиеры, дабы ответить за свои прегрешения, — отчеканил Эмбер бесстрастным металлическим голосом.

Де Моле больше не хотел спорить. За последние три месяца он перенес бесконечные допросы и пытку лишением сна. Его заковывали в оковы, намазывали ступни жиром и поджаривали их на огне. Его растягивали на дыбе. Потом его заставили смотреть, как пьяные тюремщики пытали других тамплиеров, большинство из которых не были рыцарями, но простолюдинами. Де Моле стыдился того, что его принудили сказать, и не собирался больше потакать палачам. Магистр вытянулся на вонючем ложе и понадеялся, что его тюремщик уйдет.

Эмбер посторонился, в камеру вошли двое стражников и грубо стащили де Моле с кровати.

— Ведите его сюда, — скомандовал Эмбер.

Де Моле был арестован в прошлом октябре. Тюрьмой для него и многих других братьев стал парижский Тампль — высокая крепость с четырьмя угловыми башенками, служившая штаб-квартирой и хранилищем казны ордена. Здесь не было пыточных камер. Но Эмбер обладал богатой фантазией и превратил в средоточие невыносимой боли часовню, частым гостем которой де Моле стал за последние три месяца.

Де Моле втащили в часовню и швырнули на пол, напоминавший шахматную доску. Многие братья были приняты в орден здесь, под этим усеянным звездами потолком.

— Мне сказали, — монотонно произнес Эмбер, — что именно здесь проводились ваши тайные церемонии. — Инквизитор, облаченный в черную рясу, прислонился к одной из стен длинной комнаты, около высеченного в камне хранилища, хорошо известного де Моле. — Я изучил содержимое этого тайника. Здесь есть человеческий череп, две бедренные кости и белый саван. Любопытно, правда?

У де Моле не было желания отвечать. Он вспомнил слова, которые произносил каждый кандидат, вступая в орден:

Я вынесу все во славу Господа.

— Многие твои братья рассказывали, как использовались эти предметы, — неодобрительно покачал головой Эмбер. — Каким омерзительным стал твой орден.

Терпение де Моле истощилось:

— За деяния свои мы держим ответ только перед Папой, мы слуги того, кто является слугой Господа. Только он может судить нас.

— Ваш Папа — вассал моего сюзерена. Он вас не спасет.

Это правда. Посланники Папы дали понять, что передадут его святейшеству весть об отречении Великого магистра, но сомневались, что это сможет облегчить участь тамплиеров.

— Раздеть его, — приказал Эмбер.

С магистра сорвали рубаху, которую он носил со дня ареста. Утрата одежды его не расстроила, потому что грязные засаленные тряпки пахли мочой и экскрементами. Но устав запрещал братьям обнажать свое тело. Он знал, что инквизиция предпочитает оголять свои жертвы, чтобы лишить их гордости, — и поэтому заставил себя не реагировать на оскорбительные действия Эмбера.

В пятьдесят шесть лет магистр сохранил хорошую физическую форму. Как все рыцари, он заботился о себе. Де Моле выпрямился, пытаясь сохранить остатки собственного достоинства, и невозмутимо спросил:

— Почему меня оскорбляют?

— Это ты о чем? — в вопросе звучало скептическое удивление.

— Эта комната была местом поклонения Богу, а ты обнажаешь мое тело и смотришь на мою наготу, зная, что наш устав запрещает это.

Эмбер повернулся к хранилищу, распахнул его створки и извлек длинный льняной саван.

— Против твоего драгоценного ордена были выдвинуты десять обвинений.

Де Моле знал их все — от обвинения в пренебрежении таинствами и поклонении идолам до наживы на бесчестных деяниях и содомитства.

— Преступление ордена, которое беспокоит меня более всего, — промолвил Эмбер, — это ваше требование, дабы каждый брат отрицал, что Христос — наш Господь, а также плевал на святой крест и топтал его. Один из твоих братьев даже сознался, что некоторые мочились на изображение Господа нашего Иисуса Христа на кресте. Это правда?

— Спроси у этого брата.

— К сожалению, он не перенес положенного ему наказания.

Де Моле промолчал.

— Мой король и его святейшество обеспокоены сим злодеянием более, чем остальными. Ты рожден в лоне Церкви и поэтому понимаешь, как они возмущены тем, что ты отрицаешь Христа как Спасителя нашего.

— Я предпочитаю держать ответ только перед Папой.

Эмбер сделал повелительный жест, и стражники защелкнули кандалы на запястьях де Моле. Потом растянули его руки в разные стороны, без всякой жалости к истерзанным мышцам. Эмбер извлек из своих одежд многохвостую плетть. Концы плети резко стукнули, и де Моле заметил костяные наконечники.

Эмбер хлестнул плетью по вытянутым рукам и обнаженной спине де Моле. Острая боль пронзила магистра, затем чуть-чуть отпустила. Но до того как он смог прийти в себя, последовал еще один удар, потом еще. Де Моле не хотел доставить Эмберу удовольствие проявлением слабости, но боль оказалась сильнее его, и он вскрикнул.

— Ты не будешь издеваться над инквизицией, — заявил Эмбер.

Де Моле собрался с духом и взглянул в маслянистые глазки инквизитора, ожидая продолжения пытки. Эмбер не отрываясь смотрел на него.

— Ты отрицаешь нашего Спасителя, говоришь, что он просто человек, а не Сын Божий? Оскорбляешь святой крест? Ладно. Ты узнаешь, что значит быть распятым.

Плеть опять взлетела над спиной, ягодицами, ногами магистра. Костяные наконечники рассекли кожу, брызнула кровь...

Сознание медленно покидало Жака де Моле.

Эмбер прекратил экзекуцию.

— Наденьте на него венец, — крикнул он.

Де Моле поднял голову и попытался сфокусировать зрение. Он увидел нечто вроде короны из черного железа, к ее краям были прикреплены гвозди, концы которых загибались в разные стороны.

Инквизитор подошел ближе и злобно прошипел:

— Сейчас ты узнаешь, что испытал наш Господь. Господь наш Иисус Христос, которого ты и твои братья отрицаете.

По знаку Эмбера голову магистра увенчали тесным венцом, причиняя ему невыносимую боль. Гвозди вонзились в кожу. Кровь пропитала копну грязных волос.

Эмбер указал плетью в сторону:

— Туда его.

Изнемогающего от боли де Моле потащили через часовню к высокой деревянной

двери, которая некогда вела в его личные апартаменты. Перед дверью поставили стул и водрузили на него магистра. Один из стражников держал его, а второй был наготове, чтобы прийти на помощь в случае сопротивления, но магистр был слишком слаб, чтобы бросить вызов мучителям.

Кандалы сняли.

Эмбер вручил второму стражнику три гвоздя.

— Правую руку вверх, — приказал он.

Руку магистра вытянули у него над головой. Стражник подошел ближе, и де Моле увидел в его руках молоток.

Господи боже мой...

Словно сквозь сон, он почувствовал, как его хватают за запястье и прижимают острие гвоздя к влажной плоти. Увидел, как молоток взлетает в воздух, и услышал стук металла о металл.

Гвоздь проткнул его запястье, и он завопил, корчась в агонии. Это было несравнимо даже с той болью, когда в тело вонзается меч.

— Ты не попал в вену? — спросил Эмбер у стражника.

— Нет.

— Хорошо. Он не должен истечь кровью.

Левую руку магистра изогнули под неудобным углом, и в запястье вонзился еще один гвоздь. Де Моле закусил язык, стараясь удержать вопль, и дикая боль заставила его лязгнуть зубами. Его рот наполнился кровью, он сглотнул.

Эмбер выбил стул у него из-под ног. Теперь вся тяжесть шестифутового тела де Моле приходилась на запястья, особенно на правое, из-за неудобного положения левой руки. В плече что-то щелкнуло, и его пронзил очередной приступ мучительной боли.

Один из стражников ухватил его правую ногу и начал внимательно рассматривать. Эмбер беспокоился, чтобы не проткнуть вены. Затем левую и правую ноги скрестили и прибили к двери последним гвоздем.

Де Моле уже не мог кричать.

Эмбер внимательно изучил дело своих рук.

— Крови мало. Хорошая работа. — Он отступил на шаг. — Как страдал наш Господь и Спаситель, так будешь страдать и ты. Но с одним отличием.

Наконец де Моле понял, почему его распяли на двери. Эмбер медленно вытащил засов, открыл дверь, затем резко захлопнул.

Тело де Моле дернулось в одну сторону, потом в другую, качаясь на вывихнутых плечах, гвозди терзали искалеченную плоть. Он и представить не мог, что на свете существует такая мука.

— Это как дыба. — Эмбер решил прочитать ему лекцию о пытках. — Боль может быть разной силы. Я могу позволить тебе просто висеть. Могу качать дверь взад-вперед. Или могу сделать так, как сейчас, это хуже всего.

Божий свет то и дело пропадал из поля зрения, магистр еле дышал. Каждая мышца была сведена судорогой. Сердце дико колотилось. По коже струился пот, лихорадка сжигала его, словно он был на костре.

— Будешь ли ты теперь смеяться над инквизицией? — спросил Эмбер.

Де Моле хотел сказать Эмберу, что ненавидит Церковь за ее деяния. Слабый Папа, марионетка в руках разорившегося французского монарха, ухитрился каким-то образом уничтожить величайшую религиозную организацию на земле. Пятнадцать тысяч братьев, проживавших по всей Европе. Девять тысяч командорств. Рыцарский орден, некогда рожденный в Святой земле и правивший ею... Двести лет во славу Господа... Бедные братья — рыцари Христа и Храма Соломона были воплощением добра. Но их слава и богатство вызывали зависть... Ему следовало более серьезно отнестись к интригам, бушевавшим вокруг них. Быть более гибким, менее упрямым, не таким прямолинейным. Слава небесам, он предчувствовал неладное и принял меры предосторожности. Филипп IV не увидит ни

унции из золота и серебра тамплиеров.

И тем более никогда не узрит величайшее из всех сокровищ...

Де Моле собрал жалкие крохи сил, еще остававшиеся у него, и поднял голову. Эмбер понял, что магистр хочет что-то сказать, и приблизился.

— Будь ты проклят, — прошептал магистр. — Ты и все, кто помогает твоим дьявольским умыслам.

Его голова упала на грудь. Он слышал, как Эмбер кричит, приказывая хлопнуть дверью, но боль была такой пронзительной и всеобъемлющей, что Жак де Моле ничего не почувствовал.

Его сняли с двери, но это не принесло ему облегчения, потому что мышцы давно онемели. Де Моле не имел понятия, как долго он висел. Потом его куда-то понесли, он понял, что его возвращают в келью. Мучители опустили магистра на ложе, и, проваливаясь в рыхлый матрас, он вновь ощутил знакомую вонь нечистот. Его голова покоилась на подушке, руки были вытянуты по бокам.

— Мне сказали, — прошипел Эмбер, — что когда в ваш орден принимали нового брата, неофиту накидывали на плечи льняной саван. Это символизировало смерть, а потом воскресение к новой жизни в качестве тамплиера. Ты тоже удостоишься этой чести. Я распорядился обрядить тебя в саван из хранилища в часовне. — Эмбер нагнулся над де Моле и накрыл его тело длинной тканью с ног до головы. — Мне сказали, что это использовалось орденом в Святой земле, потом было привезено сюда и укутывало плечи каждого парижского посвященного. Теперь ты рожден вновь, — хмыкнул Эмбер. — Лежи и размышляй о своих грехах. Я вернусь.

Де Моле был слишком слаб, чтобы отвечать. Он знал, что Эмберу вряд ли приказали убить его, но также понимал, что никто о нем не позаботится. Магистр лежал неподвижно. Онемение проходило, сменяясь приступами мучительной боли. Сердце продолжало колотиться, и пот лил ручьями. Он пытался заставить себя успокоиться и подумать о чем-то утешительном. В его голове то и дело всплывала мысль о тайне, которую его палачи хотели бы узнать больше всего на свете. Он — единственный человек, знавший ее. Таков устав ордена.

Каждый магистр особым способом передавал это знание своему преемнику. К несчастью, из-за его внезапного ареста и уничтожения ордена знания на этот раз предстояло передать по-другому. Он, Жак де Моле, не позволит Филиппу или Церкви одержать победу. Они узнают только то, что он позволит им узнать.

«Твой язык произносит ложь, словно острая бритва, режущая исподтишка...»

Завернутый в саван, истекающий кровью, Жак де Моле вспоминал: «Оставьте меня, и я уничтожу их».

Часть I ПОСЛАНИЕ ЛАРСА НЕЛЛА

ГЛАВА I

Дания, Копенгаген

Наши дни, 22 июня, четверг

14.50

Коттон Малоун заметил нож в ту же секунду, когда увидел Стефани Нелл. Он сидел в белом кресле с решетчатой спинкой за столиком перед кафе «Николай». Был ласковый солнечный день, и простиравшаяся перед ним площадь Хойбро Пладс, излюбленное место отдыха датчан, кишела людьми. В кафе, по обыкновению, тоже было полным-полно народу. Вот уже полчаса он ждал Стефани.

Миниатюрная женщина, примерно шестидесяти лет, она тщательно скрывала свой

возраст. Даже в ее личном деле, хранившемся в департаменте юстиции, графа «дата рождения» пустовала. Малоун видел это собственными глазами. В белокурых волосах Стефани виднелись седые пряди, а ее голубые глаза могли выражать и подлинное сочувствие, и яростное обвинение. Два президента поочередно хотели назначить ее генеральным прокурором, но оба раза она отвергла предложения. Один генеральный прокурор горячо ратовал за ее увольнение — особенно после того, как ФБР поручило ей расследование его дела, — но Белый дом отклонил эту идею, поскольку, кроме всего прочего, у Стефани Нелл была безупречная репутация.

Человек с ножом в руке, невысокий, плотный, с мелкими чертами лица и коротко стриженными волосами, был одет в джинсы и кроваво-красный пиджак. Судя по наружности — житель Восточной Европы. Но Малоуна беспокоил не столько нож, сколько выражение лица — на нем читалась какая-то безысходность.

Малоун поднялся, не отрывая глаз от Стефани.

Он хотел закричать и предупредить ее, но она была слишком далеко. Потом скрылась за одной из тех скульптур в стиле модерн, что украшали Хойбро Пладс, — эта изображала невероятно толстую обнаженную женщину, лежащую на животе; ее огромные ягодицы вздымались, словно продуваемые всеми ветрами холмы. Когда Стефани появилась с другой стороны отлитой из бронзы фигуры, человек с ножом подобрался к ней вплотную. Малоун видел, как он вцепился в кожаный ремень сумки, висевшей на плече Стефани, перерезал его и оттолкнул Стефани к памятнику.

При виде карманника, размахивающего ножом, какая-то женщина закричала, поднялась суматоха.

Красный Пиджак рванулся вперед, прижимая к себе сумку Стефани и расталкивая людей. Несколько человек отступили. Вор свернул налево, за другую бронзовую фигуру, и бросился бежать со всех ног. Он неся в сторону Кобмагергаде, пешеходной зоны, которая поворачивала на север, в глубь торговой зоны, изобилующей всевозможными магазинами.

Малоун вскочил из-за стола, намереваясь перехватить преступника до того, как тот завернет за угол. Путь ему преграждали велосипеды и фонтан. Малоун потерял несколько секунд, делая крюк. Он вышел на прямую и ринулся вперед, настигая жертву.

Они рухнули на каменную мостовую, основной удар принял на себя Красный Пиджак, и Малоун почувствовал, как силен его противник. Нападение не заставило воришку растеряться, он перекатился на спину и вонзил колено в живот Малоуна. У того перехватило дыхание, внутренности скрутила боль. Красный Пиджак оттолкнул его, вскочил на ноги и побежал вверх по Кобмагергаде.

Малоун поднялся, но тут же согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

Черт! Он давно не тренировался.

Теперь у его противника была фора в пятьдесят футов. Во время их борьбы Малоун не заметил, куда делся нож, но, прокладывая себе путь по улице между магазинами, он видел, что мужчина не выронил кожаную сумку. Легкие горели огнем, но Малоун сокращал дистанцию.

Вдоль Хойбро Пладс и Кобмагергаде стояли многочисленные тележки с цветами. Малоун терпеть не мог этих торговцев, которые постоянно загораживали вход в его книжный магазин, особенно по субботам. Воришка вырвал одну такую тележку у худого старика и толкнул ее по булыжникам в сторону Малоуна. Нельзя позволить импровизированному снаряду катиться, куда ему вздумается, — на улице слишком много людей, и среди них дети, поэтому он отклонился вправо, ухватил тележку за ручку и остановил ее.

На углу Кобмагергаде он увидел Стефани с полицейским. Но у него не было времени ждать.

Малоун рванулся вперед, прикидывая, куда направляется преступник. Может быть, он где-то оставил машину или его ждет сообщник в конце Кобмагергаде, она упирается в другую, такую же людную площадь — Хаузер Пладс. Это плохо. Хаузер Пладс —

кошмарное столпотворение народа, расположенное около переплетения пешеходных улочек, образующих покупательскую мекку под названием Строгет. Ноги болели от неожиданной нагрузки, мышцы, видимо, уже позабыли те дни, когда он служил на флоте и в департаменте юстиции. После года в отставке его физическая форма оставляла желать лучшего.

Впереди высилась Круглая башня, прильнувшая к церкви Святой Троицы, — величественное цилиндрическое строение высотой с девятиэтажный дом. Король Дании Кристиан IV возвел ее в 1642 году, украсив темное каменное основание символом своего царствования — позолоченной цифрой IV. От места, где стояла Круглая башня, расходились пять улиц, и Красный Пиджак мог уйти от погони по любой из них.

Появились полицейские машины.

Одна с визгом затормозила с южной стороны Круглой башни. Другая подъехала с противоположной Кобмагергаде стороны, блокируя дорогу на север. Красный Пиджак оказался заперт. Он поколебался, оценивая ситуацию, потом метнулся направо и скрылся в Круглой башне.

Что делает этот глупец? У башни только один вход.

Малоун подбежал к дверям. Он был знаком с кассиром, сидевшим в будке на входе. Этот норвежец проводил много часов в магазине Малоуна, его страстью была английская литература.

— Арн, куда побежал этот человек?

— Направо, и не заплатил к тому же.

— Наверху кто-нибудь есть?

— Недавно туда пошла пожилая пара.

В башне не было лифта. Вместо лестницы — пандус, закручивавшийся спиралью от основания до вершины. Он предназначался для того, чтобы вкатывать наверх громоздкие астрономические инструменты XVII века. Любимой легендой местных гидов был рассказ о том, как император России Петр I однажды проскакал по этой дороге на коне, а его императрица следовала за ним в карете.

Малоун услышал звук шагов пролетом выше.

— Предупреди полицию, что мы здесь, — сказал он кассиру и рванул следом за преступником.

На полпути наверх он миновал дверь, ведущую в Большой зал. Стеклопакеты были заперты, свет погашен. На окнах — железные решетки, через них не выбраться. Малоун опять прислушался и уловил звук торопливых шагов наверху.

Он продолжил подъем, преодолевая одышку. Миновав прикрепленный к стене щит со средневековой картой звездного неба, он замедлил шаг. Выход на крышу в нескольких футах, за последним поворотом пандуса. Он подкрался к арке, ведущей на широкую террасу, посреди которой возвышалась восьмиугольная обсерватория, построенная уже после короля Кристиана. Терраса была окружена декоративной кованой решеткой. Единственный выход, находившийся справа от Малоуна, был закрыт. Слева решетка шла по внешнему обводу башни. За ней — красные черепичные крыши и зеленые шпили городских домов.

Малоун обогнул обсерваторию и обнаружил пожилого мужчину, распростертого на полу. За ним стоял Красный Пиджак, прижимая к себе немолодую женщину и приставив нож к ее горлу. Она пыталась закричать, но страх лишил ее голоса.

— Не шевелитесь, — сказал ей Малоун по-датски.

Выражение безысходности не исчезло из темных, почти черных глаз вора. В ярких лучах солнца на лбу блестели капли пота. Малоун лихорадочно думал, что делать. Звуки шагов снизу означали, что сейчас здесь будет полиция.

— Как насчет того, чтобы успокоиться? — Он попробовал обратиться к парню по-английски.

Тот понял его, но нож не убрал. Взгляд Красного Пиджака метался по сторонам, то и дело устремляясь в сторону неба. Казалось, вор был неуверен в себе, а это было еще хуже.

Отчаявшиеся люди часто совершают нелепые поступки.

— Опустит нож. Сейчас здесь будет полиция. И выхода отсюда нет.

Красный Пиджак глянул на небо, потом снова на Малоуна. На его лице опять появилось выражение неуверенности. Кто он такой? Просто карманник, забравшийся на крышу стофутовой башни, откуда некуда бежать?

Звуки шагов снизу раздавались все громче и отчетливее.

— Полиция уже здесь.

Красный Пиджак отступил к кованой решетке, но не отпустил женщину. Малоун чувствовал, что тот пытается принять какое-то решение, и поэтому уточнил еще раз:

— Здесь нет выхода.

Красный Пиджак прижал к себе заложницу еще крепче, потом сделал шаг назад, вплотную прижавшись к ограждению, заканчивавшемуся на уровне пояса. Дальше пути не было.

Паника в его глазах внезапно сменилась спокойствием. Он толкнул заложницу вперед, Малоун тут же подхватил ее, не дав упасть. Красный Пиджак перекрестился, не выпуская сумки Стефани из рук, перегнулся через перила, выкрикнул одно слово — «beauseant», потом перерезал себе горло, и его тело полетело вниз.

Когда полиция наконец появилась на террасе, женщина закричала.

Малоун отпустил ее и подбежал к решетке. Красный Пиджак лежал ничком на булыжной мостовой.

Малоун покачал головой и посмотрел в небо над флагштоком, увенчанным флагом Дании — белый крест на красном фоне.

На что смотрел этот человек? И почему он покончил с собой?

Малоун опять взглянул вниз и увидел Стефани. Она проталкивалась через стремительно увеличивающуюся толпу. Кожаная сумка лежала в нескольких футах от трупа, она схватила ее и скрылась среди зевак. Малоун видел, как она ныряет в толпе между людьми и стремительно уходит по одной из улочек, ответвляющихся от Круглой башни в глубину Строгета.

Видя ее поспешное отступление, он пробормотал:

— В чем дело, черт возьми?

ГЛАВА II

Стефани трясло. За двадцать шесть лет работы на департамент юстиции она усвоила простую истину: если у животного четыре ноги и хобот — это слон. И чтобы это понять, не надо вешать на слона табличку. Очевидно, что мужчина в красном пиджаке не был простым карманником.

И это значит, кто-то в курсе ее дел.

Она видела, как вор свалился с башни, — впервые в жизни Стефани своими глазами видела насильственную смерть. Годами она слушала рассказы своих агентов о таких вещах, но между сухими отчетами и видом настоящей смерти была непреодолимая пропасть. Тело рухнуло на булыжники с тошнотворным глухим ударом. Он сам прыгнул? Или это Малоун его толкнул? Или там, наверху, завязалась борьба? Сказал ли этот человек что-нибудь перед смертью?

Стефани приехала в Данию с конкретной целью и, раз уж она здесь, решила повидать Малоуна. Когда-то он был одним из двенадцати агентов, отобранных ею в Magellan Billet. Она знала отца Малоуна и следила за возмужанием сына. И была рада, когда он принял ее предложение и перешел из флота в юстицию. Со временем он стал ее лучшим агентом, и Стефани огорчилась, когда год назад он решил выйти в отставку.

С тех пор она не видела Малоуна, хотя они несколько раз созванивались. Когда Малоун бросился в погоню за вором, она обратила внимание, что он не изменился: то же мускулистое тело, густые волнистые волосы с рыжеватым отливом, вызывавшим в памяти

цвет камней в старинных копенгагенских домах. Все, как она помнила. Двенадцать лет работая на нее, он оставался решительным и независимым, что делало его хорошим оперативником, которому можно доверять. При этом Малоун не утратил способность к состраданию. Надо признаться, он всегда был для нее больше чем сотрудником.

Он был ее другом.

Но это не значило, что ему можно лезть в ее дела!

То, что он погнался за вором, было типично для Малоуна. В этом-то и крылась проблема. Если она сейчас встретится с ним, последуют вопросы, на которые она не намеревалась отвечать.

Уютный вечер в компании старого друга придется отложить.

Малоун вышел из Круглой башни и отправился следом за Стефани. Когда он покидал крышу, врачи занимались пожилой парой. Мужчина пострадал от удара в голову, но скоро будет в порядке. Женщина продолжала биться в истерике, и он слышал, как один из санитаров настаивал, чтобы ее отвели в машину «скорой помощи».

Труп Красного Пиджака все еще лежал на мостовой, накрытый светло-желтой простыней, и полицейские отгоняли от него любопытствующих. Пробираясь сквозь толпу, Малоун увидел, что простыню убрали и к работе приступил полицейский фотограф. Вор перерезал себе горло профессионально. Окровавленный нож лежал в нескольких футах от его руки, вывернутой под неестественным углом. Кровь продолжала хлестать из раны, образуя темную лужу на булыжниках. Череп треснул, туловище покалечено, ноги изогнуты так, словно в них нет костей. Полицейские велели Малоуну не уходить, он был нужен в качестве свидетеля, но ему необходимо было найти Стефани.

Он выбрался из толпы зевак, поглядывая на вечернее небо — закатное солнце слепило глаза. Ни облачка. Сегодня будет чудесная ночь для наблюдения за звездами, но никто не придет в обсерваторию в Круглой башне. Сегодня вечером она закрыта из-за человека, прыгнувшего с крыши.

Кто же он такой?

К любопытству примешивались мрачные предчувствия. Малоун знал, что ему следует вернуться в свой магазинчик и забыть о Стефани Нелл и о том, чем она занимается. Ее дела его больше не касаются. Но он не сможет так поступить.

Чутье подсказывало Малоуну, что дело — дрянь...

Он засек Стефани в пятидесяти ярдах впереди на Вестергаде, еще одной улочке из тех, что паутиной пронизывают торговые зоны Копенгагена. Она шла быстро и уверенно, потом резко свернула направо и скрылась в одном из зданий.

Он заторопился следом и увидел книжный магазин «Антиквариат у Хансена». Его владелец — один из немногих людей в городе, недоброжелательно относящихся к Малоуну. Петер Хансен недолюбливал иностранцев, особенно американцев, и даже пытался препятствовать вступлению Малоуна в Ассоциацию датских книготорговцев-антикваров. К счастью, неприязнь Хансена не оказалась заразной.

Малоун чувствовал в себе пробуждение старых инстинктов, дремавших весь этот год. Это не радовало его, но, как всегда, подталкивало к действию.

Он остановился у входной двери и увидел за стеклом Стефани. Она разговаривала с Петером Хансеном, коренастым мужчиной с длинным носом, нависавшим над седыми усами. Потом эти двое скрылись в глубине магазина, занимавшего первый этаж трехэтажного дома. Малоун хорошо знал, как выглядит магазин внутри, поскольку посвятил последний год изучению книжных лавок Копенгагена. Почти все они были олицетворением нордической аккуратности: книги в шкафах расположены строго по тематике и расставлены ровно, как по линейке. Хансен же не был таким педантом. Его магазин был эклектической смесью раритетов и новых изданий — преимущественно новых, поскольку он не был склонен выкладывать кучу денег за редкости из частных коллекций.

Малоун просочился в полумрак лавочки, надеясь, что никто из продавцов не окликнет

его по имени. Он пару раз обедал с управляющей магазином и именно от нее узнал, что Хансен его недолюбливает. К счастью, ее здесь не было. Среди полок человек десять копались в книгах. Он торопливо пробрался в дальний конец магазина, где было полно закутков с книжными полками. Он чувствовал себя неловко — в конце концов, Стефани просто позвонила и сказала, что прилетела в город на пару часов и будет рада видеть его. Но это было до появления Красного Пиджака.

Поведение Стефани его не удивляло. Она всегда была скрытной особой, иногда даже слишком скрытной, что нередко приводило к конфликтам. Одно дело сидеть за компьютером в офисе в Атланте, а другое — работать «в поле». Нельзя принять правильное решение, не обладая максимальным количеством информации.

Он засек Стефани и Хансена в уединенной нише без окон, служившей Хансену кабинетом. Малоун пристроился за полкой, плотно заставленной книгами, и схватил первый попавшийся томик, делая вид, что читает.

— Ради чего вы проделали такой долгий путь? — спросил Хансен хриплым голосом.

— Вы знаете об аукционе в Роскиле?

Как это типично для Стефани, отвечать вопросом на неудобный для нее вопрос!

— Я там часто бываю. Там продается много книг.

Малоун тоже знал об этом аукционе. Роскиле находится в получасе езды от Копенгагена. Раз в три месяца копенгагенские торговцы антикварными книгами собираются здесь на аукцион, привлекающий покупателей со всей Европы. Спустя два месяца после открытия своей лавки Малоун выручил на торгах почти двести тысяч евро за четыре книги, найденные им на распродаже в одном чешском поместье. Эти деньги существенно облегчили ему процесс превращения из государственного служащего с постоянным окладом в предпринимателя. Но они также вызвали зависть окружающих, и Петер Хансен не скрывал своей злобы.

— Мне нужна книга, о которой мы говорили. Сегодня. Вы сказали, что ее можно будет легко купить. — В голосе Стефани слышалась привычка отдавать приказы.

Хансен хмыкнул:

— Ох уж эти американцы. Все вы одинаковы. Думаете, что мир вращается вокруг вас.

— Мой муж отзывался о вас как о человеке, способном разыскать то, чего не найдет никто другой. Книга, которую я хочу, уже найдена. Ее надо просто купить.

— Ее получит покупатель, который предложит самую высокую цену.

Малоун моргнул. Стефани не признавала, на какую зыбкую почву ступает. Первое правило сделки: никогда не показывай, насколько ты заинтересован в товаре.

— Это малоизвестная и никому не интересная книга, — сказала она.

— Но она интересна вам, а значит, могут быть и другие покупатели.

— Надо убедить их, что мы можем предложить самую высокую цену.

— Почему эта книга так важна для вас? Я никогда не слышал о ней. Ее автор неизвестен.

— Вас интересуют дела моего мужа?

— Что вы имеете в виду?

— Это не ваше дело. Добудьте мне эту книгу, и я заплачу, как мы договаривались.

— Почему вы сами ее не купите?

— Я не собираюсь объяснять вам это.

— Ваш муж был более сговорчив.

— Он мертв.

Хотя она произнесла это бесстрастно, на миг воцарилась тишина.

— Мы поедem в Роскиле вместе? — спросил Хансен, по всей видимости поняв, что ничего от нее не добьется.

— Я встречу с вами там.

— Буду ждать с нетерпением.

Стефани вышла из кабинета, Малоун вжался в свой закуток и отвернулся, когда она

шла мимо. Он услышал, как дверь в кабинет Хансена захлопнулась, и, пользуясь отсутствием хозяина, тоже направился к выходу.

Стефани вышла из лавки и свернула налево. Малоун незаметно последовал за ней. Его бывшая начальница двигалась в сторону Круглой башни.

Он поторопился за ней, держась на безопасном расстоянии.

Она ни разу не обернулась. Хотя следовало бы, особенно после происшествия с Красным Пиджаком. Где же ее охрана? Конечно, она не была полевым агентом, но дурой не была тоже.

Около Круглой башни, вместо того чтобы повернуть направо в сторону Хойбро Пладс, где находился магазинчик Малоуна, она продолжала идти прямо. Пройдя еще три квартала, Стефани подошла к отелю «Англетер».

Малоун проследил, как она входит в гостиницу.

Его расстроило, что она собиралась купить книгу в Дании и при этом не прибегла к его помощи. Очевидно, она не хотела вовлекать его в свои дела. А после того, что произошло в Круглой башне, Стефани, по всей видимости, вообще не хочет встречаться с ним.

Малоун глянул на часы. Чуть больше половины пятого. Аукцион начинается в шесть, и до Роскиле полчаса езды. Он не собирался там присутствовать. В каталоге, который ему прислали несколько недель назад, не было ничего интересного. Но дело было не в этом. Стефани вела себя странно, очень странно даже для нее. И знакомый голос глубоко внутри, не раз спасавший ему жизнь за эти двенадцать лет, подсказывал, что Малоун ей еще пригодится.

ГЛАВА III

Французские Пиренеи
Аббатство де Фонтен
17.00

Сенешаль² преклонил колени перед ложем своего умирающего магистра. Неделями он молился, чтобы этого не случилось. Но вскоре лежащий на постели старик, мудро правивший орденом на протяжении двадцати восьми лет, обретет заслуженный покой рядом со своими предшественниками. К великому сожалению сенешаля, суэта брэнного мира никуда не исчезнет и со смертью магистра многие проблемы обострятся.

Покои магистра были просторными. Древние стены, сложенные из камня, не носили следов упадка, и только потолок, обитый древесиной, потемнел от времени. Во внешней стене было одно-единственное окно, с видом на чудесный водопад на фоне суровой серой горы. В углах комнаты сгустился сумрак.

Сенешаль потянулся к руке старика. Холодная и липкая.

— Вы слышите меня, магистр? — заговорил он по-французски.

Усталые глаза приоткрылись.

— Я еще не умер. Но уже скоро.

Сенешаль крепче стиснул ладонь старика.

— Мне будет вас не хватать.

Тонкие губы раздвинулись в улыбке.

— Ты хорошо служил мне, и я знал, что так будет. Вот почему я тебя выбрал.

— Сейчас начнутся распри.

— Ты готов, я позаботился об этом.

Он был сенешалем, подчинявшимся только магистру. И продвигался по иерархической лестнице ордена быстро, слишком быстро, как думали некоторые, и только твердая рука

² Сенешаль, по сути, является заместителем магистра, хотя формально отвечает только за снабжение и быт ордена. В походе, если он был общим, перед круглым шатром сенешаля водружался стяг тамплиеров.

магистра пресекала недовольство. Но скоро смерть предъявит свои права на его защитника, и он опасался, что последует открытый мятеж.

— Нет никакой гарантии, что вашим преемником буду именно я.

— Ты недооцениваешь себя.

— Я уважаю силу наших противников.

Наступило молчание. За окном стало слышно пение жаворонков и дроздов. Сенешаль смотрел на своего магистра. Старик был облачен в лазурную сорочку, усеянную золотыми звездами. Несмотря на то что приближающаяся смерть заострила черты лица магистра, в его сухошавом теле еще чувствовалась сила. Седая борода была длинной и всклокоченной, руки и ступни искривил артрит, но глаза сохранили прежний блеск. Он знал, что эти двадцать восемь лет многому научили старого воина. Может быть, самым важным из уроков было умение даже перед лицом смерти сохранять собственное достоинство.

Несколько месяцев назад врач подтвердил, что это рак. Согласно уставу, болезнь не подлежала лечению, следовало принять волю Господа. Тысячи братьев на протяжении многих столетий поступали так, и было немыслимо, чтобы магистр опорочил эту традицию.

— Я хотел бы почувствовать запах дождя, — прошептал магистр.

Сенешаль взглянул в окно. Его ставни, сделанные в семнадцатом веке, были распахнуты, впуская сладкий аромат мокрого камня и зелени. Далекий водопад пел свою веселую песню.

— Из вашей комнаты чудесный вид.

— Это одна из причин, почему я хотел стать магистром.

Он улыбнулся, зная живой ум своего учителя. Он читал Хроники и был в курсе, что его учитель возвысился потому, что умел наилучшим образом использовать любую возможность, предоставленную ему судьбой. Его правление было мирным, но скоро все изменится.

— Я буду молиться за вашу душу, — сказал сенешаль.

— Для этого еще будет время. А сейчас ты должен подготовиться.

— К чему?

— К конклаву. Сосчитай свои голоса. Не дай своим врагам объединиться. Помни, чему я учил тебя. — Хриплый голос надломился, но в интонациях чувствовалась твердость.

— Я не уверен, что хочу быть магистром.

— Ты хочешь.

Его друг и учитель хорошо знал его. Скрамность требовала, чтобы сенешаль отказывался от мантии, но больше всего на свете он хотел быть следующим магистром.

Рука его учителя задрожала. Несколько судорожных вдохов, и магистр справился с собой.

— Я написал письмо. Оно там, на столе.

Обязанность следующего магистра — изучить это завещание.

— Долг должен быть исполнен, — произнес магистр. — Как это было всегда.

Сенешаль не хотел слышать о долге. Его больше занимали собственные чувства. Он оглядел комнату, в которой были только кровать, *grê-dieu*,³ обращенная к деревянному распятию, три стула с вытертыми ткаными подушками, письменный стол и две старинные мраморные статуи, расположенные в стенных нишах. Когда-то эта комната была полна предметами из испанской кожи, дельфским фарфором, английской мебелью. Но орден давно избавился от показной роскоши.

Как и он сам.

Старик начал задыхаться.

Сенешаль с тревогой посмотрел на своего учителя. Магистр отдышался, моргнул несколько раз и промолвил:

³ Скамеечка для молитвы (фр.).

— Не сейчас, друг мой. Но скоро.

ГЛАВА IV

Роскиле

18.15

Малоун вошел в зал, когда торги уже начались. Обычно торги открываются не раньше двадцати минут седьмого, поскольку сначала происходит регистрация покупателей и продавцов. Это всегда делается до того, как деньги перейдут из рук в руки.

Роскиле — древний городок, расположенный на берегу узкого фьорда. Основанный викингами, он до XV века был столицей Дании и с тех пор не утратил царственного величия. Аукцион проводится в Нижнем городе, около собора, поблизости Скомагергаде, района, где некогда селились сапожники. Книготорговля в Дании — своего рода искусство. Письменное слово всегда пользовалось уважением по всей стране, и Малоун, страстный библиофил, очень этим восхищался. Прежде книги были просто его увлечением, помогавшим отвлечься от повседневного риска, сопровождавшего работу. Теперь они стали делом его жизни.

Петер Хансен и Стефани обосновались в первых рядах, а Малоун предпочел остаться у входа, позади одной из каменных колонн, поддерживавших сводчатый потолок. Он не собирался принимать участие в торгах и не стремился попасть на глаза аукционисту.

Книги продавались одна за другой, некоторые уходили за приличные деньги. Покупателям предъявили очередную новинку, и тут он заметил, как Петер Хансен напрягся.

— «*Pierres Gravées du Languedoc*»,⁴ автор Эжен Штиблейн. Год выпуска — тысяча восемьсот восемьдесят восьмой, — объявил аукционист. — Описание Лангедока, вполне типичное для того времени. Издано в количестве всего нескольких сотен экземпляров. Книга в очень хорошем состоянии, кожаный переплет, никаких пятен, содержит несколько необычных гравюр — одна из них представлена в каталоге. Мы редко занимаемся путеводителями, но этот томик очень привлекателен, поэтому мы решили, что он может представлять интерес. Предлагайте вашу цену, господа.

Несколько покупателей сделали свои предложения, самое большое составляло четыреста крон. Затем в игру вступил Хансен, подняв цену до восьмисот. Воцарилась тишина, затем один из представителей, поддерживающих связь со своими хозяевами по телефону, предложил тысячу крон.

Хансен был явно встревожен неожиданно возникшей проблемой, особенно тем, что это был покупатель, действующий через посредника, и увеличил свое предложение до тысячи пятидесяти. Человек с телефоном поднял цену до двух тысяч. К торгам подключился третий покупатель. Цена быстро повышалась и наконец достигла девяти тысяч крон. Тут и другие почуяли, что в этой книге есть что-то особенное. Еще одна минута оживленных торгов закончилась предложением Хансена в размере двадцати четырех тысяч крон.

Больше четырех тысяч долларов!

Малоун знал, что Стефани — государственная служащая с окладом семьдесят — восемьдесят тысяч долларов в год. Ее муж умер несколько лет назад, оставив ей небольшое наследство, но богатой она не была. И книги она тоже никогда не коллекционировала. Удивительно, что она готова выложить столько денег за никому не известный путеводитель. В его магазинчик такие книги приносили ящиками, в том числе издания девятнадцатого — начала двадцатого века, когда были популярны личные дневники путешествий. Большинство из них были написаны чересчур витиеватым языком и по большому счету ничего не стоили.

Этот путеводитель явно был исключением.

— Пятьдесят тысяч крон, — объявил человек с телефоном.

Вдвое больше, чем предлагал Хансен.

⁴ «Надписи на камнях Лангедока» (фр.).

Все, в том числе Стефани, уставились на человека с телефоном, и Малоун отступил за колонну. Потом он осторожно выглянул из укрытия, наблюдая, как Стефани и Хансен обсуждали что-то. Возникла пауза, Хансен, по всей видимости, обдумывал следующий шаг, но было ясно, что он ждет знака от Стефани.

Она покачала головой.

— Предмет продан покупателю с телефоном за пятьдесят тысяч крон.

Аукционист снял книгу со стенда и объявил пятнадцатиминутный перерыв. Малоун понял, что организаторы аукциона хотят повнимательнее изучить «*Pierres Gravées du Languedoc*», чтобы понять, за что покупатель готов выложить больше восьми тысяч долларов. Книготорговцы Роскиле — люди проницательные и не привыкшие упускать сокровища. Но похоже, на этот раз они чего-то не заметили.

Малоун продолжал подпиравать колонну, пока Стефани и Хансен оставались на своих местах. В зале было немало его знакомых, и он очень надеялся, что его никто не окликнет. Большинство принимающих участие в торгах обосновались в противоположном углу, у буфета. Малоун обратил внимание, что к Стефани подошли двое мужчин. Оба плотные, с короткими стрижками, одетые в хлопчатобумажные брюки и рубашки без воротника под свободными желто-коричневыми пиджаками. Когда один из них наклонился, чтобы пожать руку Стефани, Малоун заметил под его пиджаком оружие.

После короткого обмена репликами мужчины откланялись. Разговор с виду был вполне дружелюбным. Пока Хансен ходил за пивом, Стефани подошла к одному из служителей, обменялась парой фраз и покинула зал через боковую дверь.

Малоун приблизился к служителю, с которым она заговорила. Грегос, худой датчанин, был ему хорошо знаком.

— Коттон, как я рад тебя видеть!

— Я всегда начеку, вдруг подвернется хорошая сделка.

Грегос улыбнулся:

— Здесь с этим сложно.

— Похоже, последняя книга стала сенсацией?

— Я предполагал, что она уйдет крон за пятьсот. Но пятьдесят тысяч? С ума сойти.

— Как ты думаешь — почему?

Грегос покачал головой:

— Это выше моего понимания.

Малоун махнул рукой в сторону боковой двери.

— Эта женщина, с которой ты сейчас говорил, куда она направилась?

Служитель бросил на него понимающий взгляд.

— Что, заинтересовался ею?

— Не в этом смысле, но заинтересовался.

Малоун пользовался расположением организаторов аукциона с тех пор, как несколько месяцев назад он помог им разыскать продавца-мошенника, выставившего на продажу три экземпляра «Джейн Эйр» 1847 года выпуска, которые оказались краденными. Когда полиция конфисковала книги у нового владельца, организаторам пришлось возместить ему все до последней кроны. К этому времени вор успел обналичить чек, полученный на аукционе. В качестве одолжения Малоун отыскал преступника в Англии и помог вернуть деньги. В ходе поисков он обзавелся кое-какими благодарными друзьями.

— Она спрашивала про собор, точнее, часовню Кристиана Четвертого.

— Она сказала зачем?

Грегос покачал головой.

— Сказала только, что пойдет пешком.

Малоун пожал руку служителю, незаметно сунув ему купюру в тысячу крон. Довольный Грегос так же незаметно положил деньги в карман. Взятки в аукционном доме не приветствуются.

— И еще одно, — сказал Малоун. — Кто этот таинственный покупатель, которому

досталась книга?

— Тебе известно, Коттон, что такая информация строго конфиденциальна.

— Как тебе известно, я ненавижу правила. Я знаю покупателя?

— Он владелец здания, в котором ты арендуешь магазин.

Малоун скрыл улыбку. Хенрик Торвальдсен. Мог бы сам догадаться.

Аукцион возобновился. Пока покупатели, и среди них Петер Хансен, возвращались на свои места, он пробрался к выходу и вышел в прохладные сумерки. Хотя было уже восемь часов вечера, на летнем небе багровели лучи заходящего солнца. Собор, сложенный из красного кирпича, виднелся в нескольких кварталах отсюда. В нем начиная с XIII века хоронили датских королей.

Что там понадобилось Стефани?

Он решил тоже пойти туда, но его остановили двое мужчин. Один из них прижал к его спине что-то твердое.

— Тихо, мистер Малоун, не дергайтесь. Не то я вас пристрелю, — прошептали ему в ухо.

Малоун оглянулся. Сзади стояли мужчины, разговаривавшие со Стефани в зале. И на их лицах читалось то же беспокойное выражение, которое он заметил у Красного Пиджака несколько часов назад.

ГЛАВА V

Стефани вошла в собор. Человек на аукционе сказал ей, что это здание легко найти, и оказался прав. Громадное каменное сооружение, размеры которого выглядели особенно впечатляющими на фоне окружающих его невысоких домиков, закрывало собой полнеба.

Внутри грандиозного здания она обнаружила бесчисленное множество закутков, часовенок и портиков. Высокий сводчатый потолок и огромные витражные окна вкупе с древними стенами создавали ауру причастности к божественному. Судя по декору, этот собор не был католическим или лютеранским, его убранство носило отчетливые признаки французского стиля в архитектуре.

Стефани была в ярости из-за того, что не смогла заполучить книгу. Она полагала, что путеводитель будет стоить максимум крон триста, то есть около пятидесяти долларов. Вместо этого неизвестный покупатель выложил за рядовой путеводитель по Южной Франции, написанный более ста лет назад, свыше восьми тысяч долларов.

Сомнений нет, кто-то в курсе ее дел.

Может быть, этот человек ждет ее здесь, в соборе? Двое мужчин, подошедшие к ней после торгов, сказали, что она получит ответы на все вопросы, если придет в этот собор и найдет часовню Кристиана IV. Она подумала, что это глупость, но деваться было некуда. Времени было мало, а дел невпоровот.

Следуя полученным указаниям, она обошла собор. В нефе справа от нее перед главным алтарем шла служба. Ее слушали человек пятьдесят. Орган наполнял помещение низкими вибрирующими звуками. Стефани отыскала часовню Кристиана IV, отгороженную затейливой железной решеткой, и вошла туда.

Здесь ее поджидал невысокий мужчина с гладко зачесанными седыми волосами и чисто выбритым лицом, покрытым морщинами. Он был одет в светлые хлопковые брюки, рубашку с расстегнутым воротом и кожаный пиджак. Подойдя ближе, Стефани рассмотрела его глаза — темные, холодные и подозрительные. Видимо, он что-то почувствовал, потому что его лицо тут же расплылось в доброжелательной улыбке.

— Миссис Нелл, рад познакомиться.

— Откуда вы меня знаете?

— Я хорошо знаком с работами вашего мужа. Он был великим ученым в некоторых интересующих меня областях.

— Каких именно? Мой муж много чем занимался.

— Мой главный интерес — это Ренн-ле-Шато. Я имел в виду его труд, посвященный так называемому великому секрету этого города и окружающих его земель.

— Это вы обставили меня на торгах?

Он поднял руки вверх, шутливо сдаваясь.

— Не я, и именно поэтому я хотел поговорить с вами. У меня был представитель на торгах, но я — как и вы — был поражен окончательной ценой.

Пытаясь выгадать время на размышление, она обошла королевскую усыпальницу. Великолепные стены, отделанные мраморными плитами, украшали огромные картины в изысканных рамах. Посередине помещения располагались пять роскошных гробниц.

Незнакомец приблизился к гробам.

— Кристиан Четвертый считается величайшим правителем Дании. Подобно Генриху Восьмому в Англии, Франциску Второму во Франции и Петру Великому в России, он основательно изменил эту страну. Следы его дел видны повсюду.

Урок истории ее не интересовал.

— Что вам надо?

— Позвольте, я вам покажу кое-что.

Он шагнул к металлической ограде часовни. Стефани последовала за ним.

— Легенда гласит, что эти узоры создал сам дьявол. Мастерство невероятное. Здесь запечатлены монограммы короля и королевы, а также множество сказочных созданий. Посмотрите внимательно вниз.

Она послушалась и увидела слова, выгравированные в металле.

— Здесь сказано: «Caspar Fincke bin ich genannt, dieser Arbeit bin ich bekannt». «Мое имя — Каспар Финке, этой работе я обязан своей славой».

Стефани посмотрела ему в лицо.

— И что?

— На самом верху Круглой башни в Копенгагене тоже есть железная ограда. Тоже работа Финке. Он спроектировал ее низкой, чтобы оттуда были видны крыши города, но при этом оттуда очень легко упасть.

Она поняла.

— Человек, который прыгнул оттуда, работал на вас?

Он кивнул.

— Почему он умер?

— Воины Христа втайне сражаются во имя Господа, зная, что это не грех — убить врага, и не боясь собственной смерти.

— Он покончил с собой?

— Когда человеку суждено даровать или принять смерть, это не преступление, но славное деяние.

— Вы не знаете, как ответить на этот вопрос.

Мужчина улыбнулся.

— Я просто цитировал великого теолога, написавшего эти слова восемьсот лет назад. Святой Бернар Клервоский.

— Кто вы?

— Называйте меня Бернаром.

— Что вам нужно?

— Две вещи. Первая — это книга, которую мы с вами утратили на торгах. Но я признаю, что в этом вы мне не поможет. Вторая вещь у вас есть. Она была прислана вам месяц назад.

Стефани с трудом сохранила невозмутимое выражение лица. Этот человек действительно знал, что она ищет.

— И что это?

— А, это тест? Проверяете меня? Ладно. В посылке, которую вы получили, была записная книжка — личный дневник вашего мужа, который он вел до самой смерти. Я

прошел ваш тест?

Она промолчала.

— Мне нужен этот дневник.

— Что в нем такого важного?

— Многие считали вашего мужа странным. Необыкновенным. Человеком новой эпохи. Академическое сообщество поднимало его на смех, пресса тоже высмеивала. Но я считаю его блестящим ученым. Он видел вещи, которых другие никогда бы не заметили. Именно благодаря ему Ренн-ле-Шато в наше время стал центром притяжения для многих. Его книга привлекла внимание к чудесам этого городка. Пять миллионов экземпляров продано по всему миру! Это большое достижение.

— Мой муж написал много книг.

— Четырнадцать, если я не ошибаюсь, но ни одна из них не может сравниться с первой: «Сокровище Ренн-ле-Шато». Ваш муж пробудил интерес к этой теме, и теперь ей посвящены сотни трудов.

— Почему вы думаете, что дневник моего мужа у меня?

— Мы оба знаем, что я мог бы уже заполучить его, если бы не вмешательство человека по имени Коттон Малоун. Я полагаю, раньше он работал на вас.

— Кем?

Бернар принял вызов.

— Вы кадровый офицер Департамента юстиции США и глава подразделения, известного под названием Magellan Billet. Двенадцать юристов, каждый из них отобран лично вами, каждый подчиняется только вам и решает, скажем так, *деликатные* вопросы. Коттон Малоун работал на вас много лет. Но в прошлом году ушел в отставку и теперь владеет книжной лавкой в Копенгагене. Если бы не неудачные действия моего помощника, вы насладились бы обедом в обществе мистера Малоуна, попрощались с ним и направились сюда, на аукцион, который и был истинной причиной вашего приезда в Данию.

Время для уверток истекало.

— На кого вы работаете?

— На себя.

— Не верю.

— Почему?

— Годы практики.

Он снова улыбнулся, это ее ужасно раздражало.

— Дневник, пожалуйста.

— У меня его нет. После сегодняшнего инцидента я решила, что лучше держать его в безопасном месте.

— Он у Петера Хансена?

Стефани промолчала.

— Нет. Я полагаю, вы не доверили его никому.

— Я полагаю, что разговор окончен. — Она повернулась в сторону открытой дверцы и быстрым шагом вышла из часовни. Справа на пути к главному выходу Стефани заметила еще двух мужчин с короткими стрижками — не тех, которые были на аукционе, — но тут же поняла, кто их хозяин.

Она оглянулась на человека, чье имя было не Бернар.

— Как и у моего помощника в Круглой башне, у вас нет выхода.

— Да пошел ты!..

Стефани повернулась налево и торопливо пошла в глубь собора.

ГЛАВА VI

Малоун анализировал ситуацию. Он находится в общественном месте, неподалеку от оживленной улицы. Здесь постоянно ходят люди, кто-то ждет, пока служители подадут

машину со стоянки. Его слежка за Стефани явно не осталась незамеченной, и он мысленно обругал себя за беспечность. Но, несмотря на угрозы, эти люди вряд ли будут затевать здесь драку. Скорее всего, его хотят задержать, а не убить. Может быть, их задание — не дать ему помешать тому, что сейчас происходит в соборе.

Это значит, что он должен действовать.

Малоун исподтишка следил за постоянными покупателями, выходящими из аукционного зала. Вот появился долговязый датчанин, владелец книжной лавки в Строгете, расположенной неподалеку от магазина Петера Хансена. Швейцар подогнал его машину.

— Ван! — окликнул Малоун, делая шаг вперед, подальше от пистолета.

Его друг обернулся.

— Коттон! Как дела? — отреагировал он по-датски.

Малоун беззаботно приблизился к машине и, бросив взгляд назад, увидел, как мужчина с короткой стрижкой прячет пистолет под пиджак. Малоун застал нападавших врасплох, что подтвердило его догадку. Эти парни были непрофессионалами. Он готов поспорить, что они даже не говорят по-датски.

— Можешь подвезти меня до Копенгагена? — спросил он.

— Конечно, у нас есть место. Забирайся.

Малоун потянулся к задней двери автомобиля.

— Спасибо. Знакомый, который меня привез, задерживается здесь, а мне надо домой.

Малоун захлопнул дверь, машина тронулась. Он помахал обманутым противникам и с удовольствием посмотрел на их растерянные лица.

— Было что-то интересное сегодня? — поинтересовался Ван.

— Ничего, — отозвался Малоун.

— Аналогично. Так что мы решили уехать и пообедать где-нибудь.

Малоун взглянул на своих попутчиков — женщину, сидевшую рядом с ним, и мужчину на переднем сиденье. Он был незнаком с ними, поэтому представился. Машина медленно двигалась по извилистым улочкам в сторону шоссе на Копенгаген.

Малоун не отрывал взгляда от двойных шпилей и медной крыши собора.

— Ван, можно я выйду? Мне надо задержаться еще немного.

— Ты уверен?

— Я вспомнил, что мне надо кое-что сделать.

Стефани миновала неф и вступила в глубину собора. За массивными колоннами справа от нее продолжалась служба. Стук ее каблуков эхом отдавался по плитам, но его заглушал басовитый орган. Она направилась мимо главного алтаря и памятников, отделявших внутреннюю галерею от хоров.

Человек, назвавшийся Бернаром, медленно приближался, но тех двоих нигде не было видно. Стефани поняла, что таким путем скоро обогнет собор по кругу и опять окажется около главного входа. В первый раз она в полной мере осознала, какому риску подвергаются ее агенты. На работе Стефани взяла отпуск. Это ее личное дело. Никто не знает, что она собиралась в Данию, никто, кроме Коттона Малоуна. Теперь ее скрытность становилась опасной.

Она сделала круг по галерее. Ее преследователь держался на приличном расстоянии, понимая, что ей некуда деваться. Она миновала каменную лестницу, которая спускалась в еще одну боковую часовню, и увидела, что в пятидесяти футах впереди опять появились те двое, заблокировав ей выход из церкви. Сзади неумолимо приближался Бернар. Слева был еще один склеп под названием часовня Волхвов.

Стефани метнулась туда.

Между великолепно изукрашенными стенами располагались две мраморные гробницы, архитектурой напоминавшие романские храмы. Она отступила к дальней. И тут ее охватил слепой ужас.

Она была в ловушке.

Малоун достиг собора и вошел внутрь через главный вход. Справа от себя он засек двух мужчин — коренастых, коротко стриженных, просто одетых, — похожих на тех, от которых он только что избавился на аукционе. Он решил не рисковать и нащупал под пиджаком «беретту» — обычное оружие всех агентов Magellan Billet. Ему разрешили оставить у себя пистолет, когда он вышел в отставку, и он исхитрился контрабандой провезти его в Данию — владеть оружием здесь запрещено.

Коттон взялся за рукоятку, положил палец на курок и вынул пистолет, пряча его за спиной. Он не держал оружие в руках больше года. И не скучал по этой части своего прошлого. Он был хорошим агентом и именно поэтому выжил в ситуациях, когда его коллеги гибли.

Двое мужчин стояли к нему спиной, оружия в руках не было. Громоподобная музыка органа заглушила его шаги. Он подобрался к ним и сказал:

— Выдался трудный вечерок, да, парни?

Они обернулись, выхватывая пистолеты.

В ста футах впереди Малоун заметил еще одного человека, который беззаботно приближался. Мужчина сунул руку под кожаный пиджак. Малоун не стал ждать, что будет дальше, и нырнул налево, в пустой ряд скамеек. Музыку органа перекрыл звук выстрела, и в деревянную спинку сиденья перед ним вонзилась пуля.

Лежа на животе, он выстрелил дважды. Звуки выстрелов взорвались в соборе звонким эхом, аккомпанируя музыке. Один из противников упал, второй скрылся. Малоун привстал на колени, услышал еще три выстрела и вновь упал на живот.

Он выпустил еще две пули в сторону стрелявшего.

Орган умолк.

Слушавшие службу люди начали понимать, что происходит, и в панике ринулись к выходу, мимо скамеек, за которыми прятался Малоун. Он воспользовался смятением толпы, чтобы выглянуть из своего укрытия, и увидел, что человек в кожаном пиджаке стоит у входа в одну из боковых часовен.

— Стефани! — позвал он.

Тишина.

— Стефани! Это Коттон! Скажи мне, что с тобой все в порядке.

Опять тишина.

Он пополз вперед, отыскивал противоположный трансепт⁵ и встал. Перед ним была галерея, обрамлявшая собор изнутри. Потолок поддерживали колонны, они помогут ему прятаться от пуль, а потом хоры скроют его совсем. И он бросился бежать.

Стефани слышала его голос. Она горячо поблагодарила Бога за привычку Малоуна лезть в чужие дела. Она оставалась в часовне Волхвов, прячась за черной мраморной гробницей. Звуки выстрелов дали ей понять, что Малоун пытается спасти ее, но противников много. Она должна помочь, но как? Оружия у нее не было. По крайней мере, надо дать ему понять, что она цела. Не успела она крикнуть, как за кованой железной решеткой, через которую был выход в церковь, увидела Бернара с пистолетом в руках.

Страх сковал ее мышцы и разум.

Бернар вошел в часовню.

Малоун обогнул хоры. Люди продолжали выбегать из церкви, испуганно крича. Наверняка кто-то вызвал полицию. Ему просто надо продержаться до того, как придет подмога.

⁵ В европейской церковной архитектуре — поперечный неф или несколько нефов, пересекающих продольный объем крестообразных в плане зданий.

Он пробежал галерею и увидел, что один из противников оказывает помощь второму, которого он ранил. Того, кто начал перестрелку, не было видно.

Он замедлил шаг, прислушиваясь.

Стефани окаменела. Бернар был в двухстах футах от нее.

— Я знаю, что вы здесь, — сказал он низким хриплым голосом. — Подоспел ваш защитник, поэтому у меня нет времени разбираться с вами. Вы знаете, что мне надо. Мы еще встретимся.

Эта перспектива не вдохновляла.

— Ваш муж был так же неразумен, как и вы. Ему сделали предложение насчет дневника одиннадцать лет назад, но он отказался.

Его слова задела Стефани. Она знала, что ей следует молчать, но не смогла удержаться от вопроса.

— Что ты знаешь о моем муже?

— Достаточно. На этом пока закончим.

Стефани услышала, как он уходит.

Малоун увидел, как Кожаный Пиджак вышел из часовни.

— Стоять! — окликнул он.

Противник повернулся и поднял пистолет. Малоун нырнул к лестнице, ведущей к одной из комнат, и скатился вниз на полдюжины ступенек. Три пули чиркнули по стене над его головой. Малоун приподнялся, собираясь выстрелить в ответ, но Кожаный Пиджак был уже в ста футах от него и бежал по галерее к выходу.

Малоун встал на ноги и направился к той часовне.

— Стефани! — позвал он.

— Я здесь, Коттон.

Его бывшая начальница появилась из дальнего угла. Она шла к нему, и на ее лице застыло странное выражение. На улице завыли сирены.

— Думаю, нам надо выбираться отсюда, — сказал он. — У полиции будет много вопросов, а мне почему-то кажется, что ты не захочешь на них отвечать.

— Ты прав. — Она прошмыгнула мимо него.

Он собирался предложить ей воспользоваться одним из боковых выходов, но тут двери главного входа распахнулись и внутрь ворвались полицейские, немедленно направив на них оружие.

Стефани и Малоун замерли.

— *Hen til den landskab. Nu,* — прозвучала команда. — На пол. Немедленно.

— Что они хотят? — спросила Стефани.

Малоун бросил пистолет и опустился на колени.

— Ничего хорошего.

ГЛАВА VII

Раймон де Рокфор стоял у собора позади толпы зевак и наблюдал за происходящим. Он и двое его помощников воспользовались суматохой и скрылись в тени, отбрасываемой густыми деревьями, которые росли на площади перед собором. Рокфор сумел выскользнуть через боковую дверь как раз в тот момент, когда полиция вломилась в здание. Его никто не заметил. Наверняка власти сейчас займутся Стефани Нелл и Коттоном Малоуном, тем более что Малоун вооружен. А пока свидетели опишут других стрелявших, пройдет время. Ему были знакомы подобные ситуации, и он знал, что самое главное — сохранить холодную голову. Его люди должны знать, что он контролирует ситуацию.

Фасад собора был освещен яркими красными и белыми прожекторами. Прибыли еще полицейские, и он удивился, как их много в таком маленьком городке, как Роскиле. С

соседней площади изливался поток любопытствующих. Суматоха усиливалась, и это было очень хорошо. Де Рокфор знал, как удобно скрытно передвигаться в таком хаосе, если уметь им управлять.

Он повернулся к своим помощникам.

— Ты ранен? — спросил он одного из них, того, в которого попал Малоун.

— Синяк, — ответил тот, распахнул пиджак и показал на бронежилет.

Де Рокфор заметил, что в толпе появились еще двое его помощников — те, кого он посылал на аукцион. Именно они доложили ему по рации, что Стефани Нелл не смогла выиграть торги, поэтому он приказал направить ее в собор.

Эти двое приблизились, и один из них сказал:

— Мы упустили Малоуна.

— Я его нашел.

— Он находчив. И хладнокровен.

Де Рокфор знал, что это правда. Он собрал информацию о Коттоне Малоуне, когда узнал, что Стефани Нелл летит в Данию, чтобы встретиться с ним. Поскольку Малоун мог оказаться частью ее плана, он предпочитал знать об этом человеке все.

Его полное имя было Хэролд Эрл Малоун. Сорок шесть лет. Родился в Джорджии, США. Его мать была урожденная жительница Джорджии, отец — военный, выпускник академии в Аннаполисе, дослужившийся до капитана корабля. Он утонул со своей подводной лодкой, когда Малоуну было десять лет.

Сын пошел по стопам отца, поступил в Морскую академию и окончил ее третьим на курсе. После этого был приглашен в летную школу и набрал там достаточно баллов, чтобы его допустили к обучению на летчика-истребителя. Потом, что любопытно, в середине обучения решил сменить специальность и поступил в Джорджтаунский университет на юридический факультет. Параллельно с получением юридической степени работал в Пентагоне. Получив диплом, попал в управление военной юстиции, где провел девять лет в качестве юрисконсульта. Тринадцать лет назад перевелся в департамент юстиции, в только что сформированный Magellan Billet. Он служил там под руководством Стефани Нелл до прошлого года, когда решил выйти в отставку и оставил службу в чине капитана.

Что касается личной жизни, то Малоун был разведен. Его четырнадцатилетний сын жил с бывшей женой в Джорджии. Сразу после увольнения Малоун покинул Америку и переехал в Копенгаген. Он был заядлым книголюбом и убежденным католиком, хотя и не слишком набожным. Неплохо объяснялся на нескольких языках, не имел вредных привычек и фобий. Отличался завидной преданностью и верностью делу. Его весьма ценной особенностью также была эйдетическая память. В общем, это был именно такой человек, которого де Рокфор скорее предпочел бы иметь в качестве помощника, чем среди своих врагов.

И последние несколько минут подтвердили это.

Соотношение сил трое против одного не испугало Малоуна, кроме того, в опасности оказалась Стефани Нелл. Молодой помощник де Рокфора сегодня днем тоже проявил преданность делу и мужество, хотя действовал слишком поспешно. Ему следовало застать женщину врасплох. Возможно, его помощник стремился выслужиться или у него просто не хватило терпения. Но в Круглой башне он сделал верный выбор — предпочел смерть плену. Процесс обучения жесток. Те, у кого есть мозги и способности, выживают, остальные...

Де Рокфор повернулся к одному из помощников, который был на аукционе, и спросил:

— Ты выяснил, кому досталась книга?

Молодой человек кивнул:

— Да, пришлось дать служителю тысячу крон.

Цена предательства его не интересовала.

— Имя?

— Хенрик Торвальдсен.

В кармане зазвонил телефон. Его заместитель знал, что он занят, так что звонок должен

быть важным. Де Рокфор открыл раскладушку.

— Назначенный час близко, — прозвучал голос в телефоне.

— Когда?

— Через несколько часов.

Неожиданный плюс!

— У меня для тебя задание, — сказал де Рокфор. — Мне нужна информация о человеке по имени Хенрик Торвальдсен. Богатый датчанин, живет на севере Копенгагена. Я знаю о нем кое-что, но мне нужно полное досье. Даю тебе час. Позвони мне, когда добудешь его.

Он отключил телефон и обратился к подчиненным:

— Мы возвращаемся домой. Но перед этим до заката у нас еще два задания.

ГЛАВА VIII

Малоуна и Стефани доставили в полицейское отделение на окраине Роскиле. Всю дорогу они молчали, здраво рассудив, что лучше держать язык за зубами. Малоун понял, что присутствие Стефани в Дании не имеет ничего общего с деятельностью Magellan Billet. На прошлой неделе Стефани позвонила и сказала, что хочет повидать его. Она дала понять, что едет в Европу в отпуск. Замечательный отпуск, подумал он, когда они остались наедине в ярко освещенной комнате полицейского участка, не имеющей окон.

— Кстати, в кафе «Николай» — отличный кофе, — сказал он. — Я цинично выпил и твою чашку. Конечно, это было после того, как я догнал вора в Круглой башне и полюбовался, как он спикировал оттуда.

Стефани промолчала.

— Я видел, что ты подобрала свою сумочку. Ты не заметила труп рядом? Наверное, нет, кажется, ты торопилась.

— Хватит, Коттон, — оборвала она его тоном, который был ему хорошо знаком.

— Я на тебя больше не работаю.

— Тогда почему ты здесь?

— Я спрашивал себя об этом в соборе, но меня отвлекли выстрелы.

Она не успела ответить. Открылась дверь, и вошел высокий рыжеватый блондин со светло-кариими глазами. Это был инспектор полиции Роскиле, который доставил их сюда из собора. У него в руках была «беретта» Малоуна.

— Я сделал запрос, о котором вы просили, — обратился инспектор к Стефани. — Американское посольство подтверждает вашу личность и статус в департаменте юстиции. Я жду распоряжений, как поступить, от нашего министерства внутренних дел. — Он повернулся к Малоуну. — Вы, мистер Малоун, — другое дело. Вы находитесь в Дании на основании разрешения на временное проживание. — Инспектор указал на оружие. — Наши законы не разрешают носить оружие, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него в нашем соборе — памятнике мировой архитектуры, между прочим.

— Я предпочитаю нарушать только самые важные законы, — сострил Малоун, не желая, чтобы инспектор решил, что взял над ним верх.

— Я люблю шутки, мистер Малоун. Но сейчас речь идет о серьезном деле. Серьезном для вас.

— Разве свидетели не упомянули, что стрельбу начали другие люди? И что их было трое?

— У нас есть их описания. Но сейчас их здесь нет. А вы здесь.

— Инспектор, — вмешалась Стефани. — К этому инциденту привели мои действия, а не действия мистера Малоуна. — Она бросила взгляд на Коттона. — Мистер Малоун работал на меня, и он подумал, что мне нужна помощь.

— Вы хотите сказать, что перестрелка не произошла бы, если бы не вмешательство мистера Малоуна?

— Вовсе нет. Я хочу сказать, что ситуация вышла из-под контроля — и в этом нет вины

мистера Малоуна.

Инспектор обдумывал слова Стефани с видимым недоверием. Малоун пытался сообразить, к чему она клонит. Стефани врала не очень умело, но он решил не перечить ей при инспекторе.

— Вы оказались в соборе по делу, имеющему отношение к правительству США?

— Я не могу ответить. Поймите меня правильно.

— Ваша работа включает в себя действия, которые не подлежат разглашению? Я думал, вы юрист.

— Да, юрист. Но мое подразделение постоянно занимается расследованиями, связанными с национальной безопасностью. Это наша основная цель.

На инспектора ее слова не произвели особого впечатления.

— По какому делу вы приехали в Данию, миссис Нелл?

— Посетить мистера Малоуна. Мы не виделись больше года.

— Это единственная цель?

— Инспектор, почему бы нам не подождать решения министерства внутренних дел?

— Вы понимаете, это чудо, что в этой суматохе никто не пострадал. Повреждены несколько религиозных памятников, но ни один человек не ранен.

— Я попал в одного из стрелявших, — сказал Малоун.

— Следов крови нет.

Значит, на них были бронежилеты. Команда подготовилась, но для чего?

— Как долго вы будете оставаться в Дании? — спросил инспектор у Стефани.

— Завтра улетаю.

Дверь открылась, вошел офицер в форме и подал инспектору лист бумаги. Тот прочел и сказал:

— По всей видимости, у вас есть могущественные друзья, миссис Нелл. Мое начальство велит отпустить вас и не задавать вопросов.

Стефани направилась к дверям.

Малоун поднялся.

— В этой бумаге упоминается и мое имя?

— Да, вас я тоже должен отпустить.

Малоун протянул руку за своим пистолетом. Но инспектор покачал головой:

— У меня нет приказа вернуть вам оружие.

Коттон решил не спорить. С этим можно было разобраться позже. А сейчас надо поговорить со Стефани.

Он поспешил наружу и догнал ее на улице. Она повернулась к нему лицом и холодно сказала, всем своим видом выражая крайнюю неуступчивость:

— Коттон, я ценю то, что ты сделал в соборе. Но послушай меня как следует — держись подальше от моих дел.

— Ты понятия не имеешь, что делаешь. В соборе ты пришла прямиком в ловушку, совершенно не подготовившись. Эти трое хотели убить тебя.

— Тогда почему они этого не сделали? У них были все возможности, пока ты не появился.

— Поэтому количество вопросов еще больше увеличивается.

— Тебе что, нечем заняться в твоей лавочке?

— Конечно есть.

— Вот и займись этим. Когда ты в прошлом году подал в отставку, ты дал понять, что устал от перестрелок. Помнится, ты сказал, что твой новый покровитель-датчанин предлагает тебе жизнь, о которой ты всегда мечтал. Так что иди и наслаждайся ею.

— Позволь напомнить тебе, что это ты позвонила и сказала, что хочешь меня видеть.

— Это была плохая мысль.

— Твою сумку пытался украсть не карманник.

— Не лезь не в свое дело!

— Ты мне должна. Я спас твою шкуру.
— Никто тебя не просил.
— Стефани...
— Черт возьми, Коттон! Я не собираюсь повторять дважды. Если ты будешь продолжать в том же духе, у тебя не останется выбора, тебе придется принять участие в этом деле.
— И что ты собираешься делать?
— Связи есть не только у твоего датского друга. Я тоже кое-что могу.
— Флаг тебе в руки! — ответил он, злясь на нее все больше и больше.
Вместо ответа она пошла прочь. Малоун хотел было догнать ее и закончить разговор, но пришел к выводу, что она права. Это не его забота. Ему и так досталось сегодня вечером.
Пора возвращаться домой.

ГЛАВА IX

Копенгаген
22.30

Раймон де Рокфор подошел к книжному магазину. Пешеходная зона была пустынна. Большая часть кафе и ресторанов, располагавшихся в этом районе, находилась в нескольких кварталах отсюда, а это часть Строгета на ночь закрывалась. Ему оставалось выполнить еще два задания, после чего он покинет Данию. По всей вероятности, полиция уже получила от свидетелей перестрелки в соборе его словесный портрет, а также описания двух его помощников. Поэтому важно уехать как можно скорее.

Де Рокфор приехал из Роскиле вместе с четырьмя подчиненными и планировал контролировать каждый их шаг. И так было достаточно импровизаций, одна из них стоила жизни его помощнику в Круглой башне. Раймон де Рокфор не хотел потерять еще кого-нибудь. Двое его людей сейчас осматривали задний двор магазина. Остальные стояли рядом, готовые выполнить любой приказ. На верхнем этаже здания, в котором располагался магазин, горел свет.

Хорошо.

Ему надо поговорить с владельцем.

Малоун взял бутылочку диетической пепси-колы из холодильника и спустился с четвертого этажа к входу. Его магазин занимал весь дом: первый этаж — для книг и покупателей, второй и третий служили складом, а на четвертом располагалась маленькая квартирка — здесь он и жил.

Он привык жить в тесноте, и его квартирка нравилась ему намного больше, чем дом площадью в две тысячи квадратных футов, которым он владел когда-то на севере Атланты. В прошлом году он продал дом за триста с небольшим тысяч долларов, что позволило ему вложить шестьдесят тысяч в свою новую жизнь, которую предложил ему, как неодобрительно выразилась Стефани, его «новый покровитель-датчанин», пожилой человек по имени Хенрик Торвальдсен.

Полтора года назад просто незнакомец, а теперь лучший друг.

Они подружились с первой встречи. Старый датчанин что-то разглядел в нем. Малоун сам не понимал, что именно, но встреча одним дождливым вечером в Атланте соединила их судьбы.

Стефани тогда настояла, чтобы он взял отпуск после суда над тремя адвокатами в Мехико. Это дело касалось международной торговли наркотиками и зверского убийства инспектора из Управления по контролю за соблюдением закона об обороте наркотиков, который оказался личным другом президента США, и вылилось в кровавую резню. Возвращаясь в суд после перерыва, Малоун попал под перекрестный огонь снайперов, не имевший никакого отношения к суду. Тем не менее Малоун попытался прекратить

перестрелку. При этом он получил пулю в левое плечо. Итогом стычки стали семь трупов и девять раненых.

Одним из убитых был молодой датский дипломат по имени Кай Торвальдсен.

* * *

— Я пришел поговорить с тобой лично, — сказал тогда Хенрик Торвальдсен.

Они сидели в берлоге Малоуна. Плечо Коттона адски болело. Он не стал спрашивать, как Торвальдсен нашел его и откуда знает, что Малоун говорит по-датски.

— Я очень любил сына, — продолжил Торвальдсен. — Когда он вступил в наш дипломатический корпус, я был так горд... Он попросил назначение в Мехико. Изучал ацтеков в университете. Когда-нибудь он стал бы достойным членом нашего парламента. Политиком.

Вихрь первых впечатлений пронесся в голове Малоуна. Его гостю было шестьдесят с лишним лет. Явно из высокопоставленной семьи, в нем чувствовались одновременно лоск и умение повелевать. Изящные манеры поведения резко контрастировали с искаленным телом — его позвоночник был скрючен как вопросительный знак. Суровое морщинистое лицо, худые ноги, напоминавшие птичьи лапы, на руках — пигментные пятна и выступающие вены. Волосы были цвета олова, густые и жесткие, брови — тускло-серебряные пучки растительности, придававшие старику озабоченный вид. Но серо-голубые пронизательные глаза не скрывали обуревавших его чувств.

— Я пришел увидеть человека, который застрелил убийцу моего сына, — заявил датчанин.

— Зачем?

— Чтобы поблагодарить вас.

— Вы могли бы позвонить.

— Я предпочитаю видеть того, с кем разговариваю.

— Извините, но сейчас я хотел бы побыть один.

— Я понимаю, вас чуть не убили.

Малоун пожал плечами.

— Вы собираетесь оставить работу. Уйти в отставку. Покинуть вооруженные силы.

— Вы чертовски много знаете.

— Знание — это самая большая роскошь.

Слова Торвальдсена не произвели на него впечатления.

— Спасибо на добром слове, но меня здорово беспокоит дырка в плече. Так что, раз вы высказали мне вашу благодарность, не могли бы вы уйти?

Торвальдсен, сидевший на диване, не шелохнулся. Он внимательно рассматривал убранство комнаты и другие помещения, видимые через арку. Квартира производила впечатление книжного склада — все стены были заставлены разнообразными томами.

— Я тоже люблю книги, — сказал гость. — Собираю их всю жизнь.

Малоун чувствовал, что этот человек что-то задумал. Открывая дверь, он заметил, что его гость прибыл на лимузине. К тому же его занимал один вопрос:

— Откуда вам известно, что я говорю по-датски?

— Вы говорите на нескольких языках. Мне очень приятно, что одним из них является мой родной язык.

Это не ответ, но на что он рассчитывал?

— Ваша эйдетическая память — должно быть, это благословение свыше. Я с годами стал забывчив. Мало что помню.

В этом Малоун очень сомневался.

— Что вам нужно?

— Вы уже решили, чем собираетесь заняться после отставки?

— Я подумываю открыть книжный магазинчик. У меня есть кое-что на продажу.

— Отличная идея. У меня есть книжный магазин, который я хочу продать, — объявил Торвальдсен.

Малоун помолчал. Что за ерунда! Но что-то в глазах старика подсказывало ему, что посетитель не шутит.

Сухая старческая рука покопалась в кармане пиджака, и Торвальдсен положил на диван визитную карточку.

— Здесь мой телефон. Позвоните, если заинтересуетесь моим предложением.

Старик поднялся.

Малоун остался сидеть.

— Почему вы думаете, что меня это может заинтересовать?

— Сами увидите, мистер Малоун.

Его возмутила уверенность Торвальдсена, особенно потому, что старик был прав. Старый датчанин зашаркал к двери.

— Где находится ваш магазин? — спросил Коттон, в глубине души ругая себя за то, что проявил интерес.

— В Копенгагене, где же еще?

* * *

Малоун помнил, что вытерпел три дня, прежде чем позвонить. Мысль о жизни в Европе всегда казалась ему привлекательной. Интересно, Торвальдсен тоже об этом знает? Но Малоун никогда не думал о том, чтобы так круто изменить жизнь. Он был государственным служащим. Чувствовал себя стопроцентным американцем. Но это было до Мехико. До того, как он стал свидетелем той кровавой бойни.

Малоун вспомнил отчужденное лицо своей жены на следующий день после того, как он позвонил в Копенгаген.

* * *

— Я согласна. Мы долго жили порознь, Коттон, нам пора развестись.

Она произнесла это тоном судебного юриста — это и была ее профессия.

— У тебя есть кто-то другой? — спросил он безразлично.

— Есть, но дело не в этом. Черт возьми, Коттон, мы пять лет живем врозь. Я уверена, ты тоже не был монахом все эти годы.

— Ты права. Пришло время для развода.

— Ты на самом деле собираешься уйти со службы?

— Уже.

Она покачала головой с таким же видом, с каким давала советы их сыну Гарри:

— Ты когда-нибудь уgomонишься? Флот, потом летная школа, юридический факультет, военно-юридическое управление, Billet. Теперь эта неожиданная отставка... Что дальше?

Малоун терпеть не мог ее снисходительного тона.

— Я переезжаю в Данию.

Она осталась невозмутимой. С тем же успехом он мог сказать, что переезжает на Луну.

— Чего ты ищешь?

— Я устал от того, что в меня стреляют.

— С каких это пор?

— Пришло время повзрослеть.

Она улыбнулась:

— И ты думаешь, что переезд в Данию поспособствует этому чуду?

Малоун не собирался объяснять свои мотивы. Ей было все равно, да он и не хотел, чтобы ее волновали его дела.

— Мне надо поговорить с Гарри.

— Зачем?

— Я хочу знать, как он к этому отнесется.

— С каких пор тебя волнуют наши чувства?

— Он — причина того, что я решил выйти из игры. Я хочу, чтобы у него был целый и невредимый отец...

— Это чушь собачья, Коттон. Ты ушел ради себя самого. Не надо использовать ребенка в качестве оправдания. Что бы ты ни планировал, ты делаешь это исключительно для себя.

— Не надо объяснять мне мои мысли.

— А что надо? Мы были женаты долгое время. Ты думаешь, это было легко — ждать, когда ты вернешься неизвестно откуда? И надеяться, что ты вернешься не в гробу? Я заплатила высокую цену, Коттон. И Гарри тоже. Но он любит тебя. Нет, он тебя слепо обожает. Мы оба знаем, что он скажет, тем более что он разумнее, чем мы с тобой, вместе взятые. Несмотря на наши с тобой неудачи, он — наша гордость.

Она опять была права.

— Послушай, Коттон. Почему ты переезжаешь за океан — это твое дело. Раз уж это сделает тебя счастливым, давай. Только не используй Гарри как предлог. Последнее, в чем он нуждается, это закомплексованный отец, пытающийся компенсировать ему печальное детство.

— Тебе нравится оскорблять меня?

— Нет. Но я должна была сказать тебе правду, и ты это знаешь.

* * *

Малоун разглядывал свой затемненный магазинчик. Мысли о Пэм никогда не приносили ему удовольствия. Ее враждебность по отношению к нему была давней и уходила корнями в то время пятнадцать лет назад, когда он был бравым лейтенантом. Он не хранил ей верность, и она это знала. Они сходили к психологу и решили попытаться сохранить брак. Но десять лет спустя он вернулся с очередного задания и обнаружил, что она ушла. Она сняла для себя и Гарри дом на противоположном конце Атланты, забрав только самые необходимые вещи. Оставила ему записку с их новым адресом и словами, что их брак исчерпал себя. Категоричную и холодную, как сама Пэм. Как ни странно, она не потребовала немедленного развода. С тех пор они жили врозь, вели себя цивилизованно и общались только тогда, когда дело касалось Гарри.

Но в конце концов пришло время для действий — с обеих сторон.

Малоун ушел в отставку, развелся, продал дом и уехал из Америки — и все это за одну долгую, тяжелую, одинокую, изматывающую, но тем не менее принесшую ему удовлетворение неделю.

Он посмотрел на часы. Надо написать письмо Гарри по электронной почте. Они общались каждый день, и сейчас в Атланте был еще вечер. Через три недели сын прилетит к нему в Копенгаген на месяц. Он приезжал прошлым летом, и теперь Малоун с нетерпением ждал следующего приезда Гарри.

Его все еще тревожила перепалка со Стефани. Он и раньше наблюдал подобную наивность у некоторых агентов, которые осознавали риск, но при этом игнорировали его. Как она ему всегда говорила?

Говори, делай, поучай, но никогда, никогда не будь слишком самоуверен.

Хороший совет. Она понятия не имеет, во что ввязалась. А он? Знание женской психологии никогда не являлось его сильной стороной. Хотя он полжизни прожил с Пэм, но никогда не пытался узнать ее лучше. Может ли он понять Стефани? Ему не стоит лезть в ее дела. В конце концов, это ее жизнь.

Но что-то его тревожило.

Малоуну было двенадцать лет, когда он осознал, что обладает эйдетической памятью. Не фотографической, как писали в книгах и показывали в кино, — просто отличная память

на детали, которые большинство людей забывали или не обращали на них внимания. Это, конечно, помогало ему в учебе и языки давались легко, но временами бесплодные попытки вычленить необходимую деталь из ряда многих, засевших в памяти, страшно раздражали его.

Как сейчас...

ГЛАВА X

Раймон де Рокфор осторожно открыл замок на двери и вошел в книжную лавку. Двое его людей следовали за ним. Двое других остались снаружи наблюдать за улицей.

Они прокрались вдоль неосвещенных полок в заднюю часть заставленного книжными шкафами помещения и стали подниматься по узкой лестнице. Ни один звук не выдавал их присутствия. На верхнем этаже де Рокфор вошел через открытую дверь в залитую светом квартиру. Петер Хансен удобно устроился в кресле и читал, на столике рядом с ним стояло пиво, в пепельнице дымилась сигарета.

На лице торговца книгами отразилось удивление.

— Что вы здесь делаете? — спросил он по-французски.

— У нас была договоренность.

Дилер вскочил на ноги:

— Мы проиграли торги. Что я мог сделать?

— Вы сказали мне, что проблем не будет.

Помощники де Рокфора переместились в противоположный конец комнаты, к окнам, сам он остался в дверях.

— Эту книгу продали за пятьдесят тысяч крон. Невероятная цена, — сказал Хансен.

— Кто обошел вас на торгах?

— Аукцион не дает такой информации.

Де Рокфор удивился, неужели Хансен считает его глупцом?

— Я заплатил вам за то, чтобы вы обеспечили победу Стефани Нелл.

— И я сделал все, что мог! Но никто не предупредил меня, что книга может стоить таких денег. Я предлагал ей продолжить торги, но она отказалась. Вы были готовы заплатить больше пятидесяти тысяч?

— Я был готов заплатить столько, сколько нужно.

— Но вас там не было, а она была настроена не так решительно. — Хансен расслабился, его первоначальное удивление сменилось самоуверенностью, и де Рокфор с трудом заставлял себя сохранять невозмутимость. — Кстати, что делает эту книгу такой ценной?

Де Рокфор осмотрел тесную комнату, пропахшую алкоголем и табаком. Повсюду были разбросаны книги, журналы, газеты. Как можно жить в таком беспорядке?

— Это вы должны мне сказать.

— Понятия не имею, — пожал плечами Хансен. — Она так и не сказала, что в ней такое.

Терпение де Рокфора истощалось.

— Я знаю, кто выиграл торги.

— Откуда?

— Как вы и сами знаете, завсегда и аукционеры — люди сговорчивые. Миссис Нелл связалась с вами, чтобы вы представляли ее интересы. Я вышел на вас, чтобы вы обеспечили миссис Нелл победу на торгах, а я снял копию перед тем, как вы отдали бы ей книгу. После этого вы наняли собственного агента.

Хансен улыбнулся:

— Вам потребовалось много времени, чтобы вычислить это.

— На самом деле мне потребовалось несколько минут, после того как я узнал, что миссис Нелл упустила книгу. — Де Рокфор уже понял, куда клонит торговец.

— Поскольку книга сейчас у меня, а Стефани Нелл вне игры, сколько вы мне заплатите за то, чтобы получить этот томик в единоличное пользование?

— Нисколько.

Он сделал движение рукой, и его помощники подхватили Хансена под руки. Де Рокфор ударил его кулаком в живот. У Хансена перехватило дыхание, он чуть не упал, но помощники удержали его.

— Я хотел, чтобы книга осталась у Стефани, после того как я сниму копию, — сказал де Рокфор. — Я платил тебе за это. Только за это. Раньше ты был для меня полезен. Теперь нет.

— Книга... у... меня...

Де Рокфор пожал плечами:

— Ложь. Я знаю, где книга.

Хансен покачал головой:

— Вы ее... не получите...

— Ты ошибаешься. Это будет очень просто.

Малоун щелкнул выключателем, и над историческим отделом зажглась лампа дневного света. На черных лакированных полках теснились книги самой разной формы, размера и цвета. И он припомнил, что среди них есть один любопытный томик... Он купил его несколько недель назад вместе с несколькими другими книгами середины XIX века у итальянца, считавшего, что его товар стоит намного больше, чем Малоун настроен заплатить. Многие продавцы не понимали, что цена определялась интересом покупателя, редкостью и необычностью товара. Возраст книги далеко не всегда важен, поскольку в прежние времена, как и в XXI веке, печаталось много всякого хлама.

Малоун знал, что часть книг итальянца уже продана, но надеялся, что эта еще осталась. Кажется, он не относил ее в магазин, хотя это мог сделать кто-нибудь из его сотрудников. Но к счастью, книга обнаружилась на второй полке снизу, именно там, куда он ее поставил.

Тканый переплет, некогда темно-зеленый, а теперь сильно выцветший, не успел покрыться слоем пыли. Страницы были тонкими, с золотым обрезом, и изобиловали гравюрами. Название еле читалось, поскольку золотые буквы пострадали от времени.

«Рыцари Храма Соломона».

Дата издания — 1922 год. Малоун заинтересовался этой книгой, поскольку читал о тамплиерах очень мало. Он знал, что они не являлись ни монахами, ни церковными воинами, скорее что-то вроде особых войск. В его примитивном представлении тамплиер был человеком в белом плаще, украшенном красным крестом. Стереотип, навеянный Голливудом. Он вспомнил, как его очаровал этот томик при первом просмотре.

Он прошел с книгой к одному из кресел, разбросанных по всему магазинчику и предназначенных для покупателей, удобно устроился и начал читать. Постепенно в его голове вырисовывалась картина.

«К году 1118-му от Рождества Христова христиане вернули себе контроль над Святой землей. Первый крестовый поход был весьма успешным. И хотя мусульмане потерпели поражение, тамплиеры ограничили свою деятельность Акрой, укрепленной цитаделью на берегу Средиземного моря. На протяжении следующей сотни лет они постепенно утрачивали свои позиции в Святой земле, но процветали в Европе, где основали обширную сеть церквей, аббатств и командорств. Когда в 1291 году Акра пала, орден одновременно утратил свою последнюю базу в Святой земле и смысл существования.

Упрямая приверженность к таинственности, которая с самого начала поставила орден особняком, постоянно вызывала досужие сплетни и клевету. В 1307 году Филипп IV, король Франции, которому не давали покоя богатства тамплиеров, арестовал многих братьев. Другие монархи последовали его примеру. Потянулись семь лет преследований и судов. В 1312 году Папа Клемент V официально распустил орден. Окончательный удар был нанесен

тамплиерам 18 марта 1314 года, когда последний Великий магистр ордена Жак де Моле был заживо сожжен на костре».

Малоун продолжал читать. Что-то не давало ему покоя, какая-то мысль, мелькнувшая, когда он в первый раз листал книгу и которую никак не мог вспомнить. Переворачивая страницы, он узнал, что к моменту своего падения в 1307 году орден преуспел в мореплавании, управлении недвижимостью, разведении животных, сельском хозяйстве и, самое главное, в финансовых делах. В то время как Церковь запрещала научные эксперименты, тамплиеры учились у своих врагов-арабов, чья культура способствовала развитию независимой мысли. Тамплиеры прятали свои богатства в засекреченных хранилищах, разбросанных в разных местах, подобно тому как это делают современные банки. Существовал даже средневековый французский стишок, точно описывавший весьма состоятельных тамплиеров и их внезапное исчезновение:

Магистры и братья Храма,
Владельцы несметных богатств.
Как вы проводите дни?
Те, кто имел абсолютную власть,
Кто всегда покупал, не имея потерь...

История не была благосклонна к ордену, хотя он завоевал воображение поэтов и писателей — рыцари Грааля в «Парсифале» были тамплиерами, равно как и заклятые враги в «Айвенго». Когда Крестовые походы закрепили как проявление европейской агрессии, отношение к тамплиерам также приобрело негативную окраску.

Малоун продолжал просматривать книгу, пока наконец не нашел нужный абзац. Память никогда не подводила его. Речь шла о том, что на поле боя тамплиеры всегда имели при себе знамя, состоявшее из двух частей — одна черная, символизирующая грехи, которые братья-рыцари оставляли позади, вторая белая, означавшая их новую жизнь в ордене. Надпись на знамени была на французском. В переводе значила: «великодушные, благородство, слава». Это слово также служило военным кличем ордена.

Beauseant.

Будь славен.

Именно это слово выкрикнул Красный Пиджак, прыгая с Круглой башни.

Что происходит?

Хорошие агенты должны быть одновременно любопытны и осторожны. Забудешь какую-нибудь мелочь — и неизбежно прозеваешь опасность. Однажды он сделал такую ошибку, на одном из первых заданий, и его импульсивность стоила жизни нанятому агенту. Это был не последний человек, за смерть которого он чувствовал себя ответственным, но он был первым, и Малоун отлично помнил свой промах.

Стефани в беде. Это очевидно. Она велела ему оставаться в стороне, так что говорить с ней бесполезно. Но может быть, Петер Хансен окажется более сговорчивым.

Он глянул на часы. Поздно, но Хансен «сова», так что, скорее всего, не спит. А если и спит, он его разбудит.

Малоун отложил книгу и пошел к двери.

ГЛАВА XI

— Где дневник Ларса Нелла? — спросил де Рокфор.

Петер Хансен, удерживаемый его помощниками, молча смотрел на него. Де Рокфор знал, что когда-то Хансен был тесно связан с Ларсом Неллом. Когда ему доложили, что Стефани Нелл направляется в Данию на аукцион в Роскиле, он предположил, что она свяжется с Петером Хансеном. Поэтому предпочел первым встретиться с книготорговцем.

— Стефани Нелл упоминала дневник своего мужа?

Хансен покачал головой:

— Нет. Ни разу.

— Когда Ларе Нелл был жив, он говорил, что ведет дневник?

— Никогда.

— Вы понимаете, в какой ситуации оказались? Вы не сделали то, что мне было нужно, и вы обманули меня.

— Я знаю, что Ларе вел скрупулезные заметки. — В голосе Хансена прозвучало смирение.

— Расскажите подробнее.

Казалось, Хансен опять обрел решительность.

— Пусть меня сначала освободят.

Де Рокфор решил позволить глупцу насладиться маленькой победой. Он кивнул, и Хансена отпустили. Тот схватил кружку с пивом, сделал большой глоток, потом поставил кружку обратно на стол.

— Ларс написал много книг о Ренн-ле-Шато. Вся эта чепуха об украденных пергаментях, скрытых знаках и загадках способствовала продажам. — К Хансену вернулось самообладание. — Он намекал на каждое сокровище, которое только мог вообразить. Золото вестготов. Богатства тамплиеров. Трофеи катаров. «Возьми нить и сотки ковер», — так он говорил.

О Ренн-ле-Шато, крошечной деревушке на юге Франции, существовавшей со времен Римской империи, де Рокфор знал все. Во второй половине XIX века один священник потратил целое состояние, чтобы восстановить местную церковь. Десятилетия спустя ползли слухи, что он оплатил реконструкцию благодаря найденному им несметному сокровищу. Ларс Нелл узнал об этом любопытном месте тридцать лет назад и написал о нем книгу, ставшую международным бестселлером.

— Скажите мне, что было написано в этом дневнике, — произнес де Рокфор. — Информация, не соответствовавшая той, которую Ларс опубликовал в книге?

— Я сказал вам, что ничего не знаю о дневнике. — Хансен сделал еще глоток пива. — Но, зная Ларса, я сомневаюсь, что он рассказал в книге все, о чем знал.

— И что же он скрыл?

На губах датчанина появилась хитрая улыбка.

— Как будто вы не знаете. Но уверяю вас, я понятия не имею об этом. Я знаю только то, что прочитал в книгах Ларса.

— На вашем месте я бы не стал притворяться.

Хансен хранил невозмутимость.

— Ну так скажите мне, что такого в этой книге, за которой вы гоняетесь? Она даже не о Ренн-ле-Шато.

— Это ключ ко всему.

— Как может какая-то книжонка столетней давности быть ключом к чему бы то ни было?

— Много раз самые простые вещи оказывались самыми важными.

Хансен потянулся за сигаретой и закурил.

— Ларс был странным человеком. Я никогда не мог понять его до конца. Эта деревушка и все, что с ней связано, стали его наваждением. Он был так зачарован этим местом, что даже купил там дом. Я был там однажды. Ужас.

— Ларс не говорил, он что-нибудь нашел там?

Хансен подозрительно посмотрел на де Рокфора:

— Например?

— Не упрямитесь. Сегодня у меня нет настроения терпеть ваши штучки.

— Вы что-то знаете, иначе бы не пришли сюда.

Хансен нагнулся к пепельнице, делая вид, что стряхивает пепел, и потянулся к

открытому ящику стола. В его руке сверкнул пистолет. Но один из людей де Рокфора выбил оружие из руки книготорговца.

— Это было глупо, — произнес де Рокфор.

— Черт бы вас побрал. — Хансен сплюнул, растирая ушибленную руку.

Рация, прикрепленная к запястью де Рокфора, захрипела, и раздался голос:

— Сюда идет человек... Это Малоун. Направляется прямо в магазин.

Этого можно было ожидать. Видимо, сейчас пришло время дать понять Малоуну, что это не его собачье дело. Де Рокфор многозначительно посмотрел на своих людей. Они придвинулись вплотную к Хансену и опять схватили его под руки.

— У всякого обмана есть цена, — промолвил де Рокфор.

— Кто вы такие, черт возьми?

— Мы те, с кем тебе не стоило играть. — И де Рокфор осенил его крестом. — Да пребудет с тобой Бог.

Малоун заметил свет на третьем этаже книжного магазина Хансена. Улица перед входом была пуста. На темной мостовой припаркованы несколько машин, которые разъедутся утром, когда уличные торговцы опять оккупируют эту пешеходную часть Строгета.

Что сказала Стефани сегодня, когда была в этом магазине? «Мой муж отзывался о вас как о человеке, способном разыскать то, что не найдет никто другой». Значит, Хансен был связан с Ларсом Неллом...

Малоун никогда не видел Ларса Нелла. Тот умер год спустя после того, как Малоун пришел в Magellan Billet и они со Стефани только учились ладить друг с другом. Но Коттон читал все книги Нелла, которые были смесью исторических фактов, гипотез и невероятных совпадений. Ларс был специалистом по теории заговоров, он полагал, что часть Южной Франции, именуемая Лангедоком, таит в себе фантастические сокровища. Ведь эта местность долгое время была землей трубадуров, замков и истоком Крестовых походов, здесь зародилась легенда о Святом Граале. К сожалению, в работах Ларса Нелла не было реальной научной подоплеки. Его гипотеза вдохновила многих современных писателей и кинорежиссеров, которые предлагали свои теории — упоминались и инопланетяне, и римские трофеи, затрагивались скрытые тайны христианства. Само собой, ничего не было доказано или обнаружено. Но Малоун был уверен, что индустрия французского туризма просто в восторге от этих предположений.

Книга, которую Стефани пыталась купить на аукционе в Роскильде, называлась «*Pierres Gravées du Languedoc*» («Надписи на камнях Лангедока»). Странное название и еще более странная тема. Малоун знал, что работы мужа никогда не производили особого впечатления на Стефани. Разногласия по этому поводу были главной проблемой их супружеской жизни и в итоге привели к раздельному проживанию — Ларс обосновался во Франции, а Стефани осталась в Америке. Что же она делала в Дании спустя одиннадцать лет после его смерти? И почему ей любой ценой пытались помешать?

Малоун пытался привести в порядок свои мысли. Он знал, что Петер Хансен не обрадуется его визиту, поэтому велел себе быть осторожным в выражениях. Ему надо уболтать этого идиота и узнать все, что можно. Он даже был готов заплатить, если надо.

Из окна последнего этажа дома Хансена что-то вылетело.

Малоун в оцепенении проследил за полетом тела: сначала вниз головой, потом сгибаясь в воздухе и наконец удар о капот припаркованного автомобиля.

Он подбежал ближе и узнал Петера Хансена. Пощупал пульс — слабый.

Удивительно, но Хансен открыл глаза.

— Вы слышите меня? — спросил Малоун.

Ответа не последовало.

Рядом с головой Малоуна что-то прожужжало, и тело Хансена подпрыгнуло вверх. Еще свист, и череп полутрупа треснул, заляпав кровью и мозгами пиджак Малоуна.

Он обернулся.

В разбитом окне на третьем этаже дома стоял человек с пистолетом. Тот самый мужчина в кожаном пиджаке, который начал стрельбу в соборе, — тот самый, что угрожал Стефани. Пока стрелок перезаряжал оружие, Малоун спрятался за машиной.

Сверху посыпались пули.

Звуки выстрелов были приглушенными, похожими на хлопки. Оружие с глушителем. Очередная пуля щелкнула по капоту рядом с телом Хансена. Следующая разбила лобовое стекло.

Малоун пригнулся еще ниже и начал пробираться вниз по улице, пользуясь припаркованными автомобилями как прикрытием.

Пули не прекращали с хлопками сыпаться вокруг него, пытаясь достать его сквозь металл и стекло.

Преодолев двадцать ярдов, он оглянулся. Человек в окне исчез. Малоун вскочил на ноги и побежал за ближайший угол. Потом свернул за другой, пытаясь использовать лабиринт запутанных улочек, чтобы создать преграду между собой и преследователями. В висках стучала кровь. Сердце колотилось как сумасшедшее. Черт! Он снова в игре.

На секунду Коттон остановился, переводя дыхание. Топот сзади приближался. Интересно, знают ли они Строгет? Похоже, да. Еще один угол, снова затемненные магазины окружили его. Внутри у него нарастало напряжение. Возможности отступления стремительно сокращались. На его пути была просторная площадь с фонтаном в центре, одна из многих в этом районе. Все кафе, окружавшие ее по периметру, уже закрылись на ночь. На улице ни души. Мест, где можно спрятаться, почти нет. Впереди появилась церковь. Сквозь мозаичные стекла пробивался свет. Летом церкви Копенгагена были открыты до полуночи. Ему нужно было укрытие, хотя бы ненадолго. Малоун взбежал наверх по мраморным ступеням.

Открыто.

Он толкнул тяжелую дверь, потом осторожно прикрыл ее за собой, надеясь, что преследователи не заметили маневра.

Пустая церковь слабо освещалась разбросанными по всему помещению светильниками. Впечатляющих размеров алтарь и скульптурные статуи отбрасывали колеблющиеся тени в угрюмом сумраке. Малоун осмотрел алтарь и заметил под ним ступеньки и бледный свет. Направился туда, спустился. Тревога сжимала его сердце ледяным холодом.

Железная калитка под главным алтарем вела в просторное помещение с тремя нефами и низким сводчатым потолком. В центре стояли два каменных саркофага, увенчанные громоздкими плитами из покрытого гравировкой гранита. Тьму разрезал только неуверенный луч янтарного света, испускаемый светильничком у маленького алтаря. Малоун подумал, что тут можно укрыться на некоторое время. Домой возвращаться нельзя. Наверняка эти знают, где он живет. Он заставил себя успокоиться, но ненадолго — наверху открылась дверь в церковь. Его взгляд уперся в потолок склепа, который был меньше чем в трех футах над головой.

Над ним зашумели шаги. Судя по звукам — двое.

Он вжался глубже в тень. Накатила знакомая паника. Ему нужно что-то, чем можно защищаться, и он стал ощупывать темноту вокруг себя. В апсиде Малоун наткнулся на железный канделябр пяти футов в высоту, в центре которого была одна восковая свеча около четырех дюймов в диаметре. Он вытащил свечу и ощупал металлический ствол. Тяжелый. Взяв импровизированное оружие в руку, он на цыпочках прокрался к выходу из склепа и занял позицию за колонной.

По лестнице, ведущей в склеп, начал кто-то спускаться.

Малоун напряженно всматривался в темноту, адреналин в крови, как это всегда было раньше, очистил его разум.

У основания ступенек появился силуэт мужчины. В руке он держал заметный даже в темноте пистолет с навинченным на ствол глушителем. Малоун крепче сжал канделябр и

поднял его. Мужчина приближался. Мускулы Малоуна напряглись. Он сосчитал про себя до пяти, стиснул зубы, потом размахнулся канделябром и впечатал его прямо в грудь врага, отбросив его на одну из гробниц. Потом отшвырнул импровизированное оружие и двинул противника кулаком в челюсть. Пистолет вылетел у того из рук и закувыркался по полу.

Первый из нападавших обмяк.

Малоун ощупал пол в поисках пистолета и, найдя оружие, крепко сжал его в руке. И тут снова слышались шаги.

Второй противник начал стрелять. Пули вонзились в камень, и с потолка посыпалась крошка. Малоун нырнул за ближайшую колонну и выстрелил в ответ, пуля прошла темноту и рикошетом отскочила от дальней стены. Второй нападавший остановился, занимая позицию за дальней гробницей.

Коттон был в ловушке!

Между ним и единственным выходом наружу находился вооруженный человек. Первый нападавший начал приходить в себя и попытался подняться, постанывая от боли. Хотя у Малоуна и было оружие, его положение оставляло желать лучшего.

Он приготовился.

Человек, поднимавшийся с пола, внезапно опять упал. Следом за ним рухнул второй.

Прошло несколько секунд.

Тишина.

Затем наверху раздались шаги. Дверь церкви открылась и снова закрылась. Малоун не шевелился, хотя тишина его нервировала. Его взгляд рыскал по комнате. Ни одного движения...

Он решил рискнуть и на цыпочках пошел вперед.

Первый нападавший лежал ничком на полу. Второй также был неподвижен. Он проверил пульс у обоих врагов. Бьется, но слабо. Потом Малоун заметил что-то в шее одного из них. Он нагнулся поближе и извлек маленький дротик, размером с полудюймовую иголку.

Его спаситель владел весьма утонченным оружием.

Двое мужчин лежали на полу — те самые, которые пытались задержать его после аукциона. Но кто их обезвредил? Он опять наклонился над ними, забрал второй пистолет и обыскал тела. Ничего, что помогло бы опознать их. У одного под пиджаком была рация. Малоун взял ее вместе с наушником и микрофоном.

— Алло! — сказал он в микрофон.

— Кто это?

— Вы тот человек, который был в соборе? И который убил Петера Хансена?

— Это отчасти верно.

Он понял, что никто не будет откровенничать с ним по открытой связи, но и так все было ясно.

— Ваши люди потерпели поражение.

— Ваших рук дело?

— К сожалению, нет. Кто вы?

— Это не имеет значения.

— Чем вам помешал Петер Хансен?

— Ненавижу тех, кто меня обманывает.

— Ясно. Только что ваших людей застал врасплох неизвестный. Не знаю кто, но он мне нравится.

Ответа не было. Он подождал еще немного и хотел было опять заговорить, и тут рация затрещала.

— Я надеюсь, что вы воспользуетесь своим везением и вернетесь к продаже книг.

Потом раздался щелчок. Его собеседник отключился.

ГЛАВА XII

Сенешаль проснулся. Он незаметно задремал в кресле около ложа. Быстрый взгляд на часы на ночном столике сказал ему, что он спал около часа. Он перевел взгляд на старого магистра и не услышал привычного хриплого дыхания. В лучах слабого света, проникавшего в комнату от фонарей снаружи аббатства, он увидел в глазах старика печать смерти.

Пощупал пульс...

Магистр был мертв.

Мужество оставило сенешаля, он упал на колени и начал молиться о душе ушедшего друга. Рак победил. Битва была проиграна. Но скоро разыграется другая битва — более значимая. Он умолял Бога принять душу старика на небеса. Никто не заслуживал спасения более, чем он. Собственные слабости и душевное одиночество давно привели сенешаля под покровительство магистра, который щедро делился с ним своими знаниями. Сенешаль быстро учился и старался не разочаровывать своего учителя. Ошибки прощаются до тех пор, пока они не повторяются, — так однажды ему сказал магистр.

Многие братья принимали прямогу магистра за высокомерие. Другие возмущались его снисходительностью. Но никто не подвергал сомнению авторитет магистра. Долг каждого брата — повиноваться. Время для вопросов появлялось только тогда, когда выбирали нового Великого магистра.

Именно это произойдет завтра.

В шестьдесят седьмой раз с момента основания ордена, история которого своими корнями уходила в начало двенадцатого века, будет избран новый Великий магистр. Для шестидесяти шести предшественников срок пребывания на посту в среднем составлял восемнадцать лет, а вклад в общее дело колебался от незначительного до ни с чем не соизмеримого. Но каждый служил ордену до самой смерти. Некоторые из них погибли на поле боя, но время открытых столкновений осталось позади. Сегоднешние сражения были более изощренными, а современные арены битв показались бы невероятными прежним отцам-основателям. Суды, Интернет, книги, журналы, газеты — все эти средства орден регулярно использовал и контролировал, обеспечивая сохранность своих секретов и тайну собственного существования. И каждый магистр, даже самый слабый, рассматривал это как наиглавнейшую цель. Но сенешаль опасался, что следующий срок правления окажется решающим для ордена. Назревала гражданская война, которую покойный магистр умудрялся сдерживать благодаря своей сверхъестественной способности угадывать мысли врагов.

В тишине, окутывавшей сенешаля, звук падающей воды казался ближе. Летом братья часто посещали водопад и купались в холодной воде, и сейчас он мечтал об этом, но знал, что в ближайшее время будет лишен подобной роскоши. Он решил не сообщать братьям о смерти магистра до утренней службы, которая будет через пять часов. В былые времена все они собирались сразу после полуночи на заутреню, но с тех пор многие правила изменились. Теперь они подчинялись прагматичному распорядку жизни, признававшему важность сна и более приспособленному к практичному двадцать первому веку, чем к благочестивому тринадцатому.

Он знал, что никто не посмеет войти в апартаменты магистра. Только ему, сенешалю, была дарована эта привилегия. Он потянулся за одеялом и укрыл тело старика с головой.

В уме сенешаля крутились разные мысли, и он боролся с усиливающимся соблазном. Устав требовал дисциплины, и он гордился тем, что никогда умышленно не нарушал правила.

Но сейчас... к нему взывала необходимость. Он думал об этом весь день, глядя на умирающего друга. Если бы смерть призвала магистра, пока в аббатстве еще кипела обычная дневная деятельность, у него не было бы возможности сделать то, что он замыслил. Но в этот час никто не помешает ему, и, учитывая то, что произойдет завтра, это может быть единственный шанс.

Сенешаль наклонился, откинул одеяло, раскрыл лазурную сорочку, обнажив бездыханную грудь магистра. Цепочка была на своем месте, и он потянул золотые звенья через голову.

На цепочке висел серебряный ключ.

— Прости меня, — прошептал он и вернул одеяло на место.

Сенешаль торопливо прошел через комнату к armoire⁶ эпохи Возрождения, испещренному пятнами воска. Внутри находилась бронзовая шкатулка, украшенная серебряным крестом. Только сенешаль знал о ее существовании, и он много раз видел, как магистр открывает ее, хотя ему никогда не позволялось узнать, что там внутри. Он поставил шкатулку на стол, вставил ключ в скважину и еще раз попросил прощения у покойного учителя.

Он искал переплетенную в кожу книгу, принадлежавшую магистру. Сенешаль знал, что она хранится здесь, поскольку был свидетелем того, как учитель спрятал ее сюда, — но когда он откинул крышку, то обнаружил только четки, несколько бумаг и требник. Книги не было.

Его подозрения оправдались.

Он вернул шкатулку на место и покинул опочивальню.

Аббатство представляло собой лабиринт многоэтажных помещений, и в каждом веке достраивалось новое крыло здания. Сейчас здесь нашли приют четыре сотни братьев. Здесь были: неперемнная часовня, просторный монастырский двор, мастерские, кабинеты, спортзал, столовые, место для собраний членов ордена, ризница, трапезная, гостиные, лазарет и впечатляющих размеров библиотека. Опочивальня магистра располагалась в той части здания, которая была построена в XVI веке, и выходила на отвесный скалистый обрыв над узкой горной долиной. Места обитания остальных братьев располагались поблизости. Сенешаль миновал арочный проход, ведущий в общие спальни, где постоянно горели огни, поскольку устав запрещал, чтобы в помещениях была полная темнота. Сенешаль не заметил ни малейшего движения или звука, кроме слышимых время от времени похрапываний. В прежние времена здесь стоял стражник, и он подумал, что, может быть, в ближайшее время придется возродить этот обычай.

Он скользнул по широкому проходу, следуя по узкой ковровой дорожке, покрывавшей грубые плиты. На стенах и вдоль них помещались картины, скульптуры и памятники, напоминавшие о прошлом аббатства. В отличие от других пиренейских монастырей, пострадавших от мародеров во времена Французской революции, здесь сохранились произведения искусства.

Сенешаль добрался до главной лестницы и спустился на первый этаж. Прошел по сводчатому коридору мимо помещений, где посетителей обучали монастырским правилам. Здесь бывало мало гостей, ежегодно всего несколько тысяч, и доход, приносимый ими, составлял каплю в море по сравнению с годовыми расходами ордена, но тем не менее из-за них приходилось принимать меры предосторожности, чтобы сохранить тайну.

Выход, который был ему нужен, располагался в конце одного из коридоров на первом этаже. Железная дверь, покрытая вязью средневековых надписей, по обыкновению, была открыта.

Сенешаль вошел в библиотеку.

Редкие собрания и коллекции могли похвастать тем, что их никто никогда не тревожил, а эти бесчисленные тома, окружавшие его, оставались нетронутыми семь веков. Начавшись с нескольких книг, это собрание росло благодаря подаркам, покупкам, завещаниями — во времена начала — благодаря усилиям писцов, трудившихся день и ночь. Тематика книг была различной, но с уклоном в теологию, философию, логику, историю, право, науки и музыку. Над главной дверью было выбито его любимое изречение на латыни:

Clastrum sine armario est quasi castrum sine armamentario.

⁶ Шкаф (фр.).

Монастырь без библиотеки подобен крепости без оружия.

Он остановился и прислушался.

Никого.

Библиотека не нуждалась в охране, поскольку восемь веков устава не прошли даром для монастырской братии. Ни один брат не осмелился бы вторгнуться сюда без разрешения. Но он не был простым братом. Он был сенешалем, по крайней мере еще в течение одного дня.

Дойдя до черной металлической двери, он остановился. Приложил пластиковую карточку к сканеру, прикрепленному к стене. Такие карточки имелись только у магистра, маршала, хранителя архива и у него. Доступ к книгам, находившимся за этой дверью, контролировал лично магистр. Даже архивариус должен был просить разрешения войти сюда. Здесь хранились ценнейшие тома, древние хартии, важнейшие юридические документы, список братьев и — самое важное — Хроники, в которых излагалась история ордена с момента его основания. Как протоколы фиксировали решения Британского парламента и Конгресса США, так и Хроники скрупулезно описывали успехи и неудачи ордена. Здесь содержались рукописные записи, многие были в ветхих переплетах с бронзовыми застежками и напоминали дорожные сундучки. Но все сведения были скопированы в компьютер — благодаря этому теперь было легко ориентироваться в девятивековой истории ордена.

Сенешаль направился вдоль слабо освещенных полок и нашел кодекс на положенном месте. Этот маленький томик имел площадь в восемь квадратных дюймов и один дюйм в толщину. Он наткнулся на него два года назад. Это была даже не книга, а ее предшественница, первая замена пергаментным свиткам — страницы переплетены деревянными дощечками и обтянуты простой телячьей кожей.

Он бережно открыл первую страницу.

Титульного листа не было, латинскую скоропись обрамляла разукрашенная рамка приглушенно-красного, зеленого и золотого цветов. Это была копия, сделанная в XVI веке одним из писцов аббатства. Большая часть древних рукописных книг не дожила до наших дней, их пергаментные листы были использованы в лучшем случае на переплеты других книг, а то и просто в хозяйственных целях — накрывать кувшины или разжигать огонь. Слава богу, этот уцелел. Информация, которая в нем содержалась, была бесценной. Он никогда никому не говорил, что обнаружил в этом томике, даже магистру. Ему может понадобиться эта информация. И сейчас была самая удобная возможность, поэтому сенешаль спрятал книгу в складках своей сутаны.

Он прошел дальше вдоль этого ряда и нашел еще одну книгу, тоже рукописную, но относящуюся ко второй половине девятнадцатого века. Это была не книга, написанная для читателей, а личный дневник. Это тоже может ему понадобиться, поэтому сенешаль взял и ее.

Потом он покинул библиотеку, зная, что компьютер, контролировавший дверь, отметил время его визита. Магнитные полоски, находившиеся в каждой книге, укажут, что они были изъяты из хранилища. Поскольку отсюда не было другого выхода, кроме как через дверь с ее электронными сенсорами, а удаление магнитных полосок могло повредить книге, у него не оставалось выбора. Он мог только надеяться, что в предстоящей суматохе никому в голову не придет проверять компьютерные записи.

Устав ясно гласил — воровство имущества ордена карается изгнанием.

Но сенешаль решил рискнуть.

ГЛАВА XIII

Дания, Копенгаген 23.50

Малоун решил не рисковать и покинул церковь через заднюю дверь, расположенную за ризницей. Сейчас он должен был найти Стефани, черт бы побрал ее грубость. Очевидно, что

у человека, который убил Петера Хансена, тоже возникли проблемы. Кто-то вывел из игры двух его помощников. Малоун понятия не имел, кто это сделал и почему, но был благодарен таинственному незнакомцу, так как побег из этого склепа мог оказаться затруднительным. Он опять выругал себя за то, что ввязался в это дело, но было уже слишком поздно. Он был в игре — нравилось ему это или нет.

Малоун прошел окольным путем через Строгет, направляясь в сторону Конгенс Нюторв, типичной городской площади, окруженной величественными зданиями. Его чувства обострились, и он внимательно оглядывал окрестности, но никто его не преследовал. В этот поздний час площадь была почти пустой. В расположенной прямо за восточной стороной площади гавани Ньюхавн, вытянувшейся вдоль побережья, играла веселая музыка, развлекая людей, ужинающих в открытых ресторанчиках.

Коттон поспешил вниз по прогулочной дорожке к отелю «Англетер». Залитое ярким светом семиэтажное здание выходило на море и занимало целый квартал. Это элегантное строение было построено в восемнадцатом веке, и в его номерах гостили короли, императоры и президенты.

Он вошел в холл и подошел к стойке портье. Из главной гостиной доносилась нежная мелодия. Несколько полуночников еще развлекались. На мраморном прилавке в ряд выстроились внутренние телефоны. Малоун снял трубку одного из них и позвонил в номер Стефани Нелл. Он прослушал три гудка, перед тем как ему ответили.

— Проснись, — сказал он вместо приветствия.

— Коттон, ты меня плохо понял? — В ее голосе слышались те же высокомерные интонации, что в Роскиле.

— Петер Хансен мертв.

Она помолчала, потом произнесла:

— Я в номере шестьсот десять.

Малоун вошел в номер. Стефани была в голубом халате с монограммой отеля. Он рассказал ей обо всем, что произошло. Она молча слушала его, как в прежние времена. Но он уловил смятение на утомленном лице, и это свидетельствовало о том, что она изменит свое решение.

— Ты наконец позволишь мне помочь тебе? — спросил он.

Он давно заметил, что ее глаза меняли цвет в зависимости от настроения. Чем-то она напоминала ему мать, хотя Стефани была старше его лет на двенадцать или около того. Вспыльчивость, продемонстрированная ею сегодня, — реакция для нее типичная. Она не любила совершать ошибки и терпеть не могла, когда ей на них указывали.

Талант Стефани заключался не в сборе информации, а в умении анализировать и оценивать — она была прекрасным организатором, способным плести заговоры с коварством леопарда. Малоун много раз был свидетелем того, как она без колебаний принимала серьезные решения — и генеральные прокуроры, и президенты полагались на ее аналитический ум. Поэтому его удивляло странное поведение Стефани, противоречащее ее всегдашнему здравому смыслу.

— Я навела их на Хансена, — пробормотала она. — Там, в соборе, я не возразила этому типу, когда он предположил, что записки Ларса могут быть у Хансена. — И она пересказала Малоуну разговор с Бернаром.

— Каков он из себя? — спросил Малоун и, выслушав ее, добавил: — Это тот самый человек, который начал перестрелку, а потом убил Хансена.

— Парень, который прыгнул с Круглой башни, работал на него. Он хотел украсть мою сумку, в которой был дневник Ларса.

— А кто знал, что ты поедешь на аукцион?

— Только Хансен. На работе знают только то, что я в отпуске.

— Откуда ты узнала про аукцион?

— Три недели назад мне пришла посылка из Авиньона. Внутри был дневник Ларса и

записка. — Она помолчала. — Я не видела этот дневник много лет.

Малоун знал, что это запретная тема. Ларс Нелл покончил с собой одиннадцать лет назад, повесившись под мостом где-то на юге Франции. В его кармане нашли записку со словами: «Прощай, Стефани». Со стороны профессора, написавшего множество книг, такое примитивное прощание было чуть ли не оскорблением. Несмотря на то что к этому моменту они с мужем жили раздельно, Стефани тяжело перенесла утрату, и Малоун помнил, какими трудными были для нее последующие месяцы. Они никогда не говорили о смерти Ларса, и даже упоминание об этом было для Стефани необычным делом.

— Что за дневник? — спросил он.

— Ларе был очарован секретами Ренн-ле-Шато...

— Я знаю. Я читал его книги.

— Ты мне никогда не говорил.

— Ты никогда не спрашивала.

Стефани, видимо, почувствовала его раздражение. После того, что случилось, у них нет времени на пустую болтовню.

— Ларс выдвинул невероятную гипотезу о том, что могло быть спрятано в Ренн-ле-Шато и его окрестностях, — продолжила она. — Но многие свои мысли он доверил только дневнику, который всегда носил с собой. После того как он умер, я думала, что дневник достался Марку.

Это была еще одна больная тема. Марк Нелл был историком, специалистом по Средневековью. Окончил Оксфорд и преподавал в Тулузском университете, на юге Франции. Пять лет назад он пропал в Пиренеях. Угодил под лавину. Тело так и не нашли. Малоун знал, что трагедия для Стефани усиливалась еще и оттого, что они с сыном не были близки. В шкафу семьи Неллов было много скелетов, и ни один из них его не касался.

— Этот чертов дневник для меня как призрак прошлого, — сказала она. — В записке было написано об аукционе и о том, что там будет выставлена на продажу эта книга. Я припомнила, что Ларс говорил о ней и писал в дневнике, поэтому решила купить ее.

— И ты не почуяла неладное?

— С чего бы это? Мой муж не имел никакого отношения к моей работе. Смыслом его жизни была безобидная охота за сокровищами, которых не существует. Откуда мне было знать, что это дело заинтересует кого-то настолько, что речь пойдет об убийствах?

— Достаточно того, что этот парень спрыгнул с башни. Тебе следовало сразу прийти ко мне.

— Я должна сделать это сама.

— Что сделать?

— Не знаю, Коттон.

— Почему эта книга так важна? На аукционе говорили, что она ничего собой не представляет. Устроители были в шоке, когда ее купили за такую сумму.

— Понятия не имею. — В голосе Стефани вновь появилось раздражение. — Правда не знаю. Две недели назад я прочитала дневник Ларса и должна признаться, что была заинтригована. Мне совестно сказать, но я не читала ни одной его книги. И когда я наконец это сделала, мне стало стыдно за то, что я так относилась к его трудам. Одиннадцать лет многое меняют.

— Что ты собиралась делать?

Она покачала головой:

— Я не знаю. Просто купить книгу. Прочитать и посмотреть, что будет дальше. Я подумывала поехать во Францию и провести несколько дней в доме Ларса. Я не была там сто лет.

Она явно пыталась успокоить больную совесть.

— Тебе нужна помощь, Стефани. Ты знаешь, я умею управляться с такими делами.

— Разве тебе не надо управлять своей книжной лавкой?

— Мои сотрудники обойдутся без меня пару дней.

Стефани заколебалась, обдумывая его предложение.

— Ты был моим лучшим агентом. Я до сих пор расстраиваюсь, что ты ушел.

— Я сделал то, что должен был сделать.

Она гневно покачала головой.

— И тебя отнял у меня Хенрик Торвальдсен!

В прошлом году, когда он ушел в отставку и сказал ей, что собирается переехать в Копенгаген, она радовалась за него, пока не узнала, что это было предложение Торвальдсена. По своему обыкновению, она ничего не объяснила ему, а он знал, что спрашивать бесполезно.

— У меня есть для тебя еще кое-какие плохие новости, — сказал Малоун. — Покупатель, который обошел тебя на торгах... это Хенрик.

Стефани бросила на него пренебрежительный взгляд.

— Он сотрудничал с Петером Хансеном, — добавил он.

— С чего ты взял?

Малоун рассказал ей все, что удалось узнать.

— По всей видимости, Хансен пытался сыграть свою игру, и у него не получилось. Вот почему я пришел. Вам с Хенриком стоит поговорить. Но нам надо выйти отсюда незамеченными. За тобой могут следить.

— Подожди меня снаружи, — сказала Стефани. — Сейчас я оденусь.

Он двинулся к дверям:

— Где дневник Ларса?

Она указала на сейф, привинченный к полу.

— Возьми его с собой.

— Думаешь, это умно?

— Тело Хансена скоро обнаружит полиция. И они тут же выйдут на тебя. Нам надо быть наготове, если придется делать ноги.

— Я могу справиться с полицией.

Малоун обернулся:

— Вашингтон вытащил тебя из передраги в Роскиле, потому что они не знали, чем ты тут занимаешься. Я уверен, что сейчас кто-нибудь в департаменте пытается это выяснить. Ты не любишь, когда тебе задают вопросы, однако не сможешь послать генерального прокурора к черту, если он позвонит. Я сам толком не понимаю, во что ты ввязалась, но я точно знаю, что ты не захочешь объясняться на эту тему. Так что лучше собери вещи.

— Я не спущу тебе такого нахальства!

— Ой-ой-ой, без твоей солнцеподобной особы моя жизнь будет скучной и убогой. Можешь ты раз в жизни сделать то, о чем я тебя прошу? Работать «в поле» и так трудно, не надо создавать лишние проблемы.

— Не надо мне об этом напоминать.

— Ладно.

ГЛАВА XIV

23 июня, пятница

1.30

Малоун и Стефани выехали из Копенгагена по шоссе 152. Хотя Малоуну доводилось ездить от Рио-де-Жанейро до Петрополиса и вдоль моря от Неаполя до Амальфи, он считал, что дорога на север к Хельсингору, вдоль скалистого побережья Дании, — без сомнения, одно из красивейших мест на свете. Рыболовецкие деревеньки, буковый лес, летние домики и серебристый спокойный Орезунд — все это вместе образовывало великолепнейший вид.

Погода была обычной для этого времени года. В лобовое стекло стучал косой дождь, дул пронзительный ветер. За одним маленьким прибрежным пансионатом, закрытым на ночь, шоссе свернуло в глубь материка, в обширные леса. Вскоре показалась усадьба. Сквозь

открытую калитку белели два коттеджа. Малоун заехал внутрь по травянистой дорожке и припарковался в мощеном внутреннем дворе. Дом, к которому они подъехали, был типичным образчиком датского барокко — трехэтажный, построенный из кирпича, отделанного песчаником. Сверху дом венчала грациозно изогнутая крыша, обшитая медью. Одно крыло дома было направлено в глубь материка, другое смотрело окнами на море.

Усадьба называлась «Кристиангейт» и была построена триста лет назад одним умным Торвальдсеном, который научился превращать тонны ничего не стоившего торфа в топливо, используемое для изготовления фарфора. В начале XIX века королева Дании объявила Торвальдсенов официальными поставщиками стекольных изделий для королевского двора. И завод Адельсгейт, с его приметным логотипом — два круга и линия внизу, до сих пор оставался первым в Дании и во всей Европе. Сейчас его возглавлял патриарх семьи Торвальдсенов, Хенрик.

Дверь в дом открыл дворецкий, не удивившийся их появлению. Любопытно, учитывая, что время уже за полночь и Торвальдсен жил один как сын. Их провели в гостиную, где дубовые балки, доспехи и портреты маслом указывали на дворянские корни этого места. Огромный зал украшал длинный стол — Малоун припомнил, что Торвальдсен как-то сказал, что ему четыреста лет: его темная кленовая поверхность имела такую гладкость и блеск, каких можно было достигнуть только в результате столетий заботливого ухода. Торвальдсен сидел в торце стола, перед ним стояли апельсиновый пирог и дымящийся кофейник.

— Проходите, пожалуйста. Садитесь.

Торвальдсен поднялся из кресла с видимым усилием и изобразил улыбку. Его искалеченное артритом тело было не больше пяти с половиной футов ростом, горб на спине был плохо замаскирован слишком большим свитером норвежской вязки. Малоун заметил необычный блеск в ярких серых глазах. Его друг явно что-то замышлял.

Малоун указал на пирог.

— Ты был так уверен, что мы придем, что испек для нас пирог?

— Я не был уверен, что вы оба приедете, но в тебе я был уверен.

— Почему?

— Как только я узнал, что ты был на аукционе, я понял, что это лишь вопрос времени — когда ты обнаружишь, что я имею отношение к этому делу.

Стефани выступила вперед:

— Мне нужна моя книга.

Торвальдсен одарил ее неодобрительным взглядом:

— А поздороваться? Проявить какую-никакую вежливость? Вот так просто: мне нужна книга.

— Вы мне не нравитесь.

Торвальдсен вернулся в кресло во главе стола. Малоун решил, что пирог выглядит достаточно аппетитно, поэтому тоже сел и отрезал себе кусок.

— Я вам не нравлюсь? — повторил Торвальдсен. — Странно, учитывая, что мы никогда не встречались.

— Я знаю о вас.

— Это значит, что Magellan Billet имеет на меня досье?

— Ваше имя попадает в самых странных местах. Мы называем вас персоной международного интереса.

Торвальдсен скривился, словно ему сделали больно.

— Вы принимаете меня за террориста или преступника?

— И кем из них вы являетесь?

Датчанин посмотрел на нее с неожиданным любопытством:

— Мне говорили, что вы обладаете талантом начинать великие дела и усердием, чтобы доводить их до конца. Странно, что при таких способностях вы потерпели неудачу как жена и мать.

Глаза Стефани возмущенно заблестели.

— Вы ничего обо мне не знаете!
— Я знаю, что вы и Ларс много лет жили отдельно. Я знаю, что вы с ним расходились во мнениях по многим вопросам. Я знаю, что вы и ваш сын были чужими.
Краска гнева залила щеки Стефани.
— Идите к черту!
Торвальдсен не отреагировал на ее выходку.
— Вы не правы, Стефани.
— Насчет чего?
— Насчет многих вещей. И пришло время узнать правду.

Де Рокфор нашел усадьбу именно там, где она должна была располагаться согласно полученной им информации. Как только он выяснил, кто помог Петеру Хансену купить книгу, он приказал собрать досье на этого человека, и его помощник справился с этой задачей за полчаса. Сейчас де Рокфор рассматривал старинную усадьбу, принадлежавшую Хенрику Торвальдсену — покупателю, выигравшему торги, и все становилось на свои места.

Род Торвальдсена восходил к эпохе викингов. Его владения впечатляли. В дополнение к стекольному заводу «Адельгейт», у него были доли в английских банках, польских шахтах, немецких фабриках и европейских транспортных компаниях. На континенте, где старые деньги значили больше, чем просто деньги, Торвальдсен возглавлял списки самых богатых людей. Он был человеком со странностями, интровертом, крайне редко покидавшим свое поместье. Его благотворительные акции были легендами, особенно его взносы в пользу жертв холокоста, антикоммунистических и международных медицинских организаций.

Ему было шестьдесят два года, он тесно общался с датской королевской семьей, особенно с королевой. Его жена и сын умерли, жена от рака, сын погиб в перестрелке больше года назад, работая в датском посольстве в Мехико. Человеком, который расправился с убийцами, был американский юрист-спецагент Коттон Малоун. Торвальдсен даже имел некие взаимоотношения с Ларсом Неллом, хотя и не очень лестные для последнего. Он был известен своими публичными критическими замечаниями в адрес исследований Нелла. Пятнадцать лет назад французская пресса много писала о безобразном инциденте в библиотеке Святой Женевиевы в Париже, где спор между ними вылился в некрасивый скандал. Это отчасти объясняло, почему Хенрик Торвальдсен заинтересовался предложением Петера Хансена, но не до конца.

А де Рокфор хотел знать все.

Бодрящий морской ветер дул со стороны темного Орезунда, и дождь постепенно превращался в туман. Два его помощника стояли рядом. Еще двое ждали в машине, припаркованной позади усадьбы. Они еще не полностью пришли в себя после наркотиков, вколотых им с помощью дротиков. Де Рокфора очень интересовало, кто же вмешался в его игру. Он чувствовал, что за ним нет хвоста, и тем не менее кто-то скрытно отслеживал его перемещения. Кто-то, умело пользующийся дротиками с отравой.

Но сначала первоочередные дела. Он прошел по топкому двору к живой изгороди, обрамлявшей элегантный фасад дома. На первом этаже в комнате, из которой днем, без сомнения, должен быть потрясающий вид на море, горел свет. Он не заметил ни охраны, ни собак, ни какой-либо сигнализации. Странно, но не удивительно.

Де Рокфор приблизился к освещенному окну. Он заметил, что на подъездной аллее припаркована машина, и подумал, что удача начинает ему улыбаться. Осторожно заглянул внутрь и увидел Стефани Нелл и Коттона Малоуна, разговаривающих со стариком.

Да, удача сегодня действительно на его стороне.

Он сделал повелительный жест, и один из его людей извлек нейлоновый чехол. Де Рокфор расстегнул молнию и достал микрофон. Осторожно приспособил его резиновую присоску на мокрое оконное стекло. Радиоприемник, оставшийся в чехле, теперь мог улавливать каждое слово.

Он вставил в ухо крохотный наушник.

Перед тем как он их убьет, нужно послушать, о чем они говорят.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Торвальдсен Стефани.

— Это так мило с вашей стороны, герр Торвальдсен, но я предпочитаю постоять, — заявила Стефани с презрением в голосе.

Торвальдсен потянулся за кофейником и наполнил свою чашку.

— Я бы попросил вас выбрать любое другое обращение. — Он вернул кофейник на место. — Я питаю отвращение ко всему, имеющему отношение к Германии.

Малоун наблюдал, как Стефани обдумывает эти слова. Разумеется, поскольку Торвальдсен был «персоной повышенного интереса» в файлах Magellan Billet, она знала, что все его родные — дед, дядя, тетки и кузены — стали жертвами нацистов во время фашистской оккупации Дании. Но он ожидал, что Стефани все равно не утихомирится. Напротив, лицо ее смягчилось, и она сказала:

— Ладно, тогда пусть будет Хенрик.

Торвальдсен опустил кусочек сахара в свою чашку.

— Я оценил ваш юмор. — Он помешал кофе. — И давно убедился, что все проблемы можно разрешить за чашечкой кофе. Человек больше расскажет о себе за чашкой хорошего кофе, чем после бутылки шампанского или портвейна.

Малоун знал, что Торвальдсен любит отвлекать собеседников всякой чепухой, пока оценивает ситуацию. Старый датчанин сделал глоток из дымящейся чашки.

— Как я сказал, Стефани, вам пришло время узнать правду.

Она приблизилась к длинному столу и села напротив Малоуна.

— Тогда развейте мои предубеждения насчет вас.

— Какие же?

— Долго перечислять. Я остановлюсь на самых важных. Три года назад вы вступили во взаимоотношения с синдикатом воров, похищающих произведения искусства и связанных с радикальными израильтянами. В прошлом году вы вмешались в выборы в немецкий парламент, нелегально финансируя некоторых кандидатов. Тем не менее по каким-то причинам и немцы, и израильтяне решили не преследовать вас.

Торвальдсен сделал нетерпеливый жест.

— Виновен по всем статьям. Эти радикальные израильтяне, как вы изволили выразиться, — поселенцы, которые не хотят, чтобы коррумпированное израильское правительство лишило их домов. Чтобы им помочь, мы привлекли денежные средства от богатых арабов, которые торговали похищенными произведениями искусства. Украденные предметы были экспроприированы у воров. Возможно, в ваших файлах указано, что эти произведения искусства возвращались первоначальным владельцам.

— За деньги.

— Любой частный детектив берет деньги за свои услуги. Мы просто направляли заработанные деньги на более насущные нужды. Я вижу в этом своеобразную справедливость. А что касается выборов в Германии... Я финансировал нескольких кандидатов, которые находились в оппозиции к правым радикалам. С моей помощью все они победили. Я не намерен позволять фашизму укреплять свои позиции. А вы?

— Ваши действия были незаконными и вызвали массу проблем.

— Мои действия были решением проблемы. И это намного больше, чем сделали американцы.

Казалось, эти слова не произвели большого впечатления на Стефани.

— Какое отношение вы имеете к моему делу?

— К какому вашему делу?

— Касающемуся исследований моего мужа.

Лицо Торвальдсена застыло.

— Я не припоминаю, чтобы вы проявляли хоть малейший интерес к работе Ларса, пока он был жив.

Малоун обратил внимание на слова «я не припоминаю». Значит, Торвальдсен очень много знал о Ларсе Нелле. Вопреки обыкновению, Стефани этого не заметила.

— Я не собираюсь обсуждать свою личную жизнь. Просто скажите мне, зачем вы купили эту книгу?

— Петер Хансен проинформировал меня о вашей заинтересованности. Он также сказал мне, что один человек хочет, чтобы вы получили эту книгу, но предварительно желает снять с нее копию. Он заплатил Хансену, чтобы тот обеспечил это.

— Он сказал кто? — спросила Стефани.

Торвальдсен отрицательно покачал головой.

— Хансен мертв, — сказал Малоун.

— Неудивительно. — В голосе Торвальдсена не слышалось эмоций.

Малоун рассказал ему, что произошло.

— Хансен был жаден, — промолвил датчанин. — Он считал, что эта книга очень ценная, поэтому хотел, чтобы я купил ее тайно. А потом он бы предложил ее второму человеку — за хорошие деньги.

— И вы согласились. Еще бы! С вашими гуманитарными наклонностями. — Стефани не собиралась давать ему послабления.

— Хансен и я имели много общих дел. Он объяснил мне, что происходит, и я предложил помощь. Я беспокоился, что в противном случае он обратится к кому-нибудь другому. Я тоже хотел, чтобы книга досталась вам, поэтому согласился на его условия, но при этом не собирался отдавать книгу Хансену.

— Вы на самом деле думаете...

— Как вам пирог? — перебил ее Торвальдсен.

Малоун понял, что его друг пытается сохранить контроль над разговором, и ответил с набитым ртом:

— Великолепен.

— Вернемся к делу, — потребовала Стефани. — Какую правду я должна узнать?

— Ваш муж и я были близкими друзьями.

Лицо Стефани потемнело от негодования.

— Ларе мне ни разу не говорил об этом.

— Принимая во внимание ваши отношения, это понятно. Кроме того, в его профессии, как и в вашей, есть свои секреты.

Малоун прикончил кусок пирога и наблюдал, как Стефани обдумывает эти слова.

— Вы лжете, — наконец заявила она.

— Я могу показать вам нашу переписку. Мы с Ларсом часто общались. У нас было общее дело. Я финансировал его первоначальные изыскания и помогал, когда ему приходилось туго. Я заплатил за его дом в Ренн-ле-Шато и был рад помочь.

— Черт бы тебя побрал! Отдай мне эту книгу.

— Сначала вы должны выслушать то, что я скажу.

— Ну так поторопитесь.

— Первая книга Ларса имела оглушительный успех. Несколько миллионов экземпляров было продано по всему миру. Следующие его книги были не так успешны, но тоже продавались достаточно хорошо, чтобы позволить ему продолжить изыскания. Ларс думал, что противоположная точка зрения будет способствовать популярности легенды о Ренн-ле-Шато. Поэтому я финансировал нескольких авторов, чтобы они написали книги с критикой теории Ларса, анализируя его выводы и указывая на его заблуждения. Одна книга вызвала к жизни следующую, и так далее. Некоторые были хорошими, некоторые плохими. Я сам сделал несколько довольно неприятных публичных замечаний насчет Ларса.

Ее глаза горели возмущением.

— Вы спятили?

— Скандалы привлекают публику. И Ларс писал не для широкой аудитории, поэтому ему надо было делать себе рекламу. В конце концов эта история начала жить собственной

жизнью. Ренн-ле-Шато стал весьма популярен. О нем снимают передачи, пишут статьи, в Интернете существует масса сайтов, посвященных исключительно его тайнам. Туристический бизнес стал основным в этом районе. И все это благодаря Ларсу.

Малоун знал, что Ренн-ле-Шато посвящены сотни книг. Только в его магазине этой теме были отведены несколько полок. Но он должен был предупредить Торвальдсена.

— Хенрик, сегодня погибли двое людей. Один прыгнул с Круглой башни, предварительно перерезав себе горло. Второго выбросили из окна. Это не похоже на рекламу.

— Думаю, что в Круглой башне ты лицом к лицу встретился с рыцарем-тамплиером.

— Я бы с удовольствием сказал, что ты спятил, но этот парень выкрикнул кое-что перед смертью: *Beauseant*.

Торвальдсен кивнул:

— Боевой клич тамплиеров. Когда отряд атакующих рыцарей кричал это слово, враги впадали в панику.

Малоун припомнил, что прочитал в книге:

— Орден тамплиеров был уничтожен в тысяча триста седьмом году. Сейчас их нет.

— Это не так, Коттон. Была предпринята попытка уничтожить орден, но Папа аннулировал свое решение. С тамплиеров было снято обвинение в ереси Шинонским указом. Клемент Пятый тайно издал эту буллу в тысяча триста восьмом году. Многие думали, что этот документ был утрачен, когда Наполеон разграбил Ватикан, но недавно его нашли. Нет, Ларс верил, что орден существует до сих пор. И я тоже верю.

— В книгах Ларса часто упоминались тамплиеры, — задумчиво произнес Малоун. — Но я не помню, чтобы он писал, что они еще существуют.

Торвальдсен кивнул:

— Он специально умалчивал об этом. Тамплиеры — противоречивые создания. Согласно обету — бедные, а в действительности богатые не только деньгами, но и знаниями. Погруженные в себя и при этом хорошо знающие мир. Монахи и воины. Не надо воспринимать их через призму романтики. Они были довольно жестоки.

— Как они могли сохраниться до сих пор в полной тайне? — поинтересовался Малоун.

— А как насекомое или животное живет в джунглях леса и никто не знает о его существовании? Ученые постоянно обнаруживают новые виды.

Достойный ответ, но неубедительный, подумал Малоун.

— Ну и к чему все это?

Торвальдсен откинулся в кресле:

— Ларс искал сокровище тамплиеров.

— Что?

— В начале своего царствования Филипп Четвертый обесценил французские деньги, чтобы стимулировать экономику. Эта мера была настолько непопулярной, что народ хотел убить его. Филипп бежал из дворца и нашел убежище у тамплиеров. Так он узнал о богатстве ордена. Годы спустя, когда король отчаянно нуждался в средствах, он решил обвинить орден в ереси. Если помните, в те времена имущество еретика отходило государству. Тем не менее после арестов тысяча триста седьмого года Филипп обнаружил, что не только парижская сокровищница, но все хранилища тамплиеров во Франции пусты. Ни унции тамплиерского золота так и не нашли.

— Ларс думал, что это сокровище скрыто в Ренн-ле-Шато? — спросил Малоун.

— Не обязательно именно здесь, но где-то в Лангедоке, — ответил Хенрик. — Для такого предположения есть много оснований. Но тамплиеры хорошо спрятали свою собственность.

— А какое отношение к этому имеет книга, которую ты сегодня купил? — поинтересовался Малоун.

— Эжен Штиблейн был мэром Фа, деревушки вблизи Ренн-ле-Шато. Он был очень образованным человеком, музыкантом и астрономом-любителем. Он сначала написал

путеводитель по этому району, а потом «Pierres Gravées du Languedoc» — «Покрытые надписями камни Лангедока». Особенная книга, описывающая надгробные плиты в Ренн-ле-Шато и его окрестностях. Станный интерес, конечно, но не такой уж необычный — юг Франции известен своими уникальными гробницами. В книге есть набросок надгробного камня, привлечшего особое внимание Штиблеина. Этот рисунок тем более важен, что самой плиты уже не существует.

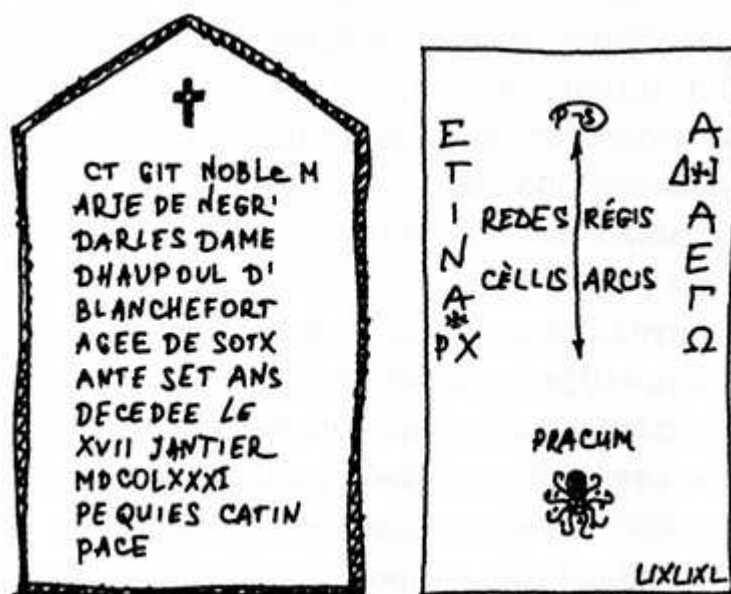
— Покажи мне его, — попросил Малоун.

Торвальдсен поднялся из кресла и, тяжело ступая, направился к сервировочному столу. Он вернулся с книгой, купленной им на аукционе.

— Мне доставили ее час назад.

Малоун пролистал томик до отмеченной страницы и внимательно изучил рисунок.

— Ларс верил, что этот надгробный камень был ключом, указывавшим путь к сокровищу. Он охотился за этой книгой годами. Одна должна была находиться в Париже, так как Национальная библиотека хранит по экземпляру каждого издания, напечатанного во Франции. Но хотя книга включена в каталог, ее там нет.



— Ларс был единственным человеком, знавшим об этой книге? — спросил Малоун.

— Не знаю. Многие считают, что эта книга не сохранилась.

— Где был найден этот экземпляр?

— Я говорил с устроителями аукциона. Ее прежний владелец — инженер, строивший железную дорогу с юга Каркасона до Пиренеев. Он вышел в отставку в тысяча девятьсот двадцать седьмом году и умер в тысяча девятьсот сорок шестом. Книгу нашли в вещах его дочери, которая умерла недавно. Внук выставил ее на аукцион. Инженер интересовался Лангедоком, особенно Ренн-ле-Шато, и даже вел каталог надписей на могильных плитах.

Это объяснение не удовлетворило Малоуна.

— Кто же написал Стефани об аукционе?

— Да, это вопрос, — задумчиво промолвил Торвальдсен.

Малоун посмотрел на Стефани:

— В отеле ты сказала, что записка пришла вместе с дневником. Она у тебя с собой?

Она покопалась в сумочке и извлекла потрепанную кожаную записную книжку. Между ее страницами был вложен сложенный в несколько раз листок темно-серой бумаги. Она протянула записку Малоуну, и он прочитал по-французски:

«22 июня на аукционе в Роскиле будет выставлен на продажу экземпляр

„Pierres Gravées du Languedoc“. За этой книгой охотился ваш муж. Вам предоставляется возможность преуспеть там, где он потерпел неудачу. Le bon Dieu soit loué».

Малоун перевел про себя последнюю фразу: «Хвала Богу». Он посмотрел через стол на Стефани.

— Как ты думаешь, откуда взялась эта записка?

— Кто-то из помощников Ларса. Я решила, что какой-нибудь его друг захотел, чтобы его дневник достался мне, и подумал, что я заинтересуюсь книгой.

— Одиннадцать лет спустя?

— Согласна, это выглядит странно. Но три недели назад я как-то об этом не подумала. Как я уже говорила, я всегда считала, что эскапады Ларса безобидны.

— Почему вы решили приехать? — полюбопытствовал Торвальдсен.

— Вы были правы, Хенрик, я кое о чем сожалею.

— Я не хочу усугублять вашу грусть. Я не знаю вас, но знал Ларса. Он был хорошим человеком, и его изыскания являлись, как вы выразились, безобидными. Тем не менее они были важны. Я всегда сомневался, самоубийство ли это?

— Я тоже, — прошептала она. — В глубине души я никогда не верила, что Ларс мог убить себя.

— Это объясняет ваш приезд сюда, — промолвил Хенрик.

Малоун почувствовал, что Стефани не по себе, и решил переменить тему.

— Могу я посмотреть на дневник?

Она протянула ему записную книжку. Коттон пролистал около ста страниц, содержащих большое количество цифр, набросков, символов и рукописного текста. Потом он рассмотрел переплет с внимательностью библиофила и заявил:

— Некоторые страницы отсутствуют.

— Откуда ты знаешь?

Малоун показал ей верхний край корешка.

— Посмотри сюда. Видишь пропуски? — Он открыл переплет. — Отрезано бритвой. Я всегда обращаю на это внимание. Ничто не обесценивает книгу так, как отсутствующие страницы. — Он опять стал рассматривать верх и низ книги и определил, что не хватает восьми страниц.

— Я и не заметила, — произнесла Стефани.

— Ты много чего не замечала.

Ее щеки окрасил взволнованный румянец.

— Я признаю, что напорола глупостей.

— Коттон, — вмешался Торвальдсен, — это приключение может значить намного больше. Архивы тамплиеров могут обнаружиться в любом собрании. Самые первые записи ордена велись в Иерусалиме, потом архив переехал в Акру, а после — на Кипр. История говорит, что после тысяча триста двенадцатого года эти архивы были переданы рыцарям-госпитальерам, но доказательств нет. С тысяча триста седьмого по тысяча триста четырнадцатый год Филипп Четвертый искал записи тамплиеров, но ничего не обнаружил. Многие считают, что это было одно из самых грандиозных собраний Средневековья. Представляешь, какое значение имело бы это открытие, если бы его удалось совершить?

— Величайшее за всю историю человечества.

— Манускрипты, которых никто не видел с четырнадцатого века, многие нам неизвестны. Перспектива находки такого сокровища, какой бы сомнительной она ни была, стоит усилий.

Малоун кивнул.

Торвальдсен повернулся к Стефани:

— Как насчет перемирия? В память о Ларсе. Я уверен, что ваше агентство сотрудничает со многими «персонами повышенного интереса» ради взаимовыгодных целей. Что скажете?

— Я хочу увидеть вашу переписку с Ларсом.
— Хорошо.
Стефани посмотрела в глаза Малоуну:
— Коттон, ты прав, мне на самом деле нужна помощь. Извини меня за то, как я с тобой сегодня разговаривала. Я думала, что справлюсь сама. Давайте для начала поедem во Францию и посмотрим на дом Ларса. Я не была там очень давно. Еще в Ренн-ле-Шато есть люди, с которыми можно поговорить. Люди, которые работали с Ларсом. Начнем оттуда.
— Твои «тени» могут последовать за нами, — заметил Малоун.
Стефани улыбнулась:
— К счастью, у меня есть ты.
— Я тоже поеду, — сказал Торвальдсен.
Малоун изумился. Хенрик редко выезжал за пределы Дании.
— Что это с тобой?
— Я много знаю об изысканиях Ларса. Это может оказаться полезным для вас.
Малоун пожал плечами:
— Ладно.
— Хорошо, Хенрик, — сказала Стефани. — Это позволит нам познакомиться поближе.
Как ты сказал, мне надо кое-что узнать.
— Нам всем надо, Стефани. Нам всем.

Де Рокфор еле сдерживал себя. Его подозрения подтвердились. Стефани Нелл встала на путь, проложенный ее мужем. Кроме того, она была хранительницей его дневника и книги «*Pierres Gravées du Languedoc*» — возможно, последнего сохранившегося экземпляра. Ларс Нелл был умен. Слишком умен. А теперь все его находки попали к вдове.

Де Рокфор сделал ошибку, доверившись Петеру Хансену. Но кажется, этот поступок возымел правильные последствия. Второй ошибки он не совершит. Слишком многое зависело сейчас от его действий.

Он продолжал подслушивать, как они обговаривают детали поездки в Ренн-ле-Шато. Малоун и Стефани поедут туда завтра. Торвальдсен прибедет через несколько дней. Решив, что услышал достаточно, де Рокфор отцепил микрофон от оконного стекла и скрылся со своими помощниками в безопасности густого леса.

Сегодня больше не будет трупов.

Страниц не хватает.

Ему потребуется эта отсутствующая информация из дневника Ларса Нелла. Тот, кто послал книгу, оказался хитер. Разделив трофеи, он предотвратил поспешные поступки. Очевидно, что в этой головоломке больше частей, чем думал де Рокфор...

Но это не имеет значения. Когда все игроки окажутся во Франции, де Рокфор с легкостью разберется с ними.

Часть II ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОГО МАГИСТРА

ГЛАВА XV

Аббатство де Фонтен

8.00

Сенешаль стоял перед алтарем и смотрел на дубовый гроб. В часовню аккуратно рядами входили братья и пели в унисон звонкими голосами. Это была древняя мелодия, ее пели на похоронах каждого магистра с самого начала. Слова на латыни возвещали о печали и боли утраты. О выборах же не будет произнесено ни слова, пока сегодня днем не соберется конклав, дабы избрать преемника. Устав недвусмысленно гласил, что солнце не может сесть

два раза без магистра, и он как сенешаль должен проконтролировать, чтобы устав соблюдался.

Он наблюдал, как братья заполнили часовню и расположились перед полированными дубовыми скамьями. Каждый облачен в простые домотканые одежды, головы покрыты капюшоном, видны только руки, сложенные в молитвенном жесте.

Церковь была в форме католического креста, с одним нефом и двумя приделами. Украшений почти не было, ибо ничто не должно отвлекать разум от размышлений о тайнах небесных, но тем не менее помещение было величественным, капители и колонны создавали ощущение божественного присутствия. В первый раз братья собрались здесь после чистки в 1307 году — те, кто смог избежать ловушек Филиппа IV, отступить в сельскую местность и тайно перебраться на юг. Они постепенно собрались здесь, в безопасности горной цитадели, и притаились — строили планы, давали обеты и вечно помнили...

Сенешаль закрыл глаза и позволил музыке наполнить его. Никакого отвлекающего аккомпанемента, никакого органа, ничего. Только человеческий голос, крещендо и диминуэндо.⁷ Он черпал силы из музыки и набирался решимости, которая ему скоро потребуется.

Пение прекратилось. Сенешаль позволил тишине на минуту воцариться, потом приблизился к гробу.

— Наш великий и благочестивый магистр покинул этот мир. Он управлял этим орденом мудро и справедливо, в соответствии с уставом, в течение двадцати восьми лет. Его ожидает подобающее место в Хрониках.

Один человек отбросил капюшон:

— Сомневаюсь в этом.

Сенешаль вздрогнул. Устав давал каждому брату право бросить вызов. Он ожидал, что битва начнется позже, не во время похорон. Сенешаль повернулся к первому ряду скамеек и взглянул в лицо говорившему.

Раймон де Рокфор.

Коренастый низкорослый мужчина с невыразительным лицом и характером, всегда вызывавшим беспокойство у сенешаля. Он состоял в братстве уже тридцать лет и дослужился до чина маршала, что сделало его третьим в ордене человеком. Вначале, много веков назад, маршал был военным командующим и руководил рыцарями в битвах. Сейчас он отвечал за безопасность, его обязанностью было следить за тем, чтобы существование ордена оставалось тайной. Де Рокфор занимал эту должность уже почти два десятилетия. Ему и братьям, служившим под его началом, была дарована привилегия свободно выходить из аббатства и отчитываться только перед Великим магистром. А сейчас маршал дал понять, с каким презрением он относился к своему ныне покойному сюзерену.

— Выскажи свое обвинение, — промолвил сенешаль.

— Наш покойный магистр ослабил орден. Его политике недоставало мужества и решительности. Пришло время избрать другой путь.

Де Рокфор говорил спокойно, сенешаль знал, как красноречиво он умеет изъясняться. Де Рокфор был фанатиком. Люди, подобные ему, сохраняли орден сильным на протяжении веков, но магистр много раз заявлял, что их польза сходит на нет. Некоторые не соглашались. Так образовались две фракции, одну возглавлял де Рокфор, вторую — Великий магистр. Большинство братьев держали свое мнение при себе, как того требовал обычай. Но междоусобица была временем споров. Путем обсуждений братья решали, каким путем двигаться дальше.

— Это все, что ты можешь сказать? — спросил сенешаль.

— Слишком долго братьям не было позволено принимать решения. С нами не советовались, наши мнения не принимались во внимание.

⁷ Постепенное увеличение и, соответственно, ослабление силы звучания.

— Орден — это не демократия, — заметил сенешаль.

— Я к этому не стремлюсь. Но это братство, в основе которого лежат общие нужды и общие цели. Каждый из нас отдал ордену все, что имел. Мы не заслуживаем того, чтобы нас игнорировали.

Слова де Рокфора возымели действие. Сенешаль заметил, что никто не хочет возразить маршалу и что святость, так долго осенявшая часовню, нарушена. Он почувствовал, что его окружают люди, думающие не так, как он, и имеющие другие цели. В его мозгу звенело одно слово.

Бунт!

— Чего ты добиваешься? — спросил сенешаль.

— Наш магистр не заслуживает обычных почестей.

Сенешаль не дрогнул. Он спросил, как требовал устав:

— Ты требуешь голосования?

— Да, требую.

Устав разрешал голосование по всем вопросам, возникавшим во время междоусобицы. В отсутствие магистра братья управляли сообществом. Сенешаль обратился к братьям:

— Кто считает, что наш магистр не заслуживает подобающего места в Хрониках?

Некоторые подняли руки сразу же. Другие колебались. Он дал им две минуты, как того требовал устав. Потом сосчитал голоса.

Двести девяносто один голос «за».

— Больше семидесяти процентов согласны с обвинением. — Сенешаль подавил гнев. — Наш магистр не будет упомянут в Хрониках. — Он не мог поверить, что сказал это. «Прости, мой старый друг». Он отступил от гроба к алтарю. — Раз у вас нет уважения к покойному магистру, вы можете идти. Для тех, кто захочет, я продолжу в Зале Отцов через час.

Братья стройными рядами в полной тишине вышли из часовни. Остался только де Рокфор. Француз приблизился к гробу. На его суровом лице была написана убежденность в своей правоте.

— Это цена, которую он платит за свою трусость.

Больше не было нужды притворяться.

— Ты пожалеешь о том, что сейчас сделал.

— Ученик считает себя магистром? Я с нетерпением жду конклава.

— Ты погубишь нас.

— Я вдохну в орден новую жизнь. Мир должен знать правду. То, что происходило все эти века, — неправильно. Настало время исправить несправедливость.

Сенешаль чувствовал, что в этом утверждении есть доля истины, но в этом деле была и другая сторона.

— Не было никакой нужды позорить хорошего человека.

— Хорошего по отношению к кому? К тебе? Мне он выказывал презрение.

— Это намного больше, чем ты заслуживал.

Де Рокфор криво ухмыльнулся:

— Теперь тебя некому защищать. Остались только я и ты.

— Я с нетерпением ожидаю битвы.

— Я тоже. — Де Рокфор помолчал. — Тридцать процентов братьев не поддержали меня, так что я оставляю вас попрощаться с магистром.

Он повернулся и с гордым видом вышел из часовни. Сенешаль подождал, когда за его врагом закроются двери, потом положил дрожащую руку на гроб. Вокруг него смыкалась паутина ненависти, предательства и фанатизма.

Я уважаю силу наших противников.

Сенешаль только что сошелся в споре со своим противником и проиграл.

И это не сулило ничего хорошего в ближайшие несколько часов.

ГЛАВА XVI

Франция, Ренн-ле-Шато

11.30

Малоун повернул взятый напрокат автомобиль на восток от главного шоссе, вверх по извилистой дороге. Они только что выехали из Куизы. Отсюда открывался потрясающий вид на темные склоны холмов, густо поросших шиповником, лавандой и чабрецом. Вдалеке возвышались величественные руины крепости, ее обугленные стены торчали из земли, как гигантские пальцы. Окрестности, насколько видел взгляд, вызывали в воображении романтические картины — грозные рыцари, как орлы, слетаются со своих укрепленных высот, чтобы наброситься на врага.

Они со Стефани покинули Копенгаген в четыре часа утра и вылетели в Париж, где сели на первый самолет, направлявшийся на юг Франции, в Тулузу. Через час они приземлились и теперь ехали на юго-запад в место под названием Лангедок.

По дороге Стефани рассказала ему о деревеньке, расположенной полутора тысячами футов выше, на вершине открытого всем ветрам холма, по которому они сейчас взбирались. Первыми эту местность заселили галлы, привлеченные возможностью обозревать с этих высот долину реки Од. Но в V веке здесь обосновались вестготы: построили крепость, дали этому месту кельтское имя — Rhedae, что означало «колесница», и постепенно превратили его в торговый центр. Двести лет спустя франки отеснили вестготов на юг, в Испанию, и селение стало их столицей. Однако к XIII веку город утратил свой королевский статус, а к концу похода против альбигойцев и вовсе был разрушен. Потом эта местность переходила из рук в руки, ею владели то испанские богатые дома, то французские, какое-то время здесь жил один из лейтенантов Симона де Монфора, получивший баронский титул. Семья лейтенанта построила замок, вокруг которого выросла маленькая деревушка, а название поселения со временем превратилось в Ренн-ле-Шато. Этот род владел здешними землями до 1781 года, когда умерла последняя наследница — Мари д'Отпул де Бланшфор.

— Говорили, что перед смертью она поделилась великой тайной, — повествовала Стефани, — тайной, которую ее семья хранила столетиями. Она была бездетна, ее муж умер раньше ее. Поскольку ей некому было передать свой секрет, она открыла его исповеднику, аббату Антуану Бигу, управлявшему приходом в Ренн-ле-Шато.

Глядя на последний изгиб узкой дороги, Малоун представлял, каково жить в таком отдаленном месте. Изолированные долины образовывали идеальное убежище и для скрывающихся беглецов, и для неугомонных пилигримов. Неудивительно, что этот край дал столько пищи воображению, стал меккой для искателей тайн и источником вдохновения для писателей, которые помогли создать ему соответствующую репутацию.

Как Ларс Нелл.

Впереди показался город. Малоун сбросил скорость и въехал в ворота, обрамленные колоннами из известняка. Их украшала надпись: «Fouilles interdites» («Копать запрещено»).

— Им даже пришлось повесить объявление насчет раскопок? — удивился он.

Стефани кивнула:

— Да, люди тут копались даже в мусорных кучах в поисках сокровища. Даже взрывали. Надо было что-то делать с этим.

Здания, сложенные из известняка, располагались вплотную друг к другу, словно книги на полке, у многих были покатые крыши, массивные двери и веранды с проржавевшей металлической оградой.

Главная улица, узкая, извилистая, мощенная булыжниками, поднималась вверх. Вокруг сновали люди с рюкзаками и мишленовскими путеводителями. Попались на глаза несколько крупных магазинов, книжная лавка и ресторан. От главной улицы ответвлялось несколько переулков, ведущих к скоплениям домов. Весь город был не больше пяти сотен ярдов в

длину.

— Постоянно здесь живет около ста человек, — сказала Стефани, — но каждый год сюда приезжают пятьдесят тысяч.

— Да-а, книга Ларса оказала большое влияние.

— Больше, чем я думала.

Она посмотрела вперед и велела ему поворачивать налево. Они миновали киоски, торгующие четками, медалями, картинками и сувенирами для обвешанных фотокамерами туристов.

— Сюда приезжают из желания поверить в невозможное, — задумчиво произнесла Стефани.

Еще один виток улицы, и они въехали в посыпанный песком двор. Малоун припарковал свой «пежо». Здесь стояли два автобуса, их водители курили на улице. Сбоку возвышалась водонапорная башня, ее обветшавшие от старости стены украшали знаки зодиака.

— Народ собирается здесь с раннего утра, — рассказывала Стефани, — чтобы посмотреть на имение аббата Соньера. Согласно легенде, он построил его, найдя загадочное сокровище.

Малоун приблизился к каменной стене высотой по пояс. Внизу, на много миль, раскинулась пестрая панорама полей, лесов, долин и гор. Серебристо-зеленые холмы покрывали шапки дубовых и каштановых деревьев. Он посмотрел по сторонам. Величественная громада Пиренеев, увенчанная снегом, преграждала взгляду путь на юг, откуда дул сильный ветер. К счастью, его холод с лихвой компенсировало горячее солнце.

Он глянул направо. В ста футах возвышалась башня в неоготическом стиле — с зубчатой крышей и единственной башенкой. Она украшала обложки многих книг и брошюр для туристов. Башня расположилась на краю мрачного, неприветливого утеса, прижимаясь к скале. От дальнего конца скалы тянулся длинный бельведер,⁸ поворачивая потом назад к стекольному заводу, а оттуда — к зданиям из древних камней, каждое из которых было увенчано крышей из оранжевой черепицы.

Вдоль стены перемещались люди с фотоаппаратами в руках, восхищаясь прекрасным видом.

— Это башня Магдалы. Впечатляющий вид, правда? — поинтересовалась Стефани.

— Она не вписывается сюда.

— Я тоже всегда так думала.

Справа от Магдалы рос декоративный сад, окружавший маленький домик в стиле эпохи Ренессанса, который тоже казался чужеродным элементом в этих местах.

— Вилла Вифания, — добавила Стефани. — Ее тоже построил Соньер.

— Вифания — библейское название, — заметил Малоун, — имеет отношение к Святой земле. Значит «дом, в котором есть ответ».

Она кивнула.

— Соньер был умен и образован. — Она указала на здания, находившиеся под ними. — Дом Ларса в конце того переулка. Перед тем как мы пойдем туда, я должна кое-что сделать. А по дороге я тебе расскажу, что произошло здесь в тысяча восемьсот девяносто первом году. Я прочитала об этом на прошлой неделе. О том, что вырвало это место из мрака забвения.

* * *

Аббат Беранже Соньер размышлял над устрашающей задачей, стоявшей перед ним. Церковь Марии Магдалины была построена на руинах крепости вестготов и освящена в 1059

⁸ Легкое, возвышенное строение, поставленное ради вида из него, для обзора местности (ит.).

году. Сейчас, восемь веков спустя, она сама превратилась в руины: крыша протекала, стены обвалились, фундамент поплыл. Чтобы восстановить здание, потребуются терпение и выдержка, но он считал, что способен справиться с задачей.

Аббат был дородным, широкоплечим мужчиной, с гладко зачесанными черными волосами. Его подкупающей чертой, которой он умело пользовался, была ямочка на подбородке. Она добавляла живости и легкости его лицу с непроницаемыми глазами и густыми бровями. Он родился и вырос в нескольких милях отсюда, в деревушке Монтазельс, поэтому с детства хорошо знал Ренн-ле-Шато. Церковь, посвященная святой Марии Магдалине, десятилетиями почти не использовалась, и он никогда не думал, что восстановить ее станет делом его жизни.

— Разруха, — сказал ему человек по имени Руссе.

Соньер посмотрел на каменщика:

— Да, ты прав.

Еще один каменщик по имени Бабу был занят укреплением одной из стен. Королевский архитектор, отвечавший за этот район, недавно предложил снести здание, но Соньер не собирался допускать этого. Облик старой церкви вызвал к нему, требуя восстановления.

— Потребуется много денег, чтобы реставрировать эти руины, — задумчиво произнес Руссе.

— Огромное количество денег, — сказал Соньер с улыбкой, давая понять пожилому каменщику, что понимает сложность задачи. — Но мы сделаем это место достойным Бога.

Он не сказал, что у него уже есть деньги для этого. Один из его предшественников завещал на восстановление церкви шестьсот франков. Кроме того, он убедил городской совет выдать ему заем в размере четырнадцати сотен франков. Но основные средства были получены им пять лет назад. Три тысячи пожертвовала графиня де Шамбор, вдова Анри, последнего из Бурбонов, претендовавших на несуществующий уже французский трон. Соньер смог привлечь внимание к своей персоне благодаря антиреспубликанским проповедям, будившим в его прихожанах монархические чувства. Правительство было возмущено его заявлениями, лишило ежегодного жалованья и потребовало, чтобы он был смещен с должности приходского священника. Епископ отстранил его на девять месяцев, но действия Соньера привлекли внимание графини, которая связалась с ним через посредника.

— С чего начнем? — поинтересовался Руссе.

Соньер долго думал над этим. Витражные окна заменили, и в скором времени будет готово новое крыльцо перед главным входом. Надо непременно починить северную стену, над которой уже работает Бабу, установить новую кафедру и сделать крышу. Но он знал, чем займется в первую очередь.

— Мы начнем с алтаря.

На лице каменщика отразилось удивление.

— Это центр притяжения людей, — пояснил Соньер.

— Как прикажете, святой отец.

Ему нравилось, что его прихожане выражают уважение к нему, хотя ему было всего тридцать восемь лет. За последние пять лет он полюбил Ренн. Здесь у него была возможность изучать Священное Писание и совершенствовать латынь, греческий и иврит. Он любил гулять по горам, ловить рыбу и охотиться. Но пришло время сделать что-то созидательное.

Соньер приблизился к алтарю.

Верх его был из белого мрамора, источенного водой, которая столетиями текла из прохудившейся крыши. Плиту поддерживали две колонны, украшенные вестготскими крестами и греческими буквами.

— Мы заменим плиту и колонны, — заявил он.

— Как? — спросил Руссе. — Это же невозможно сдвинуть с места.

Соньер указал на место, где стоял Бабу.

— Используй кувалду. Не бойся.

Бабу принес тяжелое орудие и прикидывал, как лучше подступиться. Потом с усилием замахнулся и ударил молотом по центру алтаря. Толстая плита треснула, но камень не поддался.

— Крепкий, — заметил Бабу.

— Еще раз, — подбодрил Соньер.

Еще один удар, и камень раскололся на две половины, рухнувшие на землю рядом с колоннами.

— Заканчивайте, — сказал Соньер.

Удары кувалды быстро раскрошили колонны.

Он наклонился над обломками.

— Давайте уберем это отсюда.

— Мы унесем осколки, святой отец, — сказал Бабу, откладывая кувалду, — а вы сложите их в одну кучу.

Двое каменщиков подняли половинку плиты и потащили ее к выходу.

— Отнесите на кладбище. Мы найдем ей применение, — крикнул он им вслед.

Когда они ушли, Соньер обратил внимание, что колонны раскрошились не полностью. Он смел пыль и крошку с одной из колонн. На второй еще лежал осколок алтарной плиты, и, стряхнув его на пол, он заметил, что в сердцевине колонны есть неглубокая выемка — размером с его ладонь, явно предназначенная для того, чтобы фиксировать болт, удерживавший плиту. Внутри углубления он заметил какой-то блеск.

Он наклонился ближе и осторожно смахнул пыль.

Да, там что-то есть.

Стеклянный фиал. Размером примерно с указательный палец, запечатанный алым воском.

Он присмотрелся и увидел, что внутри сосуда находится скрученный в трубочку лист бумаги. Интересно, как долго он здесь хранился? Должно быть, давно, потому что Соньер не слышал, чтобы с алтарем проводились какие-то работы.

Он извлек предмет из хранилища.

* * *

— С этого фиала все и началось, — закончила Стефани.

Малоун кивнул:

— Я читал книги Ларса. Но я думал, что Соньер нашел в этой колонне три пергамента, в которых было зашифрованное послание.

Она отрицательно покачала головой:

— Это часть вымысла, позднее сочиненного другими. Мы с Ларсом говорили об этом. Большинство заблуждений берут свое начало в пятидесятых годах, когда один хозяин постоянного двора в Ренне, стремясь оживить свой бизнес, придумал много баек. Одна ложь наслаивалась на другую. Ларс никогда не верил, что эти пергаменты действительно существовали. Текст, якобы содержащийся в этих бумагах, печатался во многих книгах, но никто никогда не видел оригиналы.

— Почему же он тогда написал о них?

— Чтобы книги лучше продавались. Я знаю, что он беспокоился из-за этой лжи, но тем не менее включил ее в книгу. Он всегда говорил, что богатство Соньера базируется на находках тысяча восемьсот девяносто первого года, и на содержимом этого фиала тоже. Но так считал только он. — Она указала на еще одно каменное строение. — Это дом, где жил Соньер. Сейчас это музей. Здесь хранится та самая колонна с нишей.

Они миновали киоски, около которых толпились люди, и вышли на старую улицу, вымощенную круглыми камнями.

— Церковь Марии Магдалины, — сказала Стефани, указывая на здание в романском стиле. — Некогда это была часовня здешних графов. А теперь, всего за четыре евро, ты

можешь увидеть великое творение Соньера.

— Ты не одобряешь это?

Она пожала плечами:

— Я никогда не одобряла. В этом вся проблема.

Справа он увидел обветшалый замок, его грязно-серые наружные стены припекало солнце.

— Это усадьба Отпулов, — сказала Стефани, — во время революции ее экспроприировало правительство.

Они завернули за дальний угол церкви и прошли под каменной аркой, украшенной черепом со скрещенными костями. Малоун вспомнил, что в книге, которую он читал прошлой ночью, рассказывалось, что такой символ украшал надгробные памятники многих тамплиеров.

Земля у входа была усыпана галькой. Французы называют это место: «Enclose paroissiaux» («Приходской двор»). И прилегающее пространство выглядело вполне типичным: с одной стороны низкая стена, с другой — церковь, вход в которую сделан в виде триумфальной арки. На кладбище находилось множество могильных плит, надгробий и памятников. На некоторых могилах лежали цветы, многие были украшены согласно французской традиции фотографиями умерших.

Стефани подошла к одному памятнику, не украшенному ни цветами, ни фотографиями, и Малоун немного отстал. Он знал, что местные так любили Ларса Нелла, что даровали ему привилегию быть похороненным на их ухоженном церковном дворе.

Могильная плита была простой, на ней были вырезаны только имя, даты жизни и надпись: «Муж, отец, ученый».

Малоун подошел к Стефани.

— Они никогда не сомневались, стоит ли хоронить его здесь, — прошептала она.

Он понял, что она имеет в виду. В освященной земле.

— Мэр тогда заявил, что нет бесспорных улик, доказывающих, что Ларс сам лишил себя жизни. Он и Ларс были близки, и он хотел, чтобы его друг был похоронен здесь.

— Это чудесное место, — заметил он.

Ей было больно, но он знал: дать понять, что заметил ее состояние, — значит сделать ей еще больнее.

— Я сделала много ошибок по отношению к Ларсу, — промолвила она. — И в итоге это стоило мне Марка.

— Брак — это тяжелый труд. — Его собственный тоже потерпел крах из-за эгоизма. — И материнство тоже.

— Я всегда считала дело жизни Ларса глупостью. Я была правительственным юристом, занимающимся серьезными вещами. А он искал несуществующее...

— Тогда почему ты здесь?

Она не сводила глаз с могилы.

— Я поняла, что обязана ему.

— Или себе.

Она отвернулась от могилы и задумчиво сказала:

— Возможно, я обязана нам обоим.

Он промолчал.

Стефани указала на дальний конец кладбища:

— Там похоронена любовница Соньера.

Малоун знал о любовнице из книг Ларса. Она была моложе Соньера на шестнадцать лет. Когда ей было восемнадцать, она оставила работу шляпницы и устроилась к аббату экономкой. Прожила с Соньером тридцать один год, до его смерти в 1917 году. Все, что было у Соньера, он записал на ее имя, все — включая земли и банковские счета. Церковь не могла претендовать на его состояние. Она осталась жить в Ренне, носила темные одежды и вела себя так же необычно, как при его жизни. Умерла в 1953 году.

— Она была странной, — продолжила Стефани, — после смерти Соньера однажды заявила, что состоянием, которое он оставил, можно кормить весь Ренн сто лет, но сама жила в бедности до конца дней своих.

— Интересно почему?

— Она сказала, что не может прикасаться к этому.

— Я думал, ты ничего не знаешь об этой истории.

— Я и не знала, до прошлой недели. В книгах и дневнике оказалась масса информации. Ларе потратил много времени на расспросы местных жителей.

— Собирал слухи?

— Что касается Соньера, это все правда. Он давно умер. Но его любовница дожила до пятидесятих годов, так что в семидесятые — восьмидесятые оставалось еще много людей, знавших ее. Она продала виллу Вифания в тысяча девятьсот сорок шестом году человеку по имени Ноэль Корбу. Это он превратил виллу в гостиницу — и распускал всякие слухи насчет Ренна. Любовница обещала поделиться с Корбу тайной Соньера, но в конце жизни перенесла инсульт и не могла разговаривать.

Они устало плелись по хрустящему под ногами гравия.

— Соньер сначала тоже был похоронен здесь, рядом с ней. Но мэр сказал, что это опасно из-за искателей сокровищ, — добавила Стефани. — Так что несколько лет назад его тело перенесли в мавзолей в саду. Увидеть его могилу стоит сейчас три евро... цена сохранности трупа, видимо.

Малоун уловил сарказм в ее голосе.

— Я помню, как приезжала сюда давным-давно. Когда Ларс первый раз появился здесь в конце шестидесятых, могилы были отмечены только двумя покосившимися крестами, увитыми диким виноградом. За ними никто не ухаживал. Соньер и его возлюбленная были забыты.

Сейчас эту могилу окружала железная цепь, а в бетонных вазах стояли свежие цветы.

Малоун с трудом разобрал на одном из камней еле заметную эпитафию:

***Здесь покоится Беранже Соньер,
приходской священник Ренн-ле-Шато
с 1885 по 1917 год.
Умер 22 января 1917 года в возрасте 64 лет***

— Я где-то читал, что надгробный камень слишком хрупкий, поэтому его не стали трогать. Да и туристов привлекает. — Малоун посмотрел на плиту на могиле любовницы. — Судя по всему, она не пала жертвой ханжества?

— Видимо, нет, раз они позволили похоронить ее здесь.

— Разве ее связь со священником не была скандальной?

Стефани пожала плечами:

— Соньер тратил доставшееся ему богатство на благо жителей Ренна. Видишь водонапорную башню за автостоянкой? Это он построил для города. Он также мостил дороги, ремонтировал дома, одалживал деньги нуждающимся. Поэтому ему прощали маленькие слабости. Кроме того, в его время для священника было обычным делом иметь экономку в доме. По крайней мере, Ларс писал так в своих книгах.

Из-за угла позади них появилась группа шумных посетителей, направлявшихся к могиле любовницы.

— Явились, ротозеи. — В ее голосе послышалась презрительная нотка. — Интересно, они так же ведут себя дома, на кладбищах, где похоронены их близкие?

Шумные туристы приблизились, и гид начал рассказывать о любовнице. Стефани отошла, Малоун последовал за ней.

— Это для них просто развлечение, занятная история, — прошептала Стефани. — Аббат Соньер нашел сокровище и, по слухам, оставил в своей церкви тайные послания,

указывающие путь к нему. Трудно представить, что кто-то верит в эту чушь.

— Разве Ларс писал не об этом?

— В некоторой степени — да. Но подумай, Коттон. Даже если священник нашел сокровище, с какой стати он должен был оставить карту, указывающую путь? Всю жизнь он строил все это. Последнее, что он хотел, — это чтобы кто-то наложил руки на его собственность. Эта история годится для книги, но не для жизни.

Он хотел задать ей еще вопрос, но заметил, что ее взгляд направлен в другой конец кладбища, мимо лестницы, спускавшейся к другим могилам, осененным тенью высокого старого дуба. Там была одна свежая могила, украшенная яркими букетами, на серой матовой поверхности мемориальной плиты горели серебряные буквы.

Стефани поспешила туда, Малоун последовал за ней.

— О боже! — воскликнула она взволнованно.

Он прочитал надпись: «Эрнст Сковилль». Посмотрел на даты жизни и сосчитал, что ему было семьдесят три года, когда он умер.

Это произошло на прошлой неделе...

— Ты знала его? — спросил Малоун.

— Я разговаривала с ним всего три недели назад. Когда получила дневник Ларса. — Стефани не отрывала взгляд от могилы. — Это один из тех людей, о ком я упоминала, он работал с Ларсом. Я хотела расспросить его.

— Ты рассказывала ему о своих планах?

— Да, об аукционе, книге и о том, что лечу в Европу.

— Ты же говорила, что ни одна душа об этом не знает!

— Я солгала.

ГЛАВА XVII

Аббатство де Фонтен 13.00

Раймон де Рокфор был доволен. Его первое открытое столкновение с сенешалем обернулось безоговорочной победой. За всю историю ордена только шести Великим магистрам был открыто брошен вызов, перечень их грехов — от воровства до трусости и похоти. И произошло это в десятилетия после чистки, когда братство было слабым и разобщенным. К сожалению, наказание для них было скорее символическим. Срок пребывания на посту магистра все равно упоминался в Хрониках, его промахи и достижения тщательно зафиксированы, но добавлялось замечание, что братья признали его *не стоящим памяти*.

В последние недели его помощники обеспечили требуемые две трети голосов «за» и направили письмо сенешалю. Этот недостойный глупец должен знать, как трудна будет предстоящая битва. На самом деле оскорбление вызовом касалось не магистра. Все равно его похоронят рядом с предшественниками. Нет, этот протест являлся скорее способом скомпрометировать предполагаемого преемника — и придать уверенности союзникам. Это был древний инструмент, созданный уставом еще в те времена, когда честь и память что-то значили. И он успешно возродил его в качестве первого залпа в войне, которая закончится до заката.

Следующим Великим магистром станет он.

Прежде орден насчитывал десятки тысяч братьев, крестьянские хозяйства, храмы и замки девяти тысяч командорств, разбросанных по Европе и Святой земле. Один лишь вид рыцаря, облаченного в белое одеяние с красным крестом, повергал врагов в ужас. Братьев нельзя было отлучить от церкви. Они не платили феодальную дань. Ордену позволялось оставлять себе военные трофеи. Подчиненные только Папе Римскому, рыцари-тамплиеры были независимым братством.

Но уже семь веков не ведутся войны. Орден отступил в Пиренейское аббатство и затаился под видом обычного монашеского сообщества. Были установлены связи с

епископами Тулузы и Перпиньяна, и все службы проводились как в римской церкви. Не происходило ничего, способного привлечь внимание и вызвать нежелательное любопытство. Все братья давали два обета. Один — церкви, который приносился в силу необходимости. Второй — братству, который значил все. Продолжали соблюдаться древние ритуалы, хотя теперь это происходило под покровом темноты, за толстыми крепостными стенами и при дверях, запертых на засовы.

И все это во имя Великого Завещания.

Парадоксальная несправедливость этого долга внушала ему отвращение. Орден существовал, чтобы охранять Завещание, но Завещание существовало не для ордена.

Вся его жизнь была лишь подготовкой к нескольким ближайшим часам.

Родители его умерли рано, и он был воспитан иезуитами в церковном приюте около Бордо. В начале братьев набирали из раскаявшихся преступников, разочарованных влюбленных, изгнанников. Сегодня они приходили в орден разными путями. Большую часть рекрутов предоставлял светский мир, но истинных вождей порождали религиозные общества. Последние десять магистров имели религиозное образование. Его собственное началось в Парижском университете и закончилось в духовной семинарии в Авиньоне. После окончания семинарии он остался преподавать в ней и работал три года, перед тем как орден вступил с ним в контакт. И он принял устав с великим энтузиазмом.

За свои пятьдесят шесть лет Раймон де Рокфор никогда не знал плоти женщины и ни разу не испытал влечения к мужчине. Когда его назначили маршалом, он понимал, что таким образом покойный магистр стремится не только удовлетворить его тщеславие, но и, возможно, заманивает в ловушку — чтобы он нажил себе достаточно врагов, которые сделают его дальнейшее восхождение невозможным. Но он использовал свое положение с умом, приобретая друзей, собирая преданных людей и накапливая силы. Ему подходила монашеская жизнь. Последние десять лет он сосредоточенно изучал Хроники и теперь был сведущ во всех аспектах истории ордена. Де Рокфор не повторит ошибок прошлого. Он яростно верил, что самоизоляция, на которую братство добровольно обрекло себя изначально, способствовала упадку. Секретность рождала подозрения — а отсюда был один шаг до взаимных обвинений и распрей. Поэтому такое положение дел не может продолжаться. Пришла пора прервать семь веков молчания.

Пришло его время.

Устав четко гласил: «Когда Великий магистр отдает приказ, его должно исполнить без колебаний и без задержки, словно это приказ небес».

На его столе зазвонил телефон, и де Рокфор поднял трубку. Его заместитель сообщил:

— Двое наших братьев из Ренн-ле-Шато докладывают, что Стефани Нелл и Малоун прибыли. Как вы предсказывали, она направилась напрямиком на кладбище и нашла могилу Эрнста Сковилля.

Это хорошо — знать своего врага.

— Пусть наши братья просто наблюдают, но будут готовы к действиям.

— Теперь что касается второго вопроса. Мы все еще не знаем, кто напал на братьев в Копенгагене.

Де Рокфор поморщился:

— Все готово к сегодняшнему вечеру?

— Мы готовы.

— Сколько братьев сопровождало сенешаля в Зал Отцов?

— Тридцать четыре.

— Вы знаете все имена?

— Да.

— Им надо дать возможность присоединиться к нам. Если нет, разберись с ними. Но тем не менее сделай так, чтобы большинство присоединилось. Вряд ли это будет сложно. Мало кто хочет оставаться на проигравшей стороне.

— Консистория начнется в шесть часов вечера.

Собирая братьев на заседание до полуночи, сенешаль сокращал время своих полномочий. Консистория давала всем равные шансы — это была процедура, специально изобретенная, чтобы предотвратить манипуляции при голосовании. Он долго готовился и теперь ждал с нетерпением.

— Будьте готовы, — сказал де Рокфор. — Сенешаль попытается провести выборы быстро, чтобы вызвать смятение. Его научил этим штучкам покойный магистр.

— Он не примет поражение легко.

— Я и не ожидаю этого. Поэтому я подготовил для него сюрприз.

ГЛАВА XVIII

Ренн-ле-Шато

13.30

Малоун и Стефани прокладывали себе путь через людную деревушку. По центральной улице, подпрыгивая на мостовой, проехал автобус. По дороге Стефани зашла в ресторан поговорить с хозяином. Малоун пожирал глазами какую-то аппетитную рыбу, которую поедали посетители, понимая, что с обедом придется подождать.

Он злился на Стефани, что она солгала ему. Или она не была признательна ему за помощь, или недооценила серьезность ситуации. По их следу шли решительно настроенные люди, готовые умирать и убивать. Он уже познакомился с их милыми привычками, и чем больше у него будет информации, тем больше шансов на успех. Ему и так было нелегко, а уж неуверенность в союзнике еще больше усложнит дело.

Выйдя из ресторана, Стефани сказала:

— Эрнст Сковилль был сбит машиной, когда, по своему обыкновению, прогуливался за городскими стенами. Его здесь все любили. Он долго прожил в Ренне.

— Известно, чья машина?

— Нет ни одного свидетеля. Ни одной ниточки.

— Ты на самом деле знала Сковилля?

Она кивнула:

— Но мы не были друзьями. Общались редко. В наших спорах он был на стороне Ларса.

— Тогда почему ты позвонила ему?

— Он был единственным, кого я могла спросить о дневнике Ларса. Он был вежлив, учитывая, что мы не разговаривали много лет. Хотел увидеть дневник. Я собиралась наладить с ним отношения.

Стефани удивляла его. Вражда с мужем, сыном и друзьями мужа. Было ясно, что она чувствует вину, но что она собиралась с этим делать — непонятно.

Она потянула Малоуна за собой:

— Я хочу проверить дом Эрнста. Он владел очень хорошей библиотекой. Хочу посмотреть, не пропали ли его книги.

— У него есть жена?

— Нет, он был одинок. Из него получился бы хороший отшельник.

Они двинулись в сторону одной из улочек, ответвлявшихся от центральной.

— Ты на самом деле веришь, что где-то здесь спрятано сокровище? — поинтересовался Малоун.

— Трудно сказать, Коттон. Ларс, бывало, говорил, что девяносто процентов легенды о Соньере — вымысел. Меня злило, что он тратит время на такую чепуху. Но он всегда считал, что тут есть десять процентов правды. Это захватило его и, в некоторой степени, Марка. По-видимому, сто лет назад тут произошли странные вещи.

— Ты имеешь в виду Соньера?

Она кивнула.

— Объясни.

И Стефани продолжила рассказ.

* * *

— Я не могу оставить свой приход, — заявил Соньер епископу, стоя перед ним в его дворце в Каркасоне, что в двадцати милях к северу от Ренн-ле-Шато.

Он избегал этой встречи месяцами, под предлогом, что доктор запретил ему путешествовать из-за болезни. Но епископ был настойчив, и последнее приглашение было принесено ажаном, которому приказали лично сопроводить священника к епископу.

— Вы ведете намного более роскошный образ жизни, чем я, — сказал епископ. — Я хочу знать происхождение ваших весьма значительных, на мой взгляд, денежных ресурсов.

— Увы, монсеньор, вы задаете мне тот единственный вопрос, на который я не могу ответить. Великие грешники, которым я, с божьей помощью, указал путь к искуплению, пожертвовали мне большие суммы денег. Я не хочу нарушать тайну исповеди, выдавая вам их имена.

Епископ обдумал его возражение. Хороший предлог, может сработать.

— Тогда давайте поговорим о вашем образе жизни. Его не защищает тайна исповеди.

Соньер изобразил на лице простодушие.

— Я живу скромно.

— Мне говорили иное.

— Ваша информация, должно быть, неверна.

— Посмотрим. — Епископ открыл лежавшую перед ним толстую книгу. — Я провел расследование, и обнаружили интересные вещи.

Соньеру не понравились слова епископа. Его отношения с покойным епископом были дружескими и сердечными, и у него было много свободы. С этим новым епископом — совсем другое дело.

— В тысяча восемьсот девяносто первом году вы начали реставрировать приходскую церковь. Заменяли окна, построили новое крыльцо, установили новый алтарь и кафедру для проповедей и отремонтировали крышу. Примерная стоимость этих переделок — двадцать две тысячи франков. В следующем году вы укрепили стены и заменили пол. После этого новая исповедальня, это еще семьсот франков, статуи и распятие — все изготовлено в Тулузе Жискаром, три тысячи двести франков. В тысяча восемьсот девяносто девятом году был добавлен сосуд для сбора пожертвований — еще четыреста франков. В тысяча девятисотом году — барельеф Марии Магдалины, очень искусный. Мне рассказывали, что он был помещен перед алтарем.

Соньер слушал молча. Очевидно, епископ ознакомился с приходскими книгами. Предыдущий хранитель книг ушел в отставку несколько лет назад, утверждая, что его обязанности противоречат его вере. Видимо, кто-то заставил его сделать это.

— Я занял свою должность в тысяча девятьсот втором году, — сказал епископ. — В течение восьми лет я пытался — и, должен сказать, напрасно — увидеть вас здесь, чтобы вы развеяли мое беспокойство. За это время вы построили виллу Вифания, примыкающую к церкви. Как мне сказали, это мирское сооружение из тесаного камня, сочетающее в себе разные архитектурные стили. Витражные окна, обеденный зал, гостиная и спальни для гостей. Для большого количества гостей, как я слышал. Там вы развлекаетесь.

Епископ явно ожидал возражений, но Соньер продолжал молчать.

— Потом — башня Магдала, эта ваша причудливая библиотека с видом на долину. Великолепная работа из дерева, как мне докладывали. Это в добавление к вашей огромной коллекции марок и открыток, а также экзотических животных. Все стоимостью десятки тысяч франков. — Епископ закрыл книгу. — Ваше жалованье приходского священника не превышает двухсот пятидесяти франков в год. Как вы смогли собрать все это?

— Как я уже сказал, монсеньор, я получил много частных пожертвований от лиц, которые хотели, чтобы мой приход процветал.

— Вы служите мессы за деньги, — заявил епископ. — Продаете святыя таинства. Ваше преступление — это симония.⁹

Его предупредили, что против него могут выдвинуть такое обвинение.

— За что вы упрекаете меня? Мой приход, когда я там появился, находился в жалком состоянии. В конце концов, это обязанность моего начальства — обеспечить, чтобы в Ренн-ле-Шато была церковь, способная стать достойной обителью для пастора. В течение двадцати пяти лет я трудился над тем, чтобы восстановить и украсить церковь, и не просил ни сантима у епархии. Мне кажется, я заслуживаю скорее благодарности, чем обвинений.

— Сколько вы потратили на все эти улучшения?

Соньер решил ответить:

— Сто девяносто три тысячи франков.

Епископ рассмеялся:

— Аббат, на эти деньги нельзя купить обстановку, статуи и мозаику. По моим подсчетам, вы потратили больше семисот тысяч франков.

— Я не знаком со счетоводством, поэтому не могу сказать точно, сколько было затрачено. Все, что я знаю, — это то, что жители Ренн-ле-Шато любят свою церковь.

— Официальные источники утверждают, что вы получаете от ста до ста пятидесяти почтовых переводов в день. Они приходят из Бельгии, Италии, из Рейнских земель, Швейцарии и со всей Франции и составляют от пяти до сорока франков каждый. Вы часто посещаете банк в Куизе, где переводите их в наличные. Как вы это объясните?

— Всю мою переписку ведет экономка. Она читает письма и отвечает на них. Этот вопрос должен быть адресован ей.

— Но в банк ходите вы.

Он повторил:

— Спросите ее.

— К сожалению, она не в моей юрисдикции.

Соньер пожал плечами.

— Аббат, вы служите мессы за деньги. Мне ясно, что эти конверты, которые получает ваш приход, — не послания от доброжелателей. Но кое-что тревожит меня еще больше.

Соньер стоял молча.

— Я произвел подсчеты. Может, конечно, вам платят непомерные суммы за мессы, хотя я знаю, что средняя цена составляет пятьдесят сантимов... Но тогда вам надо служить мессы двадцать четыре часа в сутки в течение трехсот лет, чтобы накопить те деньги, которые вы потратили. Нет, аббат, продажа таинств — это лишь прикрытия для настоящего источника вашего богатства.

Этот человек был умнее, чем казался на первый взгляд.

— Что скажете?

— Ничего, монсеньор.

— В таком случае вы освобождаетесь от ваших обязанностей в Ренн-ле-Шато и будете немедленно приписаны к приходу в Кустуже. Также вам запрещается служить мессу и отправлять таинства до дальнейшего уведомления.

— И как долго я буду отстранен? — спокойно поинтересовался Соньер.

— Пока церковный суд не услышит вашу апелляцию, с которой вы обратитесь незамедлительно, я уверен.

* * *

— Соньер действительно подавал апелляции, — добавила Стефани. — Вплоть до Ватикана. Но он умер в тысяча девятьсот семнадцатом году, до того как был оправдан. Он

⁹ В Средние века в Западной Европе — продажа и покупка церковных должностей или духовного сана.

оставил церковь, но из Ренна так и не уехал. Начал служить мессы на вилле Вифания. Местные жители любили его и бойкотировали нового аббата. К тому же вся земля вокруг церкви принадлежала любовнице Соньера — тут он умно поступил, — и церковь ничего не могла поделать с этим.

— Где же он взял деньги? — Малоун был очень заинтересован.

Стефани улыбнулась:

— Ответ на этот вопрос пытались найти многие, включая моего мужа.

Они прошли очередной извилистый переулок, по сторонам которого стояли печальные дома из камня цвета мертвого дерева, с которого содрали кору.

— Эрнст жил здесь, — сказала Стефани.

Они приблизились к старому дому, рядом с которым стояла кованая железная беседка, увитая диким шиповником. Три ступеньки вели к двери. Малоун поднялся на крыльцо, взгляделся в стеклянное окошко двери и не увидел признаков заброшенности.

— Дом хорошо выглядит.

— Эрнст был помешан на порядке.

Он подергал ручку. Заперто.

— Я бы хотела попасть внутрь, — сказала Стефани.

Он осмотрелся. В двадцати футах справа переулок упирался во внешнюю городскую стену. Над головой сияло голубое небо, кое-где были волнистые облака. Вокруг ни души. Он повернулся спиной к двери и локтем выбил стекло. Сунул руку внутрь и нащупал замок.

Стефани подошла к нему.

— После вас, — учтиво сказал Малоун.

ГЛАВА XIX

Аббатство де Фонтен

14.00

Сенешаль распахнул железную калитку и повел братьев, решивших принять участие в похоронах магистра, по сводчатому коридору. Вход в подземный Зал Отцов располагался внутри стен аббатства, в конце длинного прохода, где одно из самых древних строений вклинивалось в скалу. Пятнадцать столетий тому назад монахи впервые заняли пещеры под землей, поселившись в гнетущем уединении. По мере того как отшельников становилось все больше, строились новые помещения. Столетиями аббатство росло и росло, рыцари-тамплиеры, завладевшие им в конце XIII века, поддерживали этот строительный бум. Штаб-квартира ордена — *maison chèvetaïne*, как ее именовал устав, — сначала находилась в Иерусалиме, потом в Акре, затем на Кипре, а после чистки переехала сюда. Со временем вокруг монастыря воздвигли крепостные стены с бойницами и башнями. В конце концов аббатство, расположенное высоко в Пиренеях, стало одним из самых крупных в Европе. Его название произошло от ближайшей речки с водопадами. Аббатство де Фонтен — аббатство фонтанов.

Сенешаль спускался по узким ступеням, вырубленным в скале. Подошвы его веревочных сандалий скользили по влажному камню. Там, где некогда свет обеспечивали масляные факелы, теперь горели электрические лампы. За ним следовали тридцать четыре брата — его приверженцы. В конце спуска он пошел вперед по туннелю, приведшему в сводчатую комнату. В центре возвышалась каменная колонна, напоминавшая ствол старого дерева.

Братья собрались вокруг дубового гроба, заранее принесенного сюда и поставленного на каменный постамент. Сквозь дым благовоний слышалось печальное пение.

Сенешаль выступил вперед, и пение прекратилось.

— Мы пришли сюда, чтобы почтить его. Давайте помолимся, — сказал он по-французски.

Они помолились, потом запели гимн.

— Наш магистр хорошо руководил нами. Вы, оставшиеся верными его памяти, мужайтесь. Он бы гордился вами.

Последовало несколько мгновений тишины.

— Что будет дальше? — тихо спросил один из братьев.

В Зале Отцов не подобало проводить обсуждения, но он с пониманием отнесся к отклонению от устава.

— Неопределенность царит среди нас, — объявил сенешаль, — брат де Рокфор готов принять вызов. Тем из вас, кого отберут для конклава, придется тяжело потрудиться, чтобы остановить его.

— Он станет нашим падением, — пробормотал другой брат.

— Я согласен, — сказал сенешаль. — Он верит, что мы сможем отомстить за грехи семивековой давности. Даже если так, то зачем? Мы ведь выжили.

— Его последователи оказывают на нас давление. Те, кто пойдет против него, будут наказаны.

Сенешаль знал, что именно поэтому так мало братьев пришли в зал.

— Наши предки бились лицом к лицу с множеством врагов. В Святой земле они противостояли сарацинам и погибали с честью. Здесь они вынесли пытки инквизиции. Наш Великий магистр Жак де Моле был сожжен заживо на костре. Наш долг — оставаться верными их памяти. — Слабое утешение, но он должен был сказать это.

— Де Рокфор хочет воевать с нашими врагами. Один из его сторонников сказал мне, что он даже намеревается вернуть плащаницу.

Сенешаль поморщился. И прежде некоторые радикалы предлагали этот акт сопротивления, но ни один магистр не дал позволения.

— Мы должны остановить его на конклаве. К счастью, он не может контролировать процесс голосования.

— Он пугает меня, — вступил в разговор еще один брат, и тишина, последовавшая за его словами, дала понять, что остальные согласны с ним.

После часа молитв сенешаль подал знак. Пять носильщиков, облаченных в алые сутаны, подняли гроб магистра.

Сенешаль приблизился к двум колоннам пурпурного цвета, между которыми располагалась Золотая дверь. Это название указывало не на материал двери, а на то, что некогда за ней хранилось.

Сорок три магистра покоились здесь, под каменным сводом, гладко отполированным, выкрашенным в темно-синий цвет и украшенным золотыми звездами. Тела давно уже обратились в пыль. Остались только кости, хранившиеся в урнах, на каждой было выбито имя магистра и даты его пребывания на посту. Справа располагались пустые ниши. Одна из них станет пристанищем его магистра на ближайший год. Затем сюда спустится брат и переложит кости в урну. Этот похоронный обычай, который орден давно перенял, использовался иудеями в Святой земле во времена Иисуса.

Носильщики поставили гроб в предназначенную для него нишу. Полумрак был наполнен глубоким спокойствием.

В мозгу сенешаля крутились мысли о друге. Магистр был младшим сыном богатого бельгийского торговца. Он обратился к церкви без особых мотивов — просто чувствовал, что это его долг и судьба. Его привел в орден один из многих странствующих братьев, путешествовавших по всему миру, разбиравшихся в людях и умевших находить новых рыцарей. Уединенная монашеская жизнь пришлась ему по душе. И хотя он не занимал высокую должность, конклав после смерти его предшественника единогласно избрал его магистром. И он произнес обет: «Я отдаю себя в руки всемогущего Бога и Девы Марии ради спасения моей души и буду вести праведную жизнь до последнего вздоха». Сенешаль принес такую же клятву.

Его мысли уплыли ко времени основания ордена — боевые кличи, стоны раненых и

умирающих братьев, печаль о тех, кто не пережил схватку. Таков был путь тамплиеров. Первыми появлялись на поле боя, последними покидали его. Раймон де Рокфор мечтает вернуть эти времена. Но зачем? Тщетность этого пути стала очевидной во времена чистки, когда Церковь и государство поднялись против тамплиеров, забыв о двух веках верной службы. Братьев сжигали заживо, пытали и калечили — и все ради обычной жажды наживы. Для современного мира рыцари-тамплиеры были легендой. Памятью о давно минувших временах. Никого не интересовало, существуют ли они по сей день, поэтому попытка восстановить справедливость казалась безнадежной.

Мертвые должны оставаться мертвыми.

Он бросил еще один взгляд на каменные урны, потом отпустил всех братьев, кроме одного, своего помощника. Он должен был поговорить с ним наедине. Молодой человек подошел ближе.

— Скажи мне, Жоффруа, — промолвил сенешаль, — у вас с магистром был сговор?

Темные глаза помощника полыхнули недоумением.

— Что вы имеете в виду?

— Просил ли магистр тебя недавно сделать для него что-то? Не лги мне. Он умер, а я здесь. — Сенешаль надеялся, что упоминание о его ранге поможет узнать правду.

— Да, сенешаль. Я отправил по поручению магистра две посылки.

— Расскажи мне о первой.

— Толстая и тяжелая, как книга. Я отправил ее, когда был в Авиньоне, больше месяца назад.

— А вторая?

— Отправил в понедельник из Перпиньяна. Письмо.

— Кому предназначалось письмо?

— Эрнсту Сковиллю из Ренн-ле-Шато.

Молодой человек быстро перекрестился, и сенешаль заметил замешательство и удивление на его лице.

— В чем дело?

— Магистр сказал, что вы зададите мне эти вопросы.

Сенешаль задумался.

— Он сказал, что, когда вы спросите меня, я должен ответить правду. И также велел мне предупредить вас. Многие шли по дороге, которая предстоит вам, но никто не преуспел. Он сказал пожелать вам: «Бог в помощь!»

Его учитель был человеком блестящего ума и знал намного больше, чем давал понять.

— Он также сказал, что вы должны закончить поиск. Это ваше предназначение. Понимаете вы это или нет.

Сенешаль услышал достаточно. Теперь стало ясным, куда пропала книга из armoire в опочивальне магистра. Ее отослал магистр. Одним мановением руки он лишил сенешаля помощи... Жоффруа поклонился и поспешил прочь, за Золотую дверь.

— Погоди. Ты не сказал, куда отослал первую посылку, с книгой.

Жоффруа остановился и повернулся к нему, но не ответил.

— Почему ты молчишь?

— Нехорошо, что мы говорим о таких вещах здесь, рядом с ним. — Взгляд молодого человека упал на гроб.

— Ты сказал: он хотел, чтобы я знал.

Жоффруа опять перевел взгляд на сенешаля, в его глазах читалось беспокойство.

— Скажи мне, куда ты отослал книгу. — Сенешаль уже догадался, но хотел услышать подтверждение своим мыслям.

— В Америку. Женщине по имени Стефани Нелл.

ГЛАВА XX

Малоун внимательно рассматривал внутренности скромного жилища Эрнста Сковилля. Обстановка являла собой эклектическую смесь английского антиквариата, испанского искусства XX века и не имеющих особой ценности французских картин. Он прикинул, что здесь находится около тысячи книг, большинство — в мягкой обложке или старом переплете, тома тщательно рассортированы по теме и размеру. Старые газеты разложены по годам, в хронологическом порядке. То же самое с журналами. Все имело отношение к Ренну, Соньеру, французской истории, тамплиерам и Иисусу Христу.

— Такое ощущение, что Сковилль был знатоком Библии, — заметил он, указывая на ряды книг, посвященных толкованию священных текстов.

— Он изучал Новый Завет всю жизнь и был источником библейской информации для Ларса.

— Не похоже, что кто-то обыскивал дом.

— Это могли сделать очень аккуратно.

— Верно. Но что здесь могли искать? Что мы ищем?

— Я знаю не больше, чем ты. Я поговорила со Сковиллем, а через две недели после этого он погиб.

— Что он мог знать такого, ради чего его могли убить?

Стефани пожала плечами.

— Мы мило пообщались. Я серьезно полагала, что это он прислал мне дневник. Они с Ларсом тесно работали. Но он ничего не знал об этом дневнике и очень хотел прочитать его. — Она отвлеклась от разглядывания помещения и покачала головой. — Ты только посмотри на это. Он был одержимым. Ларс и я ссорились годами. Я всегда думала, что он тратит свой академический ум зря. Он был хорошим историком. Ему следовало прилично зарабатывать в каком-нибудь университете, публикуя серьезные исследования. Вместо этого он мотался по свету, преследуя тени.

— Он был автором бестселлеров.

— Только первая книга стала бестселлером. Вторым предметом наших постоянных споров служили деньги.

— Ты о многом сожалеешь?

— Ты ведь тоже? Я припоминаю, что ты тяжело перенес развод с Пэм.

— Никому не нравится потерпеть неудачу.

— По крайней мере, твоя жена не покончила с собой.

Она была права.

— По пути сюда ты говорила, что Ларс верил, что Соньер нашел какое-то послание в стеклянном фиале, обнаруженном в колонне. Кто оставил это послание?

— В своем дневнике Ларс написал, что, вероятно, его оставил один из предшественников Соньера, Антуан Бигу, служивший приходским священником в Ренне во второй половине восемнадцатого века, во времена Французской революции. Я упоминала о нем в машине. Это ему Мари д'Отпул де Бланшфор перед смертью поведала свой фамильный секрет.

— Так Ларс думал, что в фиале хранился этот секрет?

— Все не так просто. Мари д'Отпул вышла замуж за последнего маркиза де Бланшфора в тысяча семьсот тридцать втором году. Род Бланшфоров восходил ко временам тамплиеров. Они принимали участие в Крестовых походах и в альбигойских войнах. Один из предков ее мужа даже был магистром тамплиеров в середине двенадцатого века, и эта семья владела Ренном и его окрестностями много веков. Когда в тысяча триста седьмом году начались гонения на тамплиеров, де Бланшфоры приютили много беженцев, спасавшихся от людей Филиппа Четвертого. Говорят, хотя никто не знает, правда это или нет, что с тех пор члены семьи де Бланшфор всегда были тамплиерами.

— Ты говоришь как Хенрик. Ты на самом деле думаешь, что тамплиеры существуют до

сих пор?

— Понятия не имею. Но не могу выбросить из головы слова того мужчины из собора. Он цитировал святого Бернара Клервоского, монаха, жившего в двенадцатом веке и послужившего инструментом для восхождения тамплиеров к власти. Я сделала вид, что ничего не поняла. Но Ларс много писал о Бернаре.

Малоун тоже вспомнил, что это имя упоминалось в книге, которую он прочитал в Копенгагене. Бернар из Фонтена был монахом-цистерцианцем, основавшим монастырь в Клерво в XII веке. Великий философ, обладавший большим влиянием внутри церкви и ставший советником Папы Иннокентия II. Его дядя был одним из первых девяти тамплиеров, и именно Бернар убедил Иннокентия II даровать тамплиерам их устав.

— Человек в соборе знал Ларса, — сказала Стефани. — Даже упомянул, что говорил с ним о дневнике, но Ларс отказался отдать свои записи. Парень из Круглой башни тоже работал на него — он мне тоже это сказал, — и этот парень прокричал боевой клич тамплиеров, перед тем как прыгнуть.

— Это мог быть просто блеф.

— Я начинаю сомневаться в этом.

Малоун согласился, особенно с учетом того, что он заметил по пути с кладбища. Но пока предпочитал держать свои наблюдения при себе.

— Ларс писал в дневнике о тайне Бланшфоров, предположительно относившейся к тысяча триста седьмому году. Он обнаружил массу упоминаний о предполагаемом секрете этой семьи в документах, относящихся к этому периоду, но не смог найти ничего конкретного. По всей видимости, провел много времени в окрестных монастырях, изучая рукописи. Похоже, ключ к разгадке — могила Мари, изображенная в книге, которую купил Торвальдсен. Мари умерла в тысяча семьсот восемьдесят первом году, но аббат Бигу воздвиг памятник на ее могиле и сделал надпись только в тысяча семьсот девяносто первом году. Помнишь это время? Назревала Французская революция, католические церкви уничтожали. Бигу был антиреспубликанцем, поэтому в тысяча семьсот девяносто третьем году бежал в Испанию, где умер два года спустя, так и не возвратившись в Ренн-ле-Шато.

— И что, по мнению Ларса, Бигу спрятал внутри фиала?

— По-видимому, не сам секрет Бланшфоров, а скорее способ узнать его. В дневнике Ларс писал, что уверен, что ключом к тайне является могила Мари.

— Вот почему книга так важна!

Стефани кивнула.

— Соньер разрушил много могил на церковном дворе, он выкапывал кости и помещал их в общий склеп, который до сих пор существует позади церкви. Это объясняет, по словам Ларса, почему здесь не сохранилось ни одной могилы старше тысяча семьсот восемьдесят пятого года. Местные жители подняли шум из-за действий Соньера, поэтому городские советники велели ему прекратить. Он не успел эксгумировать могилу Мари де Бланшфор, но надгробный камень снес. Но Соньер не знал, что существует карандашный рисунок этого камня, сделанный местным мэром Эженом Штиблейном. Ларс проведет об этом рисунке, но не смог найти книгу.

— Откуда Ларс знал, что Соньер снес могильный камень?

— Есть записи, что могила Мари подверглась акту вандализма. Никто не проявил к этому особого внимания, но кто еще это мог быть, если не Соньер?

— И Ларс думал, что все это ведет к сокровищу?

— Он написал в дневнике, что Соньер расшифровал послание, оставленное Антуаном Бигу, и нашел сокровищницу тамплиеров, поделившись секретом только со своей любовницей, а она умерла, не сказав никому ни слова.

— И что ты собираешься делать? Использовать дневник и книгу, чтобы попытаться найти сокровище?

— Я не знаю, что мне следует делать. Но что-то побудило меня приехать сюда, попытаться купить книгу и посмотреть на все это. — Стефани сделала паузу. — Это также

дало мне предлог посетить Ренн, остановиться ненадолго в доме Ларса и вспомнить...

Он кивнул:

— А зачем ты связалась с Петером Хансеном? Почему сама не купила книгу?

— Я все еще работаю на правительство Соединенных Штатов. Я подумала, Хансен обеспечит мне анонимность. Само собой, я понятия не имела, во что это выльется.

Малоун обдумал ее слова.

— Значит, Ларс шел по следам Соньера, как Соньер в свое время — по следам Бигу...

— Да.

— И похоже, по этим следам идет кое-кто еще. Мы должны тщательно просмотреть все, что здесь находится, в надежде найти какую-нибудь ниточку.

Что-то около входной двери привлекло его внимание. Когда они распахнули дверь, пачка корреспонденции, разбросанной по полу, отлетела к стене. Видимо, почтальон опускал письма в щель в двери. Малоун подошел ближе и поднял полдюжины конвертов.

Стефани приблизилась к нему и сказала:

— Дай посмотреть.

Он протянул ей темно-серый конверт, надписанный черными чернилами.

— Записка, вложенная в дневник Ларса, была написана на такой же бумаге и похожим почерком. — Она вытащила бумажку из сумки, и они сравнили почерк. — Да, одинаковый.

— Я уверен, Сковилль не будет возражать. — Малоун открыл конверт.

Там были девять листов бумаги. На одном из них было послание, написанное теми же чернилами и тем же почерком, что на записке, адресованной Стефани.

«Она приедет. Будьте великодушны. Вы так долго искали и заслуживаете увидеть. Вместе у вас может получиться. В Авиньоне найдите Кларидона. Он укажет путь. Но *prend garde l'Ingénieur*».

Он перечитал последнюю строчку еще раз — *prend garde l'Ingénieur*.

— «Опасайтесь инженера». Что это значит?

— Хороший вопрос.

— В дневнике ничего нет об инженере?

— Ни слова.

— Будьте великодушны. Очевидно, отправитель знал, что у вас со Сковиллем были не очень хорошие отношения.

— Это меня раздражает. Я не думала, что кто-то еще в курсе.

Малоун рассмотрел остальные восемь листов бумаги.

— Это пропавшие страницы из дневника Ларса. — Он посмотрел на марку на конверте. Из Перпиньяна, на побережье Франции. Отослано пять дней назад. — Сковилль так и не получил письмо. Оно пришло слишком поздно.

— Эрнст был убит, Коттон. Теперь в этом нет никакого сомнения.

Он пришел к такому же выводу, но его тревожило кое-что еще. Он подкрался к одному из окон и осторожно посмотрел сквозь занавески.

— Нам надо ехать в Авиньон, — добавила она.

Малоун согласился. Но, всматриваясь в пустую улицу, он кое-что заметил — то, чего и ожидал.

— Но сначала нам надо сделать одну вещь.

ГЛАВА XXI

Аббатство де Фонтен

18.00

Раймон де Рокфор стоял перед собранием. Братья редко носили роскошные официальные одежды. Устав требовал, чтобы обычно они одевались сдержанно и скромно.

Но конклав требовал соблюдения формальностей, и каждый член братства должен был быть облачен согласно своему рангу.

Зрелище было впечатляющим. Братья-рыцари щеголяли в белых шерстяных мантиях поверх коротких белых сутан, отороченных алой тесьмой. На ногах были серебристые чулки. Головы покрыты белыми капюшонами. Красный крест, состоявший из четырех равных частей, расширившихся на концах, украшал грудь каждого. Алые пояса обвивали талии в том месте, где некогда висел меч, теперь только лента отличала рыцарей от ремесленников, крестьян, писцов, священников и других, носивших похожую форму, но других цветов — зеленого, коричневого и черного.

Устав требовал, чтобы после созыва консистории процедуру вел маршал. Это был способ уравновесить влияние сенешаля, поскольку он, как второй человек в ордене после магистра, мог легко подчинить собрание своей воле.

— Братья мои, — воззвал де Рокфор.

Комната наполнилась шумом.

— Наступает время нашего возрождения. Мы должны избрать магистра. Перед тем как мы начнем, давайте попросим Господа нашего направлять нас в ближайшие часы.

В свете бронзовых канделябров де Рокфор наблюдал, как четыреста восемьдесят восемь братьев склонили головы. Зов был послан сразу после восхода солнца, и большинство тех, кто обитал за пределами аббатства, успели прибыть сюда. Они собрались в верхнем зале *palais*, огромной круглой крепости, построенной в XVI веке, высотой в сто футов, диаметром в семьдесят и стенами толщиной в дюжину футов. Некогда эта крепость служила последней линией защиты аббатства в случае нападения, но теперь превратилась в хорошее место для проведения церемоний. Бойницы закрыли витражами, бледно-желтая штукатурка была покрыта росписью с изображениями святого Мартина, Карла Великого и Девы Марии. Круглое помещение с двумя галереями сверху, огороженными перилами, легко вмещало почти пять сотен человек и обладало великолепной акустикой.

Де Рокфор поднял голову и посмотрел в глаза остальных четырех сановников. Командор, служивший одновременно квартирмейстером и казначеем, был его другом. Де Рокфор потратил годы, налаживая отношения с этим сдержанным человеком, и надеялся, что его усилия вскоре принесут плоды. Кладовщик, следивший за одеждой и бельем братьев, явно готов поддержать дело маршала. Но капеллан, отвечающий за все духовные аспекты жизни братьев, представлял собой проблему. Де Рокфор никогда не мог добиться от венецианца ничего конкретного, лишь общие фразы. И сенешаль, державший в руках *beauseant*, — священное черно-белое знамя ордена. Он чувствовал себя комфортно в белой тунике и капюшоне, нашивка на левом плече свидетельствовала о его высоком чине. Подобное зрелище вызвало негодование у де Рокфора. Этот человек не имел никакого права носить столь драгоценное одеяние.

— Братья, консистория собрана. Время избрать конклав.

Процедура была обманчиво проста. Одно имя выбиралось из сосуда, в котором были записки с именами всех братьев. Потом этот человек называл имя еще одного брата — на свое усмотрение. Далее еще одно имя вынималось из сосуда, и новоизбранный опять выбирал еще одного члена конклава — и так случайное чередовалось с преднамеренным, пока не набиралось десять человек. Эта система смешивала элемент случайности и личные предпочтения, уменьшая возможность манипулировать конклавом. Маршал и сенешаль включались автоматически, таким образом, число избранных братьев доходило до двенадцати. Чтобы стать магистром, надо получить две трети голосов.

Де Рокфор внимательно следил за ходом выборов. В итоге были выбраны четыре рыцаря, один священник, крестьянин, два ремесленника и рабочий. Многие из них — его последователи. Тем не менее проклятая случайность позволила включить в конклав нескольких, чья преданность ему была под большим сомнением.

Десять братьев выступили вперед и образовали полукруг.

— У нас есть конклав, — объявил де Рокфор. — Консистория закончена. Давайте

приступим к выборам.

Каждый брат откинул капюшон, показывая, что можно открывать дебаты. Конклав не был секретным мероприятием. Выдвижение кандидатов, обсуждение и голосование пройдут перед всем братством. Но устав требовал, чтобы зрители хранили полную тишину.

Де Рокфор и сенешаль заняли свои места в конклаве. Де Рокфор больше не был председателем — в конклаве все равны. Один из двенадцати, пожилой рыцарь с густой седой бородой, сказал:

— Следующим магистром должен стать наш маршал, охраняющий орден много лет. Я предлагаю обсудить его кандидатуру.

Еще двое согласились. Выдвинутый тремя братьями, де Рокфор стал кандидатом.

— Я не согласен с тем, что было сделано по отношению к покойному магистру. Он был хорошим человеком, любившим орден. Не следовало бросать ему такое обвинение. Я предлагаю кандидатуру сенешаля, — выступил вперед еще один брат.

Еще двое поддержали его.

Де Рокфор стоял неподвижно. Полки сформированы и выдвинуты на позицию.

Пусть начнется война.

Обсуждение шло уже второй час. Устав не ограничивал конклав во времени, но требовал, чтобы все присутствующие стояли. Поэтому продолжительность процедуры зависела от выносливости участников. Голосование еще не было объявлено. Любой из двенадцати членов конклава имел на это право, но никто не хотел упустить ни одного голоса — это было бы проявлением слабости, поэтому голосование назначалось, только когда две трети участников определялись с выбором.

— Меня не привлекает твой план, — сказал сенешалю священник.

— Я и не знал, что у меня есть план.

— Ты продолжишь путь нашего магистра. Путь прошлого. Так или нет?

— Я останусь верным моей присяге, как и тебе следовало бы, брат.

— Моя присяга ничего не говорит о слабости, — ответил священник. — Она не требует, чтобы я был почтителен по отношению к миру, погрязшему в невежестве.

— Мы берегли наше знание столетиями. Почему ты хочешь перемен?

Еще один член конклава взял слово:

— Я устал от лицемерия. Жадность и невежество чуть не уничтожили нас. Пришло время отплатить за это.

— Ради чего? — спросил сенешаль. — Чего мы добьемся?

— Справедливости! — выкрикнул другой рыцарь, и несколько членов конклава согласились с ним.

Де Рокфор решил, что пришло время выступить.

— «Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем».¹⁰

Сенешаль принял вызов:

— «Иисус сказал: Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно — в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас и вне вас».¹¹

— Мы никуда не придем, если будем сохранять прежний курс, — сказал де Рокфор.

Некоторые члены конклава согласно кивнули, но их было недостаточно, чтобы объявить голосование.

¹⁰ От Фомы святое благовествование, 1.

¹¹ От Фомы святое благовествование, 2.

Сенешаль поколебался мгновение, затем спросил:

— Поведай нам, маршал, каковы будут твои планы, если ты станешь магистром? Можешь сказать нам? Или ты поступишь как Иисус, являя чудеса только достойным и поступая так, чтобы правая рука не ведала, что творит левая? — Он воспользовался подвернувшейся возможностью, чтобы дать понять братству то, что предвидел. — И сказано: «Ибо нет ничего тайного, что не будет явным».¹² Так куда ты хочешь нас направить?

Де Рокфор обвел взглядом присутствующих. Это был его час.

— Подумайте о прошлом. О начале. Когда тысячи братьев приняли присягу. Это были храбрые люди, завоевавшие Святую землю. Хроники рассказывают о том, как один гарнизон потерпел поражение и был захвачен сарацинами. После битвы двумстам рыцарям было предложено сохранить жизнь, если они отвернутся от Христа и перейдут в ислам. Но каждый предпочел отдать свою жизнь. Это наше наследие. Крестовые походы были нашими походами.

Он сделал паузу для большего эффекта.

— Пятница тринадцатого октября тысяча триста седьмого года стала днем настолько позорным, настолько бесчестным, что западная цивилизация продолжает называть случившееся несчастьем. Тысячи наших братьев были арестованы не по праву. Еще вчера они были бедными рыцарями Христа и Храма Соломона, воплощением добра, готовыми умереть за свою церковь, Папу и Бога. А на следующий день их объявили еретиками. И каковы были обвинения? Что они плевали на распятие, обменивались непристойными поцелуями, проводили тайные собрания, поклонялись кошкам, практиковали содомию, благоговели перед идолами. — Он опять помолчал. — Ни слова правды, но наших братьев жестоко пытали, и многие не выстояли, сознавшись в том, чего не делали. Сто двадцать были сожжены на кострах.

Де Рокфор сделал еще одну паузу.

— Наше наследие запятнано позором, и в анналах истории нас подозревают в разных злодеяниях. И что ты скажешь миру? — спокойно спросил сенешаль.

— Правду.

— Почему они должны поверить тебе?

— У них не будет выбора.

— Почему?

— У меня будут доказательства.

— Ты обнаружил наше Великое Завещание?

Сенешаль давил на его единственное слабое место, но де Рокфор не мог позволить себе поддаться.

— Оно в пределах досягаемости.

С галереи донесся шум.

Лицо сенешаля осталось бесстрастным.

— Ты утверждаешь, что обнаружил наши архивы, утраченные семь веков назад. Нашел ли ты наше сокровище, которое избежало рук Филиппа Красивого?

— Оно тоже в пределах досягаемости.

— Смелые слова, маршал.

Де Рокфор посмотрел на братьев:

— Я искал десять лет. Задача очень сложная, но вскоре у меня будет доказательство, которое мир не сможет опровергнуть. Мы докажем, что наши братья не были еретиками. Напротив, каждый из них был святым.

Толпа зааплодировала. Де Рокфор воспользовался энтузиазмом братьев.

— Католическая церковь распустила наш орден, обвинив нас в том, что мы идолопоклонники. Но церковь сама благоговееет перед своими идолами, устраивая пышные

¹² От Фомы святое благовествование, 5.

церемонии. — Он сделал паузу. Потом громко продолжил: — Я верну плащаницу!

Еще больше аплодисментов. Просто шквал. Его поддерживают. Нарушение устава, но никому не было до этого дела.

— Церковь не имеет права владеть *нашей* плащаницей! — закричал де Рокфор, перекрывая рукоплескания. — Наш Великий магистр Жак де Моле подвергся пыткам, унижениям и был сожжен заживо. И за что? За то, что был верным слугой своего Бога и Папы Римского. Его наследие — это не *их* наследие. Это *наше* наследие. У нас есть средства достигнуть нашей цели. Так и будет, под моим руководством.

Сенешаль передал beauseant человеку, стоявшему рядом с ним, подошел к де Рокфору и подождал, пока стихнет шум.

— Что будет с теми, которые не так уверены в этом, как ты?

— «Иисус [сказал]: Тот, кто ищет, найдет, [и тот, кто стучит], ему откроют». ¹³

— А с теми, кто не захочет?

— Евангелие ясно гласит. «Горе тому, кем завладели злые демоны».

— Ты опасный человек.

— Нет, сенешаль. Опасность — это ты. Ты пришел к нам поздно и со слабым сердцем. Ты не понимаешь наши нужды. Я же посвятил всю жизнь этому ордену. Никто, кроме тебя, не сомневается во мне. Я всегда придерживался мнения, что лучше сломаться, чем согнуться. — Он отвернулся от оппонента и дал знак конклаву. — Довольно. Я объявляю голосование.

Устав требовал, чтобы с этими словами дебаты закончились.

— Я проголосую первым, — добавил де Рокфор. — За себя. Все, кто согласен, скажите.

Он наблюдал, как остальные десять братьев обдумывали свое решение. Они хранили молчание во время его столкновения с сенешалем, но каждый внимательно слушал. Де Рокфор бросил яростный взгляд на конклав и впился глазами в нескольких, которых он считал целиком преданными.

Начали подниматься руки.

Одна. Три. Четыре. Шесть.

Семь.

У него были необходимые две трети, но он хотел большего, поэтому подождал еще, перед тем как объявить победу.

Все десять членов проголосовали за него.

Зал взорвался криками восторга.

В прежние времена его бы подхватили на руки и понесли в часовню, где в его честь отслужили бы мессу. Потом было бы празднование, один из редких случаев, когда орден позволял себе веселье. Но такого больше нет. Вместо этого люди начали петь его имя, и братья, которые обычно существовали в мире, лишенном эмоций, продемонстрировали одобрение, рукоплеща ему. Аплодисменты превратились в боевой клич — beauseant! — и это слово эхом отдалось в зале.

Будь славен.

Слушая пение, он уставился на сенешаля, все еще стоявшего рядом с ним. Их глаза встретились, и де Рокфор взглядом дал понять, что преемник, избранный покойным магистром, не только проиграл битву, но и жизнь его теперь в смертельной опасности.

ГЛАВА XXII

Ренн-ле-Шато

21.30

Стефани бродила по дому покойного мужа.

¹³ От Фомы святое благовествование, 98.

Помещение было типичным для этих мест. Прочный деревянный пол, потолки, укрепленные балками, простая мебель из сосны. Места не очень много, но хватает — две спальни, крошечная гостиная, ванная, кухня и мастерская. Ларс любил плотничать, она уже заметила, что его станок, стамески и долото сохранились, каждый инструмент висел на предназначенном для него колышке и был покрыт тонким слоем пыли. У Ларса был талант к резьбе по дереву. У нее еще остались кувшины, шкатулки и подсвечники, вырезанные им из здешних пород деревьев.

Пока они были женаты, Стефани приезжала сюда лишь несколько раз. Они с Марком жили в Вашингтоне, потом в Атланте. Ларс больше времени проводил в Европе, главным образом в Ренне. Никто из них не покушался на личное пространство другого без разрешения. Хотя они расходились во взглядах на жизнь, но вели себя вежливо. Может быть, слишком вежливо, она много раз думала об этом.

Она всегда считала, что Ларс купил этот дом на вознаграждение, полученное за первую книгу, но теперь знала, что ему помог Хенрик Торвальдсен. Это было так похоже на Ларса. Он обращал мало внимания на деньги, тратя все заработанное на путешествия и свои навязчивые идеи, а думать об оплате семейных счетов приходилось ей. Она совсем недавно выплатила кредит на обучение Марка. Сын несколько раз предлагал ей помочь погасить долг, особенно когда они стали отдаляться друг от друга, но она всегда отказывалась. Обязанность родителей — дать образование своему ребенку, и она относилась к этому серьезно. Может быть, слишком серьезно...

Она и Ларс много месяцев перед его смертью не общались. А его самоубийство — окончание страданий одного человека — продлевало мучения тех, кого он покинул. Боль неудачи, как это назвал один писатель.

Стефани закончила обход дома, вошла в гостиную и уселась напротив Малоуна, увлеченного чтением дневника Ларса.

— Твой муж был дотошным исследователем, — заметил он.

— Предпочитал разгадывать загадки — и сам был загадкой.

Он заметил, что Стефани расстроена.

— Не хочешь сказать мне, почему ты чувствуешь ответственность за его самоубийство?

Ей надо было выговориться.

— Я не чувствую себя ответственной, я просто ощущаю себя частью этого. Мы оба были гордыми. И упрямыми. Я работала в юстиции, Марк вырос, и мне собирались дать собственный отдел, так что я сконцентрировалась на том, что считала важным. Ларс сделал то же самое. К сожалению, никто из нас не ценил другого.

— Сейчас это легко понять, когда прошли годы. Но тогда вы не знали.

— Но в этом и была проблема, Коттон. Я здесь. А он нет. — Ей было не по себе говорить об этом, но она должна была. — Ларс был одаренным писателем и талантливым исследователем. А эти истории о Соньере и этом городе, которые я рассказывала тебе сегодня? Интересно, верно? Если бы я уделяла этому внимание, пока он был жив, может быть, он был бы с нами до сих пор. — Стефани занервничала. — Он был таким спокойным. Никогда не повышал голос. Никогда не ругался. Его оружием было молчание. Он мог неделями не говорить мне ни слова. Это повергало меня в ярость.

— Я понимаю. — И он улыбнулся.

— Я знаю. Мой вспыльчивый характер. Ларс никогда не умел управляться со мной. В конце концов мы решили, что для каждого из нас будет лучше жить своей жизнью. Никто не хотел развода.

— Это много говорит о его отношении к тебе.

— Я никогда этого не видела. Все, что я замечала, — между нами был Марк. Он был привязан к Ларсу. Мне тяжело было справляться с эмоциями. Не то что Ларсу. И Марк унаследовал отцовский интерес к религии. Они были так похожи. Мой сын предпочел мне отца, но я пыталась переломить этот выбор. Торвальдсен был прав. Для человека, столь

успешного в работе, я была на редкость бестолкова в личной жизни. До того как Марк погиб, я не разговаривала с ним три года. — Боль разрывала ее сердце. — Можешь себе представить это, Коттон? Мы с сыном не общались три года.

— Почему?

— Он принял сторону отца, так что они пошли своим путем, а я своим. Марк жил тут, во Франции, а я осталась в Америке. Спустя какое-то время я привыкла не думать о нем. Никогда не позволяй, чтобы это случилось с тобой и Гарри. Никогда!

— Я просто поселился за четыре тысячи миль от него.

— Но твой сын обожает тебя. Эти мили мало что значат.

— Я много раз думал, правильно ли я поступил.

— Ты должен жить своей жизнью, Коттон. Идти своим путем. Твой сын, по-видимому, уважает твой выбор, хотя он такой юный. Мой был намного старше и намного жестче со мной.

Он глянул на часы:

— Солнце сядет через двадцать минут. Время пришло.

— Когда ты заметил, что за нами хвост?

— Сразу после нашего приезда. Двое мужчин. Оба похожи на тех из собора. Они следовали за нами на кладбище и потом по городу. Сейчас они рядом с домом.

— Они не войдут сюда?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Они здесь, чтобы наблюдать.

— Теперь я понимаю, почему ты ушел из Billet. Постоянная тревога... Никогда не можешь расслабиться. Ты был прав там, в Копенгагене. Я не полевой агент.

— Беспокоиться я начал тогда, когда понял, что получаю удовольствие от всего этого. Это опасно для жизни.

— Мы все живем в относительной безопасности. Но чтобы за тобой постоянно следили люди, намереваясь убить тебя? Теперь я понимаю, как это могло сказаться на тебе. В конце концов ты должен был сбежать.

— Тренировки учат спасать собственную шкуру. Ты учишься справляться с неуверенностью. Но тебя никогда не тренировали для работы в поле. — Малоун улыбнулся. — Ты просто координатор и аналитик.

Стефани улыбнулась:

— Ты мой лучший агент.

— Я просто самый везучий. И у меня хватило здравого смысла вовремя остановиться.

— Петера Хансена и Эрнста Сковилля убили. — Она сделала паузу и наконец озвучила то, в чем убедилась. — И Ларса, наверное, тоже. Человек в соборе хотел, чтобы я это знала.

— Не вижу связи.

— Я знаю. Нет доказательств. Но я чувствую, что это так. Хотя я не полевой агент, но научилась доверять своим ощущениям. Тем не менее, как я всегда тебе говорила, нельзя делать выводы на основе предположений. Нужны факты. Все это дело очень странное.

— Расскажи мне о них. О рыцарях-тамплиерах. Секретные надписи на могильных памятниках. Священники, обнаружившие утраченное сокровище.

Она глянула на фото Марка на боковом столике, сделанное за несколько месяцев до его смерти. В полном жизни лице молодого человека угадывались черты Ларса. Такой же подбородок с ямочкой, яркие глаза и смуглая кожа. Как она допустила, чтобы они стали чужими друг другу?

— Откуда это здесь? — спросил Коттон, перехватив ее взгляд.

— Я поставила сюда эту фотографию, когда приезжала последний раз. Пять лет назад. Сразу после лавины.

Трудно поверить, что твой единственный ребенок мертв уже пять лет. Дети не должны умирать с мыслью, что родители их не любят. В отличие от ее мужа, который лежал в могиле, Марк был погребен под тоннами пиренейского снега в тридцати милях к югу

отсюда.

— Я должна довести дело до конца, — пробормотала Стефани дрожащим голосом.

— Я до сих пор не понимаю, что это за «дело». — Малоун взмахнул дневником. — По крайней мере, мы знаем, где искать Кларидона. Его зовут Ройс Кларидон. Здесь есть адрес. Они с Ларсом были друзьями.

— Я гадала, когда ты обнаружишь это.

— Я что-то пропустил?

— Трудно выделить самое важное. Тут так много всего написано.

— Может быть, хватит врать мне? Я не смогу помочь, если ты будешь утаивать информацию.

Стефани кивнула.

— Что там с пропавшими страницами, посланными Сковиллю? Что-нибудь ценное?

— Это ты мне скажи. — И он протянул ей восемь страниц.

Она решила, что некоторое количество умственного труда отвлечет ее от мыслей о Ларсе и Марке. Просмотрела рукописный текст. Большая часть ничего не значила, но некоторые абзацы разрывали ее сердце.

«...Соньер очень любил свою подругу. Она появилась в его жизни, когда ее семья переехала в Ренн. Ее отец и брат были искусными ремесленниками, а мать присматривала за домом священника. Это случилось в 1892 году, спустя год после того, как Соньер сделал открытие. Когда ее семья уехала из Ренна, устроившись на работу на расположенной неподалеку фабрике, она осталась с Соньером и не покидала его двадцать лет до самой смерти. Он записал на ее имя все, чем обладал, что показывает, как безусловно доверял ей. Она была беззаветно предана ему, храня его секреты в течение тридцати шести лет после его смерти. Я завидую Соньеру. Это был человек, познавший беззаветную любовь женщины и отвечавший ей таким же беззаветным доверием и уважением. Говорят, ему было трудно угодить, им руководила страсть совершить что-то, за что люди будут помнить его. Роскошная церковь Святой Магдалины — это его наследие. Нет ни одного упоминания, что его возлюбленная хотя бы раз возразила против того, что он делал. Все источники сообщают, что она была преданной женщиной, поддерживавшей его во всех начинаниях. Наверняка между ними были разногласия, но в итоге она была рядом с Соньером до его последнего дня и хранила ему верность даже после его смерти. Можно долго говорить о преданности. Мужчина может свернуть горы, когда его поддерживает любимая женщина, даже если она считает, что его дело — это чепуха. Наверняка возлюбленная Соньера не раз качала головой при виде нелепости его созданий: и вилла Вифания, и башня Магдала — несуразные для того времени сооружения. Но она никогда не пыталась затушить горящий в его душе огонь. Она любила его настолько, что позволяла ему делать то, чего он жаждал, и результаты мы видим сегодня — тысячи тех, кто приезжает в Ренн каждый год. Вот что такое наследие Соньера. Ее наследие — это то, что его дела до сих пор живы».

— Зачем ты дал мне это? — спросила она Малоуна, дочитав.

— Тебе это нужно.

Откуда восстали все эти призраки? Может быть, в Ренн-ле-Шато нет сокровищ, но здесь скрыты демоны, стремящиеся истерзать ее душу.

— Когда я получила посылку с дневником и прочитала его, я осознала, что была несправедлива по отношению к Ларсу и Марку. Они верили в то, что искали, точно так же, как я верила в свою работу. Марк, бывало, говорил, что я — сплошной негатив. — Стефани помолчала, надеясь, что их души слышат ее сейчас. — Я была не права. То, чем занимался Ларс, было делом его жизни, поэтому мне следовало относиться к этому серьезно. Вот почему я приехала, Коттон. Ради них. — Она посмотрела на него уставшими глазами. — Бог знает, я им должна. Я просто никогда не понимала, что ставки настолько высоки.

Малоун снова глянул на часы, потом уставился в темные окна.

— Пришло время узнать, насколько они высоки. С тобой будет все в порядке здесь?

Она взяла себя в руки и кивнула:

— Я найду, чем себя занять. А ты делай свое дело.

ГЛАВА XXIII

Малоун вышел из дома через главный вход, не пытаясь спрятаться. Двое мужчин, которых он заметил раньше, скрывались в дальнем конце улицы, за углом, неподалеку от городской стены, откуда они могли следить за домом Ларса Нелла. Но чтобы последовать за ним, они должны были пересечь эту пустынную улицу. И любители, и профессионалы наверняка разделились бы. Укрылись бы в противоположных концах, готовые двигаться в любом направлении. Как и в Роскиле, этот вывод слегка утешил его. Но он оставался настороже, чувства были обострены. Кто же так интересуется делами Стефани?

Может быть, это современные рыцари-тамплиеры?

Страдания Стефани вызвали у него мысль о Гарри. Смерть ребенка казалась ему непостижимой и невыразимой. Он не мог даже представить себе ее горе. Может быть, после отставки ему следовало жить в Джорджии, но Гарри и слышать об этом не хотел. Не беспокойся обо мне, сказал его сын. Я буду приезжать к тебе. В четырнадцать лет у его мальчика была такая трезвая голова. Тем не менее принятое решение то и дело казалось ему неправильным, особенно сейчас, когда он снова рисковал головой ради дела, которое его не касалось. Его отец был таким же — погиб, когда его подводная лодка затонула во время учений в Северной Атлантике. Малоуну тогда было одиннадцать лет, и он помнил, как тяжело перенесла это мать. На поминальной службе она даже отказалась взять сложенный флаг, предложенный ей почетным караулом. Но он взял его и с тех пор повсюду возил с собой это красно-бело-синее полотно. У его отца не было могилы, которую Малоун мог бы навещать, и этот флаг остался единственным напоминанием о человеке, которого он почти не знал.

Он дошел до конца улицы. Ему не надо было оглядываться, чтобы заметить, что один из наблюдателей идет за ним, а второй остался следить за Стефани.

Он свернул налево и направился к владениям Соньера.

Ренн не был ночным городом. Попадались только запертые двери и занавешенные окна. Ресторан, книжный магазин и киоски уже закрылись. Сумрак набросил на улицу глубокую тень. Ветер стонал между стенами, словно заблудшая душа. Эта сцена напомнила ему романы Дюма, словно все живое говорит тут только шепотом.

Улица сбегала вниз к церкви. Вилла Вифания и дом священника были заперты, сад около них освещался луной, которую то и дело закрывали облака.

Калитка, ведущая в церковный двор, оказалась открытой, как и говорила Стефани. Малоун направился туда, зная, что хвост последует за ним. Во дворе он воспользовался сгущающейся темнотой и скользнул за огромный вяз. Всмотрелся во тьму и увидел, что его преследователь, ускоряя шаг, входит на кладбище. Когда мужчина миновал дерево, Малоун прыгнул на него и двинул кулаком ему в живот. С облегчением почувствовал, что бронежилета нет. Ударил своего преследователя еще раз — в челюсть, сбив его с ног, потом резко дернул вверх.

Молодой человек был невысок, мускулист и чисто выбрит, с гладко причесанными светлыми волосами. Он оцепенел от неожиданности, когда Малоун ошупал его, быстро обнаружив оружие. Малоун извлек из-под пиджака незнакомца пистолет. «Беретта bobcat». Сделано в Италии. Маленькое полуавтоматическое оружие. Когда-то он тоже носил такое. Он приставил дуло к шее преследователя и крепко прижал его к дереву.

— Имя твоего хозяина!

Молчание.

— Ты говоришь по-английски?

Парень отрицательно покачал головой, продолжая втягивать в себя воздух и пытаясь прийти в чувство.

— Ты понял мой вопрос, значит, поймешь и это. — И Малоун взвел курок.

Противник оцепенел, что означало: он все прекрасно понял.

— Твой хозяин?

Внезапно прозвучал выстрел, и пуля вонзилась в дерево над их головами. Малоун резко обернулся и увидел неясный силуэт с винтовкой в руках, в ста футах от них, там, где бельведер примыкал к кладбищенской стене.

Еще один выстрел, и пуля вспорола землю у него под ногами. Он отпустил пленника, и тот ринулся прочь с церковного двора.

Но Малоуна сейчас больше беспокоил стрелявший. Он увидел, что тот отступил с террасы и скрылся за бельведером. Малоун почувствовал прилив энергии. С пистолетом в руках он пробежал кладбище и влетел в узкий проход между виллой Вифания и церковью. Он помнил эту местность, поскольку видел ее при свете дня. Впереди лежал сад, окруженный бельведером, который изгибался буквой U в сторону башни Магдала.

Он вбежал в сад и увидел, что стрелявший бежит к бельведеру. Единственным путем вверх была каменная лестница. Он помчался по ней, перескакивая через три ступеньки. Наверху в легкие ворвался холодный воздух, и его тут же атаковал сильный ветер, замедляя продвижение.

Малоун увидел, что стрелок бежит напрямик к башне Магдала. Он решил выстрелить вслед убежавшему, но сильный порыв ветра помешал ему, словно предостерегая. Он прикинул, куда направляется нападавший. Второй лестницы, по которой можно спуститься, не было, и Магдала наверняка уже закрылась на ночь. Слева простиралась кованая решетка, в десяти метрах под ней росли деревья. Справа за низкой каменной стеной находился обрыв глубиной в полторы тысячи футов. В конце концов он догонит нападавшего, кто бы он ни был.

Он завернул за террасу, миновал стекольный завод и увидел, как его противник входит в башню Магдала.

Малоун остановился.

Этого он не ожидал.

Он вспомнил, что Стефани рассказывала о плане здания. Площадью около восемнадцати квадратных футов, с круглой башенкой, в которой помещалась витая лесенка, ведущая на зубчатую крышу. Когда-то Соньер разместил здесь свою библиотеку.

Малоун решил, что у него нет выбора. Он подбежал к двери, увидел, что она открыта, и прижался к стене сбоку. Швырнул тяжелую деревянную палку внутрь и подождал выстрела.

Тишина.

Он рискнул заглянуть внутрь и увидел, что комната пуста. В помещении имелись два окна. Никакой мебели. Книг тоже нет. Только пустые деревянные сундуки и две обитые тканью скамьи. Камин, сложенный из камней, не горел. Потом до него дошло.

Крыша!

Он приблизился к каменной лестнице и обнаружил, что второй выход заперт снаружи. Подошел к окнам, выходящим в сад, и увидел, как темный силуэт ухватился за толстую ветку и ловко спрыгнул с террасы на землю. Потом неизвестный начал петлять между деревьями, направляясь к парковке в тридцати ярдах впереди, той самой, на которой Малоун оставил свой «пежо».

Малоун отступил и трижды выстрелил в левую часть двойного окна. Обрамленное свинцом стекло разлетелось вдребезги. Он подбежал к окну и с помощью пистолета расчистил осколки, потом вскочил на скамью, стоявшую под подоконником, и выбрался через окно. Под ним было всего шесть футов. Он спрыгнул и рванулся по направлению к парковке.

Выбегая из сада, он услышал рев двигателя и увидел, что его преследователь сидит на мотоцикле. Тот газанул и поехал между домами, избегая единственной улицы, ведущей с

парковки.

Малоун тут же решил воспользоваться компактным расположением Ренна и рванул вправо по короткому переулку и вывернул на главную улицу. Улица шла под уклон, и это облегчало бег. Он услышал, что мотоцикл приближается справа. У него будет только один шанс, так что он собрался, поднял пистолет и замедлил бег.

Когда мотоциклист вырвался из переулка, Малоун дважды выстрелил.

Одна пуля ушла мимо, но вторая угодила в мотоцикл, высекла искры и отскочила рикошетом.

Мотоцикл с ревом вылетел из городских ворот.

Вокруг начали загораться огни. Естественно, выстрелы были здесь непривычным звуком. Он сунул пистолет под пиджак, скрылся в другом переулке и заторопился к дому Ларса Нелла. Позади слышались голоса. Люди собирались, чтобы выяснить, что произошло. Через несколько минут он будет в доме, в безопасности. Малоун сомневался, что двое его преследователей околачиваются около дома — хотя, если они там, это будет проблемой.

Но из головы не выходила одна мысль.

Когда он наблюдал за тем, как неизвестный прыгает с террасы, а потом убегает, у него возникло предположение. Что-то в манере двигаться удивило его.

Трудно сказать наверняка, но, скорее всего, это так.

Нападавший был женщиной.

ГЛАВА XXIV

Аббатство де Фонтен

22.00

Сенешаль наконец нашел Жоффруа. Он искал своего помощника с самого окончания конклава и выяснил, что молодой человек укрылся в маленькой часовенке в северном крыле, за библиотекой — в одном из многих мест для отдыха, имевшихся в аббатстве.

Он вошел в комнату, освещенную только свечами, и увидел, что Жоффруа лежит на полу. Братья часто опускались ниц перед Божьим алтарем. В период ученичества это действие было демонстрацией своей ничтожности перед лицом небес, а после продолжало служить напоминанием о смирении.

— Нам надо поговорить, — спокойно сказал сенешаль.

Его молодой помощник несколько секунд сохранял неподвижность, потом медленно встал на колени, перекрестился и поднялся на ноги.

— Скажи мне точно, чем вы с магистром занимались. — Сенешаль был не расположен терпеть увертки. К счастью, Жоффруа выглядел более спокойным, чем в Зале Отцов.

— Он хотел убедиться, что те две посылки будут отправлены.

— Он сказал почему?

— Нет. Он магистр. А я всего лишь рядовой брат.

— Видимо, он очень доверял тебе, раз прибегнул к твоей помощи.

— Он сказал, что вам это не понравится.

— Я не столь мелочен. — Сенешаль чувствовал, что этот человек знает намного больше, чем говорит. — Расскажи мне все.

— Не могу.

— Почему?

— Магистр приказал мне ответить на вопрос о посылках. Но мне не велено больше ничего говорить... пока не случится еще кое-что.

— Жоффруа, что еще должно случиться? Де Рокфор победил на выборах. Ты и я фактически остались в одиночестве. Братья присоединяются к де Рокфору. Чего еще ты ждешь?

— Это не мне решать.

— Де Рокфор не сможет стать полноправным магистром, не найдя Великое Завещание.

Ты слышал, что говорилось на конклаве. Братья отвернутся от него, если он потерпит неудачу. Вы это замыслили с магистром? Магистр знал больше, чем сказал мне?

Жоффруа молчал, и сенешаль внезапно заметил в своем помощнике уверенность и упорство, которых никогда прежде не замечал.

— Мне стыдно признаться, но магистр сказал мне, что маршал победит вас на конклаве.

— Что еще он сказал?

— Сейчас я больше ничего не могу сказать.

Его уклончивость раздражала.

— Наш магистр был выдающимся человеком. Как ты сказал, он предвидел то, что случилось. Очевидно, он видел вперед достаточно далеко, чтобы избрать тебя своим оракулом. Скажи мне, что я теперь должен делать? — Сенешалю не удалось скрыть мольбу в голосе.

— Он велел ответить мне на этот вопрос словами Иисуса: «Тот, кто не возненавидел своего отца и свою мать, не сможет быть моим учеником...»¹⁴

Что магистр имел в виду?

— «...когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем», — сказал сенешаль. — Это что, загадка?

Жоффруа не ответил. Он занимал положение намного ниже, чем сенешаль, его дорога к познанию только начиналась. Членство в ордене являлось постепенным движением к полному гностицизму — путешествием, обычно занимавшим три года. Жоффруа пришел в аббатство всего лишь полтора года назад из иезуитского приюта для сирот в Нормандии. Магистр сразу же обратил на него внимание и пожелал, чтобы его продвинули. Сенешаль удивился этому поспешному решению, но его учитель просто улыбнулся и сказал: «То же самое я сделал и с тобой».

Сенешаль положил руку на плечо своего помощника:

— Поскольку магистр прибегнул к твоей помощи, он, должно быть, высоко ценил твои способности.

На бледном лице Жоффруа отразилась решимость.

— И я его не подведу.

Братья шли разными путями. Некоторые работали по административной части. Другие становились ремесленниками. Многие участвовали в жизнеобеспечении аббатства в качестве фермеров. Избранные посвящали себя исключительно религии. Только треть избиралась рыцарями. Жоффруа должен был стать рыцарем в течение ближайших пяти лет, в зависимости от собственных успехов. Он уже завершил необходимое начальное обучение. До того как ему будет дозволено принести первую клятву верности, Жоффруа предстояли годы изучения Священного Писания. «Такой позор, — внезапно подумал сенешаль. — Жоффруа может утратить все, чего добился своим трудом».

— Сенешаль, как насчет Великого Завещания? Его возможно найти, как утверждает маршал?

— Это наше единственное спасение. Де Рокфор не обладает им, видимо, он думает, что мы знаем, где оно. А мы знаем?

— Магистр говорил о нем, — быстро сказал Жоффруа, словно жалея о своих словах.

Сенешаль ждал продолжения.

— Он сказал мне, что ближе всего к этой тайне подошел человек по имени Ларс Нелл. Он сказал, что Нелл шел по верному пути. — На бледном лице Жоффруа отразилось беспокойство.

Сенешаль и его магистр много раз говорили о Великом Завещании. Тамплиеры владели им до 1307 года, но во время чистки спрятали в неизвестном месте, чтобы до него не

¹⁴ От Фомы святое благовествование, 60.

добрался Филипп IV, жаждавший завладеть богатствами и знанием тамплиеров. Незадолго до 13 октября Жак де Моле надежно укрыл все, чем владел орден. К несчастью, никаких записей, указывающих на местоположение тайника, не осталось, а чума со временем унесла жизни тех, кто что-то знал. Единственный ключ был в Хрониках от 4 июня 1307 года. *Где лучшие всего спрятать камень?* Впоследствии магистры пытались найти ответ на этот вопрос и продолжали поиски, пока их усилия не были признаны бессмысленными. И только в XIX веке появились новые части головоломки — найденные не орденом, а двумя приходскими священниками из Ренн-ле-Шато. Аббаты Антуан Бигу и Беранже Соньер. Сенешаль знал, что Ларс Нелл воскресил их поразительную историю, написав в 1970-х годах книгу, поведавшую миру о маленькой французской деревушке и о древнем сокровище, предположительно спрятанном в ней. Но теперь узнать, как близко он подошел к разгадке тайны, не представлялось возможным.

Сенешаль собирался продолжить расспросы, но ему помешали звуки шагов. Он повернулся и увидел, что в часовню вошли четыре рыцаря, которых он знал лично. Следом за ними появился де Рокфор, облаченный в белую мантию магистра.

— Плетем заговоры, сенешаль? — поинтересовался де Рокфор, довольно улыбаясь.

— Уже нет, — ответил сенешаль, удивляясь наличию охраны. — Тебе нужна публика?

— Они здесь из-за тебя. Хотя я надеюсь, что все можно сделать цивилизованно. Ты арестован.

— По какому обвинению? — полюбопытствовал сенешаль, не выказывая ни малейшего признака беспокойства.

— Нарушение данной тобой присяги.

— Ты намереваешься объяснить мне, в чем дело?

— На соответствующем собрании. Братья проводят тебя в твои покои, где ты проведешь ночь. Завтра я найду для тебя более подходящее помещение. Новому сенешалю понадобится эта комната.

— Как мило с твоей стороны.

— Еще бы. Но радуйся. Твоим домом следовало бы сделать камеру грешника.

Он знал о них. Металлические клетушки, в которых невозможно ни стоять, ни лежать. Только сидеть скрючившись. И мучения заключенного усиливались отсутствием еды и воды.

— Ты собираешься начать снова использовать камеры?

Он видел, что де Рокфора не обрадовал этот вопрос, но француз только улыбнулся. Этот монстр даже улыбался редко.

— Мои сторонники, в отличие от твоих, верны своим клятвам. У нас нет нужды в таких мерах.

— Я даже думаю, что ты в это веришь.

— Видишь ли, высокомерие — та самая причина, почему я выступил против тебя. Те из нас, кто приучен к дисциплине и преданности, никогда не станут говорить в такой неуважительной манере. Но люди вроде тебя, пришедшие из светского мира, считают высокомерие приемлемым.

— Требование лишить нашего магистра положенных ему почестей было проявлением уважения?

— Это была цена, которую он заплатил за *свое* высокомерие.

— Он был воспитан так же, как и ты.

— Что значит, что мы тоже можем ошибаться.

Он начал уставать от де Рокфора, поэтому собрался с силами и сказал:

— Я требую свое право на трибунал.

— Ты его получишь. А пока что будешь под арестом.

Де Рокфор сделал повелительный жест. Четверо рыцарей выступили вперед, и сенешаль решил сохранять достоинство, несмотря на то что был испуган.

В окружении стражи он направился к выходу из часовни, но на пороге задержался и обернулся, глянув на Жоффруа. Молодой человек молчал, пока они с де Рокфором

пикировались. По всей видимости, новый магистр не обращал внимания на таких молодых братьев. Пройдет много лет, прежде чем Жоффруа сможет представлять для него опасность. Тем не менее сенешаль был изумлен.

На лице Жоффруа не было ни тени страха, стыда или опасения.

Только выражение твердой решимости.

ГЛАВА XXV

Ренн-ле-Шато

24 июня, суббота

9.30

Малоун с трудом втиснул свое длинное тело в «пежо». Стефани уже сидела в машине.

— Заметил кого-нибудь? — спросила она.

— Наши вчерашние друзья вернулись. Упорные молокососы.

— А девушка на мотоцикле? — спросила Стефани, которой он рассказал о своих подозрениях.

— Не думаю, что она появится.

— Где наши двое амигос?

— В красном «рено» в дальнем конце улицы, за водонапорной башней. Не поворачивай голову. Не спугни их.

Он повернул зеркальце машины, чтобы видеть «рено». Песчаную парковку уже заполнили туристические автобусы и примерно дюжина автомобилей. От вчерашней ясной погоды не осталось и следа, небо было покрыто оловянными грозовыми облаками. Надвигался дождь. Малоун и Стефани направлялись в Авиньон, в девяносто миль отсюда, чтобы найти Ройса Кларидона. Малоун уже посмотрел карту и выбрал путь, который позволит им отделаться от хвоста.

Он завел машину, и они вырулили из Ренна. За городскими воротами по дороге вниз он заметил, что «рено» держится позади.

— Как ты собираешься отделаться от них?

Малоун ухмыльнулся:

— Старым добрым способом.

— Всегда планируешь заранее?

— Этому меня научила одна дамочка, на которую я когда-то работал.

Они выехали на шоссе D118 и направились на север. Карта показывала, что через двадцать миль начиналась A61, платная трасса к югу от Каркасона, ведущая на северо-восток к Авиньону. В шести милях впереди, в Лиму, шоссе разветвлялось, одна дорога пересекала реку Од и вела в Лиму, другая тянулась на север. Он решил, что это и будет его шанс.

Начался дождь. Сначала моросящий, потом превратившийся в ливень. Малоун включил дворники на лобовом и заднем стеклах. Других машин на дороге почти не было. Видимо, субботнее утро удерживало водителей дома.

«Рено», чьи противотуманные фары пронзали завесу дождя, держал ту же скорость, что и они, потом прибавил газ. Он следил в зеркало заднего вида, как «рено» обогнал машину, ехавшую прямо за ними, затем еще прибавил, теперь удерживая курс параллельно «пежо».

Пассажирское стекло опустилось, и оттуда показался пистолет.

— Держись, — велел Малоун Стефани.

Он утопил педаль газа и с ревом свернул по изгибу дороги. «Рено» остался позади.

— Похоже, их планы изменились. Наши тени стали агрессивны. Надо было тебе остаться в безопасном месте.

— Я уже большая девочка. Следи за дорогой.

Он свернул за очередной поворот, и «рено» сократил дистанцию между ними. Малоун с трудом удерживал высокую скорость. Дорога с каждой минутой становилась все более мокрой. Разделительных линий не было видно, края дороги частично скрылись под лужами,

в которых легко могла утонуть машина.

Заднее стекло расколола пуля. Потом пули защелкали по корпусу машины.

Бензобак не взорвался, но он сомневался, что машина выдержит следующий обстрел. Малоун начал передвигаться зигзагами, пытаясь угадать, где под лужами заканчивается асфальт. Заметил, что спереди приближается машина, и был вынужден вернуться со встречной полосы на свою.

— Ты умеешь стрелять? — спросил он, не сводя глаз с дороги.

— У тебя есть пистолет?

— Да, под сиденьем. Я отобрал его у вчерашнего парня. Там полный магазин. Заставь их вести себя осторожнее. Мне надо немножко оторваться от этих юнцов.

Стефани нащупала пистолет и опустила стекло со своей стороны. Высунулась наружу, прицелилась и выпустила пять пуль.

Выстрелы возымел и желаемый эффект. «Рено» увеличил дистанцию, но не прекратил преследования. Малоун свернул за очередной поворот, работая педалями тормоза и газа, как его учили много лет назад.

Хватит быть жертвой.

Он выехал на встречную полосу и ударил по тормозам. Шины взвизгнули на мокром асфальте. «Рено» пролетел мимо.

Малоун отпустил тормоз, включил понижающую передачу, затем выжал газ до упора.

Колеса бешено завертелись, и машина рванулась вперед.

Малоун переключил на пятую передачу.

Теперь «рено» был впереди. Малоун еще увеличил скорость. Шестьдесят. Шестьдесят пять. Семьдесят миль в час. Приключение бодрило Малоуна. Давненько он не участвовал в такой гонке.

Малоун опять вылетел на встречную полосу, держась параллельно «рено».

Теперь обе машины шли со скоростью семьдесят пять миль в час на относительно ровном участке дороги. Внезапно они наехали на вздыбившийся холмом кусок асфальта, колеса вертелись как сумасшедшие, пытаясь уцепиться за асфальт. Малоуна дернуло вперед, потом назад, ремень безопасности удержал его на сиденье.

— Весело, — заметила Стефани.

Слева и справа простирались зеленые поля лаванды, спаржи и винограда. «Рено» ревел рядом. Малоун еще раз глянул направо. Один из коротко стриженных преследователей высунулся из бокового окна, пытаясь подняться выше крыши, чтобы лучше прицелиться.

— Прострели им шины, — сказал он Стефани.

Она приготовилась стрелять, но тут он заметил впереди, на той полосе, по которой ехал «рено», грузовик. Малоун немало поездил по двухполосным дорогам Европы и знал, что, в отличие от Америки, где грузовики гоняли на большой скорости, тут они ползли как улитки. Он надеялся встретить грузовик поближе к Лиму, но надо использовать возможность, когда она подворачивается. Грузовик был уже в паре сотен ярдов от них. Скоро они поравняются. К счастью, на полосе, где ехал Малоун, никого не было.

— Погоди, — велел он Стефани.

Он держался параллельно «рено» и не давал ему уйти с полосы. Преследователи должны будут или резко затормозить, или врезаться в грузовик, или вылететь в чистое поле. Малоун надеялся, что грузовик не свернет со своей полосы, иначе пропахать поле придется ему самому.

Водитель «рено», по всей видимости, осознал, в какую ловушку загоняет его Малоун, и съехал с дороги.

Малоун увеличил скорость, проезжая мимо грузовика. Взгляд в зеркало подтвердил, что «рено» барахтается в вязкой грязи.

Малоун вернулся на свою полосу, немного расслабился, но продолжал удерживать скорость, направляясь, как и планировал, в сторону Лиму.

Малоун и Стефани прибыли в Авиньон вскоре после одиннадцати часов утра. Дождь закончился в пятидесяти милях позади, и лесистую местность заливало яркое солнце, окрашивая холмы зеленым и золотым, словно страницу старого манускрипта. Город окружала средневековая крепостная стена с бойницами. Когда-то, в течение почти ста лет Авиньон служил столицей христианского мира. Малоун проехал по переплетению извилистых улочек и вырулил на подземную автостоянку.

Они поднялись наверх, и Малоун немедленно обратил внимание на церкви, построенные в романском стиле и окруженные согретыми солнцем домами цвета грязного песка, с характерными признаками итальянской архитектуры. Поскольку сейчас были выходные, город кишел туристами, разноцветные навесы и платаны на Пляс де Л'Орлог дарили тень шумной толпе завтракающих.

Они искали адрес, указанный в тетради Ларса Нелла. Идя по улицам, Малоун думал о XIV веке, когда папы променяли римский Тибр на французскую Рону и заняли огромный дворец на холме. Авиньон стал прибежищем для еретиков и отбросов общества. Преступники здесь жили безнаказанно, притоны и бордели процветали. Городская стража небрежно относилась к своим обязанностям, и ходить по улицам после заката было опасно для жизни. Как писал Петрарка? *Обиталище печалей, все здесь дышит ложью.* Малоун надеялся, что за шесть столетий положение дел изменилось.

По адресу Ройса Кларидона оказался антикварный магазин — книги и мебель — с витриной, заполненной книгами Жюль Верна, датированными началом XX века. Малоуну были знакомы эти разноцветные тома. Входная дверь была закрыта, на стекле была записка, что сегодня торговля идет на ежемесячной книжной выставке.

Им показали, как добраться на ярмарку, она располагалась рядом с главным проспектом. Тенистую площадь заплотнили металлические столики на тонких ножках. В пластиковых коробках лежали французские издания вперемешку с английскими, большинство из них были романами, написанными на основе кинофильмов и телесериалов. В отличие от Ренн-ле-Шато эта ярмарка привлекала клиентов другого сорта. Кругом — короткие стрижки, очки, юбки, галстуки и бороды. Ни одной фото- или видеокамеры.

Мимо туристов громыхали автобусы, направлявшиеся к папскому дворцу, дизельные двигатели заглушали звуки шумового оркестра, игравшего на канистрах и бочках на улице. По тротуару со стуком покатились банки из-под кока-колы, заставив Малоуна вздрогнуть. Нервы его были напряжены.

— Что-то не так?

— Слишком многое отвлекает.

Они прогулялись по ярмарке, Малоун изучал экспонаты опытным глазом библиофила. Издания, представлявшие интерес, были завернуты в полиэтилен с приклеенной бумажкой, на которой были написаны происхождение книги и цена. Малоун заметил, что цены несоразмерно высокие. От одного из торговцев он узнал, где находится палатка Ройса Кларидона, они нашли ее в дальнем конце ярмарки. За столиком сидела невысокая полная женщина с волосами пшеничного цвета, собранными в узел. На ней были солнечные очки, а в губах зажата сигарета, придававшая ей, с точки зрения Малоуна, отталкивающий вид. Он терпеть не мог табачного дыма.

Большинство из книг, выставленных на обшарпанном столе, представляли собой переплетенные тканью томики и имели довольно жалкий вид. Малоун подивился, неужели кто-то польстится на это.

Малоун поздоровался и назвал себя и Стефани. Женщина не представилась в ответ, она продолжала курить.

— Мы проходили мимо вашего магазина, — сказал он по-французски.

— Сегодня он закрыт. — Ее монотонный голос дал понять: она не хочет, чтобы ее беспокоили.

— Нас ничего там не заинтересовало.

— Ну тогда, пожалуйста, посмотрите на эти замечательные книги.

— Что, дела идут плохо?
Она закурила еще одну сигарету:
— Отвратительно.
— Тогда почему вы здесь? А не отдыхаете на природе в такой чудесный день?
Женщина одарила его подозрительным взглядом.
— Я не люблю лишних вопросов. Особенно когда их задают американцы, плохо говорящие по-французски.
— Я думал, что говорю хорошо.
— Нет.
Малоун решил перейти к делу:
— Мы ищем Ройса Кларидона.
Она засмеялась:
— А кто его не ищет?
— Может быть, вы все же просветите нас, где он? — Эта сучка начинала его раздражать.
Она не ответила. Вместо этого ее взгляд переместился на покупателей, рассматривающих ее товар. Шумовой оркестр затянул новую мелодию. Ее потенциальные клиенты отошли от прилавка.
— Надо присматривать за ними, — пробормотала женщина. — Так и норовят стянуть что-нибудь.
— Вот что я вам скажу, — заявил Малоун. — Я куплю весь ваш хлам, если вы ответите мне на один вопрос.
Это предложение, кажется, заинтересовало ее.
— Что вы хотите знать?
— Где Ройс Кларидон?
— Я не видела его пять лет.
— Это не ответ.
— Он уехал.
— Куда?
— Это все ответы, которые можно получить, купив ящик книг.
Они явно больше ничего у нее не узнают. Поэтому Малоун бросил банкноту в пятьдесят евро на стол и схватил ящик с книгами.
— Ваш ответ — это полное дерьмо, но я держу слово. — Он подошел к мусорному баку, высыпал туда книги, потом швырнул пустой ящик обратно на стол. — Пойдем, — обратился он к Стефани.
Они пошли прочь.
— Эй, американец.
Он остановился.
Женщина поднялась со стула:
— Мне это понравилось.
Малоун ждал продолжения.
— Ройса ищет куча кредиторов, но его легко найти. Поищите в лечебнице в Вильнев-лез-Авиньон. — И она покрутила пальцем у виска. — Он чокнутый, этот Ройс.

ГЛАВА XXVI

Аббатство де Фонтен

11.30

Сенешаль сидел в своих покоях. Он почти не спал минувшей ночью, размышляя о своей участи. Его дверь охраняли двое братьев. Домашний арест его угнетал, хотя, по крайней мере пока, его тюрьма была удобной. Апартаменты сенешаля, не такие большие, как у магистра или маршала, тем не менее были уютными, с ванной и большим окном.

Тюремщики не опасались, что он сбежит через окно, поскольку внизу были только серая скала и обрыв в несколько сот футов.

Сегодня его судьба переменится, де Рокфор явно не собирался позволять ему свободно перемещаться по аббатству. Видимо, его запрут в одной из подземных келий, которые издавна использовались для хранения продуктов и идеально подходили для того, чтобы служить тюрьмой. Что его ждет в итоге — никому не известно.

Он прошел долгий путь с момента посвящения.

Устав гласил ясно: «Если любой человек желает покинуть юдоль страданий, оставить суетный мир и выбрать жизнь в братстве, не следует принимать его немедленно, ибо святой Павел сказал: „Испытай душу, чтобы понять, что она идет от Бога“. Если ему даровано общество братьев, прочитайте ему устав, и если он пожелает подчиняться предписаниям устава, примите его, позвольте ему явить свои намерения и желания перед всеми братьями и с чистым сердцем обратиться с просьбой».

Так все и произошло, его приняли. Сенешаль охотно принес клятву и с усердием служил ордену. Теперь он был пленником. Против него выдвинуты ложные обвинения. Все это напоминает стародавнюю историю времен презренного Филиппа IV, когда братья пали жертвами клеветы.

Он поднялся из-за стола и начал расхаживать по комнате — привычка, приобретенная в колледже. Движение помогало ему думать. На столе лежали две книги, которые он позаимствовал в библиотеке позапрошлой ночью. Сенешаль осознал, что ближайшие часы могут быть его единственной возможностью изучить манускрипты. Безусловно, как только пропажу обнаружат, к обвинениям, выдвинутым против него, добавится и обвинение в хищении собственности ордена. Наказание за это преступление — изгнание — на самом деле было бы подарком судьбы, но он понимал, что не отделается так легко.

Сенешаль взял кодекс XV века, сокровище, за которое любой музей отдал бы немало денег. Страницы покрывала витиеватая вязь букв — эта манера письма, называемая ротундой,¹⁵ была обычной для того времени и часто использовалась в научных трудах. Пунктуация почти отсутствовала, строки сверху вниз от края до края заполняли ровные строки. Писец трудился над книгой неделями, укрывшись в скрипториуме аббатства за письменным столом, с пером в руке, медленно выписывая каждую букву на пергаменте. Переплет обгорел в нескольких местах, многие страницы закапаны воском, но кодекс был в удивительно хорошем состоянии. Одной из важнейших задач ордена было сохранять знания, и сенешалю выпала счастливая возможность прикоснуться к этому хранилищу сведений, содержащему тысячи бесценных томов.

Ты должен закончить поиск. Это твоя судьба. Осознаешь ты это или нет. Это сказал магистр Жоффруа. Но он также сказал: *Многие шли по этому пути, и никто не преуспел.*

Но разве они знали то, что знал он? Наверняка нет.

Сенешаль потянулся к другой книге. Это тоже была рукопись. Но написанная не писцами. В ноябре 1897 года этот текст написал маршал ордена, человек, который непосредственно общался с аббатом Жан-Антуан-Морисом Жели, приходским священником в деревне Кустуж, расположенной в долине реки Од, неподалеку от Ренн-ле-Шато. Они встретились случайно, но от него маршал узнал жизненно важные сведения.

Он перечитал отчет.

Его внимание привлекли несколько абзацев, которые он впервые прочел три года назад. Сенешаль подошел с книгой к окну.

«Я опечалился, узнав, что в День Всех Святых был убит аббат Жели. Его нашли в полном облачении, в пасторской шляпе, лежащего в луже крови на полу в кухне. Его часы

¹⁵ Ротунда (ит. *rotonda* — круглая) — итальянский вариант готического письма (полуготический шрифт), появившийся в XII веке.

остановились в четверть первого, но смерть настигла его, как определили, между тремя и четырьмя часами утра. Я говорил с жителями деревни и местным ажаном. Жели постоянно опасался чего-то, говорили, что он держал окна и ставни закрытыми даже летом. Никогда не открывал двери своего дома незнакомцам, и, поскольку не было следов взлома, власти предположили, что аббат знал преступника.

Жели погиб в возрасте семидесяти одного года. Его ударили по голове каминными щипцами, а затем изрубили топором. Было море крови, забрызгавшей не только пол, но и потолок, но следов на полу преступник не оставил. Это поставило ажана в тупик. Тело положили на спину, руки скрестили на груди — обычная поза мертвецов. В доме обнаружили шестьсот три франка золотом и записки, в которые были вложены еще сто шесть франков. Очевидно, мотивом преступления являлось не ограбление. Единственным предметом, который мог сойти за улику, была пачка из-под сигарет. На ней было написано: „Да здравствует Ангелина“. Это важно, поскольку Жели не курил и даже плохо переносил запах дыма.

Я полагаю, что истинный мотив преступления был найден в спальне священника. Там убийца рылся в портфеле. Бумаги остались, но невозможно определить, все ли на месте. В портфеле и вокруг него обнаружены следы крови. Ажан предположил, что убийца что-то искал, и я, возможно, знаю, что именно.

За две недели до убийства я встретился с аббатом Жели. За месяц до этого Жели связался с епископом в Каркассоне. Я приехал в дом Жели, представился посланцем епископа, и мы обстоятельно обсудили то, что его тревожило. В конце концов он попросил меня принять его исповедь. Поскольку на самом деле я не священник и не связан тайной исповеди, я и могу рассказать то, что узнал.

Летом 1896 года Жели наткнулся в церкви на стеклянный сосуд. Надо было отремонтировать перила кафедры, и когда дерево убрали, было обнаружено укрытие, в котором содержался запечатанный воском фиал. В нем был один лист бумаги, на котором было начертано следующее:



Эта криптограмма являлась обычным для минувшего века способом шифровать тексты. Он рассказал мне, что шесть лет назад аббат Соньер из Ренн-ле-Шато тоже нашел в своей церкви криптограмму. Оказалось, что они идентичны. Соньер считал, что оба фиала были спрятаны аббатом Бигу, служившим в Ренн-ле-Шато во время Французской революции. Тогда в церкви Coustaussa проводили службы реннские священники. Так что Бигу часто посещал этот приход. Соньер также полагал, что есть связь между этими криптограммами и могилой Мари д’Отпул де Бланшфор, умершей в 1781 году. Аббат Бигу был ее духовником и поручил выбить на ее могильной плите и надгробном камне непонятные слова и символы. К

сожалению, Соньер не смог ничего расшифровать, но после года работы Жели смог прочитать криптограмму. Он признался мне, что не был до конца честен с Соньером, поскольку подозревал, что его мотивы не совсем чисты. Поэтому он скрыл от своего коллеги разгадку.

Аббат Жели хотел, чтобы текст криптограммы стал известен епископу, и надеялся, что я передам ему информацию».

К сожалению, маршал не записал текст, расшифрованный Жели. Возможно, он решил, что эта информация слишком важна, чтобы записывать ее, или же он был таким же интриганом, как де Рокфор. Странно, Хроники упоминали, что год спустя, в 1898-м, маршал пропал. Однажды ушел из аббатства и не вернулся. Поиски оказались безрезультатными. Но, слава богу, он записал криптограмму.

Зазвонили колокола, призывая на Sext¹⁶ и сигнализируя о начале полуденного собрания. Все, за исключением кухонных работников, собирались в часовню читать псалмы, гимны и молитвы до часу дня. Он решил, что тоже помолится, но ему помешал тихий стук в дверь. Он повернулся. В комнату вошел Жоффруа с подносом еды и питья в руках.

— Я вызвался принести вам еду, — сказал молодой человек. — Мне сказали, что вы пропустили завтрак. Вы, должно быть, голодны. — Голос Жоффруа был неожиданно жизнерадостным.

Дверь осталась открытой, и сенешаль видел двух стражей, стоявших снаружи.

— Я принес вам также и питье, — сказал Жоффруа.

— Ты сегодня очень добр.

— Иисус говорил, что первая сторона Слова — это вера, вторая — любовь и третья — труд, и от этого произошла жизнь.

Сенешаль улыбнулся.

— Ты прав, мой друг. — Он тоже придал голосу бодрость, помня о двух парах ушей.

— С вами все в порядке? — спросил Жоффруа.

— Да, все хорошо. — Он принял поднос и поставил его на стол.

— Я молюсь за вас, сенешаль.

— Боюсь, что это звание больше мне не принадлежит. Наверняка де Рокфор назначил нового сенешаля.

Жоффруа кивнул:

— Своего главного лейтенанта.

— Горе нам...

Вдруг сенешаль заметил, что один из его тюремщиков привалился к стене. Через секунду у второго тоже подкосились ноги, и он сполз на пол. На каменный пол со стуком упали бокалы.

— Это заняло много времени, — заметил Жоффруа.

— Что ты сделал?

— Угостил их снотворным, которое мне дал врач. Без вкуса, без запаха и быстродействующее. Лекарь — наш друг. Он желает вам удачи. Теперь мы должны идти. Магистр сделал необходимые приготовления, и мой долг — проследить, чтобы все шло как надо.

Жоффруа сунул руку под сутану и достал два пистолета.

— Оружейник — тоже наш друг. Нам это может пригодиться.

Сенешаль умел обращаться с огнестрельным оружием, это была часть обучения каждого брата. Он схватил пистолет.

— Мы покидаем аббатство?

Жоффруа кивнул:

¹⁶ Молитва, совершаемая в полдень.

— Это необходимо, чтобы выполнить наше задание.

— *Наше* задание.

— Да, сенешаль. Меня долго к этому готовили.

Он услышал непритворное рвение в голосе Жоффруа и, хотя был почти на десять лет старше, внезапно почувствовал неуверенность. Жоффруа, в отличие от него, знал, что они делают!

— Как я сказал вчера, магистр не зря выбрал тебя.

Жоффруа улыбнулся:

— Я думаю, он не зря выбрал нас обоих.

Сенешаль нашел рюкзак, быстро побросал туда предметы первой необходимости и две книги, взятые им в библиотеке.

— У меня нет другой одежды, кроме сутаны.

— Купим, когда выберемся отсюда.

— У тебя есть деньги?

— Магистр хорошо подготовился.

Жоффруа подкрался к двери и проверил коридор.

— Все братья сейчас на службе. Путь наружу должен быть чист.

Перед тем как последовать за Жоффруа, сенешаль напоследок окинул взглядом свою комнату. Он провел здесь чудесные дни, и ему было жаль, что все это ушло в прошлое. Но другая часть души побуждала его идти вперед, к неизведанному, к той тайне, которую, видимо, знал магистр.

ГЛАВА XXVII

Вильнев-лез-Авиньон.

13.30

Малоун внимательно рассматривал Ройса Кларидона. Тот был одет в свободные вельветовые брюки, измазанные бирюзовой краской. Цветастый трикотажный свитер прикрывал тощую грудь. По всей видимости, ему было под шестьдесят, он был неуклюж, как жук-богомол, но обладал приятным лицом. Темные, глубоко посаженные глаза, в которых уже не светился разум, но пронзительность взгляда сохранилась. Ноги были босыми и грязными, ногти — неопрятными, седая борода и волосы — растрепанными. Санитар предупредил их, что Кларидон заговаривается, но опасности не представляет и что почти все в этом заведении избегают его.

— Кто вы? — спросил Кларидон по-французски, озадаченно всматриваясь в них.

Лечебница размещалась в огромном замке, принадлежавшем французскому правительству со времен Революции, как гласило объявление снаружи. От центрального здания под странными углами отходили пристройки. Многие бывшие гостиные были превращены в комнаты для пациентов.

Они стояли на застекленной террасе, из окон которой открывался вид на сельскую местность. Полуденное солнце закрывали собирающиеся облака. Один из санитаров сказал, что Кларидон проводит здесь большую часть времени.

— Вы из командорства? — поинтересовался Кларидон. — Вас послал магистр? У меня для него много информации.

Малоун решил подыграть:

— Да, от магистра. Он послал нас поговорить с вами.

— Ах, наконец-то. Я так долго ждал, — сказал Ройс взволнованно.

Малоун дал знак Стефани отойти назад. Этот человек явно воображал себя тамплиером, а женщины не входили в братство рыцарей-храмовников.

— Поведай мне, брат, что ты должен сказать. Поведай мне все.

Кларидон заерзал в кресле, потом вскочил, пошатываясь.

— Ужасно, — сказал он. — Так ужасно. Мы были окружены со всех сторон. Враги

были повсюду, куда падал взгляд. У нас осталось несколько последних стрел, пища испортилась от жары, вода закончилась. Многие умерли от болезней. Никто не надеялся прожить долго.

— Тяжелое испытание. Что же вы сделали?

— Мы увидели удивительное чудо. Из-за стен вознесся белый стяг. Мы уставились друг на друга, с изумленным видом произнося то, что у каждого вертелось в голове: «Они хотят говорить».

Малоун был знаком со средневековой историей. Отправка парламентариев была обычным делом во времена Крестовых походов. Оказываясь в патовой ситуации, вражеские армии путем переговоров вырабатывали условия, на которых можно с честью отступить и при этом каждая сторона будет считать себя победившей.

— И вы отправили парламентариев?

Старик кивнул и показал четыре испачканных пальца.

— Каждый раз мы выезжали из-за стен и устремлялись в самое сердце вражеского стана, они принимали нас радушно, и переговоры были успешными. В итоге мы выработали условия.

— Итак, поведайте мне. Что за послание должен получить магистр?

— Вы наглец! — возмущенно заявил Кларидон.

— Что вы имеете в виду? Я глубоко уважаю вас, брат. Именно поэтому я здесь. Брат Ларс Нелл сказал мне, что вам можно доверять.

Слова Малоуна, казалось, поставили старика в тупик. Потом на его лице отразилось узнавание.

— Я припоминаю его. Отважный воин. Сражался с честью. Да. Да, я помню его. Брат Ларс Нелл. Да почивает он с миром.

— Почему вы говорите это?

— Вы не слышали? — с недоверием спросил Кларидон. — Он погиб в бою.

— Где?

Кларидон покачал головой:

— Не знаю, мне только известно, что сейчас он с Богом. Мы отслужили мессу в его честь и много молились.

— Вы преломляли хлеб с братом Неллом?

— Да, много раз.

— Он когда-нибудь говорил о своем поиске?

Кларидон двинулся вправо, не сводя глаз с Малоуна.

— Почему вы спрашиваете?

Неугомонный маленький старик начал кругами ходить вокруг него, словно кот. Малоун решил поучаствовать в той игре, в которую было погружено больное сознание старика. Он схватил Кларидона за свитер, оторвав тщедушного старичка от пола. Стефани шагнула к ним, но он взглядом заставил ее вернуться на место.

— Магистр недоволен, — сказал он. — Очень недоволен.

— Чем? — Лицо Кларидона покрылось ярким румянцем стыда.

— Вами.

— Я ничего не сделал.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Чего вы хотите?

— Расскажи мне о поиске брата Нелла.

Кларидон покачал головой:

— Я ничего не знаю. Брат ничего мне не говорил.

В глаза, неотрывно смотревшие на Малоуна, закрался страх, подчеркнутый крайним замешательством. Малоун ослабил хватку. Кларидон отскочил к стеклянной стене и схватил пачку одноразовых полотенец и распылитель. Он побрызгал на окно и начал натирать стекло, на котором и без того не было ни пятнышка.

Малоун повернулся к Стефани:

— Мы теряем здесь время.

— Что вывело тебя из себя?

— Я должен был попытаться.

Он вспомнил письмо, присланное Эрнсту Сквиллю, и решил сделать последнюю попытку. Выудил письмо из кармана и приблизился к Кларидону. Снаружи, в нескольких милях к западу, возвышались светло-серые стены Вильнев-лез-Авиньон.

— Там живут кардиналы, — поведаль Кларидон, не прекращая драить стекло. — Высокомерные князья церкви, все до единого.

Малоун знал, что некогда кардиналы населяли холмы снаружи городских стен Авиньона и строили сельские обители, чтобы избежать городской суеты и постоянного папского присмотра. Те времена давно миновали, но древний город остался, сохранив деревенский вид и постепенно разрушаясь.

— Мы защитники кардиналов, — заявил Малоун, продолжая притворяться.

Кларидон плюнул на пол:

— Чума на них всех.

— Прочитай это.

Старик взял бумагу и пробежал взглядом по строчкам. В его широко раскрытых глазах выразилось изумление.

— Я ничего не крал у ордена. Клянусь. — Его голос стал громче. — Это обвинение лживо. Клянусь Богом, я ничего не брал.

Он видел на бумаге только то, что хотел увидеть. Малоун забрал письмо.

— Мы тратим время зря, Коттон, — заметила Стефани.

Кларидон подошел поближе к Малоуну:

— Кто эта мегера? Что она здесь делает?

Малоун чуть не улыбнулся.

— Это вдова брата Нелла.

— Я не знал, что брат был женат.

Малоун вспомнил кое-что из того, что читал два дня назад в книге о храмовниках.

— Ты ведь знаешь, многие братья когда-то были женаты. Но она была неверна, поэтому брак расторгли и ее заключили в монастырь.

Кларидон покачал головой.

— Она выглядит неуживчивой. Что она делает здесь?

— Она ищет правду о своем муже.

Кларидон повернул лицо к Стефани и наставил на нее толстый палец.

— Ты зло! — закричал он. — Брат Нелл нес епитимью в братстве из-за твоих грехов. Позор тебе!

У Стефани хватило здравого смысла, чтобы просто склонить голову и промолвить:

— Я ищу только прощения.

Лицо Кларидона смягчилось при виде ее смирения.

— Я прощаю тебя, сестра. Иди с миром.

Малоун пожал плечами, и они направились к выходу. Кларидон вернулся в свое кресло.

— Так грустно, — сказала Стефани. — И так пугающе. Это ужасно — утратить разум. Ларс часто говорил о сумасшествии и боялся его.

— Мы все боимся.

Малоун все еще держал в руках письмо, обнаруженное в доме Эрнста Сквилля. Еще раз посмотрел на текст и прочитал три последние строчки:

«В Авиньоне найдите Кларидона. Он укажет путь. Но prend garde l'Ingénieur».

— Странно, почему отправитель письма думал, что Кларидон может указать путь куда

бы то ни было? — полубопытствовал он. — У нас нет никакой зацепки. Этот след завел нас в тупик.

— Неправда.

Это было сказано по-английски и донеслось со стороны террасы.

Малоун повернулся и увидел, что Кларидон встал с кресла. С бородатого лица исчезло выражение замешательства.

— Я могу указать направление. И совет, данный в этом письме, следует принять во внимание. Опасайтесь инженера. Она и другие — это причина, почему я скрываюсь здесь.

ГЛАВА XXVIII

Аббатство де Фонтен

Сенешаль следовал за Жоффруа по сплетению сводчатых коридоров. Он надеялся, что предположение Жоффруа окажется верным и все братья сейчас в часовне на полуденной молитве.

Пока что они никого не видели.

Они направлялись к *palais*, включавшему верхний зал, административные кабинеты и общие комнаты. В минувшие времена, когда аббатство было закрыто для внешних контактов, любой человек, не принадлежавший к ордену, не допускался за пределы расположенного на первом этаже холла. Но когда в XX столетии расцвел туризм и другие аббатства открыли двери для посетителей, аббатство де Фонтен тоже было вынуждено последовать этому примеру, чтобы не вызвать подозрений.

Теперь в *palais* принимали гостей и проводили экскурсии.

Они вошли в просторный зал. Окна, застекленные толстым зеленоватым стеклом, пропускали тусклые потоки солнечного света на покрытый плиткой пол. На одной стене висело громадное деревянное распятие, на второй — гобелен.

У входа в другой коридор, в ста футах от них, стоял Раймон де Рокфор с пятью рыцарями за спиной, все с пистолетами в руках.

— Уже уходите? — поинтересовался де Рокфор.

Сенешаль остолбенел, а Жоффруа поднял оружие и дважды выстрелил. Противники нырнули за дверь, пули вонзились в стену.

— Сюда. — Жоффруа указал на другой проход.

Позади прожужжали два выстрела.

Жоффруа еще раз пальнул в зал, и они заняли оборонительную позицию в коридоре, рядом с гостиной, куда некогда торговцы приносили товары на продажу.

— Ладно! — крикнул де Рокфор. — Я вас слушаю. Неужели необходимо проливать кровь?

— Это зависит от тебя, — ответил сенешаль.

— Я думал, что твоя клятва для тебя что-то значит. Разве это не твой долг — повиноваться магистру? Я приказал тебе оставаться в комнате.

— Правда? Я как-то забыл об этом.

— Любопытно, ты применяешь к себе одни правила, а мы должны жить по другим? Тем не менее давай будем разумными.

Сенешаль удивился такому проявлению любезности.

— Что ты предлагаешь?

— Я предполагал, что ты попытаешься сбежать. *Sext* представилась мне наилучшим временем, поэтому я ждал. Видишь, я хорошо тебя знаю. Хотя твой союзник меня удивил. Столько мужества и преданности. Я бы предпочел, чтобы вы оба были на моей стороне.

— Зачем?

— Чтобы помочь нам вернуть утраченное.

Что-то тут не так. Де Рокфор вел себя странно. Потом до него дошло. Новый магистр тянул время.

Он резко повернулся.

В пятидесяти футах от них из-за угла появился вооруженный человек. Сенешаль выстрелил ему в ноги и услышал звук металла, разрывающего плоть, и вопль раненого, падающего на пол. Да простит его Бог. Устав запрещает причинять вред другому христианину. Но он должен сбежать из тюрьмы.

— Пойдем, — сказал он Жоффруа.

Жоффруа снова пошел впереди, и они устремились по коридору, перескочив через брата, корчившегося от боли. Завернули за угол и продолжили путь.

Позади слышались шаги.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — сказал он Жоффруа.

Они завернули за очередной поворот. Жоффруа затормозил около приоткрытой двери, и они нырнули туда, аккуратно притворив за собой дверь. Секундой спустя мимо пробежали их преследователи.

— Этот коридор ведет в спортзал. Скоро они поймут, что мы туда не пошли, — заметил сенешаль.

Они выскользнули из дверей, задыхаясь от волнения, и поспешили в сторону спортзала, но, вместо того чтобы свернуть направо, в пересечение коридоров, направились влево, к обеденному залу.

Сенешаль гадал, почему выстрелы не привлекли внимания других братьев. Хотя музыка в часовне всегда звучала громко, поэтому расслышать звуки, доносящиеся снаружи, было трудно. Тем не менее, поскольку де Рокфор ожидал, что он попытается бежать, можно предположить, что в аббатстве их ожидают и другие братья.

Длинные столы и скамьи в обеденном зале были пусты. Из кухни аппетитно пахло тушеными помидорами и бамией.¹⁷ В нише, предназначенной для лектора и выбитой в трех футах над полом, стоял брат в сутане и с ружьем.

Сенешаль нырнул под стол, используя свой рюкзак в качестве подушки, смягчившей удар. Жоффруа спрятался под другим столом.

В толстую дубовую доску вонзилась пуля.

Жоффруа высунулся из своего укрытия и дважды выстрелил. Одна пуля попала в стрелка. Человек в алькове пошатнулся и упал на пол.

— Ты убил его? — спросил сенешаль.

— Надеюсь, нет. Думаю, я попал в плечо.

— Ситуация становится неуправляемой.

— Слишком поздно отступать.

Они выбрались из-под столов. Из кухни высыпали люди в запачканных едой передниках. Повара. Они не представляют опасности.

— Быстро назад! — закричал сенешаль, и все как один подчинились приказу.

— Сенешаль! — сказал Жоффруа предупреждающе.

— Веди.

Они покинули обеденный зал через другой выход. За спиной слышались голоса, сопровождаемые быстрым стуком кожаных подошв о камень. Ранение двух братьев придаст сил даже самым нерешительным из преследователей. Сенешаль был зол, что угодил в расставленные де Рокфором силки. Доверие, которое к нему питали, теперь полностью потеряно. Больше никто за ним не последует. И он проклял свою глупость.

Они достигли крыла, где располагались общие спальни. Дверь в дальнем конце коридора была закрыта. Жоффруа подбежал к ней и подергал ручку. Заперто.

— Похоже, вариантов у нас мало, — заметил сенешаль.

— Идите за мной, — сказал Жоффруа.

Они вбежали в общую спальню, просторную прямоугольную комнату с койками,

¹⁷ Бамия — растение, суррогат кофе.

расположенными на военный манер, перпендикулярно к ряду узких окон.

Из холла донесся крик. Потом еще взволнованные голоса. Сюда направлялись люди.

— Здесь нет другого выхода, — сказал сенешаль.

Они стояли посередине ряда пустых коек. За их спинами остался вход, в котором вот-вот появятся враги. Впереди санузлы.

— Надо спрятаться в душевой, — предложил сенешаль. — Надеюсь, они нас там не заметят.

Жоффруа подбежал к дальнему концу комнаты, где две двери вели в два отдельных санузла.

— Сюда.

— Нет. Давай поделимся. Ты иди в один. Спрячься в кабинке и залезь на туалет. Я скроюсь в другом. Если будем сохранять тишину, может, нам повезет. Потому что... — он помедлил, осознавая печальную реальность, — это наш единственный шанс.

Де Рокфор изучил пулевую рану. Плечо его рыцаря кровоточило, было мучительно больно, но брат старался сохранять контроль над собой. Де Рокфор поставил стрелка в обеденном зале, полагая, что сенешаль может направиться туда. И оказался прав. Но он недооценил решительность своих врагов. Братья давали клятву не причинять вред друг другу. Он думал, что идеалист сенешаль сохранит верность клятве. А теперь двоих его людей надо было доставить в лазарет. Де Рокфор очень надеялся, что ни одного из них не придется везти в госпиталь в Перпиньяне или Мон-Луи. Это вызовет лишние вопросы. Монастырский лекарь был опытным хирургом и имел хорошо оборудованную операционную, которая много раз использовалась за прошлые годы, но и он мог не все.

— Отведи их к врачу и скажи, чтобы он сделал все, что нужно, — приказал он лейтенанту.

Посмотрел на часы. Молитвы закончатся через сорок минут.

Приблизился еще один брат:

— Дверь в дальнем конце за общей спальней заперта, как вы приказывали.

Он знал, что они не возвращались через обеденный зал. Иначе раненый брат доложил бы ему. Так что у них был только один вариант. Он забрал оружие у одного из своих людей.

— Оставайся здесь. Никого не пускай. Я сам с этим разберусь.

Сенешаль вошел в ярко освещенную ванную комнату. Все пространство заполняли туалетные кабинки, писсуары и раковины из нержавеющей стали на мраморных подставках. Он слышал, как в соседнем помещении возится Жоффруа, устраиваясь в одной из кабинок. Сенешаль остановился и попытался успокоиться. Никогда раньше ему не доводилось попадать в подобную ситуацию. Он сделал несколько глубоких вдохов, потом вернулся к выходу, взялся заручку, приоткрыв дверь на полдюйма, и взгляделся в спальню.

Пока что никого не было.

Возможно, преследователи прошли мимо. Переплетением коридоров аббатство напоминало муравейник. Все, что им с Жоффруа надо, — это несколько драгоценных минут, чтобы сбежать. Он снова выругал себя за слабость. Годы тщательных размышлений и выстроенных планов пошли насмарку. Теперь он был беглецом с четырьмястами братьями за спиной, которые вот-вот станут его врагами. *Я просто уважаю наших противников.* Вот что он сказал магистру всего лишь день назад. Он задумчиво покачал головой. Мало уважения он проявил. До сих пор он вообще ничего разумного не сделал.

Дверь, ведущая в спальню, распахнулась, и на пороге появился Раймон де Рокфор. Задвинул засов на двери.

Призрачная надежда, которую питал сенешаль, разбилась вдребезги.

Все должно решиться здесь и сейчас.

Де Рокфор держал револьвер и внимательно рассматривал комнату, гадая, где спрятались его жертвы. Они не смогли одурачить его. Но сенешаль не намеревался

рисковать жизнью Жоффруа. Он должен отвлечь внимание врага на себя. Поэтому он выпустил ручку и позволил двери закрыться с мягким стуком.

Де Рокфор заметил движение и услышал звук плавно закрывшейся металлической двери на гидравлических петлях. Его взгляд метнулся в противоположный конец спальни и остановился на одном из санузлов.

Он был прав. Они здесь.

Пришло время разобраться с этой проблемой.

Сенешаль осмотрел санузел. Лампы дневного света освещали помещение ярким светом. Длинное зеркало на стене над раковинами делало комнату еще больше. Пол был покрыт кафелем, туалеты отделены друг от друга мраморными перегородками. Все было построено с заботой и предназначено служить долгие годы.

Он нырнул во вторую кабинку и прикрыл за собой дверь. Забрался на унитаз и, перегнувшись по очереди через правую и левую перегородки, дотянулся до засовов на дверях соседних кабинок и закрыл их. Потом съехал в своей кабинке, оставаясь на унитазе, и понадеялся, что де Рокфор проглотил наживку.

Ему нужно было что-то, чтобы привлечь внимание. Он снял рулон туалетной бумаги с держателя.

Когда дверь распахнулась настежь, в туалет ворвался воздух.

По полу зашаркали подошвы.

Сенешаль стоял на унитазе с пистолетом в руке и пытался выровнять дыхание.

Де Рокфор направил короткоствольный автомат на кабинки. Сенешаль был здесь. Он знал это. Но где именно? Рискнуть и потратить секунду, чтобы нагнуться и посмотреть в щели под дверями? Три двери были закрыты, три открыты.

Нет.

Он решил стрелять.

Сенешаль понял, что через мгновение де Рокфор начнет стрелять, поэтому бросил держатель для туалетной бумаги в первую кабинку, под перегородку.

Металл лязгнул о кафель.

Де Рокфор выпустил очередь в первую кабинку и выбил дверь ногой. В воздухе висела мраморная пыль. Он выпустил еще одну очередь, расколов унитаз и штукатурку на стене.

Хлынула вода.

Но кабинка была пуста.

За миг до того, как де Рокфор осознал свою ошибку, сенешаль выстрелил вверх перегородки, послав две пули в грудь врага. Эхо прокатилось по стенам. Но крови не было. Враг выглядел скорее растерянным, чем раненым. Сенешаль заметил серо-голубую поверхность под белой мантией.

Бронежилет!

Он прицелился и выстрелил в голову.

Де Рокфор метнулся назад. Его тело сгруппировалось и покатило по мокрому полу, по хлещущей воде к выходу.

Под ним хрустели осколки фаянса и камня. Зеркало с лязгом раскололось, и мелкие кусочки усыпали пол. Санузел был слишком узкий, а его враг — неожиданно храбр и находчив. Поэтому он отступил к выходу и выскользнул наружу за секунду до того, как второй выстрел вонзился в стену за его спиной.

Сенешаль прыгнул с унитаза и вылетел из кабинки. Подбежал к двери и приготовился выйти. Де Рокфор наверняка поджидает его там. Но он не собирается уклоняться от встречи. Не теперь. Он должен эту схватку своему магистру. В Евангелии ясно сказано. Иисус пришел с мечом, а не с миром. И он тоже.

Он собрал всю свою решимость, приготовил пистолет и толкнул дверь.

Первым, кого он увидел, был Раймон де Рокфор. Вторым — Жоффруа, который держал пистолет у шеи магистра. Оружие де Рокфора валялось на полу.

ГЛАВА XXIX

Вильнев-лез-Авиньон

Малоун воззрился на Кларидона и заявил:

— А ты хорош, однако!

— Я много практиковался. — Кларидон посмотрел на Стефани. — Вы жена Ларса?

Она кивнула.

— Он был хорошим другом и великим человеком. Очень умным. Но очень наивным. Недооценил тех, кто противостоял ему.

На террасе они были все еще одни, Кларидон заметил, что Малоун посматривает на дверь.

— Никто нас не потревожит. Ни одна душа не желает слушать мои бессвязные рассказы. Я приложил все силы, чтобы заработать репутацию зануды. Каждый день все с нетерпением ожидают, когда я уйду на эту террасу.

— Как долго ты здесь находишься?

— Пять лет.

Малоун был поражен.

— Почему?

Кларидон медленно прошелся среди растений в горшках. За наружным стеклом на западе собирались черные тучи, сквозь них просвечивало солнце, словно огонь сквозь дрова в камине.

— Из-за тех, кто искал то же, что и Ларс. Втайне, не привлекая внимания к своим целям, они сурово расправляются с теми, кто стоит на их пути. Поэтому я пришел сюда и притворился больным. Здесь меня хорошо кормят, заботятся и, что самое важное, не задают вопросов. Я ни с кем не разговаривал разумно за последние пять лет, разве что сам с собой. И могу вас уверить, в этом мало приятного.

— Почему вы решили открыться нам? — поинтересовалась Стефани.

— Вы вдова Ларса. Ради него я готов на все. — Кларидон указал на письмо. — Эта записка. Ее прислал кто-то, кто знает. Может, даже те люди, о которых я говорил, те, кто расправляется со всеми на своем пути.

— Ларс тоже стоял на их пути? — спросила Стефани.

Кларидон кивнул.

— Многие хотели знать то, что узнал он.

— Какое вы имеете к нему отношение? — продолжила расспросы Стефани.

— Я занимался книготорговлей. Ему требовалось много малоизвестных материалов.

Малоун знал, что букинистические магазины часто посещали и коллекционеры, и исследователи.

— В конце концов мы подружились, и я начал разделять его страсть. Этот район — мой дом. Мой род живет здесь со времен Средневековья. Некоторые из моих предков были катарами, которых сожгли на кострах католики. Но потом Ларс погиб. Другие, те, кто шел по его следам, тоже заплатились жизнью. Так что я укрылся здесь.

— Что за другие?

— Книготорговец из Севильи. Библиотекарь из Марселя. Студент колледжа в Риме. Не говоря уже о Марке.

— Эрнст Сковилль тоже мертв, — сказала Стефани. — Его сбила машина на прошлой неделе, вскоре после нашего разговора.

Кларидон быстро перекрестился.

— Те, кто ищет, действительно не гнушаются ничем. Скажите мне, леди, вы что-нибудь знаете?

— У меня дневник Ларса.

На лице старика выразилась озабоченность.

— Значит, вы в смертельной опасности.

— Почему? — вмешался Малоун.

— Это ужасно, — быстро заговорил Кларидон. — Так ужасно. Неправильно, что вы тоже втянуты в это дело. Вы потеряли мужа и сына...

— Что вы знаете о Марке?

— Я пришел сюда как раз после его гибели.

— Мой сын погиб под лавиной.

— Неправда. Его убили. Так же как и остальных, о ком я говорил.

Малоун и Стефани молчали, ожидая объяснений.

— Марк пытался разгадать загадки, ответы на которые его отец нашел за годы до этого. Он не был таким одержимым, как Ларс, и потратил годы на расшифровку записей отца, но наконец решил эту задачу. Отправился на юг в горы, но так и не вернулся. Как и его отец.

— Мой муж повесился.

— Я знаю, дорогая. Но я всегда подозревал, что что-то тут не так.

Стефани ничего не сказала, но ее молчание говорило о том, что в глубине души она тоже сомневается в самоубийстве Ларса.

— Ты сказал, что пришел сюда спрятаться от *тех*. Кто такие *те*? — поинтересовался Малоун. — Рыцари-тамплиеры?

Кларидон кивнул.

— Главные виновники. Я пару раз сталкивался с ними лицом к лицу. Не самые приятные эпизоды в моей жизни.

Малоун решил обдумать эти слова. Он все еще держал в руках записку, посланную Эрнсту Сковиллю в Ренн-ле-Шато. Он взмахнул бумагой.

— Как вы можете указать путь? Куда нам идти? И что за инженер, которого мы должны остерегаться?

— Она тоже ищет то, чего жаждал Ларс. Ее зовут Кассиопия Витт.

— Она хорошо стреляет?

— У нее много талантов. Стрельба, думаю, один из них. Она живет в Живоре, месте, где некогда была древняя крепость. Она цветная. Очень богатая мусульманка. Восстанавливает в лесу цитадель, используя только технологии тринадцатого века. Ее замок расположен поблизости, и она лично следит за строительством, называя себя L'Ingénieur. Инженер. Вы с ней встречались?

— Дважды. Она спасла мою шкуру в Копенгагене и Авиньоне. Поэтому мне непонятно, почему мы должны ее опасаться.

— Мотивы ее поступков непонятны и подозрительны. Она ищет то же, что и Ларс, но по другим причинам.

— И что она ищет? — спросил Малоун, уставший от загадок.

— То, что некогда спрятали рыцари-храмовники. Их Великое Завещание. То, что обнаружил священник Соньер. То, что тамплиеры ищут вот уже много веков.

Малоун не поверил ни единому слову, но снова помахал бумажкой.

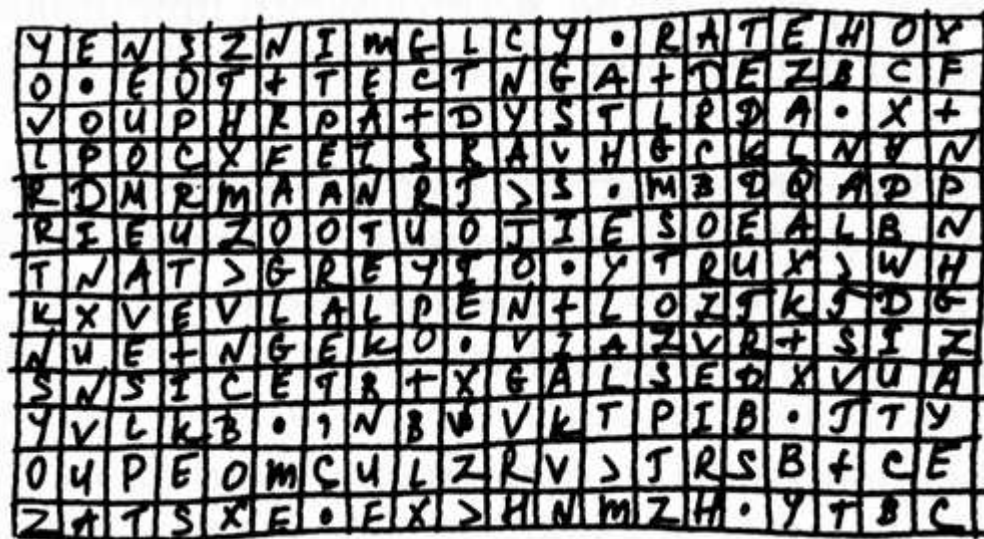
— Ну так укажи нам верное направление.

— Это не так просто. На пути много трудностей.

— Но ты хоть знаешь, с чего начать?

— Раз у вас есть дневник Ларса, вы знаете больше, чем я. Он часто упоминал свой дневник, но ни разу не показывал его мне.

— У нас также есть копия «Pierres Gravées du Languedoc», — добавила Стефани.
 Кларидон задохнулся от удивления.
 — Я не думал, что эта книга существует.
 Она открыла сумку и извлекла из нее том.
 — Она существует.
 — Можно мне посмотреть на эскиз могильной плиты?
 Она открыла нужную страницу и показала ему набросок.
 Кларидон с любопытством изучил его. Потом старик улыбнулся:
 — Ларс был бы доволен. Рисунок очень четкий.
 — Объясни, — попросил Малоун.
 — Аббат Бигу узнал тайну у Мари д’Отпул де Бланшфор перед ее смертью. Когда в тысяча семьсот девяносто третьем году он собирался бежать из Франции, Бигу понимал, что уже не вернется, поэтому он спрятал нечто в церкви Ренн-ле-Шато. Позже, в тысяча восемьсот девяносто первом, Соньер нашел эту информацию в стеклянном фиале.
 — Мы это знаем, — сказал Малоун. — Чего мы не знаем, так это секрета Бигу.
 — Нет, знаете, — возразил Кларидон. — Покажите мне дневник Ларса.



Стефани протянула ему тетрадь. Он торопливо пролистал ее и показал им страницу.
 — Предположительно внутри фиала была эта криптограмма.
 — Откуда вы знаете? — спросил Малоун.
 — Чтобы знать это, надо понимать Соньера.
 — Мы вас внимательно слушаем.
 — Пока Соньер был жив, нигде не упоминалось о деньгах, потраченных им на церковь и другие строения. Никто за пределами Ренна даже понятия не имел о его трудах. Когда он умер в тысяча девятьсот семнадцатом году, его совершенно забыли. Его бумаги и личные вещи были либо украдены, либо уничтожены. В тысяча девятьсот сорок седьмом году его любовница продала усадьбу человеку по имени Ноэль Корбу. И умерла шесть лет спустя. Легенда о Соньере и его великом сокровище впервые появилась в печати в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. Местная газета «La Dépêche la Midi» опубликовала три статьи, в которых излагалась якобы подлинная история. Но источником сведений был Корбу.
 — Я знаю это, — перебила Стефани. — Он не просто приукрасил историю, он многое присочинил. Впоследствии были и другие публикации, и легенда о Соньере становилась все более и более фантастической.
 Кларидон кивнул:
 — Вымысел полностью взял верх над истиной.
 — Вы имеете в виду пергаменты? — спросил Малоун.

— Отличный пример. Соньер никогда не находил пергаменты в основании алтаря. Никогда. Корбу и другие присочинили эту подробность. Ни один человек не видел эти пергаменты, и тем не менее тексты, написанные на них, напечатаны в бесчисленном количестве книг. Предполагалось, что в них содержалось нечто вроде зашифрованного послания. Это полная чушь, и Ларс знал это.

— Но Ларс привел тексты пергаментов в своих книгах, — заметил Малоун.

— Мы с ним беседовали об этом. И он, бывало, говорил: «Люди любят тайны». Но я знаю, что он думал по этому поводу.

Малоун пребывал в растерянности.

— Так что, история Соньера — это ложь?

Кларидон кивнул.

— Современное ее изложение большей частью фальшиво. Большинство книг также связывают Соньера с картинами Николя Пуссена, особенно «Пастухами Аркадии». Предположительно, Соньер взял оба найденных им пергамента в Париж, чтобы расшифровать, и, будучи там, приобрел репродукцию этой картины и еще двух в Лувре. Говорят, что в них скрыты тайные послания. Но в те времена Лувр не продавал репродукции своих картин, и нет ни единого письменного упоминания, что «Пастухи Аркадии» хранились в Лувре в тысяча восемьсот девяносто третьем году. Но люди, распространявшие этот вымысел, не обращали внимания на подобные неточности. Они предполагали, что никто не будет проверять факты, и какое-то время так и было.

Малоун потянулся к криптограмме:

— Где Ларс это нашел?

— Корбу написал рукопись о Соньере.

Он припомнил несколько слов из тех восьми страниц дневника, присланных Эрнсту Сковиллю. То, что Ларс написал о любовнице. «В конце концов она открыла Нозлю Корбу один из тайников Соньера. Корбу написал об этом в своей рукописи, которую я обнаружил».

— Общаясь с репортерами и завлекая их сказками о Ренне, Корбу в то же время записывал подробности подлинной истории, рассказанной ему любовницей Соньера.

Малоун вспомнил другие строки из дневника Ларса. «То, что обнаружил Корбу, если он что-либо нашел, никогда не было обнародовано. Но изобилие информации, содержащейся в его рукописи, заставляет задуматься, где он мог узнать то, о чем написал».

— Разумеется, Корбу никому не показывал рукопись, поскольку правда была не такой захватывающей, как вымысел. Он погиб в конце шестидесятых в автомобильной аварии, и его рукопись исчезла. Но Ларс нашел ее.

Малоун рассматривал ряды букв и символов в криптограмме.

— Что же это такое? Какой-то код?

— Вполне обычный для восемнадцатого — девятнадцатого веков. Случайные буквы и символы, расположенные решеткой. Где-то в этом хаосе таится письмо. Элементарный, простой и при этом с трудом поддававшийся расшифровке в то время код. И даже сегодня без ключа это сложно сделать.

— Что ты имеешь в виду?

— Чтобы выбрать верные буквы и сложить из них письмо, нужна определенная последовательность цифр. Иногда, для того чтобы еще больше усложнить дело, начало решетки тоже выбиралось случайно.

— Ларс расшифровал это? — спросила Стефани.

Кларидон покачал головой.

— Нет, не смог. И это расстраивало его. Но за несколько недель до смерти он полагал, что нашел новый ключ.

Терпение Малоуна заканчивалось.

— Я полагаю, он не рассказал вам о нем.

— Нет, месье. Это был его путь.

— Так куда мы должны теперь двинуться? Укажите нам путь, вы должны это сделать.

— Вернитесь сюда в пять часов дня, на дорогу, расположенную сразу за главным зданием, и ждите. Я выйду к вам.

— Как вы сможете покинуть лечебницу?

— Никто здесь не расстроится из-за моего ухода.

Малоун и Стефани переглянулись. Они оба сомневались, что следовать указаниям Кларидона разумно. Пока что все предприятие изобиловало опасными или сумасшедшими личностями, не говоря уже о невероятных предположениях. Но что-то происходило, и если они хотели узнать больше, надо было играть по правилам, которые устанавливал этот странный старик.

— Куда мы пойдем?

Кларидон повернулся к окну и указал на восток. В нескольких милях вдали на холме, фасадом к Авиньону, стоял укрепленный дворец восточной архитектуры. Он сиял золотом на фоне неба и бросал тень на соседние дома, расположенные вплотную друг к другу и облепившие подножие холма. Некогда его обитатели — семь французских пап — правили христианским миром из-за этих крепостных стен.

— В папский дворец, — ответил Кларидон.

ГЛАВА XXX

Аббатство де Фонтен

Сенешаль посмотрел в глаза Жоффруа и прочитал в них ненависть — чувство, которого он прежде не видел в его взгляде.

— Я велел нашему новому магистру, — произнес Жоффруа, сильнее вдавливая пистолет в шею де Рокфора, — стоять смирно, или я пристрелю его.

Сенешаль приблизился и ткнул пальцем под белую мантию, в бронежилет.

— Что, собирался убить нас во время побега? Таким образом решить проблему? Я был бы уничтожен, а ты стал бы спасителем ордена.

Де Рокфор промолчал.

— Вот почему ты пришел сюда один. Закончить дело. Я видел, ты запер дверь в спальню. Тебе были не нужны свидетели.

— Нам надо идти, — настойчиво сказал Жоффруа.

Он осознавал, какой опасности они подвергаются, но сомневался, что кто-то из братьев рискнет жизнью магистра.

— Куда мы идем?

— Я покажу вам, сенешаль.

Удерживая пистолет у шеи де Рокфора, Жоффруа повел своего заложника через спальню. Сенешаль держал свое оружие наготове и у дверей взвел курок. В холле находились пятеро вооруженных человек. Увидев своего вождя в опасности, они подняли ружья, готовые стрелять.

— Опустите оружие, — приказал де Рокфор.

Ружья не шелохнулись.

— Я приказываю вам опустить оружие. Я не хочу больше крови.

Великодушные слова возымели желаемый эффект.

Братья сделали несколько шагов назад.

Жоффруа сделал движение пистолетом, и они с де Рокфором вышли в холл. Сенешаль следовал за ними. В отдалении зазвонили колокола, указывая на время — час дня. Молитвы подходили к концу, и вскоре коридоры заполнятся людьми в сутанах.

— Нам надо поторапливаться, — сказал сенешаль.

Вместе с заложником Жоффруа двигался по коридору. Сенешаль шел за ними, постоянно оглядываясь и следя за пятью братьями.

— Оставайтесь там, — велел им сенешаль.

— Делайте, как он говорит, — крикнул Рокфор, когда они заворачивали за угол.

Де Рокфор гадал, как они собираются выбраться из аббатства. Что сказал Жоффруа? *Я покажу*. Он решил, что единственный путь выяснить — это пойти с ними, и поэтому он приказал своим людям отступить.

Сенешаль дважды выстрелил в него. Если бы магистр не был так ловок, третья пуля попала бы ему в голову. Ставки явно поднимались. Его противники выполняли какую-то миссию, и он был уверен, что она связана с его предшественником и предметом, о котором он отчаянно пытался хоть что-то узнать. Экспедиция в Данию ничего не дала. В Ренн-ле-Шато его люди тоже ничего не узнали. И хотя он сумел дискредитировать покойного магистра посмертно, последнее слово вполне может остаться за стариком.

Де Рокфор был раздосадован тем, что двое его людей ранены. Не самое лучшее начало пребывания в новой должности. Братья жаждали порядка. Хаос считался признаком слабости. Последний раз стены этого аббатства видели насилие во времена Французской революции, когда сюда пытались вломиться разъяренные толпы, — но после гибели нескольких человек они отступили. Аббатство было оплотом покоя и островком безопасности. А сенешаль продемонстрировал полное отсутствие дисциплины. Единицы, которые сохраняли остатки лояльности к нему, отвернулись от него из-за серьезнейших нарушений устава.

Но куда все-таки направляются эти двое?

Они продолжали идти по коридорам, минуя мастерские, библиотеку, затем опять коридоры. Он слышал звуки шагов — это пять его рыцарей следовали за ними, готовые действовать, когда представится благоприятная возможность. Но прольется много крови, если они вмешаются до того, как он прикажет.

Они остановились перед дверью с резными створками и простой железной ручкой.

Апартаменты магистра. Его апартаменты.

— Нам сюда, — промолвил Жоффруа.

— Зачем? — удивился сенешаль. — Здесь мы будем в ловушке.

— Пожалуйста, войдите внутрь.

Сенешаль толкнул дверь и, после того как они зашли, запер ее.

Де Рокфор был поражен. И мучился любопытством.

Сенешаль был встревожен. Они оказались заперты в палатах магистра, единственным выходом из которых помимо двери было круглое окно, глядевшее в пропасть. По его лбу катился пот, и соленые капли норовили попасть в глаза.

— Сядьте, — приказал Жоффруа де Рокфору, и тот занял место в кресле.

Сенешаль осмотрел комнату:

— Я вижу, ты уже успел сменить обстановку.

Вдоль стен появились несколько роскошных стульев. Стол переставлен на другое место. Сменилось покрывало на ложе, предметы на столах.

— Теперь это мой дом, — отозвался де Рокфор.

На столе сенешаль заметил листок бумаги, написанный рукой его учителя. Послание, оставленное преемнику, как и полагалось по уставу. Он взял записку и прочитал:

«Разве то, что кажется тебе вечным, не истлеет? Надежда твоя зиждется на знании мира, твой бог — это жизнь. Ты не осознаешь, что и ты подвержен тлению. Ты живешь во мраке и смерти, опьяненный огнем и полный горечи. Твои мысли в беспорядке из-за пламени, пожирающего тебя изнутри, и ты находишь удовольствие, отравляя и убивая своих врагов. Мрак объят тебя подобно свету, ибо ты променял свободу на рабство. Смерть не минует тебя, да будет так».

— Твой магистр полагал, что цитаты из Евангелия от Фомы будут уместны, — произнес де Рокфор. — И он, по всей видимости, считал, что после его смерти белую мантию надену я, а не ты. Наверняка эти слова не предназначались для его избранника.

Нет, не предназначались. Сенешаль удивился, почему его учитель так мало верил в него, особенно учитывая то, что перед смертью он призывал его добиваться высокой должности магистра.

— Тебе следовало бы прислушаться к нему, — заметил сенешаль.

— Это советы слабой души.

Раздался громкий стук в дверь.

— Магистр? Вы здесь?

Несмотря на то что братья были намерены выбить дверь, им это вряд ли удалось бы, потому что засовы были тяжелыми и крепкими.

Де Рокфор посмотрел на сенешаля.

— Ответь, — велел тот.

— Со мной все в порядке. Ничего не предпринимайте.

Жоффруа придвинулся к окну и уставился на водопад, отделенный от аббатства ущельем.

Де Рокфор закинул ногу на ногу и откинулся в кресле.

— Что ты собираешься делать? Это глупость.

— Заткнись, — приказал сенешаль, в глубине души согласный с ним.

— Магистр оставил мне указания, — заявил Жоффруа.

Сенешаль и де Рокфор повернулись, глядя, как Жоффруа достает из кармана конверт.

— Вот его настоящее последнее письмо.

— Дай мне, — жадно сказал де Рокфор, поднимаясь из кресла.

Жоффруа направил на него пистолет:

— Сядьте.

Де Рокфор остался стоять. Жоффруа взвел курок и прицелился в ноги.

— Жилет вас не спасет.

— Ты убьешь меня?

— Я вас покалечу.

Де Рокфор сел.

— У тебя храбрый соратник, — сказал он сенешалю.

— Он рыцарь Храма.

— Позор, что он никогда не примет присягу.

Если эти слова должны были выбить Жоффруа из колеи, они не достигли цели.

— У вас ничего не получится, — заявил им де Рокфор. Сенешаль посмотрел на своего союзника. Жоффруа вновь смотрел в окно, словно чего-то ждал.

— Я с удовольствием понаблюдаю, как вы оба понесете наказание, — продолжал новоиспеченный магистр.

— Я велел тебе заткнуться, — резко сказал сенешаль.

— Твой магистр думал, что он очень умный. Он ошибался.

Он почувствовал, что де Рокфор хочет что-то рассказать им.

— Ладно, я съем твою наживку. В чем дело?

— Великое Завещание. Вот что не давало покоя ему и остальным Великим магистрам. Каждый хотел найти его, и ни один не преуспел. Твой магистр потратил много времени на изучение всего имевшего отношение к этому, и твой юный друг помогал ему.

Сенешаль глянул на Жоффруа, но тот не повернулся от окна. Он сказал де Рокфору:

— Я думал, ты близок к завершению поисков. Ты сказал это на конклаве.

— Это так.

Сенешаль не поверил.

— Твой юный друг и покойный магистр были той еще командой. Я узнал, что недавно они изучали наши архивы с особенным пристрастием, и это привлекло мой интерес.

Жоффруа обернулся и прошел через спальню, запихивая конверт обратно в складки сутаны.

— Ты ничего не узнаешь! — Его голос перешел в крик. — То, что должно быть

найдено, не для тебя!

— Неужели? — усмехнулся де Рокфор. — И что же это — то, что должно быть найдено?

— Таким, как ты, не суждена победа. Магистр был прав. «Ты пьян от огня и полон горечи».

Де Рокфор рассматривал Жоффруа с непроницаемым выражением лица.

— Ты и магистр что-то узнали? Мне известно, что вы отправили две посылки, и я даже знаю кому. Я разобрался с одним адресатом и скоро разберусь со вторым. В ближайшее время я узнаю все, что вам с ним было известно.

Правая рука Жоффруа взлетела в воздух и ударила де Рокфора в висок пистолетом. Магистр пошатнулся, оглушенный, потом его глаза закатились, и он рухнул на пол.

— Это было необходимо? — спросил сенешаль.

— Он должен радоваться, что я его не убил. Но магистр заставил меня пообещать, что я не причиню вреда этому глупцу.

— Нам с тобой надо серьезно поговорить.

— Для начала нам надо уйти отсюда.

— Не думаю, что братья там, в коридоре, нам позволят.

— Это не проблема.

Сенешаль что-то заподозрил:

— Здесь есть другой выход?

Жоффруа улыбнулся:

— Магистр мне все рассказал.

Часть III БЛАЖЕННЫ ИДУЩИЕ К ЦЕЛИ

ГЛАВА XXXI

Аббатство де Фонтен

14.05

Раймон де Рокфор открыл глаза. Голова, в том месте, куда ударил брат Жоффруа, немилосердно болела, и он поклялся, что наглец поплатится за оскорбление. Он с трудом поднялся с пола и попытался разогнать туман в мыслях. Потер ушибленное место рукавом, и мантия тут же пропиталась кровью. Он направился в ванную, намочил полотенце и промыл рану.

Потом новый магистр собрался с силами. Он должен появиться перед братьями в должном виде. Де Рокфор медленно прошел через спальню и открыл дверь.

— Магистр, с вами все в порядке? — спросил его новый маршал.

— Войди, — приказал он.

Остальные четыре рыцаря остались снаружи. Они знали, что в покои магистра нельзя входить без разрешения.

— Закрой дверь.

Его подчиненный повиновался.

— Меня ударили, и я потерял сознание. Когда они ушли?

— Здесь была тишина в течение пятнадцати минут. Мы волновались.

— Что ты имеешь в виду?

Маршал удивился:

— Молчание. Не было слышно ни звука.

— Куда пошли сенешаль и брат Жоффруа?

— Магистр, они были здесь, с вами. Мы ожидали за дверью.

— Посмотри вокруг. Их нет. Когда они ушли?

Маршал растерялся:

— Мы их не видели, они не проходили мимо нас.

— Ты хочешь сказать, что эти двое не выходили из дверей?

— Мы застрелили бы их, если бы они вышли, как вы и приказывали.

Боль в голове снова начала пульсировать. Он приложил к ней влажное полотенце и начал массировать ушиб. Почему же Жоффруа пришел именно сюда?

— Есть новости из Ренн-ле-Шато, — заметил маршал.

Это замечание отвлекло его внимание.

— Двое братьев дали себя заметить, и Малоун, как вы предсказывали, избавился от них на шоссе.

Он был прав, предположив, что лучший способ проследить за Стефани Нелл и Коттоном Малоуном — это позволить им думать, что они избавились от преследования.

— А как насчет стрелка с церковного двора?

— Он сбежал на мотоцикле. Наши люди наблюдали, как Малоун гнался за ним. Это происшествие и случай с нашими братьями в Копенгагене явно связаны.

Он согласился.

— Есть предположения, кто это может быть?

— Пока нет.

Ему это не понравилось.

— А что сегодня? Куда направились Малоун и Нелл?

— Электронный жучок, который мы прицепили к машине Малоуна, сработал четко. Они поехали напрямик в Авиньон. Только что вышли из санатория, где содержится Ройс Кларидон.

Он хорошо знал Кларидона и ни секунды не верил, что тот сошел с ума, поэтому держал соглядатая в санатории. Месяц назад, когда магистр послал Жоффруа в Авиньон отправить посылку Стефани Нелл, де Рокфор предположил, что тот может попытаться связаться с Кларидоном. Но Жоффруа не заглянул в больницу. Новый магистр подозревал, что вторая посылка, отправленная Эрнсту Сквиллю в Ренн-ле-Шато, и привела Стефани Нелл и Малоуна к Кларидону. Но одно он знал наверняка. Кларидон и Ларс Нелл работали бок о бок, и когда после смерти Ларса Нелла к поискам подключился его сын, Кларидон стал помогать ему. Покойный магистр явно был в курсе этого. А теперь вдова Ларса Нелла направилась напрямик к Кларидону.

Пришло время разобраться с этой проблемой.

— Я выеду в Авиньон через полчаса. Выбери четырех братьев для сопровождения. Подготовь устройство для прослушки и прикажи нашим братьям не попадаться им на глаза. Это устройство имеет большой радиус действия, надо воспользоваться этим нашим преимуществом. — Но перед этим у него было еще одно дело, требующее завершения. — А теперь иди.

Маршал поклонился и вышел из покоев.

Де Рокфор стоял, чувствуя, что его голова еще кружится, и внимательно рассматривал вытянутую комнату. Две стены были каменными, другие две — обшиты кленом. У одной стены стоял изукрашенный шкаф, у других — комод с зеркалом, еще один сундук, стол и стулья. Его взгляд упал на камин. Это был самый вероятный вариант. Он знал, что в давние времена не было комнат только с одним выходом. В этих покоях обитали магистры начиная с XVI века, и если он не ошибался, камин был пристроен позже, в XVII веке, он заменил прежний каменный очаг. Сейчас он редко использовался, поскольку в аббатстве было центральное отопление.

Де Рокфор приблизился к каминной доске и стал изучать резьбу по дереву, потом внимательно осмотрел внутренности камина и заметил на стене еле заметные перпендикулярные линии.

Он нагнулся ниже и всмотрелся в темноту. Ощупал дымоход.

И нашел.

Стеклянную ручку.

Он попытался повернуть ее, но безуспешно. Толкнул вверх, потом вниз. Опять безрезультатно. Потянул на себя, ручка подалась. Несильно, примерно на полдюйма. И он услышал механический щелчок. Де Рокфор отпустил ручку и почувствовал, что его пальцы вымазаны чем-то скользким. Масло. Кто-то хорошо подготовился.

Он уставился в камин.

На задней стене стала заметна щель. Он потянул, и каменная панель раскрылась. Дыра была достаточно большой, чтобы через нее мог пройти человек, и он полез в отверстие. За камином обнаружился коридор высотой в человеческий рост.

Он остановился.

Узкий коридорчик простирался на несколько футов в длину и переходил в каменную винтовую лестницу, спускавшуюся куда-то вниз. Де Рокфор не мог сказать, куда она ведет. Без сомнения, в аббатстве имеются и другие тайные ходы. Он был маршалом двадцать два года и понятия не имел об этих секретных путях.

Но магистр знал, а от него узнал и Жоффруа.

Де Рокфор ударил кулаком по камню и дал волю гневу. Он должен найти Великое Завещание! От этого зависела его судьба как лидера тамплиеров. Магистр владел дневником Ларса Нелла много лет, но де Рокфор не мог заполучить его. Он полагал, что сможет завладеть этой тетрадью после смерти магистра, но старик перехитрил его, отослав рукопись. Теперь вдова Ларса Нелла и ее бывший подчиненный — обученный правительственный агент — вступили в контакт с Кларидоном. Из этого не могло получиться ничего хорошего.

Он заставил себя успокоиться.

Годами он жил и работал в тени магистра. Теперь магистром стал он. И он не позволит призраку навязывать ему свою волю.

Де Рокфор несколько раз втянул в себя промозглый воздух и мысленно вернулся к началу. 1118 год от Рождества Христова. Святая земля наконец освобождена от сарацин, основаны христианские королевства, но опасность оставалась. Поэтому девять рыцарей объединились и пообещали новому иерусалимскому королю, что путь в Святую землю будет безопасен для паломников. Но как могли девять человек среднего возраста, принешие обет бедности, защитить длинную дорогу из Яффы в Иерусалим, особенно учитывая то, что окрестности кишели сотнями бандитов? Еще более загадочным было то, что за первые десять лет не появилось ни одного нового рыцаря и в Хрониках ордена не было ни одного упоминания, что братья помогали пилигримам. Вместо этого девять рыцарей были заняты более важным заданием. Их штаб-квартира располагалась под старым храмом, в месте, некогда служившем конюшнями царя Соломона, — в сводчатом помещении, настолько огромном, что бывало в нем содержалось по две тысячи животных. Там они обнаружили подземные переходы, высеченные в скале века назад. Здесь хранились библейские свитки, документы, сведения об искусстве и науках и многое из иудейско-египетского наследия.

И была здесь одна самая важная находка.

Исследование этих документов заняло все внимание девятерых рыцарей. Затем, в 1127 году, они нагрузили корабли своими драгоценными находками и отплыли во Францию. То, что они обнаружили, принесло им славу, богатство и могущественных союзников. Многие пожелали стать частью ордена, и в 1128 году, через десять лет после основания, Папа Римский даровал тамплиерам автономию, которой не было равных в западном мире.

И все потому, что они обладали знанием.

Но они были осторожны с этой тайной. Только те, кто поднимался на высшие ступени, обладали привилегией знать. Столетиями назад обязанностью магистра было передать эту информацию перед смертью. Но это было до чистки. После магистры пытались раскрыть тайну и вернуть знание, но напрасно.

Де Рокфор снова ударил кулаком о камень.

Некогда тамплиеры с фанатичным упорством делали то, что было предназначено судьбой. Он поступит так же. Великое Завещание где-то здесь. Он близок к нему. Он это

знал.

И разгадка была в Авиньоне.

ГЛАВА XXXII

Авиньон

17.00

Малоун притормозил «пежо». Ройс Кларидон ждал их около дороги, к югу от санатория, точно в том месте, где обещал. Его неряшливая борода исчезла вместе с испачканными брюками и свитером. Он был чисто выбрит, ногти приведены в порядок. Одет в джинсы и рубашку без воротника. Длинные волосы зачесаны назад и собраны в хвост. В его движениях чувствовалась энергия.

— Как хорошо избавиться от бороды, — сказал он, забираясь на заднее сиденье. — Чтобы изображать из себя тамплиера, я должен был выглядеть как они. Вы знаете, они никогда не мылись. Устав запрещал это. Нельзя было раздеваться в присутствии братьев и всякое такое. Как они здорово воняли, должно быть.

Малоун включил мотор и поехал по шоссе. Небо наполнилось грозowymi облаками. По всей видимости, плохая погода перемещалась из Ренн-ле-Шато на восток. В отдалении темно-фиолетовое небо пронзали молнии, слышались раскаты грома. Дождя еще не было, но он скоро начнется. Малоун обменялся взглядами со Стефани, и она поняла, что их нового попутчика надо как следует расспросить.

Она повернулась назад:

— Мистер Кларидон...

— Называйте меня Ройс, мадам.

— Хорошо, Ройс. Расскажите нам, пожалуйста, подробнее, о чем думал Ларс? Важно, чтобы мы все понимали.

— Вы не в курсе?

— Ларс и я были не очень близки последние годы перед его смертью. Он мало мне рассказывал. Но недавно я прочитала его книги и дневник.

— Могу я спросить, зачем тогда вы здесь? Он ведь давно умер.

— Можно сказать так: я думаю, что Ларс хотел бы, чтобы его работа была закончена.

— В этом вы правы, мадам. Ваш муж был блестящим ученым. Его теории имели под собой солидную базу, и я уверен, он бы преуспел в своих поисках, если бы остался жив.

— Расскажите мне об этих теориях.

— Он шел по следам аббата Соньера. Этот священник был умен. С одной стороны, он не хотел, чтобы кто-то узнал то же, что и он. С другой, оставил много ключей к разгадке. — Кларидон покачал головой. — Говорят, он все рассказал своей любовнице, но она умерла, не сказав ни слова. Перед смертью Ларс считал, что наконец продвинулся в своих поисках. Вы знаете всю историю, мадам? Настоящую?

— Боюсь, что знаю не больше того, что Ларс написал в книгах. Но в его дневнике были интересные замечания, которые он не опубликовал.

— Могу я посмотреть на них?

Она пролиستала тетрадь, потом передала ее Кларидону. Малоун наблюдал в боковое зеркало, как тот с любопытством читает.

— Подумать только, — заметил Кларидон.

— Может быть, вы просветите нас? — попросила Стефани.

— Конечно, мадам. Как я уже говорил сегодня днем, вымысел, который Нозль Корбу и другие создали вокруг Соньера, был весьма загадочен и любопытен. Но для меня и Ларса правда была куда увлекательнее.

* * *

Соньер с удовольствием осмотрел новый алтарь церкви. Мраморный кошмар исчез, старая верхушка пошла на камни в церковном дворе, вестготские колонны использовались для других нужд. Новый алтарь был прост и прекрасен. Три месяца назад, в июне, он организовал первые общественные работы. Жители деревни торжественной процессией пронесли статую Девы по всему Ренну, закончив путь в церкви, где скульптура была водружена на одну из бывших алтарных колонн, перенесенную во двор. Чтобы увековечить это событие, он вырезал слова «Покаяние, покаяние» на лицевой стороне колонны, дабы напомнить прихожанам о смирении, и «Миссия 1891 год», чтобы увековечить год их совместных достижений.

Церковную крышу починили, наружные стены укрепили. Прежнюю кафедру проповедника снесли, новую сейчас строили. Скоро выложат шахматной плиткой пол, потом установят новые скамьи. Но перед этим надо починить пол. Вода, сочившаяся через крышу, частично разъела камни фундамента. Кое-где удалось их залатать, но несколько камней надо заменить.

На улице было мокрое ветреное сентябрьское утро, и ему удалось заручиться помощью полудюжины горожан. Они должны были извлечь поврежденные камни и установить новые до того, как привезут плитку, а это будет через две недели. Сейчас люди работали в трех местах в нефе. Сам Соньер возился с шатавшимся камнем перед алтарными ступенями.

Его не оставляли мысли о стеклянном фиале, найденном им в этом году. Когда он растопил восковую печать и извлек свиток пергамента, он обнаружил не письмо, а тринадцать рядов букв и символов. Когда он показал это аббату Жели, священнику из соседней деревни, тот сказал ему, что это криптограмма. Для расшифровки нужен математический ключ, но за многие месяцы поисков он так и не приблизился к разгадке. Он хотел знать не только содержание письма, но и причину, почему его так упрятали. Очевидно, что это очень важное послание. Но ему необходимо терпение. Он говорил себе это каждый вечер, в очередной раз потерпев неудачу в расшифровке, ему ничего не оставалось, кроме как быть терпеливым.

Соньер ухватил молоток за короткую рукоятку и решил попробовать расколоть камень. Чем меньше осколки, тем проще будет извлечь их. Опустился на колени и нанес три удара по камню в ярд длиной. По камню побежали трещины. Еще несколько ударов превратили трещины в щели.

Он отложил молоток и с помощью металлического прута отколол несколько более мелких кусков. Затем подвел прут под длинный узкий кусок камня и выломал его из пола. Оттолкнул ногой в сторону.

И тут он кое-что заметил.

Он положил металлический прут и поднес масляную лампу к обнажившемуся подполу. Аккуратно разгреб пыль и осколки, под ними обнаружился проржавевший металл.

Дверь. Ведущая куда-то вниз.

Куда?

Он огляделся. Остальные люди были заняты работой и разговорами между собой. Он отставил лампу и спокойно вернул куски камня на место.

* * *

— Добрый священник не хотел, чтобы кто-то еще узнал о его открытии, — продолжил Кларидон. — Сначала стеклянный фиал, потом дверь. Эта его церковь была полна чудес.

— Куда вела дверь? — нетерпеливо спросила Стефани.

— Это интересно. Ларс никогда мне не говорил. Но, просмотрев его дневник, я теперь понимаю.

* * *

Соньер расчистил дверь в полу от скрывавших ее камней. Церковь была заперта, солнце давно село. Весь день он ломал голову, что там за дверью, но ни слова не сказал своим рабочим, просто поблагодарил их за труд и сказал, что намеревается несколько дней отдохнуть, поэтому им следует вернуться не раньше следующей недели. Он ничего не сказал даже своей драгоценной возлюбленной, заметив только, что собирается осмотреть церковь перед сном. По крыше стучал дождь.

В свете масляной лампы он прикинул, что железная дверь была где-то ярд в длину и пол-ярда в ширину. Она находилась вровень с полом и не имела замка. К счастью, ее остов был каменным, но он беспокоился из-за петель и поэтому принес с собой масло для лампы. Не самая лучшая смазка, но лучше он ничего не успел найти.

Он смазал петли маслом. Потом подсунул конец металлического прута под один край двери и попытался поднять ее.

Дверь не шелохнулась.

Соньер надавил сильнее.

Петли начали поддаваться.

Он подвигал прут, разрабатывая проржавевший металл, потом налил еще масла. После нескольких попыток петли закрипели, и дверь откинулась, уставившись в потолок.

Он осветил фонарем в темноту.

Узкие ступеньки вели на пять ярдов в глубину, к грубому каменному полу.

Его охватило волнение. Он слышал рассказы о находках других священников. Большая часть их относилась ко временам Революции, когда служители церкви прятали святые мощи, иконы и украшения от мародеров республиканцев. Многие церкви в Лангедоке подверглись разграблению. Но эта, в Ренн-ле-Шато, находилась в таком плачевном состоянии, что здесь просто нечем было поживиться.

Возможно, это предположение было ошибочным.

Священник пощупал первую ступеньку и пришел к выводу, что они вырублены в каменном фундаменте церкви. С лампой в руке он осторожно спустился вниз, разглядывая прямоугольное пространство впереди, тоже высеченное в камне. Арка делила его пополам. Потом он заметил кости. В стенах за аркой были вырублены углубления-гробницы, в каждом из которых находился скелет в остатках одежды или савана и с мечом.

Соньер осветил лампой рядом с ближайшими гробницами и увидел, что около каждой вырезано имя. Все — д'Отпулы. Даты жизни — от XVI до XVIII века. Он сосчитал. В склепе были двадцать три гробницы. Он знал, кто они такие. Правители Ренна.

Рядом с центральной аркой он заметил сундук и железный горшок.

Он подошел, присмотрелся. Сначала ему показалось, что глаза обманывают его. Но нет. Он нагнулся.

Железный горшок был полон монет. Он взял одну и увидел, что это французские золотые монеты, многие датированы 1768 годом. Он не знал точно, сколько они стоят, но догадывался, что немало. Трудно было сказать, сколько их тут хранилось, но, когда он попытался поднять горшок, ему не удалось сдвинуть его даже на миллиметр.

Он потянулся к сундуку и увидел, что он не заперт. Откинул крышку и увидел, что он заполнен тетрадами в кожаных переплетах и чем-то завернутым в пропитанную маслом ткань. Он осторожно потрогал ткань и определил на ощупь, что там много маленьких твердых предметов. Священник поставил лампу и развернул один из свертков.

Бриллианты.

У него перехватило дыхание. В сундуке была россыпь драгоценностей.

Определенно республиканские мародеры сильно ошиблись сто лет назад, когда прошли мимо ветхой церкви в Ренн-ле-Шато. Или же те, кто избрал этот тайник, поступили очень мудро.

* * *

— Этот склеп существовал на самом деле, — рассказывал Кларидон. — В этом дневнике я прочитал, что Ларс нашел приходские записи, датируемые с тысяча шестьсот девяносто четвертого по тысяча семьсот двадцать шестой год, в которых упоминается этот склеп, но там не указан вход в него. Соньер в своем личном дневнике упомянул, что обнаружил гробницу. А потом дописал еще одну строчку: «Тысяча восемьсот девяносто первый год несет высшим плоды того, о чем сказал некто». Ларс всегда думал, что эта фраза очень важна.

Малоун свернул к обочине, затормозил и повернулся к Кларидону:

— Значит, это золото и камни были источником благосостояния Соньера. На эти деньги он восстанавливал церковь?

Кларидон засмеялся:

— Поначалу да. Но, месье, на этом история не заканчивается.

* * *

Соньер встал.

Он никогда не видел такого богатства. Какое состояние свалилось на его голову! Но ему надо воспользоваться им, не привлекая подозрений. Для этого потребуется время. И нельзя допустить, чтобы кто-то еще обнаружил склеп.

Он наклонился, взял лампу и подумал, что вполне может начать этой ночью. Золото и камни можно вынести и спрятать в доме священника. Как перевести их в деньги, он подумает после. Соньер вернулся к лестнице, осматривая помещение по пути.

Его взгляд зацепился за одну из гробниц.

Он подошел к ней и увидел, что там покоится женщина. От нее остались только череп и кости, покрытые саваном. Рядом с гробницей было начертано:

МАРИ Д’ОТПУЛ ДЕ БЛАНШФОР

Он знал о графине. Она была последней из рода д’Отпулов. Когда она умерла в 1781 году, закончилась власть ее семьи над Ренном и окружающими землями. Двенадцать лет спустя Революция навеки уничтожила дворянскую собственность.

Но как же тогда...

Он быстро выбрался на поверхность. Запер за собой двери церкви и под проливным дождем поспешил по церковному двору к могилам, надгробные камни которых словно парили в живой черноте ночи.

Он дошел до той, которую искал, и прочитал надпись.

* * *

— Мари д’Отпул де Бланшфор была похоронена и снаружи, — закончил Кларидон.

— Две могилы одной женщины? — поинтересовалась Стефани.

— Видимо, да. Но тело было погребено в склепе.

Малоун припомнил, что вчера говорила Стефани о Соньере и его возлюбленной: они убрали могилы с церковного двора и уничтожили надписи на могильных камнях.

— Значит, Соньер раскопал могилу на церковном дворе.

— Так думал Ларс.

— И она оказалась пустой?

— Мы этого никогда не узнаем, но Ларс думал, что да. И история, по всей видимости, подтверждает его выводы. Женщина такого социального статуса, как графиня, не могла быть похоронена в земле. Ее должны были положить в склеп, что и было сделано. Могила на кладбище предназначалась для других целей.

— На надгробном камне было послание, — промолвила Стефани. — Мы это знаем. Вот

почему книга Эжена Штиблейна так важна.

— Но если вы не знаете историю о склепе, могила на кладбище не вызовет интереса. Просто обычный памятник, один из многих. Аббат Бигу был умен. Он спрятал свое послание на виду у всех.

— И Соньер сумел прочесть его? — спросил Малоун.

— Ларс считал, что да.

Они поехали дальше, проехали еще немного по шоссе, потом свернули на запад и пересекли медленно текущую Рону. Перед ними вздымались крепостные стены Авиньона, в вышине светился папский дворец. Малоун свернул с переполненного проспекта в старый город, миновал рыночную площадь, на которой располагалась книжная выставка, которую они посетили сегодня днем. Они направлялись в сторону дворца и припарковались на той же подземной стоянке, что и раньше.

— У меня глупый вопрос, — произнес Малоун. — Почему никто не произвел раскопки под церковью в Ренне или не использовал подземный радар, чтобы определить, есть ли там что-то?

— Местные власти не позволят. Подумайте сами, месье. Если там ничего нет, то что будет с тайной? Ренн живет за счет легенды о Соньере. Весь Лангедок имеет с нее доход. Последнее, чего хотят местные жители, — это получить доказательства. Их благополучие зависит от этого мифа.

Малоун сунул руку под сиденье и извлек пистолет, который он отобрал у своего преследователя прошлой ночью. Проверил магазин. Осталось три пули.

— Это необходимо? — поинтересовался Кларидон.

— Я себя лучше чувствую, когда у меня есть оружие. — Он открыл дверь и выбрался наружу, пряча пистолет под пиджак.

— Зачем нам идти в папский дворец? — спросила Стефани.

— Там хранится нужная нам информация.

— Может, объясните нам?

Кларидон открыл дверь:

— Пойдемте, и я вам все покажу.

ГЛАВА XXXIII

Франция, Лавлане

19.00

Сенешаль остановил машину в центре деревни. Последние пять часов они с Жоффруа извилистым путем ехали на север. Они специально проехали мимо больших селений вроде Фуа, Киллана и Лиму и предпочли остановиться в маленьком поселке, укрывшемся в уединенной низине, куда туристы редко заглядывали.

Покинув апартаменты магистра, они вышли через потайной ход в районе главной кухни. Выход был хитро замаскирован в кирпичной стене. Жоффруа сказал, что магистр поведал ему, где расположены тайные пути, которыми пользовались много веков назад для побега. Последние сто лет об этих путях знали только магистры.

Выбравшись наружу, они направились в гараж, позаимствовали одну из машин, принадлежавших аббатству, и выехали через главные ворота до того, как с полуденных молитв на рабочие места вернулись братья, ответственные за автопарк. Учитывая, что де Рокфор лежал без сознания в своих покоях, а его сопровождающие ждали, когда кто-нибудь откроет дверь, у них была солидная форора во времени.

— Нам надо поговорить, — заявил сенешаль, и по его тону было ясно, что он больше не потерпит отговорок.

— Я ГОТОВ.

Они выбрались из машины и направились в шумное кафе с уличными столиками, под могучими вязами. На них уже не было сутан, час назад они сделали краткую остановку и

купили одежду. Подошел официант принять у них заказ. Вечер был теплым и приятным.

— Ты понимаешь, что мы натворили? — продолжал сенешаль. — Мы ранили двух братьев.

— Магистр сказал мне, что насилие будет неизбежно.

— Я знаю, от чего мы бежим, но куда?

Жоффруа сунул руку в карман и извлек конверт, который ранее показывал де Рокфору.

— Магистр велел мне отдать вам это, когда мы окажемся на свободе.

Сенешаль принял конверт и разорвал его со смешанным чувством жадности и тревоги.

«Сын мой, и я действительно во многом считаю тебя таковым, я знал, что де Рокфор одержит победу на конклаве, но было важно, чтобы ты бросил ему вызов. Братья вспомнят об этом, когда твое время действительно наступит. Сейчас же твоя судьба в другом месте. Брат Жоффруа будет твоим спутником.

Я полагаю, что перед уходом из аббатства ты взял два тома, привлёкшие твое внимание в последние годы. Да, я был в курсе твоего интереса. Давным-давно я тоже читал обе эти книги. Похищение собственности ордена — это серьезное нарушение устава, но давай рассматривать это не как кражу, а как одалживание, поскольку я уверен, что ты вернешь их на место. Информация, которая в них содержится, вместе с тем, что ты уже знаешь, крайне важна. К сожалению, только благодаря этому загадку не решить. Есть и другие части головоломки, которые тебе предстоит отыскать. Вопреки твоим предположениям, я не знаю ответа. Но нельзя допустить, чтобы Великое Завещание нашел де Рокфор. Он знает много, включая все, что ты сумел извлечь из наших записей, поэтому не недооценивай его решимость.

Это необыкновенно важно, чтобы ты вышел за пределы нашей монашеской жизни. Тебя ожидает многое. Могу предположить, что твой уход был сопряжен с насилием. Делай все, что необходимо, для завершения твоего поиска. Магистры столетиями оставляли последний завет своим последователям, не исключая и моего предшественника. Из всех, кто был до меня, только ты имеешь достаточно ключей, чтобы разгадать эту загадку. Я бы хотел достичь цели вместе с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Де Рокфор никогда не одержит победу. С помощью брата Жоффруа ты преуспеешь. Я желаю тебе удачи. Будь осторожен и позаботься о Жоффруа. Будь с ним терпелив, потому что он делает только то, к чему я обязал его клятвой».

Сенешаль перевел взгляд на Жоффруа и спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать девять.

— Для такого юного возраста на тебе лежит очень большая ответственность.

— Я испугался, когда магистр сказал мне, чего он от меня ожидает. Я не хотел этого долга.

— Почему он не сказал все прямо мне?

Жоффруа ответил не сразу.

— Магистр сказал, что вы отступаете перед лицом разногласий и уклоняетесь от противостояния. Вы еще не знаете себя так, как должно.

Сенешаль был уязвлен этим замечанием, но выражение лица Жоффруа — прямота и невинность — придавало еще больше силы его словам. И это была правда. Он никогда не искал схватки и всегда избегал ее.

Но не в этот раз.

Он вступил в прямую конфронтацию с де Рокфором и застрелил бы его, если бы француз не среагировал так быстро. На этот раз он вступит в бой. Он прочистил горло и спросил:

— Что я должен делать теперь?

Жоффруа улыбнулся:

— Для начала мы должны поесть. Я голоден как волк.

Сенешаль ухмыльнулся:

— А потом?

— Это можете сказать только вы.

Сенешаль покачал головой в ответ. На самом деле он уже сделал следующий шаг, когда поехал на север от аббатства. И когда он понял, что есть только одно место, куда он может пойти, успокоительная решимость охватила его.

ГЛАВА XXXIV

Авиньон

17.30

Малоун с любопытством рассматривал папский дворец, вытянувшийся в небо на сотню ярдов. Он, Стефани и Кларидон сидели в уличном кафе на оживленной площади, прилегающей к центральному входу. Со стороны Роны дул северный ветер — мистраль, как местные его называли. Малоун припомнил средневековую поговорку, согласно которой некогда эти улицы наполняла жуткая вонь. *Ветреный Авиньон, с омерзительным ветром, без ветра нечем дышать*. И как Петрарка называл этот город? *Город греха...*

Из путеводителя он узнал, что огромная постройка, вздымавшаяся перед ними, одновременно дворец, крепость и церковь, на самом деле состояла из двух зданий — старого дворца, построенного Папой Бенедиктом XII, начавшим строительство в 1334 году, и нового дворца, воздвигнутого Клементом VI, завершившим работы в 1352 году. Оба здания отражали личности своих создателей. Старый дворец воплощал романский консерватизм, умеренность и вкус, новый являл собой готическую пышность. К несчастью, оба здания пострадали от пожара и во времена Французской революции были разграблены, статуи уничтожены, все фрески закрашены побелкой. В 1810 году дворец был превращен в казармы. Городские власти Авиньона приняли на себя управление дворцом в 1906 году, но реставрация была отложена аж до 1960-х годов. Теперь два крыла были превращены в место проведения собраний, а остальное стало местом паломничества для туристов, являя лишь тень былого великолепия.

— Пора войти, — сказал Кларидон. — Последняя экскурсия начинается через десять минут. Нам надо присоединиться к ней.

Малоун поднялся:

— Куда мы собираемся?

Над головой прогремел гром.

— Аббат Бигу, которому Мари д'Отпул де Бланшфор доверила свой великий семейный секрет, время от времени посещал дворец и восхищался картинами. Это было еще до Революции, здесь было выставлено много картин. Ларс выяснил, что он особенно любил одну картину. Когда Ларс нашел криптограмму, он также обнаружил ее связь с картиной.

— Что за связь? — поинтересовался Малоун.

— В приходской книге церкви в Ренн-ле-Шато, в день, когда он уехал из Франции в Испанию в тысяча семьсот девяносто третьем году, аббат Бигу записал следующее: *Lisez les Regies du Caridad*.

Малоун перевел про себя: *Читающий устав Каридад*.

— Соньер наткнулся на эту запись и спрятал ее. К счастью, эта тетрадь не была уничтожена, и Ларс в конце концов нашел ее. По всей видимости, Соньер выяснил, что Бигу часто бывал в Авиньоне. Во времена Соньера, в конце девятнадцатого века, этот дворец был полупустой оболочкой. Но Соньер легко выяснил, что во времена Бигу здесь было плотно «Читающий устав Каридад» кисти Хуана де Вальдес Леаля.

— Я полагаю, эта картина до сих пор находится здесь? — спросил Малоун, глядя через просторный двор на Шапо Гало, центральные ворота дворца.

Кларидон покачал головой:

— Ее уже давно нет. Погибла в огне пятьдесят лет назад.

Гром загрохотал еще сильнее.

— Тогда что мы тут делаем? — поинтересовалась Стефани.

Малоун бросил на стол несколько евро и перевел взгляд на другое уличное кафе через две двери отсюда. В то время как люди спешили прочь в преддверии грозы, под навесом сидела женщина, смакуя кофе. Его взгляд задержался на ней всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы заметить тонкие черты лица и большие глаза. Ее кожа была цвета кофе с молоком. Официант принес ей еду, и Малоун отметил, как грациозны ее движения. Он заметил ее минут десять назад, когда они сели за столик, и все время наблюдал за ней.

Теперь надо провести тест.

Он взял бумажную салфетку со стола и смял ее в шарик.

— В этой неопубликованной рукописи, — рассказывал Кларидон, — которую Ноэль Корбу написал о Соньере и Ренне и которую обнаружил Ларс, Корбу писал об этой картине и знал, что Бигу намекал на нее в приходской книге. Корбу также отметил, что литография полотна до сих пор хранится в архивах дворца. Он видел ее. За неделю до смерти Ларс наконец выяснил, в каком именно архиве. Мы должны были пойти сюда и посмотреть, но Ларс так и не вернулся в Авиньон.

— И он не сказал, где она? — спросил Малоун.

— Нет, местье.

— В дневнике нет упоминания о картине, — заметил Малоун. — Я прочитал его целиком. Ни слова об Авиньоне.

— Если Ларс не сказал вам, где литография, зачем мы идем туда? — опять спросила Стефани. — Вы не знаете, где искать.

— Но ваш сын знал, за день до того, как погиб. Мы с ним собирались пойти во дворец, после того как он вернется с гор. Но, мадам...

— Он тоже не вернулся.

Малоун наблюдал, как Стефани пыталась не выдать своих переживаний. Она умела скрывать чувства, но не от него.

— А почему вы сами не пошли?

— Я подумал, что остаться в живых — более важно. Так что я спрятался в больнице.

— Он погиб под лавиной, — уточнил Малоун. — Он не был убит.

— Вы не знаете наверняка. На самом деле, — произнес Кларидон, — вы ничего не знаете. — Он окинул взглядом площадь. — Нам надо спешить. Они начинают последнюю экскурсию вовремя. Большинство служащих — старые жители города. Многие — волонтеры. Они запирают двери ровно в семь. Во дворце нет системы безопасности или сигнализации. Здесь больше нет ничего по-настоящему ценного, и стены — это лучшая охрана. Мы отстанем от группы и подождем, пока все не разойдется.

Они пошли к воротам.

На голову Малоуна упали несколько капель дождя. Стоя спиной к женщине, которая должна была все еще сидеть в ста футах от них за столиком, он раскрыл ладонь и позволил мистралю унести бумажный шарик. Потом повернулся и сделал вид, что пытается поймать бумажку, которую ветер нес по булыжникам. Догнав салфетку, он украдкой глянул в сторону кафе.

Женщина уже не сидела за столом.

Она шла следом за ними, во дворец.

Де Рокфор опустил бинокль. Он стоял на скале Rocher des Dorns — самом живописном месте Авиньона. Люди обитали на этой вершине со времен неолита. Во времена пап огромный скалистый выступ служил природной защитой от вечного мистралья. Сегодня на этом холме, прилегавшем к папскому дворцу, располагался великолепный парк с озерами, фонтанами, статуями и гротами. Вид был завораживающий. Он приходил сюда много раз,

когда работал в находившейся неподалеку семинарии, еще до того, как вступил в орден.

К западу и югу простирались холмы и долины. Ласковая Рона прокладывала свой извилистый путь под знаменитым мостом Святого Бенезера, некогда пересекавшим реку и соединявшим город Папы с городом короля на противоположном берегу. Когда в 1226 году во время похода против альбигойцев Авиньон принял сторону графа Тулузского против Людовика VIII, французский король разрушил мост. Время от времени мост восстанавливали, де Рокфор вспомнил XIV век, когда кардиналы добирались на мулах до своих сельских дворцов в Вильнев-лез-Авиньон. К XVI веку дожди и наводнения снова разрушили мост, оставив четыре пролета. С тех пор мост так и не достроили.

— Они направляются во дворец, — сказал он брату, стоящему рядом с ним. Посмотрел на часы. Почти шесть часов. — Он закрывается в семь.

Де Рокфор опять поднес бинокль к глазам и посмотрел на площадь, расположенную в пятистах ярдах внизу. Он приехал с севера, из аббатства, и прибыл всего лишь сорок минут назад. Электронный жучок на машине Малоуна до сих пор функционировал и показал, что они путешествовали в Вильнев-лез-Авиньон, затем вернулись в Авиньон. По всей видимости, они ездили навестить Кларидона.

Де Рокфор поднялся по усаженной деревьями дороге, ведущей от папского дворца, и решил ждать здесь, на холме, откуда открывался отличный вид на старый город. Удача улыбнулась ему, когда Стефани Нелл и два ее спутника появились со стороны подземной стоянки, расположенной прямо внизу, и устроились в уличном кафе, где за ними было легко наблюдать.

Он опустил бинокль.

Дул мистраль. Северный ветер крепчал, обдувая набережные, волнуя реку, гоня грозные облака, из-за которых небо казалось ближе.

— Они наверняка собираются остаться во дворце после закрытия. Ларс Нелл и Кларидон уже однажды делали так. У нас сохранился ключ от дверей?

— Да, у нашего брата в городе.

— Добудьте его.

Де Рокфор давным-давно обеспечил себе способ попасть во дворец через собор после закрытия. Архивы, находящиеся внутри, привлекли интерес Ларса Нелла, поэтому ими заинтересовался и он. Он дважды посылал братьев во дворец ночью, пытаясь понять, что вызвало заинтересованность Нелла. Но объем материала был устрашающим, и выяснить ничего не удалось. Возможно, сегодня де Рокфор узнает больше.

Он опять посмотрел в бинокль. Из руки Малоуна выскользнула бумажка, и он наблюдал, как юрист пытался подобрать ее.

Потом три объекта исчезли из виду.

ГЛАВА XXXV

21.00

Странное чувство охватило Малоуна, когда он брел по этим комнатам. На середине экскурсии они незаметно отстали, и Кларидон привел их на верхний этаж. Они укрылись в башне за закрытой дверью и ждали до полдевятого, когда почти все огни были погашены и сотрудники разошлись. Кларидон, похоже, знал местные порядки и был доволен, обнаружив, что за пять лет ничего не изменилось.

Лабиринт залов, длинных коридоров и пустых комнат был теперь едва освещен кое-где расположенными слабыми лампами. Малоун представил, как это все когда-то выглядело — обстановка, стены, украшенные яркими фресками и гобеленами, повсюду толпы людей, служивших верховному понтифику или принесших ему петиции. Посланники хана, императора Константинополя, Петрарка собственной персоной, святая Катерина из Сиены — женщина, которая убедила последнего авиньонского Папу вернуться в Рим, — все они прошли перед его мысленным взором. Здесь дышала и жила история, теперь от нее почти

ничего не осталось.

Снаружи наконец началась гроза, дождь неистово грохотал по крыше, ветер стучался в окна.

— Некогда этот дворец был таким же величественным, как Ватикан, — прошептал Кларидон. — А теперь все ушло. Уничтожено невежеством и жадностью.

Малоун не согласился:

— Кое-кто сказал бы, что невежество и жадность были причиной того, что он был построен.

— А, мистер Малоун, вы учились истории?

— Я много читал.

— Тогда позвольте мне кое-что вам показать.

Кларидон вел их через открытые двери по более посещаемым комнатам, на каждой из которых была надпись. Они остановились в сводчатой прямоугольной комнате, именуемой Пиршественным залом, с обшитым деревом потолком.

— Это был банкетный зал Папы, вмещавший сотни людей, — сказал Кларидон, и его голос отдался эхом. — Клемент Шестой затянул потолок синей тканью, усеянной золотыми звездами, — в виде астрономического свода. Стены когда-то были украшены фресками. Все это было уничтожено огнем в тысяча четыреста тринадцатом году.

— И больше не восстановлено? — спросила Стефани.

— Авиньонские папы к этому времени вернулись в Рим, так что этот дворец утратил свое значение, — ответил Кларидон, направляясь к дальней стене. — Папа ел один, вот здесь, на возвышении, на троне под балдахином из алого бархата, отделанного горностаем. Гости сидели на деревянных скамьях вдоль стен — кардиналы вдоль восточной, остальные вдоль западной. Столы были в форме буквы U, и еда начинала подаваться с центра. Все имело свой порядок...

Малоун отозвался:

— словно идешь по разрушенному городу, душа которого уничтожена бомбежкой. Мир, замкнутый в себе.

— В этом и был смысл. Французские короли хотели, чтобы их папы находились вдали от всех. Они сами решали, что папам следует думать и делать, поэтому резиденция понтифика не должна была быть воздушной и легкомысленной. Ни один из этих пап не приезжал в Рим, поскольку итальянцы убили бы его на месте. Так что семь человек, бывших здесь папами, создали свою собственную крепость и не задавали вопросов французскому трону. Они были обязаны своим существованием королю и были довольны своим покоем и положением — это время потом стали называть Авиньонским пленом.

Соседняя комната была меньших размеров. Эта палата была местом, где папы и кардиналы собирались на тайный свет.

— Именно здесь являли Золотую Розу, — рассказывал Кларидон. — Большая наглость со стороны авиньонских пап. В четвертое воскресенье Поста Папа награждал кого-нибудь, обычно монарха, зрелищем Золотой Розы, особой папской награды.

— Вы это не одобряете? — спросила Стефани.

— Христос не нуждался в золотых розах. Зачем тогда они папам? Просто еще одно святотатство, каких много было в этом месте. Клемент Шестой купил весь город у королевы Иоанны Неапольской в тысяча триста девятом году. Частью сделки было то, что она получила отпущение грехов за соучастие в убийстве мужа. В течение ста лет преступники, проходимцы, фальшивомонетчики и контрабандисты всех мастей уклонялись здесь от правосудия, покупая индульгенции.

Они миновали еще одну комнату и оказались в помещении, называемом Оленья комната. Кларидон включил приглушенный свет. Малоун замешкался в дверях на секунду, но этого было достаточно, чтобы глянуть сквозь предыдущую комнату в Пиршественный зал. По стене скользнула тень, и он понял, что они не одни. Он знал, кто позади. Высокая, привлекательная, спортивного телосложения женщина — цветная, как выразился Кларидон.

Та женщина, которая сидела за столиком, а потом последовала за ними во дворец.

— ...здесь соединяются старый и новый дворцы, — продолжал рассказывать Кларидон. — Старый у нас за спиной, новый впереди. Здесь был кабинет Клемента Шестого.

Малоун читал в путеводителе о Кlemente, человеке, любившем живопись и поэзию, музыку, редких животных и галантные ухаживания. Часто цитируют его слова: «Мои предшественники не знали, как надо быть Папой». Он превратил старую крепость Бенедикта в роскошный дворец. Великолепный образец земных желаний Клемента сейчас окружал их в виде рисунков на стенах. Поля, чащи, ручьи — все это под голубым небом. Люди с рыболовными сетями около зеленого пруда, выловленная в изобилии рыба. Бретонские спаниели. Молодой дворянин со своим соколом. Ребенок на дереве. Лужайки, птицы, купающиеся воде. Преобладали зеленые и коричневые цвета, но оранжевые одежды, синяя рыба и фрукты на деревьях добавляли ярких цветов в общую картину.

— Клемент приказал нарисовать эти фрески в тысяча триста сорок четвертом году. Их обнаружили под штукатуркой, которой их замазали солдаты, когда в девятнадцатом веке дворец превратили в казармы. Эта комната помогает понять, каковы были авиньонские папы, особенно Клемент Шестой. Некоторые называли его Клемент Великолепный. У него не было призвания к монашеской жизни. Снятие епитимий, отлучение от церкви, отпущение грехов, даже сокращение срока в чистилище и для живых, и для мертвых — все можно было купить. Видите, кое-чего не хватает?

Малоун стал вновь рассматривать фрески. Сцены охоты были чистой воды эскапизмом — люди развлекались, как могли, вид был то с высоты птичьего полета, то с близкого расстояния, но он не заметил ничего особенного.

Потом до него дошло.

— Где же Бог?

— Хороший глаз, месье. — Кларидон раскинул руки. — Нигде в этом доме Клемента Шестого нет религиозных символов. Это говорит само за себя. Это была спальня короля, а не Папы Римского, и именно королями считали себя авиньонские прелаты. Вот какими были люди, уничтожившие тамплиеров. Начиная с тысяча триста седьмого года, с Клемента Шестого, который был соучастником Филиппа Красивого, и заканчивая Григорием Одиннадцатым в тысяча триста семьдесят восьмом году, эти испорченные личности уничтожали орден. Ларс всегда считал, и я с ним согласен, что эта комната отражает истинную сущность этих людей.

— Вы на самом деле думаете, что тамплиеры выжили? — поинтересовалась Стефани.

— Oui. Они здесь. Я видел их. Не знаю, что они на самом деле собой представляют. Но они здесь, с нами.

Малоун не мог понять, было ли это объявлением факта или просто предположением человека, видевшего заговоры там, где их не было. Все, что он знал, — за ними шла женщина, способная всадить пулю в дерево прямо над его головой с расстояния в пятьдесят ярдов, ночью, при ветре, дувшем со скоростью сорока миль в час. Вполне возможно, что это она спасла его шкуру в Копенгагене. И она была настоящая.

— Давайте делать то, за чем пришли, — предложил Малоун.

Кларидон выключил свет:

— Следуйте за мной.

Они шли по старому дворцу, направляясь к северному крылу и месту проведения собраний. Объявление гласило, что это помещение было оборудовано городом недавно, чтобы собрать деньги для дальнейшей реставрации. Бывшие зал конклава, казначейская палата и большой погреб были оснащены рядами кресел, сценой и аудиовизуальными устройствами. Минувя другие коридоры, Малоун, Стефани и Кларидон видели там каменные изображения других авиньонских пап.

Наконец Кларидон остановился перед тяжелой деревянной дверью и подергал ручку. Открыто.

— Хорошо. Они так и не запирают его на ночь.

— Почему? — спросил Малоун.

— Здесь нет ничего ценного, кроме информации, а она мало интересует воров.

Они вошли в непроглядно темное помещение.

— Некогда это была часовня Бенедикта Двенадцатого, Папы, построившего большую часть старого дворца. В девятнадцатом веке эта комната и помещения над ней были превращены в местный архив. Дворцовые записи тоже хранятся здесь.

Свет, падавший из коридора, позволял рассмотреть комнату с высоким потолком, заполненную рядами полок. Еще больше полок располагалось по стенам, одна секция стояла на другой, наверху комнату опоясывал огороженный перилами балкончик. Между полками находились окна в форме арок, по темным стеклам колотил сильный дождь.

— Четыре километра полок, — заявил Кларидон. — Огромная масса информации.

— Но вы знаете, где искать? — спросил Малоун.

— Надеюсь, что да.

Кларидон нырнул вперед между полками к центру комнаты. Малоун и Стефани ждали, пока лампа не отдалась на пятьдесят футов.

— Сюда! — окликнул их Кларидон.

Малоун закрыл дверь и подумал: как женщина собирается попасть сюда незамеченной? Он направился на свет и нашел Кларидона рядом со столом.

— К счастью для истории, — сказал Кларидон, — все предметы, хранившиеся во дворце, были каталогизированы в начале восемнадцатого века. Потом, в конце девятнадцатого века, были сделаны фотографии и рисунки всего, что пережило Революцию. Ларс и я ознакомились с этим списком.

— И вы не пришли сюда после гибели Марка, потому что боялись, что рыцари-тамплиеры убьют вас? — поинтересовался Малоун.

— Я понимаю, месье, что вы не очень верите в это. Но я вас уверяю, что поступил правильно. Эти записи хранились тут столетиями, поэтому я подумал, что они могут подождать еще немного. Остаться в живых казалось мне более важным делом.

— Тогда почему вы сейчас здесь? — спросила Стефани.

— Прошло много времени, — ответил Кларидон, отходя от стола. — Вокруг нас — дворцовые реестры. Мне понадобится несколько минут, чтобы найти то, что нам надо. А вы пока присаживайтесь и подождите. — Он извлек из кармана фонарик. — Взял в больнице. Я подумал, он нам пригодится.

Малоун подвинул кресло поближе, Стефани сделала то же самое. Кларидон скрылся в темноте. Малоун слышал шорох и видел бегающий свет фонаря.

— Вот чем занимался мой муж, — прошептала она. — Скрывался в заброшенном дворце, искал неизвестно что.

Он уловил резкость в ее голосе.

— Когда наш брак рушился. Когда я работала по двадцать часов в сутки. Вот чем занимался он.

От раската грома все в комнате задрожало.

— Это было важно для него, — сказал Малоун, стараясь тоже говорить шепотом. — И может быть, он охотился за чем-то весьма интересным.

— За чем, Коттон? За сокровищем? Если Соньер обнаружил эти драгоценности в склепе, ладно. Иногда людям везет. Но больше ничего нет. Бигу, Соньер, Ларс, Марк, Кларидон. Все они — мечтатели.

— Мечтатели много раз изменяли мир.

— Это охота за призраками.

Из темноты появился Кларидон и положил на стол заплесневелую папку толщиной в три дюйма. Ее переплет был испещрен пятнами от воды. Внутри находились фотографии и карандашные рисунки.

— В нескольких футах от того места, которое указал Марк. Слава небесам, люди, которые управляют архивом, почти ничего не переставили с тех пор.

— Как Марк нашел это? — спросила Стефани.

— Он искал разгадку по выходным. Он не был так увлечен, как его отец, но часто приезжал в дом в Ренне, и мы с ним занимались поисками. В Тулузском университете он наткнулся на какую-то информацию об авиньонских архивах. Связал воедино то, что знал, и вот мы оказались здесь.

Малоун извлек содержимое папки и разложил по столу.

— Что мы ищем?

— Я не видел картину. Остается только надеяться, что она подписана.

Они начали просматривать изображения.

— Вот! — взволнованно воскликнул Кларидон.

Малоун взглянул на литографию, черно-белое изображение, поврежденное временем, с потрепанными краями. Рукописная надпись сверху гласила: «Дон Мигель де Маньяра, читающий устав Каридад».

На литографии был изображен пожилой мужчина с клочковатой бородой и тонкими усами, сидящий за столом в церковном облачении. На одном из рукавов от локтя до плеча была нашита изукрашенная эмблема. Левая рука касалась книги, стоявшей на подставке, правая была вытянута ладонью вверх, указывая поверх стола, покрытого нарядной скатертью, на маленького человечка в монашеском одеянии, устроившегося на низком стуле, пальцы которого были скрыты одеждой. На его коленях лежала книга. Пол напоминал шахматную доску, и на стуле, на котором сидел маленький монах, была надпись:

ACABOCE A° DE 1687

— Очень интересно, — пробормотал Кларидон. — Посмотрите сюда.

Малоун проследил за взглядом Кларидона и изучил верхний левый угол изображения, где в тени за маленьким человечком стояли стол и полка. Наверху лежал человеческий череп.

— Что это значит? — спросил Малоун у Кларидона.

— Caridad переводится как «милосердие», а также может означать «любовь». Черные одежды человека за столом — это форма рыцарей ордена Калатравы, испанского религиозного общества, посвященного Иисусу Христу. Я определил это по эмблеме на рукаве. Асабосе значит «завершение». А° может относиться к альфе и омеге, первой и последней буквам в греческом алфавите — началу и концу. Череп? Понятия не имею.

Малоун припомнил, что Бигу написал в приходской книге Ренна перед побегом из Франции в Испанию. «Читающий устав Каридад».

— Что за устав мы должны прочитать?

Кларидон рассматривал рисунок в слабом свете фонарика.

— Посмотрите на маленького монаха. Видите его туфли? Его ноги стоят на черных квадратах на полу, расположенных по диагонали друг другу.

— Пол напоминает шахматную доску, — заметила Стефани.

— И офицер двигается по диагонали, как указывают ноги.

— Так этот человек — офицер? — спросила Стефани.

— Нет, — отозвался Малоун, начиная понимать. — Во французских шахматах офицер — это дурак.

— Вы разбираетесь в этой игре? — поинтересовался Кларидон.

— Играл когда-то.

Кларидон прикоснулся пальцем к человечку на стуле.

— Это Мудрый Дурак, который, по всей видимости, знает секрет, относящийся к альфе и омеге.

Малоун догадался:

— Так называли Христа.

— Oui. И когда вы добавите асабосе, вы получите «завершение альфы и омеги». Завершение Христа.

— Но что это значит? — любопытствовала Стефани.

— Мадам, могу я взглянуть на книгу Штиблейна?

Она нашла томик и протянула его Кларидону.

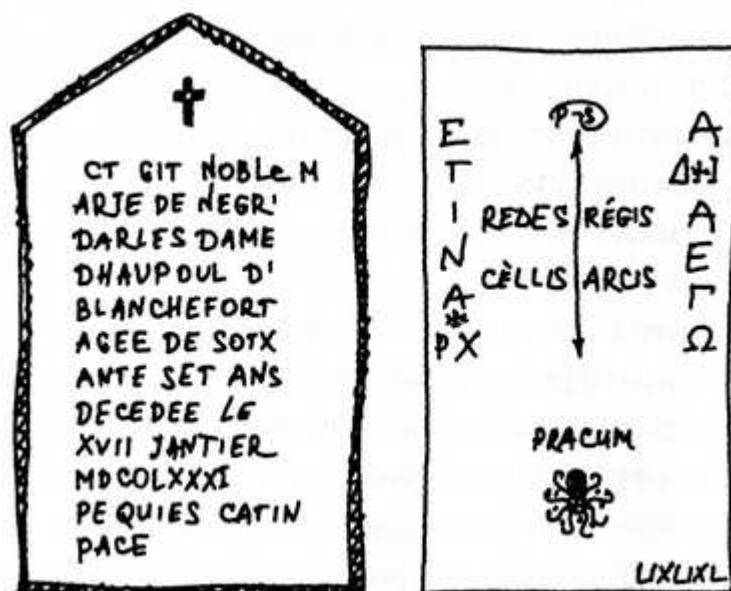
— Давайте посмотрим на этот могильный камень. Он и эта картина связаны. Помните, это аббат Бигу оставил оба ключа. — Он положил книгу на стол. — Следует знать историю, чтобы разобраться с этим надгробием. Род д'Отпулов восходит к двенадцатому веку. Мари вышла замуж за Франсуа д'Отпула, последнего из рода, в тысяча семьсот тридцать втором году. Один из его предков оставил завещание в тысяча шестьсот сорок четвертом году, которое было должным образом заверено и хранилось у нотариуса. Когда этот предок умер, завещание исчезло. Затем, более чем через сто лет после его смерти, оно неожиданно нашлось. Когда Франсуа д'Отпул приехал, чтобы забрать его, нотариус сказал ему: «С моей стороны будет очень неразумно расстаться с таким важным документом». Франсуа умер в тысяча семьсот пятьдесят третьем году, и лишь в тысяча семьсот восьмидесятом завещание было отдано его вдове, Мари. Почему? Никто не знает. Может быть, потому что к тому времени она осталась единственной наследницей д'Отпулов. Но она умерла год спустя, и говорят, что она передала это завещание аббату Бигу в качестве части великого семейного секрета.

— И Соньер нашел его в склепе? Вместе с золотыми монетами и драгоценностями?

Кларидон кивнул:

— Но склеп был запечатан. Поэтому Ларс всегда считал, что истинный ключ содержался в фальшивой могиле Мари на кладбище. Бигу, должно быть, понимал, что доверенный ему секрет слишком важен, чтобы умереть вместе с ним. Он покидал страну и не собирался возвращаться, поэтому оставил загадку, указывающую путь. В машине, когда вы первый раз показали мне рисунок надгробия, я долго ломал голову. — Он вытащил чистый лист бумаги и ручку. — Теперь я понимаю, что надпись на нем содержит массу информации.

Малоун изучил буквы и символы на могильных камнях.



— Камень справа лежал на могиле Мари и не имел надписей, которые обычно бывают на надгробиях. Его левая сторона была исписана латинскими надписями. — Кларидон написал на листке ET IN PAX. — Это переводится «и в мире», но все не так просто. Pax — это именительный падеж слова «мир», а это грамматически неправильно ставить его после предлога in. Колонка справа написана по-гречески и не имеет никакого смысла. Но я долго

думал и наконец догадался. Надпись на самом деле написана на латинском, но греческими буквами. Если вы переведете их в латинский алфавит, буквы E, T, I, N и A совпадут, но P превратится в R, X — в K, и... — И Кларидон написал на бумаге:

ET IN ARCADIA EGO

— И в Аркадии я, — перевел Малоун с латыни. — Смысла никакого.
— Точно, — заметил Кларидон. — Что приводит нас к выводу, что эти слова таят в себе другой смысл.
Малоун понял:
— Анаграмма?
— Обычное дело во времена Бигу. В конце концов, сомнительно, чтобы Бигу оставил послание, не попытавшись зашифровать его.
— А слова в центре?
Кларидон выписал их на листок.

REDDIS RÉGIS CÉLLIS ACRIS

— Reddis значит «отдавать, возвращать взятое ранее». Но это также латинское название Ренна. Régis происходит от rex, что значит «король». Celia относится к хранилищу. Arcis имеет корнем agx — крепость, цитадель, замок. Каждое слово много значит, но все вместе лишены смысла. Вот еще стрела, которая соединяет p-s наверху с præ-sum. Понятия не имею, что такое p-s. Præ-sum переводится «молиться, чтобы войти».

— А что это за символ внизу? — спросила Стефани. — Похож на осьминога.
Кларидон покачал головой:
— Паук, мадам. Но я не понимаю, что он означает.
— А как насчет второго камня? — полюбопытствовал Малоун.
— Тот, что слева, стоял над могилой и был наиболее заметен. Помните, Бигу служил Мари д'Отпул много лет. Он был чрезвычайно предан ей и потратил на изготовление надгробия два года, и при этом почти в каждой строчке ошибка. В те времена каменщики допускали ошибки, но чтобы столько? Аббат заставил бы их исправить.
— Значит, ошибки — часть послания? — задумчиво сказал Малоун.
— Похоже на то. Посмотрите сюда. Ее имя написано неправильно. Ее звали не Мари де Негре д'Арль, дама д'Отпул. Она была Мари де Негри д'Абль д'Отпул. И многие другие слова перевернаны. Буквы написаны выше или ниже, чем надо, по непонятным причинам. Но посмотрите на дату.

MDCOLXXXI

— По идее, это должна быть дата ее смерти — тысяча шестьсот восемьдесят первый год. Но тогда непонятно, откуда O, поскольку в римской нумерологической системе нет нуля и ни одна цифра не обозначалась буквой O. И тем не менее. И Мари умерла в тысяча семьсот восемьдесят первом году, а не в тысяча шестьсот восемьдесят первом. Может быть, буква O здесь для того, чтобы дать понять, что Бигу знал о допущенной ошибке в дате? И возраст указан неправильно. Когда она умерла, ей было шестьдесят восемь, а не шестьдесят семь, как тут указано.

Малоун указал на набросок камня справа и римские цифры в нижнем углу. LIXLIXL.
— Пятьдесят. Девять. Пятьдесят. Девять. Пятьдесят.
— Более чем странно, — заметил Кларидон.
Малоун перевел взгляд на литографию.
— Я не вижу, каким годом датирована эта картина?
— Это загадка, месье. Которую трудно разгадать.

— Но я хочу знать разгадку, — раздался низкий мужской голос откуда-то из темноты.

ГЛАВА XXXVI

Малоун ожидал, что в контакт вступит женщина, но это была не она. Он потянулся за пистолетом.

— Не шевелитесь, мистер Малоун. Вы под прицелом.

— Это человек из собора, — сказала Стефани.

— Я же говорил, мы еще встретимся. И вы, месье Кларидон. Вы были не очень убедительны в лечебнице. Сумасшедший? Вы? Едва ли.

Малоун осмотрел помещение. Величина помещения мешала точно улавливать звуки. Но он засек людей на балкончике.

Он насчитал четверых.

— Тем не менее я впечатлен вашими познаниями, месье Кларидон. Ваши умозаключения насчет надгробия кажутся логичными. Я всегда верил, что из этого камня можно многое узнать. Я тоже был здесь прежде и копался на полках. Такое трудоемкое занятие. Я очень ценю, что вы сузили мне поиски. «Читающий устав Каридад». Кто бы мог подумать?

Кларидон перекрестился, и Малоун увидел страх в его глазах.

— Да защитит нас Господь.

— Ну же, месье Кларидон, — сказал бестелесный голос. — Неужели надо вовлекать в это небеса?

— Вы Его воины. — Голос Кларидона дрожал.

— Почему вы так думаете?

— Кем еще вы можете быть?

— Может, мы из полиции? Нет, вы не поверите этому. Возможно, мы такие же искатели приключений, как и вы. Но нет. Ладно, для простоты скажем, что мы Его воины. Как вы трое можете помочь *нашему* делу?

Никто не ответил.

— Миссис Нелл владеет дневником своего мужа и книгой с аукциона. Она пожертвует их.

— Идите к черту! — плюнула она.

Раздался приглушенный хлопок, и в нескольких дюймах от Стефани в стол вонзилась пуля.

— Плохой ответ, — сказал голос.

— Отдай ему то, что он хочет, — посоветовал Малоун.

Стефани взглянула на него.

— Следующая пуля попадет в тебя.

— Откуда вы знаете? — спросил голос.

— Я бы сам так поступил.

Смешок.

— Вы мне нравитесь, мистер Малоун. Вы профессионал.

Стефани полезла в свою сумочку и вытащила дневник и книгу.

— Бросьте их в сторону двери, между полок, — скомандовал голос.

Она подчинилась.

В полумраке появилась фигура и подобрала брошенное.

Малоун про себя добавил еще одного человека к списку. В архиве было минимум пятеро. Он чувствовал свой пистолет на поясе под пиджаком. К сожалению, он не мог достать его, не подвергнув опасности одного из своих товарищей. И в обойме осталось лишь три пули.

— Ваш муж, миссис Нелл, смог собрать воедино много фактов, и его выводы касательно отсутствующих элементов были главным образом верными. Он имел

выдающийся ум.

— Что вам надо? — спросил Малоун. — Я ввязался в это дело лишь пару дней назад.

— Мы ищем правосудия, мистер Малоун.

— И чтобы достичь правосудия, надо было сбить машиной старика в Ренн-ле-Шато? —

Он решил бросить камень и посмотреть, что из этого получится.

— И кто это?

— Эрнст Сковилль. Он работал с Ларсом Неллом. Разумеется, вы знали о нем?

— Мистер Малоун, видимо, год в отставке плохо сказался на ваших мозгах. Я надеюсь, что вы задавали более правильные вопросы, когда работали.

— Поскольку вы заполучили дневник и книгу, разве вам не пора уходить?

— Мне нужна эта литография. Месье Кларидон, будьте добры, передайте ее моему помощнику, вон там, над столом.

Кларидон, очевидно, не хотел этого делать.

Малоун поднял изображение и передал его Кларидону.

— Подчиняйтесь.

Кларидон взял литографию дрожащей рукой и сделал несколько шагов в темноту. Снаружи доносились раскаты грома, сотрясавшие стены. Ливень продолжал яростно стучаться в окна.

Потом раздался новый звук.

Выстрел.

Лампа разлетелась на осколки.

Де Рокфор услышал выстрел и заметил вспышку со стороны входа в архив. Черт! Здесь есть кто-то еще.

Комната погрузилась во мрак.

— Шевелитесь! — крикнул он своим людям на балкончике и понадеялся, что они знают, что делать.

Малоун понял, что в игру вступила женщина. Она нашла еще один вход.

Когда комнату окутал мрак, он схватил Стефани, и они упали на пол. Он надеялся, что люди наверху так же захвачены врасплох, как и он.

Малоун выхватил пистолет из-под пиджака.

Раздались еще два выстрела, заставившие мужчин на балкончике засуетиться. По деревянному полу застучали шаги. Малоуна больше волновал мужчина рядом с ними, но он не слышал ни звука с той стороны, равно как и со стороны Кларидона.

Беготня прекратилась.

— Кто бы вы ни были, — произнес мужской голос, — зачем вы вмешиваетесь?

— Я могла бы задать тот же самый вопрос, — медленно ответила женщина.

— Это не ваше дело.

— Не согласна.

— Вы напали на двоих моих братьев в Копенгагене.

— Вернее сказать, я остановила вашу атаку.

— Вы будете наказаны.

— Попробуйте достать меня.

— Остановить ее! — закричал мужчина.

Сверху посыпались темные фигуры. Глаза Малоуна уже приспособились к темноте, и он заметил лестницу в дальнем конце балкончика.

Он отдал пистолет Стефани.

— Оставайся здесь.

— Что ты хочешь делать?

— Отблагодарить.

Он пригнулся и поспешил вперед, ныряя между полок. Подождал, потом подставил

подножку последнему из спускавшихся по лестнице. Ростом и телосложением этот человек напоминал Красного Пиджака, но на этот раз Малоун был готов. Он ударил коленом в живот противника, потом двинул кулаком по основанию черепа.

Мужчина упал без сознания.

Малоун всмотрелся в темноту и услышал топот через несколько проходов.

— Нет. Пожалуйста, отпустите меня.

Кларидон!

Де Рокфор направился напрямик к выходу из архива. Он спустился с балкончика, зная, что женщина попытается быстро отступить, но у нее будет ограниченный выбор. Существовал один выход в коридор и второй — через кабинет архивариуса. Но его люди, занявшие кабинет, только что доложили по рации, что у них тихо.

Теперь он знал, что это она вмешалась в его дела в Копенгагене и, видимо, прошлой ночью в Ренн-ле-Шато тоже. И эта мысль подгоняла его. Он должен узнать, кто она такая.

Дверь в коридор распахнулась, потом закрылась. В луче света, упавшем снаружи, он разглядел ноги человека, лежавшего на полу между полками. Де Рокфор бросился туда и обнаружил одного из своих помощников без сознания, с маленьким дротиком в шее. Этот брат находился на первом этаже архивов и подобрал книгу, дневник и литографию.

Теперь все это исчезло.

Черт бы ее побрал.

— Делайте, как я приказал, — крикнул он своим людям.

И побежал к выходу.

Малоун слышал распоряжение мужчины и решил вернуться к Стефани. Он понятия не имел, что должны были сделать подчиненные, но полагал, что дело касается их и вряд ли это означает что-то хорошее.

Он пригнулся и начал пробираться между полками к столу.

— Стефани, — выдохнул он.

— Я тут, Коттон.

Он приблизился к ней. Теперь он слышал только звуки проливного дождя.

— Здесь должен быть еще один выход, — пробормотала она в темноте.

Он забрал у нее пистолет.

— Кто-то вышел через дверь. Наверное, эта женщина. Я видел только одну тень. Остальные, должно быть, пошли за Кларидоном и покинули помещение через второй выход.

Дверь в коридор снова отворилась.

— Это он, — добавил Малоун.

Они поднялись и рванулись к выходу. У двери Малоун поколебался, ничего не услышал и не увидел и вывел Стефани наружу.

Де Рокфор засек женщину, бежавшую по длинной галерее. Она обернулась и, не снижая скорости, выстрелила в него.

Он нырнул на пол, и она скрылась за углом.

Он поднялся на ноги и устремился за ней. Перед тем как она выстрелила, он заметил в ее руке книгу и дневник.

Ее надо было остановить.

Малоун увидел, как мужчина, одетый в черные брюки и темный свитер, с пистолетом в руке, заворачивает за угол в пятидесяти футах от них.

— Становится все интереснее и интереснее, — ухмыльнулся он.

И побежал следом.

Де Рокфор продолжал преследование. Женщина явно хотела покинуть дворец и, по-

видимому, хорошо ориентировалась в нем. Каждый ее шаг был верным. Она ловко завладела тем, за чем пришла, и теперь ему следовало позаботиться, чтобы она не сбежала.

Через очередной проход он вошел в сводчатый зал. Женщина была уже в дальнем конце, заворачивая за угол. Он поспешил следом и увидел широкую каменную лестницу, спускающуюся вниз. Великая Лестница Почета. Некогда по бокам от нее были фрески, ступеньки покрывали персидские ковры, железные ворота разделяли ее на части, и она придавала особую величественность торжественным церемониям понтифика. Теперь ступеньки и стены были голыми. В тридцати ярдах внизу, у основания лестницы, царила полная темнота. Де Рокфор знал, что там выход во двор. Он слышал шаги спускавшейся женщины, но не мог разглядеть ее.

И он выстрелил.

Десять раз.

Малоун услышал звуки, похожие на звуки молотка, забивающего гвоздь. Один приглушенный выстрел за другим.

Он замедлил шаг, приближаясь к двери в десяти футах от него.

У основания погруженной во мрак лестницы закрипели петли. Де Рокфор узнал звук открывающейся двери. Гроза зашумела громче. По всей видимости, он промахнулся. Женщина уходила. Он услышал шаги за своей спиной и заговорил в микрофон, прикрепленный к его рубашке.

— У вас есть то, что мне надо?

— Да, — был ответ из наушника.

— Я нахожусь в галерее конклава. Мистер Малоун и миссис Нелл где-то позади меня. Разберитесь с ними.

Он ринулся вниз по лестнице.

Малоун видел, как человек в свитере выбежал из сводчатого зала. С пистолетом в руке он мчался следом за незнакомцем из собора, по пятам спешила Стефани.

Из других проходов возникли трое вооруженных людей и преградили им путь.

Малоун и Стефани остановились.

— Пожалуйста, бросьте оружие, — сказал один из них.

Было ясно, что ему не удастся разделаться с ними, не подвергая опасности Стефани и себя. Поэтому он выпустил пистолет из рук, и его оружие со стуком упало на пол.

Трое противников приблизились.

— Что теперь делать? — спросила его Стефани.

— Я открыт для предложений.

— Вы ничего не сможете сделать, — перебил их один из коротко стриженных.

Они стояли смирно.

— Повернитесь, — приказали им.

Он посмотрел на Стефани. Ему и раньше приходилось туго, он уже бывал в подобных ситуациях. Даже если он сможет управиться с двумя нападавшими, останется третий, и они все вооружены.

Сильный удар, крик Стефани. Она упала на пол. Бросаясь к ней, он почувствовал удар в затылок чем-то твердым, и перед его глазами все исчезло.

Де Рокфор продолжал преследовать женщину, бежавшую по дворцовой площади по направлению к пустой улице. Теплый дождь лил как из ведра. Внезапно небеса разверзлись и ярко сверкнула молния, разорвав мрак. Гром потряс воздух.

Они миновали несколько зданий и приблизились к реке.

Де Рокфор знал, что прямо перед ними через Рону простирается мост Святого Бенезета. Сквозь стену ливня он видел, что женщина направляется прямо к входу на мост. Что она

делает? Почему бежит сюда? Не имеет значения, он должен преследовать ее. Де Рокфор не собирается покидать Авиньон без книги и дневника. Его беспокоило, не повредит ли дождь драгоценные страницы. Его волосы прилипли к коже, одежда вымокла до нитки.

Он увидел вспышку в пятидесяти ярдах перед ним, это женщина выстрелила в дверь, ведущую на мост.

Она исчезла внутри будки.

Де Рокфор подбежал к двери и осторожно заглянул внутрь. Справа стояла билетная касса. Слева — киоски с сувенирами. На мост вели три турникета. Этот мост давно уже был просто аттракционом для туристов и не выполнял никаких функций, поскольку не доходил до второго берега Роны.

Женщина была в тридцати метрах впереди и бежала по мосту к реке.

Потом она исчезла.

Он рванулся вперед и перепрыгнул через турникет.

В конце второго пилона стояла готическая часовня. Де Рокфор знал, что это часовня Святого Николая. Здесь когда-то хранились останки святого Бенезета, построившего этот мост. Но во времена Революции мощи были утрачены, сохранилась только часовня — сверху готическая, фундамент же заложен еще при римлянах. Именно здесь скрылась женщина. Она спустилась по каменной лестнице.

Над головой еще раз зеленоватым светом сверкнула молния.

Он стряхнул капли дождя с лица и остановился на верхней ступени.

И увидел ее.

Она бежала к концу четвертого пролета, достигающего до середины Роны и обрывающегося посреди реки, поскольку остальные пролеты рухнули три сотни лет назад. По всей видимости, она воспользовалась ступеньками, чтобы скрыться под часовней от возможных выстрелов.

Он устремился следом за ней, оглябая часовню.

Де Рокфор не хотел стрелять. Она была нужна ему живой. И еще больше ему нужно было то, что она несла. Поэтому он выстрелил влево от нее.

Она остановилась и повернулась к нему.

Он бросился к ней с пистолетом наготове.

Она стояла в конце четвертого пролета, позади были только мрак и вода. Над ними гремели раскаты грома. Сильные порывы ветра норовили сбить с ног. Ливень хлестал в лицо.

— Кто ты? — спросил он.

На ней был черный комбинезон, хорошо сочетавшийся с ее темной кожей. Стройная и мускулистая, на голове плотно облегающий капюшон, видно только лицо. В левой руке она держала пистолет, в правой — пластиковую сумку. Она вытянула руку с сумкой над водой.

— Давай не будем совершать опрометчивые действия, — сказала она.

— Я могу просто пристрелить тебя.

— Есть две причины, почему ты этого не сделаешь.

— Я слушаю тебя очень внимательно.

— Первая — сумка, которая окажется в реке, и ты потеряешь то, что тебе очень нужно.

Вторая — я христианка, а вы не убиваете христиан.

— Откуда ты знаешь?

— Ты рыцарь-тамплиер, как и твои люди. Вы приносите клятву не причинять вред христианам.

— Я понятия не имею, христианка ты или нет.

— Ладно, давай ограничимся причиной номер один. Выстрелишь в меня — и книги утонут в Роне. Течение быстро унесет их прочь.

— Похоже, мы ищем одно и то же.

— Ты быстро соображаешь.

Ее рука оставалась вытянутой над краем моста, и он раздумывал, куда лучше выстрелить, но она была права — сумка упадет в воду до того, как он успеет преодолеть

разделяющие их десять футов.

— Кажется, у нас патовая ситуация, — заметил он.

— Я бы так не сказала.

Женщина разжала ладонь, и сумка рухнула в темноту. Воспользовавшись его секундной растерянностью, она подняла пистолет и выстрелила, но де Рокфор отпрянул влево и покатился по мокрым камням. Когда он поднял голову, то увидел, как она прыгает с моста. Он вскочил и бросился за ней, ожидая увидеть, как бурлящая река сомкнет волны над ее головой, но вместо этого обнаружил каменную платформу в восьми футах внизу — часть пилона, поддерживающего наружную арку. Он заметил, что женщина подхватила сумку и скрылась под мостом.

Де Рокфор на миг заколебался, потом прыгнул, приземлившись на ноги. От удара его лодыжки хрустнули.

Взревел двигатель, и из-под моста вылетела моторная лодка, направляясь на север. Он поднял пистолет, готовясь выстрелить, но огненная вспышка заставила его отпрянуть.

Де Рокфор упал, прижимаясь к мокрым камням.

Лодка исчезла из поля зрения.

Кто же эта стерва? Очевидно, она знает, кем он является, хотя не знает его имени, поскольку ни разу не назвала его. Также она понимает важность дневника и книги. И самое главное — ей известен каждый его шаг.

Он встал на ноги и отступил под мост, прячась от дождя в том месте, где была пришвартована лодка. К тому же она умно спланировала побег. Он собрался было взобраться обратно на мост при помощи металлической лестницы, прикрепленной к внешней стороне моста, как кое-что привлекло его внимание.

Де Рокфор нагнулся.

На мокрых камнях под пролетом моста лежала книга. Он поднес ее ближе к глазам, пытаясь разглядеть что-то на влажных страницах, и сумел разобрать несколько слов. Дневник Ларса Нелла.

Она потеряла его во время своего поспешного отступления! Магистр ордена тамплиеров улыбнулся.

Теперь у него была часть головоломки — пусть не вся, но этого может оказаться достаточно. И он точно знал, где взять остальное.

ГЛАВА XXXVII

Малоун открыл глаза, пощупал болевшую шею и определил, что вроде ничего не сломано. Он помассировал затекшие мышцы и потряс головой, избавляясь от остатков тумана в голове.

Стефани лежала в нескольких футах от него. Малоун подполз к ней, приподнял ее голову и осторожно потряс. Она моргнула и попыталась сфокусировать взгляд на нем.

— Больно, — пробормотала она.

— Еще бы. — Он осмотрел просторный зал. Дождь на улице стихал. — Нам надо выбраться отсюда.

— Как насчет наших друзей?

— Если бы они хотели нас убить, то уже сделали бы это. Я думаю, мы им больше не нужны. Они заполучили книгу, дневник и Кларидона. — Он заметил рядом пистолет и потянулся за ним. — Они считают, что мы не представляем угрозы.

Стефани потеряла голову.

— Это была плохая идея, Коттон. Мне не надо было ничего предпринимать, когда я получила этот дневник. Если бы я не позвонила Эрнсту Сковиллю, он, скорее всего, остался бы жив. И мне не следовало втягивать в это дело тебя.

— Мне кажется, я настаивал. — Он медленно поднялся на ноги. — Нам надо идти. Рано или поздно сюда придут уборщики. А мне совершенно не хочется отвечать на вопросы

полиции.

Малоун помог Стефани встать.

— Спасибо, Коттон. Я ценю все, что ты сделал.

— Ты говоришь так, словно все уже кончилось.

— Для меня — да. Что бы ни искали Ларс и Марк, пусть это найдет кто-нибудь другой.

Я возвращаюсь домой.

— Как насчет Кларидона?

— Что мы можем сделать? Мы не имеем ни малейшего представления, кто его похитил и куда его повезли. И что мы скажем полиции? Рыцари-тамплиеры похитили пациента из местной психбольницы? Подумай сам. Я боюсь, что он теперь предоставлен своей судьбе.

— Мы знаем имя женщины. Кларидон сказал, что это Кассиопия Витт. Он поведал, где она живет. В Живоре. Мы можем ее найти.

— И что? Поблагодарим ее за спасение наших шкур? Я думаю, что у нее есть свои цели, и она вполне способна справиться сама. Как ты сказал, мы для них не представляем интереса.

Стефани была права.

— Надо возвращаться домой, Коттон. Здесь нечего ловить ни тебе, ни мне.

И опять она права.

Они выбрались из дворца и направились к машине. Избавившись от хвоста на шоссе, Малоун знал, что за ними никто не следил по дороге в Авиньон, поэтому он предположил, что либо его уже здесь ждали, что было маловероятно, либо в машине был электронный жучок. А преследование и выстрелы на трассе, когда он ухитрился загнать «рено» в грязь, могли быть представлением, предназначенным усыпить его бдительность.

И это сработало.

Но их больше не считали серьезными участниками происходящей игры, так что он решил вернуться обратно в Ренн-ле-Шато и провести там ночь.

Дорога заняла почти два часа, они миновали главные ворота в поселке около двух часов ночи. Свежий ветер овеивал окрестности, на небе сиял Млечный Путь, когда они вышли со стоянки. Вокруг была непроглядная темнота, фонари не светили. Улицы были еще влажными после вчерашнего дождя.

Малоун очень устал.

— Давай немного отдохнем и уедем около полудня. Наверняка ты сможешь попасть на какой-нибудь рейс из Парижа в Атланту.

Поднявшись на крыльцо, Стефани открыла замок. Войдя внутрь, Малоун включил лампу на столике и тут же заметил рюкзак, брошенный на кресло и не принадлежавший ни Стефани, ни ему.

Он потянулся к пистолету, засунутому за ремень брюк.

Его внимание привлекло движение в спальне. В дверях появился человек, направляя на него револьвер.

Малоун прицелился.

— Кто ты такой, черт возьми?

Мужчина был молод, около тридцати, с такой же короткой стрижкой и атлетическим телосложением, на которые Малоун насмотрелся за последние несколько дней. Красивое лицо, на котором читалась готовность к схватке — глаза были как черный мрамор, — и он уверенно держал оружие. Но Малоун почувствовал, что тот колеблется, словно не может понять, кто перед ним — друг или враг.

— Я спросил, кто ты?

— Опустит ружье, Жоффруа, — раздался голос из спальни.

— Вы уверены?

— Пожалуйста.

Жоффруа опустил оружие, Малоун тоже.

Из полумрака выступил еще один человек.

У него были длинные руки и ноги, плотное телосложение, аккуратно подстриженные каштановые волосы. Он тоже держал в руках револьвер. Малоуну хватило секунды, чтобы узнать фамильную ямочку на подбородке, смуглую кожу и добрые глаза с фотографии, которая до сих пор стояла на столике слева от него.

Он услышал, как Стефани сдавленно всхлипнула.

— Боже мой, — прошептала она.

Малоун был ошеломлен.

Перед ними стоял Марк Нелл.

Стефани задрожала. Ее сердце колотилось. В какой-то миг ей пришлось напомнить себе о необходимости дышать.

Ее единственный ребенок стоял напротив нее.

Она хотела броситься к нему, сказать, как она сожалеет о былом, как она счастлива видеть его. Но тело не повиновалось ей.

— Мама, — произнес Марк, — твой сын вернулся из могилы.

Стефани уловила холод в его голосе и поняла, что его ожесточение не исчезло.

— Где ты был?

— Это долгая история.

В его взгляде не было ни капли сострадания. Она ждала объяснений, но он молчал.

Малоун подошел к ней, положил руку на плечо и прервал неуклюжую паузу.

— Может, ты присядешь?

Ей казалось, что это сон, в голове крутился вихрь мыслей, и она никак не могла справиться с собой. Но черт возьми, она глава одного из самых высокочастотных подразделений в составе правительства Соединенных Штатов. Она имеет дело с кризисными ситуациями каждый день. Правда, ни одна из них не затрагивала ее так, как эта, но если Марк хочет, чтобы их первая встреча была холодной, пусть будет так, она не доставит ему удовольствия видеть, как ее обуревают эмоции.

Поэтому она села и промолвила:

— Ладно, Марк. Расскажи нам свою долгую историю.

* * *

Марк Нелл открыл глаза. Высота восемь тысяч футов во Французских Пиренеях, ботинки с шипами и кирка в руках, трудная дорога в поисках тайника Беранже Соньера... Это было последнее, что он помнил. Но сейчас он находился в комнате, стены которой были высечены из камня, с деревянными панелями и потолком с почерневшими балками. Над ним стоял высокий сухопарый мужчина с копной седых волос и густой серебряной бородой. Глаза мужчины имели необыкновенный фиолетовый оттенок, которого Марк никогда прежде не видел.

— Осторожно, — сказал мужчина по-французски. — Ты еще слаб.

— Где я?

— В месте, которое веками было безопасным приютом.

— У него есть название?

— Аббатство де Фонтен.

— Это довольно далеко от того места, где я был.

— Двое моих помощников шли следом и спасли тебя из-под снежной лавины. Мне сказали, что оползень был очень большой.

Он снова ощутил дрожь горы в тот момент, когда ее верхушка обвалилась так, словно рушился огромный собор. Весь хребет содрогнулся над ним, и снег хлынул потоком, словно кровь из открытой раны. Озноб до сих пор не отпустил его кости. Потом он припомнил, как падал вниз. Но правильно ли он понял слова человека, стоявшего над ним?

— За мной следили?

— Я приказал. Как и за твоим отцом когда-то.
— Вы знали моего отца?
— Его идеи всегда интересовали меня. Так что я счел необходимым познакомиться с ним и узнать то, что знал он.

Марк попытался сесть в кровати, но правый бок пронзила острая боль. Он скривился и схватился за живот.

— У тебя сломаны ребра. Я тоже однажды сломал ребро, в юности. Это больно.

Он опять лег.

— Меня принесли сюда?

Старик кивнул.

— Мои братья — люди находчивые.

Марк обратил внимание на белую сутану и веревочные сандалии.

— Это монастырь?

— Это место, которое ты искал.

Он не знал, что на это сказать.

— Я Великий магистр бедных рыцарей Христа и Храма Соломона. Мы тамплиеры. Твой отец искал нас десятилетиями. Ты тоже искал нас. Так что я решил, что время пришло.

— Для чего?

— Это решать тебе. Но я надеюсь, ты предпочтешь присоединиться к нам.

— Почему?

— Мне грустно говорить это, но твоя жизнь — это полный хаос. Ты скучаешь по отцу больше, чем можешь выразить словами, а он мертв вот уже шесть лет. Между тобой и матерью отчуждение, и оно камнем лежит у тебя на душе. По профессии ты учитель, но ты не удовлетворен своей работой. Ты сделал несколько попыток доказать истинность взглядов твоего отца, но не смог далеко продвинуться. Вот почему ты оказался в Пиренеях — чтобы выяснить, почему аббат Соньер проводил здесь так много времени, пока был жив. Соньер когда-то прочесал этот район в поисках чего-то. Наверняка ты нашел квитанцию на аренду коляски и лошади в бумагах Соньера, подтверждающих, сколько денег он платил местным торговцам. Любопытно, как скромный священник смог позволить себе такую роскошь, как личная коляска и лошадь, да?

— Что вы знаете о моих родителях?

— Много.

— Вы думаете, что я поверю, что вы — магистр тамплиеров?

— Я понимаю, что это трудно принять. Мне тоже было трудно поверить в это, когда братья впервые вступили со мной в контакт несколько десятилетий назад. Давай мы пока что сосредоточимся на исцелении твоих ран и не будем торопиться.

* * *

— Я оставался в постели три недели, — продолжил Марк. — Потом мои передвижения были ограничены определенными частями аббатства, но магистр и я часто общались. В итоге я согласился остаться и принял присягу.

— Почему ты это сделал? — спросила Стефани.

— Давай будем реалистами, мама. Мы с тобой не разговаривали годами. Отец умер. Магистр был прав. Я был в тупике. Отец искал сокровища тамплиеров, их архив и их самих. Одна из его целей нашла меня сама. Я захотел остаться.

Чтобы утихомирить растущее волнение, Стефани переключила внимание на молодого человека, стоявшего рядом с Марком. Она почувствовала его любопытство, словно он слышал эту историю впервые.

— Тебя зовут Жоффруа? — поинтересовалась она, вспомнив, как Марк к нему обращался.

Он кивнул.

— Ты не знал, что я мать Марка?

— Я мало знаю о других братьях. Таков устав. Братья не рассказывают о себе друг другу. Мы принадлежим братству. Откуда мы пришли — неважно по сравнению с тем, кто мы сейчас.

— Звучит холодно.

— Напротив. Я считаю, что это освещает нашу жизнь.

— Жоффруа отправил тебе посылку, — вмешался Марк. — Дневник отца. Ты получила его?

— Поэтому я здесь.

— Он был со мной, когда сошла лавина. Магистр сохранил его, когда я стал братом. Я обнаружил, что он пропал, после его смерти.

— Ваш магистр умер? — спросил Малоун.

— У нас новый вождь, — ответил Марк. — Но это демон во плоти.

Малоун описал мужчину, с которым они со Стефани столкнулись в соборе в Роскиле.

— Это Раймонде Рокфор, — сказал Марк. — Откуда вы его знаете?

— Мы старые друзья, — заявил Малоун и рассказал кое-что из случившегося в Авиньоне.

— Кларидон наверняка пленник де Рокфора, — задумчиво сказал Марк. — Господи, помоги Ройсу.

— Он боялся тамплиеров, — заметил Малоун.

— Что касается де Рокфора, у Ройса была причина.

— Ты так и не ответил, почему оставался в аббатстве эти пять лет, — сказала Стефани.

— Там было то, что я искал. Магистр заменил мне отца. Он был добрым, мягким человеком, полным сострадания.

Стефани поняла подтекст.

— Не то что я?

— Сейчас не время для дискуссии.

— А когда будет время? Я думала, ты погиб, Марк. А ты скрылся в аббатстве вместе с тамплиерами...

— Ваш сын стал нашим сенешалем, — сказал Жоффруа. — Он и магистр хорошо нами правили. Он был благословением для нашего ордена.

— Он был вторым лицом в ордене? — изумился Малоун. — Как ты смог продвинуться так быстро?

— Сенешаль избирается магистром. Только наш вождь решает, кто достоин этой должности, — ответил Жоффруа. — И он сделал хороший выбор.

Малоун улыбнулся:

— У тебя преданный сторонник.

— Жоффруа — кладезь информации, хотя никто из нас не сможет вытянуть из него ни слова, пока он не решит, что пришло время.

— Объясни, — попросил Малоун.

Марк рассказал, что случилось с ним за последние двое суток. Стефани слушала одновременно зачарованно и со злостью. Ее сын говорил о братстве с таким почтением!

— Тамплиеры, — поведал Марк, — выросли из неизвестного отряда, численностью в девять рыцарей, которые должны были охранять пилигримов на пути в Святую землю. От них берет начало объединивший многие страны орден, состоявший из десятков тысяч братьев и девяти тысяч командорств. Короли, королевы и папы римские считались с ними. Никто до Филиппа Четвертого в тысяча триста седьмом году не смел бросить им вызов. И знаете почему?

— Военная доблесть, я полагаю, — ответил Малоун.

Марк покачал головой.

— Могущество им дала не сила, а знание. Они владели информацией, не известной больше никому.

Малоун вздохнул:

— Марк, мы плохо знаем друг друга, но сейчас середина ночи, мне хочется спать и у меня жутко болит шея. Может, мы опустим детали и перейдем прямо к делу?

— Среди сокровищ тамплиеров хранилось доказательство, имевшее отношение к распятому Христу.

После этих слов в комнате воцарилась тишина.

— Что за доказательство? — поинтересовался Малоун.

— Не знаю. Его называют Великим Завещанием. Доказательство было обнаружено в Святой земле под Иерусалимским храмом, спрятанное там между семидесятым и сотым годами нашей эры, когда храм был разрушен. Тамплиеры перевезли его во Францию и укрыли, о чем знали только высшие сановники. Когда Жак де Моле, магистр тамплиеров во времена чистки, был сожжен заживо в тысяча триста четырнадцатом году, сведения о месторасположении этого доказательства умерли вместе с ним. Филипп Четвертый пытался завладеть информацией, но у него не получилось. Папа считал, что аббаты Бигу и Соньер в Ренн-ле-Шато преуспели. Он был уверен, что Соньер на самом деле обнаружил сокровище тамплиеров.

— Магистр тоже так думал, — вмешался Жоффруа.

— Теперь понимаете, что я имел в виду? — Марк глянул на своего друга. — Скажите волшебные слова и получите очередной кусок информации.

— Магистр объяснял, что Бигу и Соньер были правы, — продолжил Жоффруа.

— Насчет чего? — спросил Марк.

— Он не сказал. Только что они были правы.

Марк посмотрел на Малоуна:

— Видите, мистер Малоун, у меня тоже хватает загадок.

— Называйте меня Коттон.

— Интересное прозвище. Откуда оно взялось?

— Длинная история. Когда-нибудь расскажу.

— Марк, — произнесла Стефани, — не можешь же ты на самом деле верить, что существует какое бы то ни было доказательство, касающееся распятого Христа? Даже твой отец не заходил так далеко.

— Откуда тебе знать? — В голосе Марка слышалась горечь.

— Я знаю, что он...

— Ты ничего не знаешь, мама. В этом твоя проблема. Ты никогда не знала, о чем думает отец. Ты считала, что все, что он ищет, — химера, что он тратит свой ум понапрасну. Ты никогда не любила его настолько, чтобы позволить ему идти своим путем. Ты думала, что он жаждет славы и сокровищ. Нет. Он стремился к истине. Христос умер. Христос воскрес. Христос вернется. Вот что его интересовало.

Стефани справилась с растерянностью и велела себе не реагировать на упреки.

— Отец был серьезным ученым. В его работах было много ценного, просто он никогда не говорил открыто о том, что искал на самом деле. Когда в семидесятых годах он поведал всему миру о Ренн-ле-Шато и истории Соньера, это был просто способ заработать денег. То, что здесь произошло или не произошло, — это была хорошая сказка. Миллионы людей читали об этом с удовольствием, несмотря на приукрашивания. Ты была одной из немногих, кто не читал.

— Я пыталась преодолеть разногласия.

— Как? Говоря ему, что он тратит время зря и причиняет боль семье? Говоря ему, что он неудачник?

— Ладно, черт возьми. Я была не права! — Голос Стефани сорвался на крик. — Ты хочешь, чтобы я это повторила? Я была не права. — Она выпрямилась в кресле, отчаянная решимость придала ей сил. — Я была не права. Ты это хотел услышать? Я пять лет считала, что ты мертв. Теперь ты здесь, и все, чего ты хочешь, — это признания моей неправоты. Я ошибалась. Ладно. Если бы я могла сказать эти слова твоему отцу, я бы сделала это. Если бы

я могла вымолить у него прощение, я бы сделала это. Но я не могу. — Слова выстреливали, как пули, ее переполняли эмоции, и она стремилась высказать все, пока мужество не оставило ее. — Я приехала сюда, чтобы посмотреть, что я могу исправить. Постараться узнать то, что Ларс и *ты* считали важным. Это единственная причина, почему я здесь. Я думала, что наконец поступаю правильно. Но не смей нести эту ханжескую чушь. Ты тоже не ангел! Разница между нами в том, что я поняла кое-что за эти пять лет.

Она откинулась в кресле, чувствуя себя лучше, пусть ненадолго. Но тут же поняла, что пропасть между ними только что увеличилась, и ее охватила дрожь.

— Середина ночи, — наконец сказал Малоун. — Почему бы нам не поспать немного, а потом мы подумаем, что делать дальше.

ГЛАВА XXXVIII

Аббатство де Фонтен

25 июня, воскресенье

5.25

Раймон де Рокфор захлопнул за собой дверь. Железо с визгом лязгнуло по металлическому косяку, и замок закрылся.

— Все готово? — спросил он у своего помощника.

— Да, как вы приказали.

Хорошо. Пришло время сделать то, что должно. Он быстро зашагал по подземному коридору, расположенному тремя этажами ниже поверхности земли, в той части аббатства, которая была построена тысячу лет назад. Бесконечные перестройки превратили окружающие его комнаты в лабиринт заброшенных покоев, которые теперь использовались преимущественно как кладовые.

Он вернулся в аббатство три часа назад с дневником Ларса Нелла и Ройсом Кларидоном. Потеря «*Pierres Gravées du Languedoc*», книги с аукциона, его очень злила. Оставалось только надеяться, что информации из дневника и от Кларидона будет достаточно.

И темнокожая женщина — она тоже была проблемой.

Мир де Рокфора был в основном мужским, а опыт общения с женщинами — минимальным. Женщина, с которой он столкнулся на мосту Святого Бенезера, казалась ему инопланетянкой. Она не показала и намек на страх и вела себя с хитростью львицы. Заманила его на мост, точно спланировав свой побег. Единственная ошибка, которую она совершила, — это потеря дневника. Он должен узнать, кто она такая!

Но сначала первоочередные вещи.

Он вошел в комнату, потолок которой поддерживали балки, сохранившиеся со времен Наполеона. Посреди комнаты стоял длинный стол, на котором лежал на спине Ройс Кларидон, его руки и ноги были привязаны к металлическим штырям.

— Месье Кларидон, у меня мало времени, и мне много надо узнать у вас. Ваше сотрудничество многое упростит.

— Чего вы хотите от меня? — В голосе Ройса слышалось отчаяние.

— Только правду.

— Мне мало известно.

— Ну же, давайте не будем начинать со лжи.

— Я ничего не знаю.

Де Рокфор пожал плечами.

— Я слышал, что вы говорили в архиве. Вы — кладезь информации.

— Все, что я рассказывал в Авиньоне, я узнал тогда же.

Де Рокфор сделал жест. Брат, стоявший неподалеку, приблизился к столу и положил на него открытый ящик. Тремя пальцами он извлек оттуда маслянистое белое вещество.

Де Рокфор стащил с Кларидона туфли и носки.

Кларидон приподнял голову, чтобы посмотреть, что с ним делают.

— Что вы делаете? Что это?

— Топленое сало.

Брат намазал обнаженные ноги Кларидона салом.

— Что вы делаете?

— Наверняка вам известна наша история. Когда тамплиеров арестовали в тысяча триста седьмом году, для того чтобы выбить из них признания, были применены пытки. Им вырывали зубы и втыкали металл в раны. Загоняли гвозди под ногти. Огонь тоже использовался самыми разнообразными способами. Например, так: ноги намазывали жиром, затем к ним подносили огонь. Ноги постепенно поджаривались, кожа отваливалась кусками. Этой пытке подвергли многих братьев. Те, кто выжил, все признались. Даже Жак де Моле.

Брат закончил обмазывать ноги Кларидона жиром и вышел из комнаты.

— В наших Хрониках есть отчет о том, как одного тамплиера подвергли такой пытке, он сознался, а затем ему вручили сумку с сожженными костями его ног. Позволили сохранить их на память о наказании. Как мило со стороны инквизиторов.

Де Рокфор отступил в угол к жаровне, в которой горели угли. Он распорядился зажечь ее час назад, и сейчас угли были уже раскалены добела.

— Я полагаю, вы думаете, что этот огонь предназначен обогреть комнату. Здесь, в горах, в подземных помещениях прохладно. Но я приказал раскалить эту жаровню для вас.

Он подкатил тележку с жаровней на расстояние в три фута от обнаженных ног Кларидона.

— Как мне рассказывали, смысл этой пытки в том, чтобы жар был слабым и постоянным. Не сильным — иначе жир испарится слишком быстро. Это все равно что жарить стейк — лучше получается на медленном огне.

Глаза Кларидона расширились от ужаса.

— Когда моих братьев пытали в четырнадцатом веке, считалось, что Бог укрепит невинных и поможет им вытерпеть боль, поэтому признаются только виновные. Также — и могу добавить, это очень удобно, — от любого признания, полученного под пытками, нельзя было потом отказаться.

Де Рокфор пододвинул жаровню поближе к обнаженной плоти.

Кларидон закричал.

— Так быстро, месье? Еще даже ничего не случилось. У вас совсем нет выносливости?

— Чего вы хотите?

— Многого. Но мы можем начать с картины «Дон Мигель де Маньяра, читающий устав Каридад».

— Здесь содержится ключ, относящийся к аббату Бигу и надгробью Мари д'Отпул де Бланшфор. Ларс Нелл нашел криптограмму. Он считал, что ключ к ее расшифровке скрыт в картине, — быстро проговорил Кларидон.

— Я слышал все это в архиве. Я хочу знать то, о чем вы не рассказали.

— Я больше ничего не знаю. Пожалуйста, мои ноги поджариваются.

— Это хорошо. — Де Рокфор сунул руку в складки сутаны и извлек дневник Ларса Нелла.

— Вы заполучили его? — изумленно сказал Кларидон.

— Почему вы так удивляетесь?

— Он был у его вдовы.

— Уже нет. — Он прочитал почти все по дороге из Авиньона. Сейчас де Рокфор пролистал страницы, нашел криптограмму и поднес ее изображение к лицу Кларидона. — Ларс Нелл нашел вот это?

— Oui. Oui.

— В чем заключается послание?

— Я не знаю. Правда не знаю. Не могли бы вы отодвинуть огонь? Пожалуйста, умоляю вас. Мне ужасно больно.

Де Рокфор подумал, что проявление милосердия поможет развязать язык, и оттолкнул тележку подальше.

— Благодарю. Благодарю. — Кларидон задыхался.

— Продолжайте говорить.

— Ларс Нелл обнаружил криптограмму в рукописи, написанной Ноэлем Корбу в шестидесятых годах.

— Никто не мог найти эту рукопись.

— Ларс нашел. Она была у священника, которому ее доверил Корбу перед своей смертью в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году.

Он знал о Корбу из отчетов одного из своих предшественников. Тот маршал тоже искал Великое Завещание.

— Как насчет криптограммы?

— Аббат Бигу собственноручно указал на эту картину в приходской книге непосредственно перед тем, как бежал из Франции в Испанию, так что Ларс считал, что она содержит ключ к криптограмме. Но он умер, не успев расшифровать ее.

У де Рокфора не было литографии картины. Ее забрала та женщина вместе с книгой с аукциона. Но вряд ли это единственная копия «Читающего устав Каридад». Теперь, когда он знает, что искать, он найдет другой экземпляр.

— Что знал сын? Марк Нелл?

— Мало. Он был преподавателем в Тулузе. Занимался поисками по выходным — это было его хобби. Не то чтобы очень серьезное. Но он искал тайник Соньера в горах, когда погиб под лавиной.

— Он не погиб.

— Погиб. Пять лет назад.

Де Рокфор подошел ближе.

— Марк Нелл жил здесь, в этом аббатстве, последние пять лет. Его вытащили из-под снега и принесли сюда. Наш магистр принял его и сделал нашим сенешалем. Он также хотел, чтобы Марк стал нашим следующим магистром. Но благодаря мне этого не произошло. Марк Нелл сбежал из этих стен сегодня днем. Последние пять лет он тщательно изучал наши записи в поисках ключей, в то время как ты прятался в психбольнице, словно таракан, боящийся света.

— Вы несете чушь.

— Я говорю правду. Вот где он был, пока ты трясея от страха.

— Вы и ваши братья — вот кого я боялся. Ларс вас тоже боялся.

— У него были на это причины. Он солгал мне несколько раз, а я ненавижу, когда меня обманывают. Ему дали возможность раскаться, но он предпочел снова солгать.

— Это вы повесили его на том мосту? Я всегда это знал.

— Он не принадлежал Богу. Он был неверующим, атеистом. Я думаю, вы понимаете: все, что я делаю, необходимо для достижения моей цели. Я ношу белую мантию. Я Великий магистр этого аббатства. Почти пять сотен братьев ожидают моих приказов. Наш устав ясен. Приказ магистра равносильен приказу Бога, ибо Христос сказал устами Давида: «Ob auditu auris obedivit mihi» — «Он повиновался моим приказам». — Де Рокфор взмахнул дневником. — А теперь скажи мне, что гласит криптограмма.

— Ларс считал, что она указывает на местоположение того, что обнаружил Соньер.

Де Рокфор потянулся к жаровне.

— Клянусь, твои ноги превратятся в обгорелые обрубки, если ты не ответишь на мой вопрос.

Глаза Кларидона расширились от ужаса.

— Что я должен сделать, чтобы доказать мою искренность? Я знаю только часть истории. Ларс был скрытным. Мало что рассказывал. А его дневник у вас.

Отчаяние в голосе Кларидона заставило де Рокфора поверить ему.

— Дальше.

— Я знаю, что Соньер наткнулся на криптограмму в церкви Ренна, когда заменял алтарь. Он также нашел склеп и обнаружил, что Мари д'Отпул де Бланшфор была похоронена не на церковном кладбище, а под церковью.

Де Рокфор читал об этом в дневнике, но его волновал другой вопрос:

— Откуда Ларс Нелл узнал все это?

— Он нашел информацию, касающуюся склепа, в старых книгах, обнаруженных в Монфор-Ламори, поместье Симона де Монфора. В них очень подробно описывалась церковь Ренна. Потом он многое узнал из рукописи Корбу.

Де Рокфор поморщился. Симон де Монфор — еще один корыстолюбец, живший в XIII веке и предводительствовавший в Крестовом походе против альбигойцев, когда Лангедок был опустошен во имя Церкви. Если бы не он, тамплиеры образовали бы отдельное государство, что наверняка предотвратило бы их падение. На ранней стадии существования ордена его единственным слабым местом была зависимость от государства. Его всегда удивляло, почему первые Великие магистры чувствовали необходимость тесно примкнуть к королевству.

— Соньер выяснил, что его предшественник, аббат Бигу, воздвиг надгробье Мари д'Отпул. Он подумал, что надпись на нем и запись в приходской книге — это ключи.

— Это бросается в глаза.

— Но не в восемнадцатом веке. Тогда многие были неграмотными. Поэтому самые простые шифры, даже просто слова были довольно надежным кодом. Так и оказалось — никто не разгадал загадку до сегодняшнего дня.

Кое-что из Хроник, повествующих о времени после чистки, пришло ему на ум. Единственный ключ, указывающий на местоположение Великого Завещания. *Где лучше всего спрятать камень?* Ответ внезапно стал очевиден.

— В земле, — пробормотал де Рокфор.

— Что вы сказали?

Он вернулся к реальности.

— Вы можете вспомнить, что было на картине?

Кларидон кивнул:

— Ош, месье. Каждую подробность.

Значит, этот глупец представляет для него ценность.

— И у меня есть рисунок, — добавил Кларидон.

— Рисунок надгробия?!

— Я сделал его в архиве. Когда свет погас, я схватил лист бумаги со стола.

Сердце де Рокфора радостно забилося.

— Где он?

— У меня в кармане.

Де Рокфор решил предложить сделку.

— Как насчет сотрудничества? У нас обоих есть кое-какая информация. Почему бы нам не объединить усилия?

— И что я буду с этого иметь?

— Для начала ваши ноги останутся целыми.

— Очень хорошо, месье. Мне нравится эта замечательная договоренность.

Де Рокфор решил добиться доверия этого человека.

— Мы ищем Великое Завещание по причинам, отличным от ваших. Когда мы найдем его, я уверен, что некоторое денежное вознаграждение компенсирует ваши труды. — И он решил прояснить ситуацию. — Кроме того, я вас не отпущу. А если вы ухитритесь бежать, я вас найду.

— Похоже, у меня нет выбора.

— Вы знаете, что они бросили вас на произвол судьбы.

Кларидон промолчал.

— Малоун и Стефани Нелл. Они не сделали ни одной попытки спасти вас, а предпочли

спасать свои шкуры. Я слышал, как вы умоляли о помощи там, в архиве. И что они сделали? Ничего. — Де Рокфор сделал паузу, давая своим словам возможность укорениться в мозгу Кларидона и надеясь, что правильно понял его слабый характер. — Вместе, месье Кларидон, мы сможем преуспеть. У меня есть дневник Ларса Нелла и доступ к архивам, о которых вы можете только мечтать. У вас есть информация о надгробии, и вы знаете то, чего не знаю я. Мы оба хотим одного и того же, поэтому давайте выясним истину.

Де Рокфор схватил нож, лежащий на столе между вытянутыми ногами Кларидона, и перерезал веревки.

— Пойдемте, у нас есть дело.

ГЛАВА XXXIX

Ренн-ле-Шато

10.40

Малоун следовал за Марком, они направлялись к церкви Святой Марии Магдалины. Летом здесь не проводились службы; но воскресенье было, по-видимому, чрезвычайно популярным днем у туристов, поскольку около церкви крутились толпы любопытствующих, делая фотографии и снимая на видео.

— Надо купить билеты, — заметил Марк. — Без билетов нас не пустят в церковь.

Малоун вошел в виллу Вифания и отстоял короткую очередь. Выйдя на улицу, он нашел Марка перед огороженным решеткой садом, где стояли вестготская колонна и статуя Девы, о которых им рассказывал Ройс Кларидон. Он прочитал слова «Покаяние, покаяние» и «Миссия 1891 года», выгравированные на лицевой части колонны.

— Святая Дева Лурдская, — произнес Марк, указывая на статую. — Соньер был очарован Лурдом, в котором впервые произошло явление Девы Марии. Еще до Фатимы. Он хотел, чтобы Ренн стал местом паломничества, и поэтому разбил этот сад и установил статую и колонну. Малоун обвел рукой кишевших вокруг людей:

— Он добился, чего хотел.

— И да и нет. Я уверен, что никто из этих туристов даже не знает, что колонна — это не оригинал. Это копия, поставленная здесь много лет назад. Надпись на оригинале неразборчива. Время и погода постарались. Сейчас он в музее — в доме священника. И так со многими вещами здесь. Со времен Соньера мало что сохранилось.

Они приблизились к главному входу в церковь. Под золоченым тимпаном¹⁸ Малоун прочитал слова: «TERRIBILIS EST LOCUS ISTE». Из Книги Бытия. «Ужасно это место». Он помнил легенду об Иакове, которому приснилась лестница ангелов. Проснувшись, он произнес эти слова: «Ужасно это место» и назвал приснившееся ему место Вифлеемом, то есть Домом Бога. Потом ему пришло в голову кое-что другое.

— В Ветхом Завете Вифлеем становится соперником Иерусалима как религиозного центра.

— Именно. Еще один тонкий намек, оставленный Соньером. Внутри их еще больше.

Они все спали допоздна и поднялись лишь полчаса назад. Стефани заняла спальню покойного мужа и еще оставалась там, когда Малоун предложил Марку пойти до церкви. Он хотел поговорить с молодым человеком наедине и дать Стефани время остыть. Малоун знал, что она жаждет схватки и рано или поздно ее сыну придется объясниться с ней. Но он подумал, что отсрочка неизбежного — неплохая идея. Жоффруа предложил пойти с ними, но Марк велел ему остаться. Малоун чувствовал, что Марк Нелл тоже желает поговорить с ним тет-а-тет.

Они вошли в неф, единственный в церкви. Над головами возносился высокий потолок. Их встретила фигура отвратительного скрюченного дьявола, одетого в зеленый балахон и

¹⁸ Тимпан в архитектуре — треугольное поле фронтона.

скорчившего гримасу, он поддерживал сосуд со святой водой.

— Это на самом деле не дьявол, а демон Асмодей, — заметил Марк.

— Еще одно послание?

— Вы, по-видимому, знаете о нем.

— Если я правильно помню, он хранитель секретов.

— Верно. Посмотрите на сосуд.

Над сосудом со святой водой возвышались четыре ангела, каждый из которых представлял собой часть распятия. Под ними была надпись: «SIGNETU LE VAINCRAS». Малоун перевел с французского: «Сим ты победишь».

Он знал, что означали эти слова.

— Это слова, которые сказал Константин, впервые победив своего соперника Максенция. Согласно легенде, он увидел на солнце крест, под которым сияли эти слова.

— Но есть одно отличие. — Марк указал на выгравированные буквы. — В оригинале не было слова «ты». Только «Сим победишь».

— Это важно?

— Мой отец нашел древнюю иудейскую легенду о том, как царь смог воспрепятствовать демонам, которые хотели помешать строительству храма Соломона. Одного из этих демонов, Асмодея, принудили носить воду — единственную стихию, которую он ненавидел. Поэтому такая символика в фигурах обоснованна. Но слово «ты» в цитате явно было добавлено Соньером преднамеренно. Некоторые считают, что слово «ты» подразумевает, что когда человек обмакивает палец в святую воду и творит знак креста, как делают католики, дьявол — «он» — оказывается побежден. Но другие обращают внимание на местоположение этого слова во французской фразе. «Par ce signe le vaincras». Артикль «le» состоит из тринадцатой и четырнадцатой букв алфавита. Тысяча триста четырнадцать.

Малоун вспомнил сведения из книги о тамплиерах.

— Год, когда казнили Жака де Моле.

— Совпадение? — Марк пожал плечами.

Вокруг них крутились человек двадцать, фотографируя и восхищаясь красочными картинами, в каждой из которых читались загадочные аллюзии. Через мозаичные окна в церковь лился яркий свет, и Малоун обратил внимание на сюжеты картин. Мария и Марта в Вифании. Мария Магдалина, встречающая воскресшего Христа. Воскрешение Лазаря.

Марк указал на шахматный пол перед алтарем.

— Вход в склеп находится здесь, прямо перед кованой решеткой, он скрыт под плиткой. Пару лет назад несколько французских географов ухитрились украдкой просканировать здание подземным радаром, но местные власти быстро пресекли это. Результаты анализа указали на подземную аномалию под алтарем, которая вполне может быть склепом.

— Раскопки не производились?

— Местные не допустят. Вдруг индустрия туризма пострадает.

Малоун улыбнулся:

— Кларидон вчера сказал то же самое.

Они уселись на скамью.

— Одно известно наверняка, — произнес Марк приглушенным голосом. — Здесь не хранятся никакие сокровища. Но Соньер на самом деле использовал эту церковь, чтобы рассказать людям то, во что он верил. И из всего, что я читал об этом человеке, этот поступок соответствует его дерзкому характеру.

Малоун обратил внимание, что все вокруг него было нескромным. Слишком яркие цвета, масса позолоты на каждом украшении. Потом он заметил еще кое-что. Разностилье. Каждое произведение искусства — от статуй до чеканки и окон — было индивидуальным, обладало собственным стилем — безотносительно к теме, словно сходство было бы оскорбительным.

Странное собрание святых смотрело на него сверху вниз с отчужденными

выражениями лиц, как будто их тоже шокировало изобилие кричащих деталей. Святой Рок демонстрировал раненое бедро. Святая Жермена извлекала охапку роз из своего передника. Святая Магдалина держала сосуд странной формы. Несмотря на все свои усилия, Малоун чувствовал себя не в своей тарелке. Он бывал внутри многих европейских церквей, и большинство из них окутывали вошедшего дыханием времени и чувством сопричастности к истории. Эта же вызывала дискомфорт.

— Соньер контролировал каждую деталь убранства, — рассказывал Марк. — Ничто не появлялось здесь без его одобрения. — Молодой человек указал на одну из статуй. — Святой Антоний из Падуи. Мы молимся ему, когда ищем что-то утраченное.

Малоун уловил иронию:

— Очередное послание?

— Конечно. Посмотрите на изображения креста.

У кафедры проповедника располагались раскрашенные резные барельефы, изображающие различные стадии мук Христа — семь вдоль северной стены и еще семь — вдоль южной. Их яркие краски и упрощенные линии контрастировали с величием изображенного момента.

— Странные, не так ли? — спросил Марк. — Когда их установили в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, они были обычными для этих мест. В Рокамадуре имеется почти такой же набор. Дом Жискара в Тулузе изготовил оба комплекта фигур. Многие размышляли об этих фигурах. Сторонники теории заговора утверждают, что у них масонское происхождение или что это на самом деле что-то вроде карты сокровищ. И то и другое неправда. Но в них скрыты послания.

Малоун заметил кое-какие любопытные подробности. Черный мальчик-раб, державший сосуд с водой для Пилата. Накидка, в которую облачен Пилат. Труба, звучавшая, когда Христос падал под тяжестью креста. Три серебряных диска над четвертым барельефом. Ребенок напротив Христа на восьмом барельефе, завернутый в шотландский плед. На десятом барельефе римский солдат кидал кости на накидку Христа, на боковых сторонах были видны цифры 3, 4 и 5.

— Посмотрите на барельеф четырнадцать, — промолвил Марк, указывая на южную стену.

Малоун встал и подошел к алтарю. Перед ним мерцали свечи, и он тут же заметил барельеф внизу. Женщина, он предположил, что это Мария Магдалина, в слезах, стоящая на коленях в гроте перед крестом, образованным двумя ветками. На скрещении ветвей покоился череп, и Малоун тут же подумал о черепе, виденном им на литографии прошлой ночью в Авиньоне.

Он повернулся и стал разглядывать изображение последней стадии распятия, номер четырнадцать, изображавшей, как двое мужчин несут тело Христа, сопровождаемые тремя плачущими женщинами. Позади них вздымался скалистый откос, над которым в ночном небе висела полная луна.

— Иисус, несомый в гробницу, — прошептал Малоун подошедшему Марку.

— Согласно римским законам, распятого человека нельзя было хоронить. Эта казнь предназначалась только для виновных в преступлениях против империи, и смысл ее заключался в том, чтобы преступник медленно умирал на кресте — в течение нескольких дней и у всех на виду, а тело его оставлялось падальщикам. Тем не менее считается, что Пилат выдал тело Христа Иосифу Аримафейскому, чтобы тот мог похоронить его. Вы никогда не размышляли почему?

— Нет.

— Зато размышляли другие. Помните, Христос был убит в канун Шаббата. По закону его нельзя было хоронить после заката. — Марк указал на барельеф номер четырнадцать. — И при этом Соньер повесил изображение, на котором ясно видно, что тело несут в гробницу после наступления темноты.

Малоун никак не мог понять, что это значит.

— Что, если после заката Христа несут не в гробницу, а из нее?

Малоун ничего не ответил.

— Вы знакомы с гностическими евангелиями? — поинтересовался Марк.

Малоун слышал о них. Эти евангелия были обнаружены в долине верхнего Нила в 1945 году крестьянами-бедуинами, вскапывавшими поле и наткнувшимися на человеческий скелет и запечатанную урну. Бедуины подумали, что в ней золото, и раскололи урну, обнаружив там тринадцать переплетенных в кожу томов. Еще не книги, но их ближайшие предшественники. Рукописи, на бумаге с обтрепанными краями, были написаны на древнем коптском языке, вероятнее всего — монахами, жившими в расположенном поблизости Пахомском монастыре в IV веке. Сорок шесть древних христианских манускриптов датировались начиная со II века, сами тома были переплетены в IV веке. Часть текстов была утрачена — использована для растопки или просто выброшена, но в 1947 году остальное было приобретено местным музеем.

— История дает ответ, почему монахи спрятали рукописи, — добавил Марк. — В четвертом веке Афанасий, епископ Александрии, написал письмо, которое было разослано по всем церквям в Египте. Он объявил, что Священным Писанием могут считаться только двадцать семь книг из недавно сформированного Нового Завета. Все остальные еретические книги подлежат уничтожению. Ни один из сорока шести текстов в этой урне не относился к Новому Завету. Поэтому монахи Пахомского монастыря предпочли спрятать эти тринадцать томов, а не сжигать, возможно надеясь на перемены в руководстве церкви. Естественно, перемен так и не произошло. И Римско-католическая церковь процветала. Это и есть гностические евангелия, которые нам известны. В одном, от Петра, написано: «И когда они объявили о том, что видели, они узрели трех человек, направлявшихся от гробницы, и двое из них поддерживали третьего».

Малоун снова уставился на барельеф номер четырнадцать. Два человека, поддерживающие третьего.

— Гностические евангелия были необычными, — продолжал Марк. — Сейчас многие ученые говорят, что Евангелие от Фомы, относящееся к ним, возможно, точнее всего передает истинные слова Христа. Ранние христиане опасались гностиков. Их название произошло от греческого слова *gnosis*, что означает «знание». Гностики просто стремились к знаниям, но укрепляющее позиции католическое ответвление христианства в итоге уничтожило всю гностическую мысль и учения.

— А тамплиеры сохранили?

Марк кивнул.

— В библиотеке аббатства хранятся гностические евангелия и еще некоторые тексты, которых современные теологи никогда не видели. В том, что касалось Священного Писания, тамплиеры имели широкие взгляды. Из этих так называемых еретических трудов можно узнать много интересного.

— Откуда Соньер знал об этих евангелиях? Они же были обнаружены спустя несколько десятилетий после его смерти.

— Возможно, он имел доступ даже к более любопытной информации. Давайте я покажу вам кое-что еще.

Малоун последовал за Марком обратно к выходу из церкви, и они вышли на крыльцо. Над дверью был выступ из камня с написанными на нем краской словами.

— Прочитайте надпись.

Малоун с трудом разобрал буквы, многие из которых выцвели и еле угадывались. Надпись была на латыни.

REGNUM MUNID ET OMNEM ORNATUM SAECULI CONTEMPSI,
PROPTER AMOREM DOMININ MEI JESU CHRISTI: QUEM VIDI, QUEM AMAVI,
IN QUEM CREDIDI, QUEM DILEXI

— В переводе это значит: «Я презираю царство мира сего и все преходящие украшения

из любви к Господу моему Иисусу Христу, которого я видел, которого я люблю, в которого я верю и которому поклоняюсь». Интересная фраза, но в ней есть несколько подозрительных ошибок, — указал Марк. — Слова *scoeculi*, *anorem*, *quen*, *cremini* написаны неправильно. Соньер потратил сто восемьдесят франков на этот выступ и надпись, что было приличной суммой для тех времен. Мы знаем это, потому что сохранились его квитанции. Он потратил много сил, чтобы сделать новый вход, и при этом допустил такие ошибки. Тем более что исправить их было легко, поскольку буквы написаны краской.

— Может быть, он не заметил?

— Соньер? Он ничего не упускал из виду.

Марк увел его от входа, когда в церковь устремилась новая толпа посетителей. Они остановились перед садом, в котором стояла вестготская колонна и статуя Девы.

— Надпись над дверью не из Библии. Она содержится в молитвеннике, написанном человеком по имени Джон Толер в начале четырнадцатого столетия. Там есть молитвы или псалмы, которые читались между чтениями Священного Писания, и Толер был хорошо известен во времена Соньера. Так что вполне возможно, что Соньеру просто нравилась эта фраза. Но это весьма необычно.

Малоун согласился.

— Ошибки в правописании могут пролить свет на то, почему Соньер использовал их. Здесь написано *quen cremini*, «в которого я верю», но должно быть написано *credidi*, а Соньер допустил эту ошибку. Могло ли это значить, что он не верил в Него? *Quem vidi*. «Которого я видел».

Малоун тут же ухватил суть:

— Что бы он ни нашел, это привело его к Христу. Которого он видел.

— Так думал отец, и я с ним согласен. Соньер не мог не оставить послания. Он хотел, чтобы мир знал то, что знал он сам, хотя наверняка понимал, что его современники ничего не поймут. И оказался прав. Никто не понял. Только через сорок лет после его смерти начали о чем-то догадываться. — Марк окинул взглядом древнюю церковь. — Все это место состоит из инверсий. Стадии распятия висят в противоположном порядке, в отличие от всех остальных церквей в мире. Демон у дверей — противоположность добру. — Затем он указал на вестготскую колонну в нескольких футах от них. — Она тоже перевернута. Обратите внимание на крест и надписи на лицевой стороне.

Малоун внимательно посмотрел на колонну.

— Соньер поставил колонну вверх ногами, перед тем как вырезать «Миссия 1891» внизу и «Покаяние, покаяние» наверху.

Малоун заметил в нижнем правом углу букву V с кругом в середине. Он наклонил голову и мысленно перевернул это изображение.

— Альфа и омега? — спросил он.

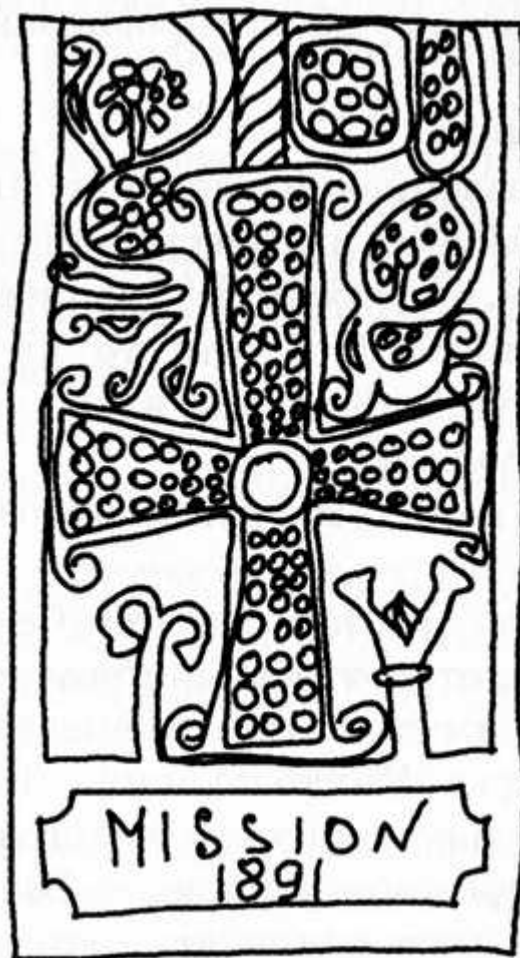
— Некоторые думают, да. Отец тоже.

— Другое название Христа.

— Верно.

— Зачем Соньер перевернул колонну?

— Никто не дал этому внятного объяснения.



Марк отступил на несколько шагов от вида на сад, уступая место другим. Направился в заднюю часть церкви, к окну, выходившему в сад, где располагался маленький грот.

— Это тоже копия. Для туристов. Оригинал погиб во время Второй мировой войны. Соньер воздвиг его из камней, принесенных им из своих странствий. Он и его возлюбленная путешествовали целыми днями и возвращались с полным ведром камней. Странно, не правда ли?

— Зависит от того, что еще было в этом ведре.

Марк улыбнулся:

— Легкий способ принести домой немного золота, не вызывая подозрений.

— Но Соньер кажется мне странным типом. Он вполне мог просто собирать камни.

— Все, кто сюда приходит, немного странные.

— Включая твоего отца?

Марк воззрился на него с серьезным видом.

— Без сомнения. Он был одержим. Он посвятил жизнь этому месту, любил каждый квадратный фут этой деревни. Это был его родной дом.

— Но не твой?

— Я пытался. Но у меня не было его страсти. Может быть, я осознавал, что это безнадежная затея.

— Тогда почему ты пять лет скрывался в аббатстве?

— Я нуждался в одиночестве. Это пошло мне на пользу. Но у магистра были далеко идущие планы. И вот я здесь. Беглец, преследуемый тамплиерами.

— Так что же ты делал в горах, когда сошла эта лавина?

Марк не ответил.

— Ты делал то же, что сейчас делает здесь твоя мать. Пытаясь искупить что-то. Ты

просто не знал, что за тобой присматривают.

— Слава богу, что присматривали.

— Твоя мать страдает.

— Вы с ней работали вместе?

Малоун понял хитрость Марка.

— Долгое время. Она мой друг.

— Она крепкий орешек.

— Не надо мне об этом рассказывать. Но с этим можно справиться. Ей очень плохо.

Чувство вины и сожаления. У вас с ней есть второй шанс.

— Моя мать и я давным-давно идем разными путями. Так было лучше для нас обоих.

— Тогда что ты тут делаешь?

— Я приехал в дом моего отца.

— И когда ты приехал, ты увидел здесь чужие сумки. Оба наших паспорта были здесь. Наверняка ты их нашел? И тем не менее остался.

Марк отвернулся, и Малоун решил, что он пытается скрыть замешательство. Марк был намного больше похож на мать, чем думал сам.

— Мне тридцать восемь лет, и тем не менее я до сих пор чувствую себя ребенком, — медленно произнес Марк. — Я прожил пять лет в безопасном уединении аббатства, управляемого строгим уставом. Человек, заменивший мне отца, был со мной добр, и я поднялся до такого уровня, о котором и не думал.

— Тем не менее ты здесь. В самой гуще бог знает чего.

Марк улыбнулся.

— Тебе и твоей матери надо разобраться со всем этим.

Молодой человек выпрямился, хмурый и озабоченный.

— Женщина, о которой вы говорили прошлой ночью, Кассиопия Витт. Я знаю о ней. Она и мой отец не ладили. Может быть, надо найти ее?

Малоун обратил внимание, что Марк предпочитает уклоняться от вопросов, задавая их сам, в точности как его мать.

— Возможно. Она представляет для нас угрозу?

— Трудно сказать. Она вечно вертится где-то рядом, и отец ее недолюбливал.

— Де Рокфору она тоже не по душе.

— Еще бы.

— Прошлой ночью, в архиве, она не назвалась, и де Рокфор не знал, кто она такая. Но поскольку у него есть Кларидон, теперь он знает.

— Разве это не ее проблема? — спросил Марк.

— Она дважды спасала мою шкуру. Поэтому я должен ее предупредить. Кларидон сказал, что она живет неподалеку, в Живоре. Твоя мать и я собирались уехать сегодня. Мы решили закончить поиски. Но все изменилось. Мне надо нанести визит Кассиопии Витт. Думаю, что мне лучше сделать это в одиночестве.

— Хорошо. Мы подождем тебя здесь. А прямо сейчас мне тоже надо нанести визит. Прошло пять лет с тех пор, как я последний раз был на могиле отца.

И Марк направился к входу на кладбище.

ГЛАВА XL

Ренн-ле-Шато

11.05

Стефани налила себе чашку горячего кофе и предложила то же самое Жоффруа, но молодой человек отказался.

— Нам разрешается только одна чашка в день, — объяснил он.

Она села за кухонный стол.

— Что, вся ваша жизнь определяется уставом?

— Таков наш путь.

— Я думала, что для братства очень важна секретность. Почему ты говоришь об этом так открыто?

— Мой магистр, который ныне вместе с Богом, велел мне быть честным с вами. Она была озадачена.

— Откуда ваш магистр знал обо мне?

— Он внимательно следил за исследованиями вашего мужа. Это было задолго до моего прихода в аббатство, но магистр рассказывал мне об этом. Он и ваш муж время от времени общались. Магистр был исповедником вашего мужа.

Эта информация повергла ее в шок.

— Ларс вступил в контакт с тамплиерами?

— Вернее, это тамплиеры вступили в контакт с ним. Мой магистр приблизился к Ларсу, но если ваш муж и знал, что магистр — тамплиер, то молчал об этом. Возможно, он считал, что если расскажет об этом, то лишится общения с магистром. Наверняка он знал, что имеет дело с тамплиером.

— Похоже, ваш магистр был любознательным человеком. Лицо молодого человека просияло.

— Он был мудрым человеком, стремившимся приносить ордену добро. Она припомнила, как Жоффруа защищал Марка несколько часов назад.

— Мой сын помогал магистру?

— Именно поэтому его назначили сенешалем.

— И тот факт, что он сын Ларса Нелла, не повлиял на выбор?

— Не могу сказать, мэм. Я узнал, кто наш сенешаль, несколько часов назад. Здесь, в этом доме. Так что не знаю.

— Вы ничего не знаете друг о друге?

— Очень мало, и некоторые из нас борются с этим. Другие довольны невмешательством в их личную жизнь. Но мы живем в тесноте, как в тюрьме. Слишком большая фамильярность может стать проблемой. Поэтому устав ограждает нас от вторжения в жизнь друг друга. Мы храним уединение, служба Богу укрепляет наше молчание.

— Звучит сложно.

— Это жизнь, которую мы избрали. Но это приключение... — Он покачал головой. — Магистр говорил мне, что я узнаю много нового. Он был абсолютно прав. Стефани глотнула кофе.

— Твой магистр был уверен, что мы с тобой встретимся?

— Он послал дневник, надеясь, что вы приедете. Он также послал Эрнсту Сковиллю письмо, в которое были вложены недостающие страницы из дневника, имевшие отношение к вам. Он надеялся, что это поможет объединить вас. Он знал, что когда-то Сковилль недолюбливал вас, — он узнал это от вашего мужа. Но магистр понимал, что вы на многое способны. Поэтому хотел, чтобы вы вместе с сенешалем и мной занялись поисками Великого Завещания.

Она вспомнила этот термин и его объяснение.

— Твой орден на самом деле верит, что в истории Христа есть что-то большее? Неизвестное миру?

— Я еще не достиг нужного уровня обучения, чтобы ответить на ваш вопрос. Перед тем как узнать секреты ордена, надо учиться десятилетиями. Но из того, чему меня учили, смерть представляется мне концом. На полях боя в Святой земле погибли многие тысячи братьев. И ни один не воскрес.

— Католическая церковь назвала бы твои слова ересью.

— Церковь — это институт, созданный людьми и управляемый людьми. То, что сделали из этого института, — тоже творение людей.

Она решила испытать судьбу:

— Что я должна делать, Жоффруа?

— Помочь вашему сыну.

— Как?

— Он должен закончить то, что начал его отец. Нельзя допустить, чтобы Великое Завещание нашел Раймон де Рокфор. Магистр подчеркивал это. Вот почему он строил планы. Вот почему меня обучали.

— Марк ненавидит меня.

— Он любит вас.

— Откуда тебе знать?

— Так сказал магистр.

— Он не мог этого знать.

— Магистр знал все. — Жоффруа сунул руку в карман брюк и извлек запечатанный конверт. — Мне было сказано отдать это вам, когда я сочту нужным. — Молодой человек протянул ей скомканный конверт и встал из-за стола. — Сенешаль и мистер Малоун ушли в церковь. Я оставлю вас одну.

Она оценила его жест. Неизвестно, какие чувства вызовет это письмо, поэтому она подождала, когда Жоффруа уйдет в кабинет, потом открыла конверт.

«Миссис Нелл, мы с вами незнакомы, но я чувствую, что много знаю о вас, от Ларса, который делился со мной тем, что тревожило его душу. Ваш сын совершенно другой. Он держит свои переживания в себе и мало что рассказывает. Несколько раз мне удавалось его разговорить, но он далеко не так открыт, как его отец. Возможно, Марк унаследовал эту черту от вас? Не хочу показаться невежливым...

То, что сейчас происходит, — очень серьезно. Раймон де Рокфор — опасный человек. Им движет ослепление, веками влиявшее на многих наших братьев. Его зрение затмевает однобокость мышления. Ваш сын сражался с ним за лидерство и проиграл. К сожалению, Марк не обладает решимостью, необходимой для победы. Начать битву легко, продолжать еще легче, но завершить очень трудно. Он сражается с вами, с де Рокфором и с собственной совестью. Это очень сложно для него. Я подумал, что объединение ваших усилий окажется решающим для вас обоих. Опять-таки, я вас не знаю, миссис Нелл, но уверен, что хорошо понимаю. Ваш муж умер, и в ваших отношениях осталось так много недоговоренного. Возможно, этот поиск наконец даст ответы на многие ваши вопросы. Примите мой совет. Доверяйте своему сыну, забудьте о прошлом, думайте только о будущем. Путь к достижению мира может быть долгим. Мой орден уникален в христианском мире. Наша вера отличается от общепринятой благодаря тому, что узнали и передали нам первые братья. Делает ли это нас менее христианами? Или более христианами? Ни то ни другое, я полагаю. Обнаружение Великого Завещания, я опасаюсь, внесет больше сомнений, чем ясности. Когда придет решающий час, вам и вашему сыну предстоит принять трудное решение. И я надеюсь, что оно будет единственно правильным, потому что верю в вас обоих. Свершилось воскресение. Дарован второй шанс. Мертвые восстали и идут с вами. Найдите лучшее применение этому чуду, но предупреждаю: освободите свой разум от привычных и удобных предубеждений. Только тогда вы преуспеете. Да пребудет с вами Бог».

По ее щеке скатилась слеза. Странное ощущение. Она не плакала с детства. Получив хорошее образование, она много десятилетий работала на высших уровнях разведки. Ее работой было постоянно принимать трудные решения. Но ничего из этого опыта сейчас не помогало. Каким-то образом она оставила мир правильного и неправильного, черного и белого, хорошего и плохого и вступила в царство, где самые потаенные ее мысли были не только известны, но и понятны другим. Этот магистр, человек, с которым она не обменялась и словом, казалось, точно понимал ее боль.

И он был прав.

Возвращение Марка было воскресением. Поразительным чудом.

— Эти слова вас опечалили?

Стефани подняла голову. В дверях стоял Жоффруа. Она утерла слезы.
— С одной стороны — да. С другой — они принесли счастье.
— Магистр был необыкновенным человеком. Он знал и боль, и радость. Но больше боли в последние дни.
— Как он умер?
— От рака два дня назад.
— Тебе его не хватает?
— Магистр относился ко мне с большой добротой, наверное, даже с любовью, но самое главное — он мне доверял.
— Тогда не подведи его.
— Не подведу.
— Я могу оставить письмо себе?
Жоффруа кивнул:
— Я только посыльный.
Она взяла себя в руки:
— Зачем Марк и Коттон пошли в церковь?
— Мне показалось, что сенешаль хочет поговорить с мистером Малоуном.
Она поднялась из кресла:
— Возможно, нам тоже надо...
Во входную дверь постучали. Стефани напряглась, глянув на незапертый замок. Коттон и Марк просто вошли бы. Она заметила, что Жоффруа тоже напрягся и вытащил пистолет. Она подошла к двери и посмотрела в глазок.
Знакомое лицо.
Ройс Кларидон.

ГЛАВА ХLI

Раймон де Рокфор был в ярости. Четыре часа назад ему доложили, что в ночь, когда умер магистр, система безопасности в библиотеке зафиксировала посещение в двадцать три часа пятьдесят одну минуту. Сенешаль оставался внутри двадцать минут, затем ушел с двумя книгами. Магнитные полосы, прикрепленные к двум пропавшим томам, были считаны сканером — кодекс XIII века и отчет маршала, датируемый концом XIX века. Обе книги ему хорошо известны.

Когда он несколько часов назад допрашивал Ройса Кларидона, тот не подал виду, что знает криптограмму, изображенную в дневнике Ларса Нелла. Но она содержалась также в отчете маршала вместе с указанием места, где была обнаружена, — в церкви аббата Жели в Кустоза, неподалеку от Ренн-ле-Шато. Он вспомнил, что маршал разговаривал с Жели незадолго до убийства последнего и узнал, что Соньер тоже нашел в церкви криптограмму. Они оказались идентичными. Жели, по всей видимости, разгадал головоломку и поведал ответ маршалу, но рыцарь не записал эту информацию. И местная полиция, и маршал подозревали, что убийца охотился за содержимым портфеля Жели. Наверняка за расшифровкой криптограммы. Был ли Соньер убийцей? Трудно сказать. Преступление осталось нераскрытым. Тем не менее, исходя из того, что знал де Рокфор, священника из Ренн-ле-Шато следовало включить в список подозреваемых.

Теперь отчет маршала пропал. Может быть, это не критично, учитывая, что у него теперь есть дневник Ларса Нелла с криптограммой. Но точно ли она такая, как была у Жели? Это невозможно узнать без отчета маршала, который не случайно похитили из библиотеки.

Пять минут назад, подслушивая с помощью микрофона, прикрепленного к оконному стеклу в доме Ларса Нелла, разговор между Стефани Нелл и братом Жоффруа, он узнал, что Марк Нелл и Коттон Малоун направились в церковь. Стефани Нелл даже плакала, прочитав письмо покойного магистра. Как трогательно. Магистр явно спланировал цепь событий, которые должны произойти после его смерти, и все это дело стремительно выходило из-под

контроля де Рокфора. Ему надо натянуть поводья и замедлить ход событий. Так что пока Ройс Кларидон будет разбираться с этими двумя в доме Ларса, он займется двумя оставшимися.

Передачик, все еще прикрепленный к арендованной машине, показал, что Малоун и Стефани Нелл сразу же вернулись из Авиньона в Ренн. Марк Нелл, должно быть, приехал сюда из аббатства, что неудивительно.

После событий прошлой ночи на мосту де Рокфор решил, что Малоун и Стефани Нелл больше неважны, поэтому приказал своим людям оглушить их. Убийство действующего и бывшего американских агентов наверняка привлечет внимание. Он поехал в Авиньон, чтобы раскрыть секреты, таящиеся в дворцовых архивах, и взять в плен Кларидона, а не привлекать внимание всей американской разведки. Он добился, чего хотел, и сумел добыть дневник Ларса Нелла. Не так уж и плохо для одной ночи. Он даже собирался позволить Марку Неллу и Жоффруа уйти, потому что вдали от аббатства они не представляли угрозы. Но после того как де Рокфор узнал о двух пропавших книгах, стратегия изменилась.

— Мы на месте, — произнес голос в наушнике.

— Оставайтесь там до моего приказа, — прошептал он в микрофон, прикрепленный к лацкану пиджака.

Он взял с собой шестерых братьев, сейчас они рассредоточились по всей деревне, смешавшись с увеличивающейся воскресной толпой. День был ярким, солнечным и, по обыкновению, ветреным. В то время как климат в долине реки Од был теплым и мягким, окружающие его возвышенности постоянно продувались горными ветрами.

Де Рокфор двинулся вверх по главной улице к церкви Марии Магдалины, не пытаясь скрыть свое приближение.

Он хотел, чтобы Марк Нелл увидел его.

Марк стоял у могилы отца. Памятник был в хорошем состоянии, как и все остальные могилы, поскольку кладбище сейчас считалось частью растущей туристической индустрии Ренна.

Первые шесть лет после смерти отца он сам присматривал за могилой, приходя сюда по выходным. Он также заботился и о доме. Его отца любили местные жители, поскольку он сам хорошо относился к Ренну и уважал память Соньера. Может быть, это была одна из причин, почему отец включал в свои книги так много вымысла о Ренне. Приукрашенная тайна была источником дохода для всего региона. И писателей, пытающихся развенчать ее, здесь недолюбливали. Поскольку о том, что было на самом деле, почти ничего не известно, оставалось много простора для фантазии. Жители Ренна ценили, что Ларс Нелл привлек к этой легенде внимание всего мира, хотя Марк знал, что изначально отцовский интерес возбудила малоизвестная книга Жерара де Седа «La Tresor Maudit», опубликованная в конце шестидесятых годов прошлого века. Он всегда считал подходящим ее название: «Проклятое сокровище», особенно после внезапной гибели отца. Марк впервые прочитал книгу отца, когда был подростком, но отец объяснил ему то, что знал на самом деле, несколько лет спустя, когда Марк учился в колледже, специализируясь на средневековой истории и религиозной философии.

— Суть христианства — это воскрешение физических тел. Это исполнение обещания, данного в Новом Завете. Если однажды христиане не воскреснут, значит, их вера бесплодна. Это будет значить, что Евангелия — это ложь, что христианская вера только для земной жизни и что нет ничего после. Именно воскрешение придает смысл всем жертвам, принесенным во имя Христа. Другие религии обещают рай и жизнь после смерти. Но христианство дает Бога, ставшего человеком, погибшего ради своих последователей и восставшего из мертвых, чтобы править вечно. Подумай об этом, — предложил его отец. — Христиане могут расходиться по разным вопросам, касающимся веры. Но постулат воскрешения — единственное, что их объединяет. Иисус восстал из мертвых только ради них. Смерть была побеждена только ради них. Христос жив и трудится во имя их

искупления. Их ожидает царство небесное, ведь они тоже восстанут из мертвых, чтобы жить вечно рядом с Богом. В этом смысл любой трагедии христианства, ведь идея воскрешения дает надежду на будущее.

Затем отец задал вопрос, который с тех пор не оставлял Марка:

— Что, если ничего этого не было? Что, если Христос просто умер и стал прахом?

Да, что, если так?

— Подумай о миллионах убитых во имя Христа. Только во время альбигойских войн¹⁹ были сожжены заживо пятнадцать тысяч мужчин, женщин и детей за то, что они отрицали учение о распятии. Инквизиция погубила миллионы. Крестовые походы в Святую землю стоили сотен тысяч жизней. Все во имя воскресшего Христа. Римские папы веками использовали жертву Христа, чтобы вдохновлять воинов. Если воскресения не произошло, если обещанной жизни после смерти нет, как ты думаешь, сколько из этих людей согласились бы отдать жизнь?

Ответ был прост. *Ни один.*

Что, если воскресения не было?

Марк провел пять лет в поисках ответа на этот вопрос в стенах ордена, который мир считал уничтоженным семь веков назад. И ушел из аббатства с тем же, с чем и пришел.

Что было получено?

И более важно, что было утрачено?

Марк прогнал смятение из своих мыслей и сфокусировал взгляд на надгробии отца. Он лично заказал эту плиту. Тело его отца обнаружили за неделю до этого под мостом, в получасе езды на юг от Ренна. Марк был дома в Тулузе, когда ему позвонили из полиции. Он вспомнил отцовское лицо на опознании — пепельная кожа, открытый рот, мертвые глаза. Никогда он не сможет выбросить из головы это кошмарное зрелище.

Его мать вернулась в Джорджию сразу после похорон. Они почти не разговаривали те три дня, пока она была во Франции. Ему было двадцать семь лет, он только что начал преподавать в Тулузском университете и был плохо приспособлен к жизни. Но сейчас, одиннадцать лет спустя, ему казалось, что он подготовлен ничуть не лучше. Вчера он мог убить Раймона де Рокфора. Куда девалось все то, чему его учили? Где дисциплина, которую он выработал у себя? Недостатки де Рокфора было просто понять — ложное чувство долга вкупе с раздутым самомнением. Но собственные слабости приводили его в замешательство. В круговороте последних трех дней он проделал путь от сенешаля к беженцу. От безопасности к хаосу. От цели к блужданиям.

И ради чего?

Марк почувствовал тяжесть пистолета под пиджаком. Уверенность, которую давало оружие, беспокоила его — еще одно новое и странное ощущение.

Он отступил от могилы отца и побрел к месту, где покоился Эрнст Сковилль. Он знал бельгийца-отшельника и любил его. Магистр, по всей видимости, тоже его знал, поскольку неделю назад отправил ему письмо. Что сказал вчера де Рокфор об этих двух посылках?

«Я разобрался с одним из адресатов».

С одним — да. Но что он еще сказал?

«И вскоре разберусь со вторым».

Его мать в опасности. Все они в опасности. Но что можно сделать? Обратиться в полицию? Никто им не поверит. Аббатство пользуется уважением, и никто из братьев не будет свидетельствовать против ордена. Все, что увидит полиция, — это тихий монастырь, посвященный Богу. Для того чтобы обеспечить безопасность и секретность аббатства, существовали разные механизмы...

Это он очень хорошо знал.

¹⁹ Альбигойские войны 1209–1229 гг. — предпринятые по инициативе папства Крестовые походы северофранцузских рыцарей на юг Франции против альбигойцев.

Нет, сейчас они оставлены на произвол судьбы.

Малоун ждал в Конном саду, когда Марк вернется с кладбища. Он не хотел мешать столь личному делу, тем более что хорошо понимал чувства молодого человека. Ему самому было десять лет, когда погиб его отец, но сожаления о том, что он больше не увидит папу, никогда не покидали его. В отличие от Марка у него не было кладбища, куда можно было бы прийти. Могила его отца была на дне Северной Атлантики, в раздавленной громаде утонувшей субмарины. Он попытался узнать подробности, но это происшествие было засекречено.

Его отец любил флот и Соединенные Штаты — он был патриотом, добровольно отдавшим жизнь за родину. И осознание этого всегда наполняло Малоуна гордостью. Марку Неллу повезло больше. Он провел с отцом много лет. Но во многом Малоун и Марк были похожи. Их отцы посвятили жизнь работе. Оба погибли. И обе смерти оставались тайной.

Он стоял и наблюдал за посетителями кладбища. Наконец он заметил Марка, следующего к выходу за группой японских туристов.

Марк, подойдя к нему, заметил:

— Мне его не хватает.

Малоун решил вернуться к теме, которую они оставили:

— Вам надо договориться с матерью.

— Нас многое разделяет, и посещение отцовской могилы разбредило старые раны.

— У нее есть сердце. Оно заковано в броню, я знаю, но оно есть.

Марк улыбнулся:

— Похоже, вы неплохо знаете ее.

— Есть кое-какой опыт.

— Сейчас нам лучше сосредоточиться на том, чего хотел магистр.

— Вы оба хорошо умеете уклоняться от темы.

Марк снова улыбнулся:

— Это наследственное.

Малоун глянул на часы:

— Сейчас полдвенадцатого. Мне пора ехать. Хочу нанести визит Кассиопии Витт до заката.

— Я нарисую вам карту. Это недалеко.

Они вышли из сада и свернули по направлению к главной улице. В ста футах впереди Малоун засек высокого человека сурового вида, прятавшего руки в карманах кожаного пиджака и направлявшегося к церкви.

Он схватил Марка за плечо:

— У нас спутник.

Марк проследил за его взглядом и тоже увидел де Рокфора.

Малоун быстро оценивал их шансы, обнаружив еще троих храмовников. Двое стояли впереди, у виллы Вифания; еще один блокировал переулок, ведущий к парковке.

— Какие будут предложения? — поинтересовался Малоун.

Марк двинулся к церкви.

— Следуйте за мной.

Стефани открыла дверь ипустила Ройса Кларидона в дом.

— Откуда вы? — спросила она, делая жест Жоффруа опустить оружие.

— Они увезли меня из дворца прошлой ночью и доставили сюда. Держали меня в квартире в двух улицах отсюда, но я ухитрился ускользнуть.

— Сколько братьев в деревне? — спросил Жоффруа у Кларидона.

— Кто вы?

— Его зовут Жоффруа, — ответила Стефани, надеясь, что молодой человек догадается молчать.

— Сколько братьев в деревне? — вновь спросил Жоффруа.

— Четверо.

Стефани подошла к кухонному окну и выглянула на улицу. Мостовая была пуста в обоих направлениях. Но она беспокоилась за Марка и Малоуна.

— Где они?

— Не знаю. Я слышал, как они говорили о том, что вы в доме Ларса, поэтому пришел сюда.

Ей не понравился ответ.

— Мы не могли помочь вам прошлой ночью и понятия не имели, куда вас увезли. Нас оглушили, когда мы пытались поймать де Рокфора и ту женщину. Когда мы очнулись, уже никого не было.

Француз поднял ладони:

— Все в порядке, мадам. Я понимаю. Вы ничего не могли сделать.

— Де Рокфор здесь? — поинтересовался Жоффруа.

— Кто?

— Магистр. Он здесь?

— Я не знаю имен. — Кларидон посмотрел на Стефани. — Но я слышал, что они говорили. Марк жив, это правда?

Она кивнула.

— Они с Коттоном пошли в церковь, но скоро вернутся.

— Чудо. Я думал, он мертв.

— Я тоже.

Взгляд Кларидона обшарил комнату.

— Мы с Ларсом проводили здесь много времени.

Стефани предложила ему сесть за стол. Жоффруа устроился у окна, и она заметила в обычно спокойном молодом человеке напряжение.

— Что с вами произошло? — спросила она у Кларидона.

— До утра меня держали связанным. Потом освободили, чтобы я мог сходить в туалет. В ванной я вылез через окно и поспешил сюда. Они наверняка хватились меня, но мне больше некуда было деваться. Выбраться из города довольно сложно, поскольку тут только одна дорога. — Кларидон поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. — Могу я попросить стакан воды?

Она встала и налила ему воды из крана. Кларидон опустошил стакан одним глотком. Она налила еще.

— Я ужасно испугался, — сказал Кларидон.

— Чего они хотели? — продолжала расспрашивать она.

— Они ищут Великое Завещание, как и Ларс когда-то.

— И что вы им сказали? — вмешался Жоффруа, в его голосе появилась нотка презрения.

— Ничего не сказал, но они почти не спрашивали. Мне сказали, что меня допросят сегодня днем, после того как разберутся с другим делом. Но не сказали, с каким. — Кларидон уставился на Стефани: — Чего они хотят от вас?

— У них есть дневник Ларса, книга с аукциона и литография картины. Что еще они могут хотеть?

— Я думаю, им нужен Марк.

Эти слова заметно встревожили Жоффруа.

Стефани встrepенулась.

— Что им надо от него?

— Понятия не имею, мадам. Но сомневаюсь, что это все стоит кровопролития.

— Почти девять веков братья умирали за то, во что верили, — произнес Жоффруа.

— Ты говоришь так, словно принадлежишь к ордену.

— Я просто цитирую историю.

Кларидон отпил воды.

— Ларс Нелл и я изучали орден много лет. Я читал историю ордена, о которой ты говоришь.

— Что вы читали? — с недоверием поинтересовался Жоффруа. — Книги, написанные людьми, которые ничего не знают. Они пишут о ереси и поклонении идолам, о поцелуях в губы, содомии и отрицании Иисуса Христа. Ни слова правды. Только ложь, предназначенная уничтожить орден и отнять его богатства.

— Сейчас ты говоришь как настоящий тамплиер.

— Я говорю как приверженец справедливости.

— Разве это не тамплиер?

— Разве не все люди должны быть такими?

Стефани улыбнулась. Жоффруа умен.

Малоун следовал за Марком обратно в церковь Марии Магдалины. Они торопливо прошли по центральному проходу, мимо девяти рядов скамеек и толпы зевак, к алтарю. Марк свернул направо и вошел в маленькую комнатку, дверь в которую была открыта. Там находились трое туристов с камерами.

— Извините, — обратился к ним Марк по-английски. — Я из музея, нам нужна эта комната на несколько минут.

Никто не подверг сомнению его слова, и Марк аккуратно притворил дверь за вышедшими туристами. Малоун осмотрелся. Помещение освещалось светом из витражного окна. Вдоль одной стены стояли пустые шкафы. Остальные стены были голыми. Больше никакой мебели.

— Здесь располагалась ризница, — пояснил Марк.

Де Рокфор был уже совсем близко, поэтому Малоун поинтересовался:

— Я полагаю, ты что-то задумал?

Марк подошел к одному из шкафов и поискал что-то на верхней полке.

— Как я рассказывал, когда Соньер разбил Конный сад, он создал в нем грот. Он и его возлюбленная спускались в долину и собирали камни. — Марк продолжал искать. — Они возвращались с полными ведрами камней. Вот.

Марк убрал руку и взялся за ручку шкафа, открыл ее, и обнаружилось укромное местечко без окон.

— Здесь был тайник Соньера. Что бы он ни приносил с этими камнями, он прятал это здесь. Мало кто знал об этом укрытии. Соньер сконструировал его во время перестройки церкви. Планы этого здания, относящиеся к тысяча восемьсот девяносто первому году, показывают здесь просто открытую комнату. — Марк извлек пистолет из-под пиджака. — Подождем тут и посмотрим, что произойдет.

— Де Рокфор знает об этой комнате?

— Скоро узнаем.

ГЛАВА XLII

Раймон де Рокфор остановился перед церковью. Странно, что его жертвы скрылись внутри. Но это не имеет значения. Он собирался лично разобраться с Марком Неллом. Его терпению пришел конец. Он благоразумно посоветовался с членами капитула²⁰ ордена перед уходом из аббатства и не собирался повторять ошибки покойного магистра. Его правление будет иметь, по крайней мере, видимость демократии. К счастью, вчерашний побег и перестрелка взбудоражили и объединили братьев. Все согласились, что необходимо вернуть бывшего сенешаля и его союзника для наказания.

²⁰ Капитул (capitulum) — коллегиальный орган управления рыцарским орденом.

И он собирался сделать это.

Де Рокфор осмотрел улицу.

Толпа росла. Теплый день привлек много туристов. Он повернулся к брату, стоявшему рядом с ним.

— Зайди внутрь и доложи мне обстановку.

Кивок, и его человек направился внутрь.

В церкви только один вход. Мозаичные окна были наглухо закрыты. Чтобы бежать, их придется разбить. Он не видел полицейских, что было обычным делом для Ренна. Здесь редко происходило что-либо, кроме траты денег. Коммерциализация претила ему. Если бы это было в его власти, он бы запретил все туры в аббатстве. Понимая, что епископ заинтересуется его поступком, де Рокфор уже решил ограничить доступ в аббатство до нескольких часов по субботам под предлогом того, что братьям нужно больше уединения. Это епископ поймет. Он твердо намеревался восстановить многие старые обычаи, давно заброшенные практики и ритуалы, некогда отличавшие тамплиеров от остальных религиозных орденов. А для этого необходимо, чтобы двери аббатства были преимущественно закрыты.

Брат, которого он посылал в церковь, вернулся.

— Их там нет, — доложил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Я обыскал неф, ризницу и исповедальни. Их нигде нет.

Де Рокфор не хотел этого слышать.

— Второго выхода нет.

— Магистр, но их нет внутри.

Его взгляд остановился на церкви. Он лихорадочно размышлял.

Решение было очевидным.

— Пойдем, — приказал он. — Я точно знаю, где они.

Стефани слушала Ройса Кларидона не как жена и мать, волнуемая о своей семье, а как глава секретного государственного агентства, которое постоянно имело дело с разведкой и контрразведкой. Что-то было не так. Его внезапное появление было подозрительным. Она мало знала о Раймоне де Рокфоре, но достаточно, чтобы понимать — либо Кларидону намеренно позволили бежать, либо, что еще хуже, он вступил в сговор с их врагами. В любом случае ей надо взвешивать каждое свое слово. Жоффруа, по-видимому, тоже что-то заподозрил, поскольку отвечал на вопросы, которыми его засыпал француз, односложно. И этих вопросов было слишком много для человека, который только что был в смертельной опасности.

— Эта женщина, которая была прошлой ночью во дворце, — Кассиопия Витт. Это она была l'Ingénieur, упомянутым в письме Эрнсту Сковиллю? — спросила она.

— Думаю, что да. Дьяволица.

— Она, похоже, спасла нас всех.

— Как? Она вмешалась, как делала это с Ларсом.

— Вы живы благодаря ее вмешательству.

— Нет, мадам. Я жив потому, что они хотят информации.

— Поэтому я удивляюсь, что вы здесь, — сказал Жоффруа, сидящий на подоконнике. — Сбежать от де Рокфора нелегко.

— Вам это удалось.

— Откуда вы знаете?

— Они говорили о Марке и вас. Вроде была перестрелка. Ранены братья. Они в ярости.

— Они не упомянули, что пытались убить нас?

Повисло неловкое молчание.

— Ройс, — наконец заговорила Стефани. — Что еще они могут искать?

— Я знаю только то, что из их архива пропали две книги. Они мельком сказали об

этом.

— Минуту назад вы сказали, что понятия не имеете, зачем им сын мадам Нелл, — с подозрением сказал Жоффруа.

— Я действительно не в курсе. Но знаю, что они хотят вернуть пропавшие книги.

Стефани глянула на Жоффруа и не заметила ни тени смущения на лице молодого человека. Если они с Марком на самом деле владели книгами, за которыми охотился де Рокфор, он не подал виду.

— Вчера, — добавил Кларидон, — вы показывали мне дневник Ларса и книгу...

— Которые теперь у де Рокфора.

— Нет. Кассиопия Витт украла то и другое у него прошлой ночью.

Еще один кусочек информации. Кларидон чертовски много знал для человека, на которого похитители, по его словам, не обращали внимания.

— Значит, де Рокфор должен ее найти, — прояснила ситуацию Стефани. — И мы тоже.

— Похоже, что одна из книг, которые Марк взял из их архива, тоже содержит криптограмму. Де Рокфор хочет вернуть эту книгу.

— Это вы тоже подслушали?

— Ош, — кивнул Кларидон. — Они считали, что я сплю, но я слушал. Один из их маршалов во времена Соньера наткнулся на эту криптограмму и записал ее в книгу.

— У нас нет этих книг, — заметил Жоффруа.

— То есть? — изумился Кларидон.

— У нас их нет. Мы покинули аббатство в большой спешке и ничего с собой не взяли.

Старик вскочил:

— Вы лжете.

— Смелые слова. Можете это доказать?

— Вы член ордена. Воин Христа. Тамплиер. Клятва обязывает вас не лгать.

— А что обязывает вас? — поинтересовался Жоффруа.

— Я говорю правду. На мою долю выпало трудное испытание. Я пять лет скрывался в психиатрической больнице, чтобы не стать пленником тамплиеров. Вы знаете, что они хотели со мной сделать? Намазать мне ноги жиром и поместить перед жаровней. Изжарить меня.

— У нас нет этих книг. Де Рокфор охотится за тенью.

— Это не так. Во время вашего побега были ранены двое людей, и оба сказали, что вы несли с собой рюкзак.

— Откуда вы это знаете? — спросил Жоффруа.

Де Рокфор вошел в церковь, сопровождаемый помощником. Он прошел по центральному проходу и вошел в ризницу. Следовало отдать должное Марку Неллу. Мало кто знал о потайной комнате в церкви. На экскурсиях о ней не рассказывали, и только коренные жители Ренна подозревали о ее существовании. Он часто размышлял, почему туроператоры не эксплуатировали пристройку Соньера к церкви — ведь потайные комнаты придавали еще больше интриги, но было и так много вещей, связанных с церковью, городом и всей легендой, которые требовали объяснения.

— Когда ты первый раз сюда входил, дверь в эту комнату была открыта?

Брат отрицательно покачал головой и прошептал:

— Закрыта, магистр.

Он аккуратно открыл дверь.

— Никого не впускай.

Де Рокфор приблизился к шкафу и вытащил пистолет. На самом деле ему ни разу не доводилось видеть потайную комнату, скрытую здесь, но он читал отчеты предыдущих магистров, обследовавших Ренн и знавших о ее существовании. Если он правильно помнил, открывающий механизм находится в верхнем правом углу шкафа.

Он сунул туда руку и нащупал металлический рычаг.

— Будь готов, — приказал он брату.
Тот извлек короткоствольный автомат, снял его с предохранителя и отступил на шаг.
Шкаф сдвинулся на дюйм и замер.
Де Рокфор выбил дверь ногой.
Потайная комната была пуста.

Малоун стоял рядом с Марком в исповедальне.

Они подождали несколько минут в потайной комнате, наблюдая за ризницей через маленький глазок, предусмотрительно расположенный в шкафу. Марк проследил за тем, как один из братьев вошел в ризницу, никого не увидел и вышел. Они подождали несколько секунд, потом вышли, глядя, как брат покидает церковь. Не заметив в церкви других монахов, они быстро юркнули в исповедальню и скрылись там в тот момент, когда де Рокфор с помощником вернулись.

— Изучай врага и знай цену себе, — прошептал Марк, когда де Рокфор и его прихвостень скрылись в ризнице.

Малоун ухмыльнулся:

— Сунь Цзы был мудрым человеком.

Дверь в ризницу закрылась.

— Подождем пару секунд, и надо уходить.

— Снаружи могут быть еще люди.

— Наверняка. Придется рискнуть. У меня девять зарядов.

— Не будем начинать перестрелку, пока без этого можно обойтись.

Дверь в ризницу оставалась закрытой.

— Пора идти, — сказал Малоун.

Они вышли из исповедальни, повернули направо и устремились к выходу.

Стефани неторопливо встала, приблизилась к Жоффруа и спокойно забрала у него пистолет. Потом резко развернулась, взвела курок и прижала дуло ко лбу Кларидона.

— Ты кусок дерьма! Ты с ними заодно!

Зрачки Кларидона расширились.

— Нет, мадам. Клянусь, нет.

— Расстегни его рубашку, — велела она Жоффруа.

Молодой человек рванул пуговицы, обнаружив микрофон, прикрепленный к худой груди старика.

— Сюда! Быстро! Мне нужна помощь! — завопил Кларидон.

Жоффруа нокаутировал его ударом в челюсть. Стефани обернулась с пистолетом в руке и засекла коротко стриженного мужчину, бегущего к входу в дом.

Удар, и дверь распахнулась.

Жоффруа занял позицию слева от входа и, когда мужчина ворвался в дом, рванул его на себя. Стефани заметила в руке противника пистолет, но Жоффруа ловко направил дуло в пол, развернулся на каблуках и впечатал нападавшего в стену. Не дав ему ни секунды, он нанес еще один удар в живот. У противника перехватило дыхание, и он начал падать вперед. Жоффруа придал ему ускорение сильным толчком в спину.

— Тебя этому в аббатстве научили? — поинтересовалась впечатленная Стефани.

— Этому и многому другому.

— Давай выбираться отсюда.

— Одну секунду.

Жоффруа рванул из кухни обратно в спальню и вернулся с рюкзаком Марка.

— Кларидон был прав. Эти книги у нас, и мы не можем уйти без них.

На человеке, которого оглушил Жоффруа, она заметила наушник.

— Он слушал, что говорит Кларидон, и наверняка имеет связь с другими.

— Здесь де Рокфор, — убежденно сказал Жоффруа.

Она схватила свой мобильник с буфета.

— Надо найти Марка и Коттона.

Жоффруа подошел к открытой входной двери и внимательно осмотрел улицу.

— Ты думаешь, что здесь могут быть еще братья? — Она приблизилась к нему. — Если и так, они заняты в церкви. Мы пойдем туда мимо городской стены, через стоянку, избегая главной улицы. — Она вернула ему пистолет. — Прикрывай мою спину.

Он улыбнулся.

— С удовольствием, мадам.

Де Рокфор удивленно смотрел на пустую потайную комнату. Где они? В церкви нет других мест, где можно спрятаться.

Он вернул шкаф на место.

Его подчиненный наверняка видел замешательство, отразившееся на его лице, когда они обнаружили, что потайная комната пуста. Он изобразил на лице уверенность и повернулся.

— Где они, магистр? — спросил брат.

Обдумывая ответ, он подошел к витражному окну и посмотрел наружу. Конный сад под ним был полон посетителей. Потом он заметил, что в сад торопливо вошли Марк Нелл и Малоун и поспешили к кладбищу.

— Снаружи, — спокойно сказал де Рокфор, двинувшись к выходу из ризницы.

Марк подумал, что уловка с потайной комнатой даст им достаточно времени, чтобы совершить побег. Он надеялся, что де Рокфор привел с собой мало людей. Но три брата ждали их снаружи — один на главной улице, еще один блокировал переулок, ведущий к стоянке, и третий занимал позицию за виллой Вифания, препятствуя побегу через сад. Де Рокфор наверняка не рассматривал кладбище как путь на волю, поскольку с другой стороны его находился обрыв в полторы тысячи футов.

Но Марк направлялся именно туда.

Он поблагодарил Бога за многочисленные ночные исследования, которые некогда они с отцом проводили здесь. Местные жители неодобрительно относились к посещениям кладбища в темноте, но это было самым подходящим временем, говаривал его отец. Они много раз прочесывали местность в поисках ключей, пытаясь понять поступки Соньера, на первый взгляд необъяснимые. Несколько раз им мешали, поэтому они нашли другой путь, в обход ворот с черепом и костями.

Пришло время воспользоваться этим путем.

— Боюсь даже спрашивать, как мы выберемся отсюда, — сказал Малоун.

— Это трудный путь, но сейчас, по крайней мере, светит солнце. Прошлые разы я делал это в темноте.

Марк повернул направо и повел Малоуна вниз по каменной лестнице. У памятников было довольно много народу, человек пятьдесят. За стеной сияло пронзительно-голубое небо без единого облачка, ветер выл, словно заблудшая душа. Ясные дни всегда были в Ренне ветренными, но на кладбище воздух всегда неподвижен, поскольку церковь и дом священника блокировали самые сильные порывы ветра, дувшие с юга и запада.

Марк торопливо шел к памятнику, примыкавшему к восточной стене, под пологом вязов, бросавших на землю длинные тени. Он забрался на толстую могильную плиту и полез на стену.

— Следуй за мной, — сказал Марк, спрыгнул с другой стороны стены, прокатился по земле, затем встал на ноги, отряхиваясь.

Он следил, как Малоун проделал тот же путь, спрыгнув с восьми футов на узкую дорожку.

Они стояли у основания стены, на каменистой дорожке шириной в четыре фута. Склон под ними покрывали буки и сосны, их ветви переплелись, а корни уходили глубоко в

скальные расщелины.

Марк показал налево.

— Эта тропинка заканчивается недалеко отсюда, за замком. — Он повернулся. — Нам надо идти сюда. Это кружной путь на стоянку.

— Здесь безветренно, но когда мы завернем за угол, — Малоун указал вперед, — думаю, там будет беспокойно.

— Ага, почти как ураган. Но у нас нет выбора.

ГЛАВА XLIII

Направляясь на кладбище, де Рокфор взял с собой одного брата, трое других ждали снаружи. Марк Нелл поступил умно, использовав потайную комнату, чтобы отвлечь его. Скорее всего, они оставались внутри только до тех пор, пока его разведчик не вышел из церкви. А когда он пришел в ризницу, беглецы уже скрылись в исповедальне.

Де Рокфор остановился и осмотрел могилы, но не увидел своих противников и приказал брату, стоявшему рядом с ним, обыскать левую часть кладбища, а сам пошел направо, минуя могилу Эрнста Сковилля.

Четыре месяца назад, когда де Рокфор обнаружил, что покойный магистр интересуется Сковиллем, он отправил брата проследить за деятельностью бельгийца. С помощью жучка, установленного в телефоне Сковилля, его разведчик узнал о Стефани Нелл, ее планах посетить Данию, потом Францию и намерении купить книгу. Но когда стало ясно, что Сковилль недолгобливает вдову Ларса Нелла и обманывает ее, чтобы потом разрушить ее планы, машина на склоне Ренна решила проблему его возможного вмешательства. Сковилль не был игроком в предстоящей игре. А Стефани Нелл была, и сейчас ничто не должно помешать ее движению. Де Рокфор самолично убрал Сковилля, никого не привлекая из аббатства, поскольку не смог бы внятно объяснить необходимость убийства.

С другого конца кладбища вернулся брат и доложил:

— Никого.

Куда они могли деться?

Его взгляд остановился на коричнево-серой стене, окружавшей внешний край кладбища. Он встал в точку, где стена была ему по грудь. Ренн покоился на хребте утеса, с трех сторон были отвесные склоны, как у пирамиды. Долина внизу терялась в сероватой дымке, накрывавшей живописную землю, словно далекий мир лилипутов. Водоем, дороги и поселки были словно нарисованы на карте. Снаружи дул сильный ветер. Он уцепился за камни, подтянулся и забрался на стену. Посмотрел вправо. Пустой скалистый обрыв. Потом перевел взгляд влево и заметил, как Коттон Малоун огибает стену с севера на запад.

Он спрыгнул обратно на землю.

— Они на скалистой тропе, направляются к башне Магдала. Остановите их. Я отправляюсь в бельведер.

Стефани указывала путь Жоффруа. Параллельно западной стене располагалась припекаемая солнцем тропинка, ведущая на север, к стоянке, и дальше, к владениям Соньера. Жоффруа явно предчувствовал продолжение приключений и для человека, которому еще не исполнилось тридцати, вел себя с необыкновенным профессионализмом.

В этой части города было мало домов. Там и сям в небо вздымались ели и сосны.

Что-то прожужжало мимо ее правого уха. От дома прямо перед ней отвалился кусок известняка. Стефани резко обернулась и увидела, что в пятидесяти ярдах позади в них целится коротко стриженный мужчина. Она нырнула за машину, припаркованную у дома. Жоффруа упал на землю, перекатился и выстрелил. Звук выстрела заглушил вой ветра. Противник вскрикнул от боли, схватился за бедро и упал.

— Хороший выстрел, — заметила Стефани.

— Я не мог убить его, я давал клятву.

Они поднялись на ноги и поспешили прочь отсюда.

Малоун следовал за Марком. Скалистая тропинка, кое-где поросшая коричневой травой, сузилась, и ветер, который до этого был просто досадной помехой, превратился в угрозу, атакуя их изо всех сил и заглушая монотонным воем все остальные звуки.

Они были на западе от города. Высокие рощи, покрывавшие северный склон, исчезли. Вниз спускалась только голая скала, сверкающая в лучах яростного полуденного солнца и кое-где прикрытая обрывками мха и вереска.

Бельведер, который Малоун пересекал две ночи назад, преследуя Кассиопию Витт, простирался в двадцати футах над ними. Впереди стояла башня Магдаля, на ее крыше он видел людей, восхищающихся открывающимся видом на долину. Ему самому этот вид не очень нравился. Высота действовала на него как вино — одна из тех слабостей, которые он скрывал от правительственных психологов, которые время от времени проверяли его на профпригодность. Он рискнул глянуть вниз. Крутой склон, спускавшийся на несколько сотен футов, покрывали редкие клочки кустарника. Потом был короткий уступ, а под ним — еще более отвесный обрыв.

Марк был в десяти футах впереди. Молодой человек остановился, обернулся и прицелился в него из автомата.

— Я что-то не так сказал? — выкрикнул Малоун.

Ветер заставлял руку Марка дрожать. Он взялся за оружие двумя руками. Малоун уловил направление его взгляда и обернулся. Их преследовал один из храмовников.

— Ты уже достаточно близко. — Марк попытался перекричать ветер.

В руках у брата был «Глок 17», похожий на тот, что был у Марка.

— Если ты поднимешь оружие, я выстрелю в тебя, — заявил Марк.

Рука противника застыла.

Малоуну было не по душе затруднительное положение, в котором он оказался, и он прижался как можно плотнее к стене, чтобы дать им место для дуэли.

— Это не твоя битва, брат. Я понимаю, что ты просто делаешь то, что приказал магистр. Но если я выстрелю в тебя, даже в ногу, ты упадешь с обрыва. Оно того стоит?

— Я обязан подчиняться магистру.

— Он подвергает тебя опасности. Ты хоть думал, что ты делаешь?

— Это не моя ответственность.

— Спасение твоей жизни — твоя.

— Ты выстрелишь в меня, сенешаль?

— Без сомнения.

— То, что ты ищешь, так важно, что ты причинишь вред другому христианину?

Малоун наблюдал, как Марк обдумывал этот вопрос, и размышлял, хватит ли их противнику мужества идти до конца. Марк уже оказывался перед подобным выбором несколько раз. Стрелять в другого человека всегда непросто. Но иногда это необходимо.

— Нет, брат, это не стоит человеческой жизни. — И Марк опустил оружие.

Углом глаза Малоун заметил движение. Он повернул голову и увидел, что брат воспользовался уступкой Марка. «Глок» начал подниматься, в то время как вторая рука противника тоже рванулась вверх, очевидно для того, чтобы подхватить оружие снизу и обеспечить точный выстрел.

Но он так и не выстрелил.

Слева от Малоуна раздался хлопок, заглушенный ветром, и тамплиера отбросило назад, когда пуля ударила его в грудь. Неизвестно, носил ли он бронежилет, но в любом случае он бы его не спас. Выстрел с близкого расстояния лишил его равновесия, и его коренастое тело пошатнулось. Малоун шагнул к нему, пытаясь предотвратить падение, и поймал взгляд безмятежных глаз. Он припомнил взгляд Красного Пиджака на Круглой башне. Ему оставалось сделать еще два шага, чтобы подхватить брата, но ветер сдул его с выступа, и тело покатилося по склону, как бревно.

Он услышал крик сверху. По-видимому, кто-то из посетителей бельведера стал свидетелем этой суеты. Он наблюдал, как тело докатилось до края скалы и наконец остановилось на уступе внизу.

Он повернулся к Марку, все еще не опустившему автомат.

— Ты в порядке?

— Нет. Но нам надо идти.

Они развернулись и поспешили дальше по каменистой тропе.

Де Рокфор бросился вверх по ступеням, ведущим к бельведеру. Он услышал крик женщины и увидел суматоху — взволнованные люди столпились у стены. Магистр приблизился и спросил:

— Что случилось?

— Человек упал с обрыва. Прокатился по склону.

Де Рокфор локтями проложил себе путь к стене.

— Куда он упал? — спросил он.

— Туда. — Мужчина указал вниз.

Он проследил взглядом за вытянутым пальцем и увидел внизу склона неподвижное тело в темном пиджаке и светлых брюках. Он узнал его. Де Рокфор взялся ладонями за грубый камень и подтянулся. Лежа на животе, наклонил голову влево и увидел, что Марк Нелл и Коттон Малоун пробираются по короткому склону по направлению к автомобильной стоянке.

Он прыгнул на землю и отступил назад.

Нажал кнопку «Send» на рации, прикрепленной к его талии, и прошептал в микрофон на лацкане пиджака:

— Они движутся в твою сторону, на краю стены. Задержи их.

Стефани услышала выстрел. Звук, кажется, донесся с наружной стороны стены. Но это было странно. Откуда там могли взяться люди? Они с Жоффруа были уже в ста футах от стоянки, заполненной машинами. Четыре автобуса стояли рядом с каменной водонапорной башней.

Они замедлили шаг. Жоффруа прятал пистолет за бедром, пока они спокойно шли вперед.

— Там, — прошептал Жоффруа.

В дальнем конце улицы человек блокировал переулок, ведущий к церкви. Она обернулась. По улице позади торопился еще один коротко стриженный.

Потом она засекла Марка и Малоуна. Они бежали сюда со стороны внешней стены и перепрыгнули через каменный заборчик высотой по колено.

— А мы тут прогуливаемся, — запыхавшись, сказал Малоун.

— Я слышала выстрел.

— Не время объяснять, — отозвался Малоун.

— Мы не одни, — добавила она, указывая на двоих преследователей.

Марк просканировал взглядом окрестности.

— Де Рокфор дирижирует этим оркестром. Пора сваливать. Но у меня нет ключей от машины.

— У меня есть, — сказал Малоун.

Жоффруа протянул Марку рюкзак.

— Хорошо, — отозвался тот. — Поехали быстрее.

Де Рокфор бежал мимо виллы Вифания, отталкивая со своего пути многочисленных туристов, направлявшихся к башне Магдала, саду и бельведеру.

— Они садятся в машину, — доложил голос в наушнике.

— Не мешайте им, — ответил де Рокфор.

Малоун вырулил со своего места и осторожно поехал мимо остальных машин по направлению к главной улице. Он обратил внимание, что коротко стриженные не пытаются остановить их.

Что это значит? Их загоняют словно стадо животных. Но куда?

Он медленно проехал по переулку, мимо киосков с сувенирами, и повернул направо, к главной улице, спускаясь с горы по направлению к городским воротам. Мимо ресторана. Толпа редела, улица пустела.

Впереди он заметил Раймона де Рокфора, стоящего посередине улицы и блокирующего ворота.

— Он бросает тебе вызов, — заметил Марк с заднего сиденья.

— Это хорошо. Я как раз собирался посоревноваться в выдержке с лучшим из них.

Он мягко утопил педаль газа в пол.

До ворот со стоящим перед ними человеком оставалась пара сотен футов.

Де Рокфор не шевелился.

Малоун не заметил у него оружия. Похоже, Великий магистр думал, что одно его присутствие может их остановить. За его спиной Малоун видел, что путь свободен, но прямо за воротами дорога делала резкий изгиб, и он очень надеялся, что в ближайшие несколько секунд оттуда никто не появится.

Он еще прибавил скорость.

Шины закрутились по мостовой, машина пулей рванулась вперед.

Сто футов.

— Ты собираешься убить его, — сказала Стефани.

— Если придется.

Пятьдесят футов.

Малоун не снижал скорость, глядя в упор на магистра. Он подготовился к столкновению с телом и крепко сжал руль.

Справа метнулась фигура и выдернула де Рокфора практически из-под колес автомобиля.

Они с ревом вылетели из ворот.

Де Рокфор осознал, что произошло, и был недоволен. Он был полностью готов бросить вызов противнику, готов ко всему, и вмешательство возмутило его.

Его спас Ройс Кларидон.

— Эта машина переехала бы вас, — заметил Кларидон.

Он оттолкнул старика и поднялся на ноги.

— Еще неизвестно, — заметил он и спросил о том, что его очень интересовало: — Что-нибудь узнали?

— Они обнаружили мою хитрость, и я был вынужден позвать на помощь.

Горячая волна гнева окатила его. Опять все шло не так. Но в голове звенела одна спасительная мысль.

Автомобиль, в котором они уехали, арендовал Малоун. Там стоит электронный жучок.

По крайней мере, он будет знать, куда они направляются.

ГЛАВА XLIV

Малоун вел машину по извилистому склону с максимальной скоростью. Он свернул направо на главное шоссе и еще через полмили сменил курс на юг, к Пиренеям.

— Куда мы едем? — спросила его Стефани.

— Повидать Кассиопию Витт. Я собирался сделать это один, но, думаю, пришло время нам всем познакомиться. — Ему хотелось отвлечься. — Расскажи мне о ней, — попросил он Марка.

— Я мало что знаю. Слышал, что ее отец был богатым испанским торговцем, а мать — мусульманкой из Танзании. Она очень умна и образованна. Хорошо разбирается в истории, искусстве и религии. И богата. Унаследовала кучу денег и еще больше заработала. Она и отец много раз сталкивались.

— На тему? — заинтересовался Малоун.

— Ее миссия — доказать, что Христос не умер на кресте. Двенадцать лет назад к религиозному фанатизму относились совсем по-другому. Талибы, «Аль-Каеда» мало беспокоили людей. Тогда больной темой был Израиль, и Кассиопия всегда возмущалась тем, что мусульман вечно считают экстремистами. Она ненавидела высокомерие христианства и гипотетичность иудаизма. Она искала правду, как говорил отец. Хотела развеять миф и показать, как на самом деле похожи Иисус Христос и Мухаммед. Общая почва — общие интересы. Вроде этого.

— Разве это не то же самое, чего хотел твой отец?

— Я много раз говорил ему, что это одно и то же.

Малоун улыбнулся:

— Как далеко еще до ее замка?

— Меньше часа езды. Надо свернуть на запад через пару миль.

Малоун следил за дорогой в боковое зеркало. Никто их не преследовал. Хорошо. Он замедлил ход, въезжая в город под названием Сен-Лу. Поскольку было воскресенье, все было закрыто, кроме заправочной станции и маленького магазинчика рядом с поворотом на юг. Он подъехал к станции и затормозил.

— Ждите меня тут, — сказал он, выбираясь из машины. — Мне надо кое-что сделать.

Малоун съехал с шоссе и повел машину по усыпанной гравием дорожке в глубь густого леса. Знак, приглашающий посетить Живор — «средневековое приключение в современном мире», находился в полумиле впереди. Путь из Ренна занял меньше пятидесяти минут. Почти всю дорогу они ехали на запад, миновав разрушенную крепость катаров Монсегюр, потом свернули на юг к горам, где вздымающиеся склоны укрывали от взоров речные долины и высокие деревья.

Дорожка, достаточно широкая для того, чтобы на ней могли разъехаться две машины, была ухоженной, над ней возвышались буки, окутывающие это место спокойствием. Дорожка перешла в лужайку, покрытую короткой травой и служившую автостоянкой. По периметру лужайку обрамляли стройные колонны сосен и елей.

Перед ними висело объявление, гласившее:

ЖИВОР. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПРОШЛОЕ. ЗДЕСЬ, В ЖИВОРЕ, МЕСТЕ, ГДЕ ВПЕРВЫЕ ОБОСНОВАЛСЯ ЛЮДОВИК IX, ВОССОЗДАЕТСЯ ЗАМОК С ПОМОЩЬЮ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ XIII ВЕКА. КАМЕННАЯ БАШНЯ БЫЛА СИМВОЛОМ ВЛАСТИ ФЕОДАЛА, И ЗАМОК В ЖИВОРЕ БЫЛ ПОСТРОЕН КАК ВОЕННАЯ КРЕПОСТЬ С ТОЛСТЫМИ СТЕНАМИ И БОЛЬШИМ КОЛИЧЕСТВОМ ОРУДИЙНЫХ БАШЕНОК. ОКРУЖАЮЩАЯ ПРИРОДА ОБЕСПЕЧИВАЛА ИЗОБИЛИЕ ВОДЫ, КАМНЯ, ЗЕМЛИ, ПЕСКА И ДРЕВЕСИНЫ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА. КАМЕНОТЕСЫ, ПЛОТНИКИ, КУЗНЕЦЫ И ГОНЧАРЫ СЕЙЧАС ТРУДЯТСЯ И ЖИВУТ ЗДЕСЬ В ТАКИХ ЖЕ УСЛОВИЯХ И ОДЕВАЮТСЯ В ТАКУЮ ЖЕ ОДЕЖДУ, КАК СЕМЬ ВЕКОВ НАЗАД. ДАННЫЙ ПРОЕКТ ФИНАНСИРУЕТСЯ ЧАСТНЫМ ОБРАЗОМ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ, ЧТО ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ЗАМКА ПОТРЕБУЕТСЯ ЕЩЕ 30 ЛЕТ. ЖЕЛАЕМ ВАМ ПРИЯТНО ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ В XIII ВЕКЕ!

— Кассиопия Витт финансирует все это сама? — полюбопытствовал Малоун.

— Средневековая история — одно из ее увлечений, — ответил Марк. — В Тулузском

университете ее хорошо знают.

Малоун решил, что прямой путь будет предпочтительнее всего. Наверняка Витт догадалась, что он в конце концов вычислит ее местонахождение.

— Где она живет?

Марк указал на восток, где ветви дубов и вязов, смыкаясь аркой, затеняли другую тропинку.

— Замок в той стороне.

— Это машины посетителей?

Марк кивнул.

— Здесь проводят экскурсии по раскопкам и стройке. Таким образом собирается немало денег. Много лет назад, когда строительство здесь только началось, я был на такой экскурсии. То, что она делает, впечатляет.

Малоун двинулся по направлению к дорожке, ведущей в замок.

— Пойдемте поздороваемся с хозяйкой.

Они шли молча. В отдалении, на пологом склоне вздымающегося холма, он рассмотрел печальные руины каменной башни, поросшие мхом. Сухой воздух был теплым и безветренным. Землю по обе стороны тропинки покрывали пурпурный вереск, ракитник и полевые цветы. Малоун представил себе, как много веков назад здесь сражались воины и окрестности оглашались звоном оружия и боевыми кличами, а над головами кружили стервятники.

Примерно в ста футах перед ними он увидел замок, располагавшийся в уединенной ложине. Четыре этажа, увенчанные покатой шиферной крышей. Темно-красный кирпич и камень чередуются симметрично, по бокам возвышаются две увитые плющом башни. Фасад густо покрыт зеленью. С трех сторон видны следы некогда существовавшего рва, где теперь росла трава. Позади замка росли стройные деревья, изгородь из подрезанных тисов окружала его фундамент.

— Ничего себе домик, — присвистнул Малоун.

— Шестнадцатый век, — заметил Марк. — Мне рассказывали, что она купила этот замок и прилегающее к нему место раскопок. Называется замок Рояль Шампань, в честь одного из кавалерийских полков Людовика Пятнадцатого.

Перед замком были припаркованы две машины. «Бентли Континенталь GT» последней модели и «порше родстер», относительно дешевый по сравнению с первым автомобилем. Рядом стоял мотоцикл. Малоун подошел к мотоциклу и осмотрел заднюю шину и глушитель. На блестящем хроме были царапины.

И он точно знал, откуда они взялись.

— Сюда я попал из пистолета.

— Верно, мистер Малоун.

Он повернулся. Приятный голос донесся из портика. В дверях стояла высокая женщина, стройная, как пантера, с каштановыми волосами до плеч. Черты ее лица своим изяществом вызвали в памяти львиную грацию египетских богинь — тонкие брови, острые скулы. Кожа была цвета темного янтаря.

Она была одета в элегантный топ с V-образным вырезом, обнажавший смуглые плечи, и шелковую юбку до колен с узорами в стиле сафари. На ногах кожаные босоножки. Наряд был простым, но элегантным, словно она собиралась прогуляться по Елисейским Полям.

Она улыбнулась, и в глубоких омутax ее глаз он прочитал решительность.

— Я вас ждала.

— Это любопытно, поскольку я решил навестить вас только час назад.

— О, мистер Малоун, уверена, что я занимаю одно из верхних мест в списке интересующих вас персон, по крайней мере с тех пор, как вы подстрелили мой мотоцикл в Ренне две ночи назад.

Малоун с любопытством спросил:

— Зачем вы заперли меня в башне Магдала?

— Я надеялась воспользоваться отсрочкой, чтобы по-тихому улизнуть. Но вы выбрались чересчур быстро.

— Зачем же вы в меня стреляли?

— Вы бы ничего не узнали от человека, которого захватили в плен.

Интонации ее мелодичного голоса обезоруживали.

— Или вы не хотели, чтобы я с ним поговорил? В любом случае спасибо, что вы спасли мою жизнь в Копенгагене.

Кассиопия Витт отклонила его благодарность.

— Вы бы и сами справились. Я просто ускорила процесс.

Марк заметил, что женщина посмотрела за его плечо.

— Марк Нелл. Приятно наконец познакомиться с вами. Рада, что вы не погибли под той лавиной.

— Я вижу, вы продолжаете вмешиваться в дела других людей, — холодно отметил Марк.

— Я бы не называла это вмешательством. Скорее наблюдением за успехами тех, кто меня интересует. Например, твоего отца. — Кассиопия ступила мимо Малоуна и протянула руку Стефани. — Приятно познакомиться. Я хорошо знала вашего мужа.

— Судя по тому, что я слышала, вы с Ларсом были не в лучших отношениях.

— Не верю, что кто-то мог такое сказать. — Кассиопия лукаво взглянула на Марка. — Неужели это исходит от вас?

— Нет, — ответила за него Стефани. — Мне рассказывал Ройс Кларидон.

— Ну, с ним надо быть настороже. Доверие ему принесет вам только неприятности. Я предупреждала Ларса об этом, но он не слушал.

— В этом я с вами полностью согласна, — заявила Стефани.

Малоун представил Жоффруа.

— Вы принадлежите к братству? — поинтересовалась Кассиопия.

Жоффруа не ответил.

— Нет, я не жду, что вы ответите. Тем не менее вы первый тамплиер, которого я принимаю у себя.

— Это не так, — отозвался Жоффруа, указывая на Марка. — Сенешаль тоже принадлежит к братству.

Малоун удивился, что Жоффруа выдал такую информацию. До сих пор молодой человек предпочитал держать язык за зубами.

— Сенешаль? Я уверена, это любопытная история, — заметила Кассиопия. — Почему бы вам не зайти внутрь? Завтрак готов. Увидев вас, я распорядилась поставить еще приборы. Стол, должно быть, уже накрыт.

— Замечательная мысль, — одобрил Малоун. — Я голоден как волк.

— Тогда давайте поедим. Нам многое надо обсудить.

Они последовали за ней в замок. Малоун оценил убранство в теплых тонах. Дорогие итальянские сундуки, редкие рыцарские доспехи, испанские канделябры, гобелены из Бове²¹ и фламандские полотна порадовали бы взор любого знатока.

Следом за Кассиопией они вошли в просторную столовую, обитую позолоченной тисненой кожей. В створчатые окна, занавешенные роскошными ламбрекенами, вливался солнечный свет, бросая на покрытый белой скатертью стол и мраморный пол живописные тени. Электрический канделябр на двенадцать ламп оставался незажженным. Официанты сервировали стол сверкающей серебряной посудой.

Обстановка была впечатляющей, но безраздельное внимание Малоуна привлекла не она, а человек, сидящий за дальним концом стола.

По данным европейского журнала «Форбс», он стоял восьмым в списке самых богатых

²¹ Бове (Beauvias) — город на севере Франции, древняя столица белловаков. С 1664 г. — центр ковроделия.

людей континента, его власть и влияние находились в прямой зависимости от состояния, исчислявшегося миллиардами евро. Он был хорошо знаком с главами государств и королевскими особами. Королева Дании называла его своим личным другом. Благотворительные организации всего мира полагались на него как на великодушного жертвователя. За последний год Малоун как минимум три раза в неделю навещал его — разговаривая о книгах, политике, мире, о том, какое дерьмо эта жизнь. Он приходил в его поместье как к себе домой и в некотором смысле чувствовал себя там как дома.

Теперь он серьезно усомнился во всем этом.

Он почувствовал себя полным идиотом.

Хенрик Торвальдсен улыбнулся и гостеприимно сказал:

— Давно пора, Коттон. Я жду тебя уже два дня.

Часть IV ИЩИТЕ, ПОКА ВЫ ЖИВЫ

ГЛАВА XLV

Раймон де Рокфор сидел на пассажирском месте и не отрывал взгляда от экрана GPS.²² Передатчик, прикрепленный к машине, арендованной Малоуном, работал идеально, передавая сильный сигнал. Один брат вел машину, еще один вместе с Кларидоном сидел на заднем сиденье. Де Рокфор был до сих пор зол на Кларидона за его вмешательство в Ренне. Он не намеревался погибнуть под колесами автомобиля, но хотел испытать Малоуна, хватит ли у него решимости его задавить.

Брат, упавший со скалы, погиб. Марк Нелл выстрелил ему в грудь, кевларовый жилет защитил его от пули, но при падении брат сломал шею. К счастью, никто из тамплиеров не носил с собой удостоверение личности, но вот жилет был проблемой. Экипировка вроде этой свидетельствовала о профессиональной подготовке, но ничто не могло связать мертвеца с аббатством. Все братья знали устав. Если кто-то из них погибнет за пределами аббатства, тело останется неопознанным. Как это было с братом, прыгнувшим с Круглой башни. Несчастный случай в Ренне закончится в районном морге, останки будут предназначены для захоронения в общей могиле. Но перед этим процедура требовала от магистра прислать священника, который попросит выдать ему тело во имя Церкви, чтобы обеспечить христианские похороны. От подобного предложения никогда не отказывались, тем более что это не стоило государству ни копейки. И, не вызывая подозрений, этот поступок обеспечивал брату должное погребение.

Де Рокфор не сразу покинул Ренн, сначала обыскал дома Ларса Нелла и Эрнста Сковилля, но ничего там не нашел. Его люди доложили, что Жоффруа нес с собой рюкзак, который он передал Марку Неллу на автомобильной стоянке. Наверняка там были две украденные книги.

— Есть предположения, куда они направляются? — спросил Кларидон с заднего сиденья.

Де Рокфор указал на экран:

— Мы скоро узнаем.

Расспросив раненого брата, который подслушивал разговор Кларидона со Стефани и Жоффруа, он узнал, что Жоффруа почти ничего не сказал, явно подозревая Кларидона. Было ошибкой отправить Кларидона в дом Ларса Нелла.

— Вы заверили меня, что сможете добыть эти книги.

— Зачем они нам нужны? У нас есть дневник. Нам следовало бы сосредоточиться на

²² Сокр. Global Positioning System — глобальная система навигации и определения положения.

расшифровке того, что у нас есть.

Возможно, но его беспокоило, что Марк Нелл выбрал именно эти два тома из тысяч, находившихся в архивах.

— Что, если в них содержится информация, отличная от той, что есть в дневнике?

— Вы знаете, со сколькими версиями одного и того же я сталкивался? Вся реннская история — это сплошные противоречия. Позвольте мне изучить ваши архивы. Расскажите, что вы знаете, и посмотрим, что у нас есть.

Хорошая идея, но, к сожалению, вопреки тому, в чем ему удалось убедить орден, он почти ничего не знал. Де Рокфор рассчитывал, что магистр оставит преемнику письмо, в котором поведает желанную информацию, как это было со времен де Моле.

— У вас будет такая возможность. Но сначала мы должны разобраться с этим.

Он снова подумал о двух погибших братьях. Тамплиеры воспримут эти смерти как плохое предзнаменование. Для религиозного общества со строгой дисциплиной орден был поразительно суеверен. Насильственная смерть была необычным делом — и при этом за несколько дней погибли двое. Его лидерство может оказаться под сомнением. Слишком много, слишком быстро — вот что скажут. И ему придется выслушать все, потому что и сам он бросил вызов покойному магистру, в частности из-за того, что тот игнорировал пожелания братьев.

Де Рокфор попросил брата расшифровать показания GPS:

— Как далеко от нас их машина?

— Двадцать километров.

Он посмотрел в окно. К XII веку тамплиеры построили в этих краях много поместий, которые составляли больше трети всех их владений. Весь Лангедок должен был стать государством тамплиеров. Он читал в Хрониках, что подобные планы существовали. Как выбирались места для постройки крепостей, сторожевых застав, хранилищ, крестьянских хозяйств и монастырей, связанных друг с другом сетью защищенных дорог. В течение двухсот лет могущество братства росло, и, когда ордену не удалось основать свое государство в Святой земле, в конце концов отдав Иерусалим мусульманам, тамплиеры направили свои устремления на Лангедок. И были на пути достижения цели, когда Филипп IV нанес предательский удар. Любопытно, Ренн-ле-Шато никогда не упоминался в Хрониках. Этот город никогда не играл роли в истории тамплиеров. Храмовники имели укрепления в других частях долины реки Од, но ничего не было около Rhedae, как в древности называли это возвышение. Но сейчас маленькая деревушка стала эпицентром событий, и все из-за амбициозного священника и любопытного американского ученого.

— Мы приближаемся к машине, — доложил водитель.

Де Рокфор приказал быть наготове. Остальные трое братьев, которых он взял с собой в Ренн, вернулись в аббатство, один из них был ранен в бедро выстрелом Жоффруа. В итоге трое ранены, двое убиты. Он отправил записку, что хочет собрать капитул по возвращении в аббатство. Нужно немедленно подавить любое недовольство, но перед этим ему необходимо узнать, куда направились его противники.

— Впереди, — сказал водитель. — В пятидесяти метрах.

Он посмотрел в окно и удивился выбору Малоуна и его сопровождающих. Странно, что они приехали сюда.

Водитель остановил машину, и братья выбрались наружу.

Вокруг были припаркованы автомобили.

Они прошли двадцать метров, и человек, несущий приемник, остановился.

— Здесь.

Де Рокфор устался на автомобиль.

— Это не та машина, на которой они уехали из Ренна.

— Сигнал сильный.

Брат поискал под днищем машины и обнаружил прикрепленный снизу жучок.

Де Рокфор покачал головой и посмотрел на стены Каркасона, вздымавшиеся в небо в

десяти метрах перед ним. Когда-то здесь был ров, сейчас покрытый травой и служивший автостоянкой для тысяч посетителей, ежедневно приезжавших посмотреть на один из последних городов, где сохранились средневековые крепостные стены. Потемневшие от времени камни стояли здесь, когда тамплиеры странствовали в иных землях. Эти камни были свидетелями Крестового похода против альбигойцев и многих последующих войн. И эти стены ни разу не были разрушены — воистину памятник силе.

Но это был также монумент разуму.

Он знал местную легенду, повествующую о временах, когда город еще контролировали мусульмане. Это было в VIII веке. С севера пришли франки, намереваясь вернуть себе город, и, по своему обыкновению, устроили продолжительную осаду. В одной из вылазок мавританский король был убит, и стены осталась защищать его дочь. Она была умна и создавала впечатление, что у нее огромное войско, заставляя немногие имевшиеся у нее полки перемещаться от башни к башне и набивая одежды погибших воинов соломой. В конце концов, у обеих сторон закончились вода и еда. Дочь короля приказала взять последнюю оставшуюся свинью и накормить ее последним бушелем зерна. Затем эту свинью выбросили за стены, она разбилась о землю, и из разорвавшегося живота хлынуло зерно.

Франки были в шоке. После такой длительной осады у неверных было еще так много еды, что они могли кормить свиней драгоценным зерном. Поэтому они сняли осаду и ушли.

Легенда, он был в этом уверен, но какой гимн изобретательности!

Коттон Малоун тоже проявил изобретательность, прикрепив датчик к другому автомобилю.

— В чем дело? — спросил Кларидон.

— Нас ввели в заблуждение.

— Это не их машина?

— Нет, месье. — Де Рокфор повернулся и пошел обратно к автомобилю. Куда они могли подеваться? Потом его осенила догадка. Он остановился. — Марк Нелл знал о Кассиопии Витт?

— Ош!, — отозвался Кларидон. — Он и его отец часто говорили о ней.

За последнее время Витт вмешалась трижды, и каждый раз на стороне Малоуна. Может быть, он почуял в ней союзника?

— Поехали. — Он продолжил путь к машине.

— Что мы теперь будем делать? — поинтересовался Кларидон.

— Молиться.

— О чем?

— Чтобы моя догадка оказалась верной.

ГЛАВА XLVI

Малоун был зол как черт. Хенрик Торвальдсен знал о происходящем намного больше и не сказал ему ничего! Он указал на Кассиопию:

— Она одна из ваших друзей?

— Мы давно знакомы.

— Ты был знаком с ней при жизни Ларса Нелла?

Торвальдсен кивнул.

— А Ларс знал о ваших отношениях?

— Нет.

— Значит, ты и из него тоже делал идиота. — Голос Малоуна звенел от ярости.

Датчанин почувствовал себя неловко и попытался оправдаться.

— Коттон, я понимаю твоё раздражение. Но не стоит судить так прямолинейно. Надо посмотреть на ситуацию с разных точек зрения. Я уверен, когда ты работал на правительство Соединенных Штатов, ты делал то же самое.

Малоун не купился на наживку.

— Кассиопия следила за Ларсом. Он знал о ней, и, с его точки зрения, она была помехой. Но ее истинной целью было защитить его.

— Почему было не сказать ему об этом?

— Ларс был упрямым человеком. Для Кассиопии было проще присматривать за ним незаметно. К сожалению, она не могла защитить его от себя самого.

Стефани выступила вперед, готовая к битве.

— Вот что было характерно для его окружения. Сомнительные мотивы, готовность к предательству, обман.

— Вы оскорбляете меня, — уставился на нее Торвальдсен. — Особенно учитывая то, что Кассиопия присматривала и за вами тоже.

С этим Малоун не мог поспорить.

— Надо было сказать нам.

— А смысл? Насколько я помню, вы оба намеревались приехать во Францию — в первую очередь вы, Стефани. И чего бы я добился? Вместо этого я проследил, чтобы Кассиопия была неподалеку, на случай если она вам понадобится.

Малоун не собирался принимать эту жалкую попытку объяснения.

— Уж во всяком случае, Хенрик, ты мог бы дать нам информацию о Раймоне де Рокфоре, которого вы оба явно знаете. А так мы поехали вслепую.

— Мы мало что можем рассказать, — вступила в разговор Кассиопия. — Когда Ларс был жив, братья просто наблюдали за ним. Я никогда не вступала в контакт с де Рокфором. Это случилось только в последние дни. Я знаю о нем не больше вашего.

— Тогда как вы предугадывали его передвижения в Копенгагене?

— Я просто следовала за вами.

— Я не догадывался.

— Я хорошо делаю то, за что берусь.

— В Авиньоне вы были не так хороши. Я засек вас в кафе.

— Ага, эта ваша уловка с салфеткой, которую вы уронили и, поднимая, засекли, что за вами следят? Естественно. Я хотела, чтобы вы знали, что я здесь. Когда я увидела Кларидона, я поняла, что де Рокфор где-то поблизости. Он годами следил за Ройсом.

— Кларидон рассказывал нам о вас, — заметил Малоун. — Но он не узнал вас в Авиньоне.

— Он никогда меня не видел. Он знает только то, что рассказывал ему Ларс.

— Кларидон этого не говорил, — вмешалась Стефани.

— Ройс многое упустил, я уверена. Ларс никогда не осознавал этого, но Ройс представлял собой более серьезную проблему, чем я.

— Мой отец ненавидел вас, — с презрением сказал Марк.

Кассиопия одарила его холодным взглядом.

— Ваш отец был блестящим ученым, но плохо разбирался в человеческой природе. Он смотрел на мир упрощенно. Тайны, которые он расследовал и которые вы изучали после его смерти, — намного более сложные и опасные, чем вы с ним представляли. Это поиски знаний, из-за которых умирали люди.

— Марк, — произнес Торвальдсен, — то, что Кассиопия говорит о твоём отце, — правда, я уверен, ты понимаешь это.

— Он был хорошим человеком, верившим в свое дело.

— Это так. Но при этом он был слишком увлечен своим делом. Ты никогда не знал, что мы с ним были близкими друзьями, и я сожалею, что нам с тобой не довелось узнать друг друга в те дни. Но твой отец хотел, чтобы наши с ним контакты оставались в тайне, и я уважал его желания даже после его смерти.

— Вы могли бы сказать мне, — заметила Стефани.

— Нет, не мог.

— Тогда почему вы с нами сейчас разговариваете?

— Когда вы с Коттоном улетели из Копенгагена, я направился прямо сюда. Я понимал,

что вы рано или поздно найдете Кассиопию. Вот почему она оказалась в Ренне две ночи назад — привлечь ваше внимание к себе. Сначала я намеревался оставаться в тени, чтобы вы не знали о наших связях, но потом передумал. Все зашло слишком далеко. Вы должны узнать правду, поэтому я здесь.

— Как мило с вашей стороны, — съязвила Стефани.

Малоун не отрываясь смотрел в глаза Торвальдсена. Старик был прав. Он сам много раз стравливал своих врагов. Стефани тоже.

— Хенрик, я не играл в эти игры больше года. Я ушел, потому что больше не хотел этим заниматься. Нечестные правила игры, слабые шансы. Но сейчас я жутко голоден и, должен признаться, заинтригован. Так что давайте поедим, и вы поведаете истины, которые нам следует узнать.

На ланч был жареный кролик, приправленный петрушкой, тимьяном и майораном, поданный со свежей спаржей, салат и смородиновый десерт с ванильными сливками. Наслаждаясь едой, Малоун пытался оценить ситуацию. Их хозяйка была очень приветлива, но его это не тронуло.

— Вы доставили де Рокфору изрядно неприятностей во дворце прошлой ночью, — заметил он. — Где вы научились этим штучкам?

— Я самоучка. От отца я унаследовала смелость, а мать одарила меня проницательностью и умением проникать в мысли мужчин.

Малоун улыбнулся:

— Однажды вы можете ошибиться.

— Я рада, что вас беспокоит мое будущее. Вы когда-нибудь *ошибались*, будучи американским агентом?

— Несколько раз, и иногда из-за этого гибли люди.

— Например, сын Хенрика?

Он был возмущен этим выпадом.

— Людям тогда дали неправильную информацию. Неверная информация ведет к неверным решениям.

— Молодой человек погиб.

— Кай Торвальдсен оказался в неправильном месте в неправильное время, — уточнила Стефани.

— Коттон прав, — вмешался Хенрик, оторвавшись от тарелки. — Мой сын погиб, потому что не был готов к опасности. Коттон был там и сделал, что смог.

— Я не хотела сказать, что это его вина, — попыталась оправдаться Кассиопия. — Просто мистер Малоун попытался учить меня, как мне вести дела. Я всего лишь спросила, как он управлялся со своими. В конце концов, он ведь ушел.

Торвальдсен вздохнул.

— Простите ее, Коттон. Она одарена блестящим умом, художественными талантами, музыкальными способностями, коллекционирует антиквариат. Но к сожалению, унаследовала отцовскую нехватку хороших манер. Ее мать, да благословит Бог ее душу, была более утонченной.

— Хенрик считает себя моим приемным отцом.

— Вам повезло, — заметил Малоун, внимательно ее разглядывая, — что я не пристрелил вас в Ренне.

— Я не ожидала, что вы так быстро выберетесь из башни Магдала. Я уверена, что управляющие этих владений очень расстроились из-за разбитого окна. Это был оригинал, я полагаю.

— Я жду, хочу услышать правду, о которой вы говорили, — обратилась Стефани к Торвальдсену. — В Дании вы просили меня оставить мои предубеждения по поводу того, что вы и Ларс считали важным. Теперь мы видим, что вы связаны с этим делом в намного большей степени, чем кто-либо из нас осознавал. Без сомнения, вы понимаете причины

нашей подозрительности.

Торвальдсен отложил вилку.

— Ладно. Насколько хорошо вы знаете Новый Завет?

Станный вопрос, подумал Малоун. Но он знал, что Стефани — верующая католичка.

— Оно состоит из четырех Евангелий — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, рассказывающих о жизни Иисуса Христа.

Торвальдсен кивнул:

— История объясняет, что Новый Завет, каким мы его знаем, был составлен в течение первых четырех веков после Христа и стал способом обобщить христианское послание. В конце концов, «католический» — означает «всеобщий». Помните: в отличие от сегодняшней жизни, в Древнем мире политика и религия были одним и тем же. По мере того как язычество приходило в упадок, люди начали стремиться к чему-то новому. Последователи Христа, которые были простыми иудеями, имели свой взгляд на произошедшее и создали свою версию Слова Божьего. То же самое сделали и гностики, и масса других появившихся сект. Основная причина, почему именно католическая версия стала самой массовой, в то время как остальные зачахли, заключается в том, что католики смогли распространить свою веру повсеместно. Они придали своим Евангелиям такой авторитет, что со временем никто не мог поставить их под сомнение, не рискуя быть обвиненным в ереси. Но в Новом Завете есть много странностей.

Библия была любимым чтением Малоуна. Он читал ее и многие книги, посвященные историческому анализу священной книги, и знал обо всех неточностях и неувязках. Каждое Евангелие было темной смесью фактов, слухов, легенд и мифа, на которые к тому же оказали влияние бесчисленные переводы, издания и литературные обработки.

— Если помните, христианская церковь формировалась в римском мире, — подхватила Кассиопия. — Чтобы привлечь последователей, Отцы Церкви должны были конкурировать не только с разнообразными языческими верованиями, но и с их собственной иудейской верой. Им также надо было отделить себя от всех. Для этого Иисус должен был быть больше чем просто пророком.

Малоун начинал терять терпение.

— То, что вы рассказываете, имеет отношение к происходящим сейчас событиям?

— Подумайте, чем обернется для христианства обнаружение останков Иисуса, — ответила Кассиопия. — Религия, которая вертится вокруг Христа, умершего на кресте, воскресшего и вознесшегося в небеса.

— Это убеждение — дело веры, — спокойно произнес Жоффруа.

— Он прав, — поддержала Стефани. — Это определяет вера, не факт.

Торвальдсен покачал головой:

— Давайте уберем этот элемент из уравнения, поскольку вера отрицает логику. Подумайте только. Если человек по имени Иисус существовал, откуда хроникеры Нового Завета могли знать подробности о Его жизни? Возьмите хотя бы проблему с языками. Ветхий Завет был написан на иврите. Новый — на греческом, а любые источники, если таковые существовали, могли быть только на арамейском. Потом проблема с самими источниками. Матфей и Лука повествуют об искушении Христа в пустыне, но Иисус был один, когда это случилось. И молитва Иисуса в Гефсиманском саду. Лука говорит, что Он произнес ее, уйдя от Петра, Иакова и Иоанна *на расстояние брошенного камня*. Когда Иисус вернулся, его ученики спали, и его самого немедленно арестовали и потом распяли. Нет ни слова о том, что Иисус когда-либо упоминал о молитве или искушении в пустыне. Тем не менее мы знаем об этом в подробностях. Откуда?

Все Евангелия рассказывают о том, что ученики сбежали, когда Христа арестовали, — так что никто не присутствовал при этом, — и тем не менее во всех четырех Евангелиях подробно описано распятие. Откуда эти подробности? Что делали римские солдаты, что делали Пилат и Симон... Как авторы Писания могли узнать об этом? Верующий скажет, что это Божье вдохновение. Но все четыре Евангелия, так называемые Слова Бога, противоречат

друг другу в большей степени, чем совпадают. Почему Бог допустил эту путаницу?

— Наверное, не нам судить, — задумчиво сказала Стефани.

— Слушайте дальше, — продолжал Торвальдсен. — В Священном Писании слишком много противоречий, чтобы не обращать на них внимания. Давайте посмотрим на него в целом. Евангелие от Иоанна упоминает много такого, о чем остальные три — так называемые синоптические — Евангелия не говорят ни слова. Манера изложения у Иоанна также иная, более утонченная. Но более явные расхождения встречаются у Матфея и Луки. Только эти два автора рассказывают о рождении Иисуса и его родителях и даже в этом противоречат. Матфей говорит, что Иисус был аристократом, происходившим из царского рода Давида. Лука подтверждает связь с Давидом, но указывает, что Христос принадлежал к менее знатному сословию. Марк пошел совершенно в другом направлении и создал образ бедного плотника.

Рождение Иисуса тоже описывается по-разному. Лука рассказывает о приходе пастухов. Матфей называет их мудрецами. Лука говорит, что святое семейство обитало в Назарете, а к моменту рождения находилось в Вифлееме, где Христос родился в яслях. Матфей упоминает, что семья Иисуса была состоятельной и жила в Вифлееме, где и родился Христос, но не в яслях, а в доме.

Но самые большие противоречия встречаются в описании распятия. Евангелия не приходят к единому мнению даже по дате. Иоанн говорит, что это случилось в день перед Пасхой, остальные — день спустя. Лука описывает Христа кротким и смиренным. *Ягненком*. Лука — совершенно по-другому, для него Иисус *принес не мир, но меч*. Даже последние слова Спасителя записаны по-разному. Матфей и Марк указывают: «Бог мой, Бог мой, почему ты оставил меня?» Лука пишет: «Отец, в руки твои я вверяю мой дух». Иоанн еще лаконичнее: «Кончено».

Торвальдсен сделал паузу и глотнул вина.

— А история воскресения совершенно запутана. Каждое Евангелие дает свою версию, кто пришел к гробнице, что там нашли — даже в днях недели путаница. И что касается явления Иисуса после воскресения — все Евангелия описывают его по-разному. Вам не кажется, что Бог мог бы быть более последователен в своем Слове?

— Разночтения в Священном Писании были предметом изучения во множестве книг, — заметил Малоун.

— Действительно, — сказал Торвальдсен. — И эти противоречия были в нем с самого начала. В древности на них не обращали внимания, поскольку четыре Евангелия редко встречались вместе. Вместо этого они распространялись в христианском мире поодиночке: где-то одна версия была более подходящей, где-то другая. Что действительно в некоторой степени объясняет разночтения. Помните, основная идея Евангелий не передать неоспоримую биографию Спасителя, а показать, что Иисус — это Мессия, предсказанный в Ветхом Завете.

— Разве Евангелия не запечатлели то, что до этого передавалось из уст в уста? — спросила Стефани. — Ошибки вполне естественны.

— Без сомнения, — подхватила беседу Кассиопия. — Ранние христиане верили, что Иисус скоро вернется и наступит конец света, поэтому не видели необходимости что-то записывать. Но спустя пятьдесят лет, когда Спаситель все еще не вернулся, стало важным зафиксировать жизнь Иисуса. Именно тогда было написано самое раннее Евангелие, от Марка. Следующими были Матфей и Лука, около восьмидесятого года после Рождества Христова. Иоанн создал свое Евангелие намного позднее, в самом конце первого века, вот почему оно так отличается от остальных.

— Если бы Евангелия полностью совпадали, разве это не было бы подозрительно? — спросил Малоун.

— Эти книги не просто противоречивы, — ответил Торвальдсен. — Это четыре разные версии Слова.

— Это вопрос веры, — повторила Стефани.

Кассиопия нахмурилась:

— Какие бы вопросы ни вызывали библейские тексты, ответ простой. *Это вера*. Мистер Малоун, вы юрист. Если бы свидетельства Матфея, Марка, Луки и Иоанна были представлены в суде как доказательство существования Иисуса, что бы решили присяжные?

— Все четверо упоминают Иисуса.

— А если бы тому же суду предстояло решить, какая из книг верна, к чему бы они пришли?

Он знал правильный ответ.

— Все четыре.

— А как вы оцениваете расхождения в свидетельствах?

Малоун не ответил, потому что не знал, что сказать.

— Однажды Эрнст Сковилль провел исследование, — продолжил Торвальдсен. — Ларс рассказывал мне о нем. Сковилль определил, что в текстах Евангелий от Матфея, Марка и Луки есть расхождения от десяти до сорока процентов в каждом абзаце, который вы попробуете сравнить. *В каждом абзаце*. А если сравнивать с Евангелием от Иоанна, то процент будет еще больше, поскольку его Евангелие не синоптическое. Так что вопрос Кассиопии справедлив, Коттон. Могут ли эти четыре свидетельства иметь доказательную силу в каком-то вопросе, помимо подтверждения того, что человек по имени Иисус, возможно, существовал?

Малоун почувствовал себя обязанным заметить:

— Нельзя ли объяснить все расхождения тем, что авторы просто вольно обошлись с устной традицией?

Торвальдсен кивнул:

— Это разумное объяснение. Но то, что мешает его принять, — это раздражающее слово «вера». Понимаете, для миллионов людей Евангелия — это не устная традиция иудеев-радикалов, основавших новую религию, стремившихся обратить в свою веру других и усовершенствовавших свою сказку дополнениями и сокращениями в соответствии с потребностями времени. Нет. Священное Писание — это Слово Бога, и Воскресение — его краеугольный камень. Господь послал Своего сына умереть ради них и затем физически воскреснуть и вознестись в небеса — это отделяет христианство от остальных религий.

Малоун посмотрел на Марка.

— Тамплиеры верят в это?

— В вероучении тамплиеров есть элементы гностицизма. На каждой ступени обучения братья получают новые знания, и только самые высшие знают все. Но с утратой Великого Завещания после чистки в тысяча триста седьмом году это знание утрачено.

Малоун любопытствовал:

— Что сейчас они думают об Иисусе Христе?

— Для тамплиеров Ветхий и Новый Завет равноценны. С их точки зрения, иудейские пророки в Ветхом Завете предсказали появление Мессии, и авторы Нового Завета запечатлели, как это предсказание осуществилось.

— Так же считают и иудеи, — добавил Торвальдсен, — от лица которых я могу говорить, поскольку являюсь одним из них. Христиане веками утверждали, что иудеи не узнали Мессию, когда Он пришел, и поэтому Бог сотворил новый Израиль в виде христианской церкви — чтобы она заменила иудейский Израиль.

— «И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших»,²³ — пробормотал Малоун.

Торвальдсен кивнул:

— Этой цитатой прикрывались два тысячелетия, чтобы убивать евреев. Что мог этот народ ждать от Бога, когда они отвергли Его собственного сына — их Мессию?

²³ От Матфея святое благовествование, 27:25.

— Поэтому в конце концов христиане отделились от своего прошлого. Они переименовали одну часть Библии в Ветхий Завет, вторую — в Новый. Одну для евреев, вторую для христиан. Двенадцать колен Израилевых в Ветхом Завете были заменены двенадцатью апостолами в Новом. Языческие и иудейские верования были ассимилированы и изменены. Согласно Новому Завету, Иисус исполнил пророчества Ветхого Завета, таким образом доказав свою мессианскую сущность. Идеальный комплект: правильное послание, приспособленное под нужную аудиторию, — и это позволило христианам безоговорочно доминировать в западном мире.

Появились официанты, и Кассиопия дала знак унести тарелки. Бокалы вновь наполнились вином, и был подан кофе. Когда последний официант вышел, Малоун спросил Марка:

— Тамплиеры верят в воскресение Христа?

— Какие тамплиеры?

Странный вопрос, удивился Малоун.

— Сегодняшние — да, конечно. С некоторыми исключениями, орден придерживается традиционного католического учения. Существуют некоторые дополнения, необходимые для того, чтобы утвердить устав, как свойственно всем монашеским обществам. Но в тысяча триста седьмом году? Понятия не имею, во что они верили. Хроники этих времен полны загадок. Как я уже говорил, только высшие чины ордена могли говорить на эту тему. Большинство тамплиеров были неграмотными. Даже Жак де Моле не умел читать и писать. Поэтому единицы контролировали мысли остальных. Конечно, тогда существовало Великое Завещание, так что я допускаю, что верили тому, что было подтверждено.

— Что за Великое Завещание?

— Хотел бы я сам знать. Информация о нем утеряна. Хроники говорят мало. Я полагаю, что это доказательство того, во что верил орден.

— Вот почему они ищут это? — спросила Стефани.

— До недавнего времени они не искали. Было слишком мало информации о том, где оно может быть. Но магистр поведал Жоффруа, что папа был на правильном пути.

— Почему де Рокфор так его жаждет? — поинтересовался Малоун.

— Обнаружение Великого Завещания, вне зависимости от того, что оно собой представляет, может способствовать повторному появлению тамплиеров в мире. Это знание может фундаментально изменить христианство. Де Рокфор также хочет расплаты за зло, причиненное ордену. Он хочет, чтобы католическая церковь была признана лицемерной и имя ордена очистили от клеветы.

Малоун был в недоумении.

— Что ты имеешь в виду?

— Одним из обвинений, выдвинутых против тамплиеров в тысяча триста седьмом году, было идолопоклонничество. Оно не было доказано. К тому же даже сейчас католики поклоняются образам постоянно, например Туринской плащанице.

Малоун вспомнил, что говорилось в одном из Евангелий о смерти Христа: *после того как его сняли с креста, его завернули в полотно* ²⁴ — такой святой символ, что Папа Римский впоследствии объявил, что мессе следует служить только над льняной скатертью. Туринская плащаница, о которой упомянул Марк, являет собой кусок саржевой ткани, на которой запечатлелся образ мужчины шести футов ростом, с острым носом, волосами до плеч, разделенными на прямой пробор, густой бородой и с ранами от распятия на руках, ногах, голове и многочисленными следами бича на спине.

— Изображение на плащанице, — сказал Марк, — это не Христос. Это Жак де Моле. Он был арестован в октябре тысяча триста седьмого года и в январе тысяча триста восьмого был распят на двери в парижском Тампле. Над ним решили поиздеваться за то, что он мало

²⁴ «И взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею» (От Матфея святое благовествование, 27:59)

верил в Иисуса как Спасителя. Пытку придумал великий инквизитор Франции Гийом Эмбер. Затем де Моле завернули в плащаницу, которую орден хранил в парижском Тампле и использовал во время церемоний посвящения. Теперь мы знаем, что молочная кислота и кровь из искалеченного тела де Моле смешались с ладаном, и так отпечатался этот образ. Есть даже современный пример. В тысяча девятьсот восемьдесят первом году в Англии больной раком оставил отпечатки своих рук и ног на простыне.

— Помнится, я читал, — заметил Малоун, — что в конце тысяча девятьсот восьмидесятых годов Церковь позволила подвергнуть Туринскую плащаницу осмотру под микроскопом и углеродному анализу. Результаты исследования показали, что это не мазки кистью. Углеродный анализ установил, что ткань относится не к первому столетию, а к периоду с конца тринадцатого до середины четырнадцатого веков. Тогда пресса подняла шумиху, и многие подвергли сомнению результаты анализов, утверждая, что образец был испорчен или это была позже отреставрированная часть оригинала.

— Изображение на плащанице соответствует де Моле, — продолжил Марк. — В Хрониках есть его описание. Ко времени, когда его подвергли пыткам, его волосы отросли, борода была нестрижена. Покров, в который заворачивали де Моле, забрал из Тампля один из родственников Жоффрея де Шарни. Де Шарни был сожжен на костре в тысяча триста четырнадцатом году вместе с де Моле. Его семья хранила ткань как реликвию и позднее заметила, что на ней отпечатался образ. Впервые плащаница была запечатлена на религиозном медальоне в тысяча триста тридцать восьмом году и обнародована в тысяча триста пятьдесят седьмом году. Когда ее первый раз показали, люди немедленно отождествили отпечатавшийся образ с Христом, и семья де Шарни не стала опровергать это. В конце шестнадцатого века Церковь присвоила плащаницу, объявив ее святой реликвией и *acheropita* — не созданной рукой человека. Де Рокфор хочет вернуть плащаницу. Она принадлежит ордену, а не Церкви.

Торвальдсен покачал головой:

— Глупость какая.

— Это его идея.

Стефани не собиралась скрывать раздражение:

— Урок Библии был захватывающим, Хенрик. Но я все еще жду, когда ты расскажешь правду о том, что здесь происходит.

Датчанин лишь улыбнулся.

— Считайте это проявлением моей нетерпеливости. — Стефани вытащила телефон. — Позвольте мне вам сказать. Если в ближайшие несколько минут я не получу внятные ответы, я позвоню в Атланту. Я сыта по горло Раймоном де Рокфором, так что мы предадим огласке эту охоту за сокровищами и покончим с этим безобразием.

ГЛАВА XLVII

— Ты не можешь сделать этого, — обратился Марк к матери. — Последнее, что нам надо, — это вмешательство правительства.

— Почему? — спросила Стефани. — Надо разобраться с этим аббатством. То, чем там занимаются, имеет мало отношения к религии.

— Напротив, — возразил Жоффруа дрожащим голосом. — Там царит великое благочестие. Жизнь братьев посвящена поклонению Богу.

— А в промежутках между молитвами вы учитесь работать с взрывчаткой, рукопашному бою и снайперской стрельбе. Несколько противоречиво, вам не кажется?

— Нет, — твердо сказал Торвальдсен. — С самого начала тамплиеры посвящали жизнь Богу и при этом были грозной военной силой.

Стефани не утратила своей решительности.

— Сейчас не тринадцатый век. У де Рокфора есть и программа действий, и сила, чтобы навязывать ее другим людям. Сегодня это называется терроризмом.

— Ты ни капли не изменилась, — констатировал Марк.
— Нет, не изменилась. Я все еще считаю, что тайные организации с деньгами, оружием и врагами — это проблема. Моя работа — разбираться с ними.

— Это тебя не касается.

— Тогда зачем твой магистр втянул меня в это?

Хороший вопрос, подумал Малоун.

— Мистер Малоун, — любезно сказала Кассиопия, — не хотели бы вы посмотреть, как реставрируется замок?

Очевидно, она хотела поговорить с ним наедине. Хорошо — у него тоже была парочка вопросов.

— С удовольствием.

Кассиопия отодвинула стул и встала из-за стола.

— Позвольте, я вам покажу. Это даст время остальным поговорить — что необходимо, как я вижу. Пожалуйста, будьте как дома. Мы с мистером Малоуном скоро вернемся.

Кассиопия повела его во двор, залитый ярким полуденным солнцем. Они неторопливо прогуливались по тенистой аллее по направлению к автостоянке и строившемуся замку.

— Когда мы закончим, — рассказывала Кассиопия, — замок будет точно таким, как семьсот лет назад.

— Большой труд.

— Люблю хорошо поработать.

Они прошли на стройплощадку через широкие деревянные ворота и вошли в какой-то сарай со стенами из песчаника, внутри которого помещалась современная диспетчерская. Снизу доносились запахи пыли, лошадей и отходов, там суеилось около сотни людей. Было полное ощущение, что он оказался в далеком прошлом.

— Уже заложили фундамент по всему периметру и строят западную защитную стену, — продолжила Кассиопия, указывая рукой. — Скоро приступим к угловым башенкам и центральным строениям. Но это занимает много времени. Нам приходится делать кирпичи и известку, обрабатывать камень и дерево точно так же, как семь веков назад, используя те же методы и инструменты и даже надевая такую же одежду.

— Пища у них тоже семивековой давности?

Она улыбнулась.

— У нас есть кое-какие современные удобства. — Она провела его по стройплощадке и вверх по склону холма на маленький уступ, откуда было все хорошо видно. — Я часто прихожу сюда. Сто двадцать мужчин и женщин трудятся здесь целый день.

— Ничего себе. Это же стоит кучу денег.

— Мелочь по сравнению с удовольствием созерцать историю.

— Ваше прозвище Инженер. Это они вас так называют? Инженер?

— Да, строители меня так прозвали. Я училась технологиям средневекового строительства. Сама создала проект постройки.

— Знаете, с одной стороны, вы нахальная сучка. Но с другой — с вами довольно интересно.

— Я поняла, мое замечание о том, что случилось с сыном Хенрика, было неуместным. Почему вы не отплатили мне тем же?

— За что? Вы понятия не имели, о чем говорили.

— Я попробую больше не делать поспешных суждений.

Малоун хмыкнул:

— Сомневаюсь, и я не такой чувствительный. Давно нарастил толстую шкуру. Приходится, в нашем-то бизнесе.

— Но вы ушли в отставку.

— Мы в отставку не уходим. Просто теперь я чаще нахожусь вне линии огня, чем на ней.

— Значит, вы помогаете Стефани Нелл чисто по-дружески?

— Это вас удивляет?

— Вовсе нет. На самом деле это полностью соответствует вашему характеру. Пришел его черед удивляться.

— Откуда вы знаете о моем характере?

— Когда Хенрик пригласил меня участвовать в этом деле, я многое узнала о вас. У меня есть друзья среди ваших бывших коллег. Все они отзывались о вас исключительно похвально.

— Приятно слышать, что меня помнят.

— Вы много знаете обо мне? — спросила Кассиопия.

— Самую малость.

— У меня много странностей.

— Тогда вы с Хенриком, должно быть, хорошо ладите.

Она улыбнулась:

— Вижу, вы хорошо его знаете.

— Как долго вы знакомы?

— С детства. Он знал моих родителей. Много лет назад он рассказал мне о Ларсе Нелле. То, над чем работал Ларс, меня очаровало. Так я стала его ангелом-хранителем, хотя он скорее считал меня демоном. К несчастью, я не смогла помочь ему в последний день его жизни.

— Вы там были?

Кассиопия отрицательно покачала головой:

— Он отправился на юг, в горы. Я была здесь, когда Хенрик позвонил мне и сказал, что его обнаружили мертвым.

— Он покончил с собой?

— Ларс был склонным к грусти и непростым человеком. Он находился в депрессии. Все эти любители, паразитировавшие на его трудах и искажавшие их до неузнаваемости... Загадка, которую он пытался разгадать, оставалась тайной. Так что — да, это возможно.

— От чего вы защищали его?

— Многие пытались посягнуть на результаты его исследований. Большинство из них были корыстными искателями сокровищ, кое-кто — лицемерами, но затем появились люди де Рокфора. К счастью, мне всегда удавалось скрыть от них свое присутствие.

— Теперь де Рокфор — их магистр.

Она нахмурилась:

— Это объясняет, почему он возобновил поиски. Теперь он распоряжается всеми ресурсами тамплиеров.

Она, похоже, ничего не знала о Марке Нелле и о том, где он жил последние пять лет, поэтому он рассказал ей и закончил:

— Марк проиграл на выборах новому магистру.

— Значит, между ними личная вражда?

— Отчасти да, но не только, — сказал он, глядя вниз, на запряженную лошадей тележку, которая тащилась по сухой земле к одному из построенных фрагментов стены.

— Работа, которую они сегодня делают, — для туристов, — прокомментировала она, заметив его интерес. — Часть шоу. Мы вернемся к серьезному строительству завтра.

— Знак внизу гласит, что на постройку потребуется тридцать лет.

— Вполне может быть.

Она была права, у нее и впрямь немало странностей.

— Я специально оставила дневник Ларса в Авиньоне, чтобы де Рокфор его подобрал. Он ошеломлен от этого заявления.

— Зачем?

— Хенрик хотел лично поговорить с Неллами. Вот почему мы здесь. Он также сказал, что вы честный человек. Я доверяю всего нескольким людям в этом мире, и Хенрик один из

них. Так что я поверю ему на слово и расскажу вам кое-какие вещи, которых больше никто не знает.

Марк слушал объяснения Хенрика Торвальдсена. Его мать тоже выглядела заинтересованной, но Жоффруа смотрел в стол немигающими глазами, словно в трансе.

— Пришло время, чтобы вы в полной мере узнали, во что верил Ларс, — рассказывал Хенрик Стефани. — Вопреки тому, что вы могли думать, он не был помешан на мифических сокровищах. В основе его изысканий лежала серьезная цель.

— Я оставлю без внимания ваше оскорбление, потому что хочу послушать, что вы скажете.

Во взгляде Торвальдсена выразилось раздражение, но он продолжил:

— Теория Ларса была проста, хотя на самом деле первоначальная идея не его. Большую часть сформулировал Эрнст Сковилль, по-новому посмотрев на Евангелия Нового Завета, особенно в той их части, где говорится о воскресении. Кассиопия начала заниматься этой темой позже.

Начнем с Евангелия от Марка. Это первое Евангелие, написанное около 70 года нашей эры, возможно единственное, которым обладали христиане после смерти Христа. В нем содержится шестьсот шестьдесят пять стихов, из них только восемь посвящены воскресению. Этому выдающемуся событию отводится только краткое упоминание. Почему? Ответ прост. Когда было написано Евангелие от Марка, легенда о воскресении только начинала формироваться, и Евангелие заканчивается без упоминания того, что ученики Христа верили, что он воскрес из мертвых. В рассказанной Марком версии произошедшего появляются только женщины, и они игнорируют приказ передать ученикам распоряжение идти в Галилею, где их встретит воскресший Христос. Вместо этого женщины в замешательстве убегают, никому не говоря о том, что увидели. Нет никаких ангелов, только юноша в белых одеждах провозглашает: «Он воскрес».²⁵ Никаких стражей, погребальных одежд и никакого воскресшего Бога.

— Свидетельство Матфея появилось десятилетием позже, — продолжал Торвальдсен. — К тому времени римляне завладели Иерусалимом и разрушили Храм. Многие иудеи спаслись бегством в эллинский мир. Ортодоксальные иудеи, оставшиеся в Святой земле, расценивали новых иудеев-христиан как проблему — наряду с оккупантами-римлянами. Между теми и другими существовала вражда. Евангелие от Матфея, вероятно, было написано одним из неизвестных христианских писцов. Евангелие от Марка оставило много вопросов, поэтому Матфей видоизменил историю, чтобы она соответствовала тому сложному времени.

Теперь посланник, объявивший о воскресении, становится ангелом. Он спускается с небес, сопровождаемый землетрясением, его вид как молния. Стражи поражены и пали ниц. Камень с гробницы отодвинут, и ангел становится на него. Женщины все еще охвачены ужасом, но он быстро сменяется ликованием. В отличие от изложения Марка они бросаются к ученикам, чтобы поведать, что произошло. Здесь впервые описан воскресший Господь. И что сделали женщины?

— Они обняли его ноги и поклонились ему, — тихо произнес Марк. — Потом Иисус явился своим последователям и объявил им: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле».²⁶ Он говорит им, что всегда будет с ними.

— Какая перемена, — продолжил Торвальдсен. — Иудейский Мессия по имени Иисус

²⁵ «И вошедши во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь». (От Марка святое благовествование, 16:5,6).

²⁶ От Матфея святое благовествование, 28:18.

теперь стал Христом для всего мира. У Матфея все описано более ярко. И больше чудес. Потом появляется Лука, где-то около девяностого года нашей эры. Иудейские христиане двигались все дальше и дальше от Иерусалима, поэтому Лука радикально изменил историю о воскресении в соответствии с новыми реалиями. Женщины снова у гробницы, но на этот раз они обнаруживают, что она пуста, и отправляются рассказать об этом ученикам. Приходит Петр и видит только брошенный саван. Потом Лука излагает историю, которой нет больше нигде в Библии. Она повествует о том, как Христос путешествовал под маской, встречался с некоторыми учениками, делил с ними пищу, а когда его узнали, стал невидимым. Описывается также более поздняя встреча со всеми учениками, когда они усомнились, что Он во плоти, тогда Он ест вместе с ними и потом исчезает. И только у Луки мы обнаруживаем описание того, как Иисус возносится в небеса. Что произошло? К истории о воскресении Христа добавилась история о вознесении.

Марк читал подобный анализ Писания в архивах тамплиеров. Ученые братья веками штудировали Слово, замечая ошибки, оценивая противоречия и выдвигая предположения, откуда произошли разногласия в именах, датах, местах и событиях.

— Потом Евангелие от Иоанна, — продолжал рассказывать Торвальдсен. — Написанное позже остальных, около сотого года от Рождества Христова. Тут также много изменений, как будто Иоанн повествует о совсем другом Христе. В этом варианте Он родился в Назарете, а не Вифлееме. Остальные три Евангелия рассказывают о трех годах пастырства, Иоанн говорит только об одном. Согласно Иоанну, Тайная вечеря имеет место за день до еврейской Пасхи, распятие — в день, когда приносят в жертву пасхального агнца. Опять-таки отличия от остальных Евангелий. Иоанн также переносит очищение храма со дня после Вербного воскресенья на начало духовного пастырства Христа.

Согласно Иоанну, Мария Магдалина тоже идет к гробнице и обнаруживает, что она пуста. Ей даже не приходит в голову мысль о воскресении, она думает, что тело украли. Только когда она возвращается вместе с Петром и остальными апостолами, то видит двоих ангелов. Потом ангелы превращаются в самого Иисуса Христа.

Обратите внимание, как меняются эти подробности, касающиеся гробницы. Юноша у Марка, облаченный в белое, трансформируется во впечатляющего вида ангела у Матфея, а у Луки вообще становится двумя ангелами, превращающимися в Христа. И видели ли воскресшего Господа в саду в первый день недели, как всегда говорят христианам? Марк и Лука говорят «нет». Матфей — «да». Иоанн сначала говорит «нет», но позже Его лицезреет Мария Магдалина. Совершенно ясно, в чем дело. Со временем история о воскресении обрастает все более и более чудесными подробностями, чтобы приспособиться к меняющемуся миру.

— Я полагаю, — вмешалась Стефани, — что вы не придерживаетесь принципа библейской непогрешимости?

— В Библии нет ничего точного. Это сказка, запутанная противоречиями, которую можно объяснить только через веру. Это могло работать тысячу или пятьсот лет назад, но сейчас это объяснение перестало быть приемлемым. Человеческий разум спрашивает. Ваш муж спрашивал.

— Так что же Ларс хотел сделать?

— Невозможное, — пробормотал Марк.

Его мать посмотрела на него с неожиданным пониманием.

— Но это его никогда не останавливало. — Ее голос был тихим и певучим, словно она только сейчас осознала истину, которая долгое время оставалась скрытой. — Во всяком случае, он был удивительным мечтателем.

— Но его мечты имели под собой основание, — возразил Марк. — Некогда тамплиеры знали то, что хотел узнать папа. Даже сейчас они читают и изучают Писания, не входящие в Новый Завет. Евангелие от Филиппа, Евангелие от Варнавы, Деяния Петра, Послания

апостолов, пастыря Гермаса,²⁷ Тайную книгу Иоанна, Евангелие от Марии, Дидахе.²⁸ И Евангелие от Фомы, которое, с их точки зрения, наиболее близко к подлинным словам Иисуса, поскольку оно не было искажено многочисленными переводами. Многие из этих так называемых еретических текстов открывают глаза. Именно это делало тамплиеров особенными. Вот что явилось настоящим источником их власти. Не богатство или мощь, а знание.

Малоун стоял в тени высоких тополей, осенявших уступ. Дул легкий ветерок, смягчая палящие солнечные лучи и вызывая в памяти осенние дни на пляже.

Он ждал, когда Кассиопия расскажет ему о том, чего больше никто не знает.

— Почему вы позволили де Рокфору заполучить дневник Ларса Нелла?

— Потому что он бесполезен. — В ее темных глазах скользнуло лукавство.

— Я думал, там содержатся тайные мысли Ларса. Информация, которую он не опубликовал. Ключ ко всему.

— Кое-что из этого правда, но это не ключ. Ларс написал его специально для тамплиеров.

— Кларидон знал об этом?

— Маловероятно. Ларс был скрытным человеком. Он ни с кем не делился всем, что знал. Однажды он сказал, что с такой работой, как у него, выживают только параноики.

— Откуда вы знаете об этом?

— Хенрик знал. Ларс никогда не рассказывал подробностей, но говорил Хенрику, что время от времени сталкивался с тамплиерами. Он даже считал, что ему доводилось общаться с магистром ордена. Они разговаривали несколько раз, но потом на сцене появился де Рокфор. И он был совершенно другой. Более агрессивный, менее терпимый. Так что Ларс написал этот дневник, чтобы де Рокфор на нем заикнулся, — подобно тому как сам Соньер оставлял ложные ключи.

— А магистр тамплиеров мог знать об этом? Когда Марка принесли в аббатство, у него с собой был дневник. Магистр держал его под замком до тех пор, пока месяц назад не отослал его Стефани.

— Трудно сказать. Но раз магистр послал тетрадь Стефани, он, видимо, рассчитывал, что де Рокфор опять начнет за ним охотиться. Ясно, что он хотел вовлечь Стефани в это дело, а что могло быть лучшей приманкой для нее?

Умно, был вынужден согласиться Малоун. И это сработало.

— Магистр наверняка считал, что Стефани задействует для достижения цели огромные ресурсы, находящиеся в ее распоряжении, — задумчиво сказала она.

— Он не знал Стефани. Она слишком упряма. Сначала она попытается разобраться сама.

— Но ты помог ей.

— Случайно.

— Счастливая случайность. Иначе мы бы никогда не встретились.

— Да, счастливая.

— Буду считать это комплиментом. Чтобы не ранить свои чувства.

— Сомневаюсь, что вы настолько ранимы.

— Вы хорошо справились в Копенгагене, — заметила она. — И в Роскиле тоже.

— Вы были в соборе?

— Да, некоторое время, но ушла, когда началась перестрелка. Я не могла помочь, не обнаружив свое присутствие, а Хенрик хотел сохранить это в тайне.

²⁷ Гермас (Hermas) (I–II вв. н. э.) — греческий христианский писатель.

²⁸ Дидахе (Didache) — учение Господа, переданное народам через 12 апостолов.

— А что, если бы я не смог разобраться с этими людьми?

— Да ладно. Вы? — Она улыбнулась ему. — Скажите мне, вы были поражены, когда тамплиер прыгнул с Круглой башни?

— Да уж, это не то зрелище, которое видишь каждый день.

— Он выполнил клятву. Оказавшись в ловушке, он предпочел погибнуть, но не выдать орден.

— Я полагаю, вы были там, потому что Хенрик узнал от меня о приезде Стефани.

— Отчасти. Когда пришла весть о внезапной кончине Эрнста Сковилля, я узнала от некоторых старожилов в Ренне, что он разговаривал со Стефани и она собирается во Францию. Это все энтузиасты Ренна, которые проводят дни за игрой в шахматы и фантазиями о Соньере. Они одержимы конспирологией. Сковилль хвастался, что собирается добыть дневник Ларса. Он недолго любил Стефани, хотя заставил ее поверить, что это не так. Очевидно, он тоже не был в курсе, что дневник на самом деле не имеет ценности. Его смерть вызвала у меня подозрения, поэтому я связалась с Хенриком и узнала, что Стефани собирается в Данию. Мы решили, что мне тоже следует лететь в Данию.

— А Авиньон?

— У меня есть источник в лечебнице. Никто не верил, что Кларидон сумасшедший. Обманщик, лицемер, недостойный доверия, — конечно. Но не безумец. Я следила за вами, пока вы не пришли к Кларидону. Мы с Хенриком знали, что в дворцовых архивах что-то есть, только не знали, что именно. Как Хенрик сказал за обедом, они с Марком никогда не встречались. С Марком было труднее иметь дело, чем с Ларсом. Он занимался поисками лишь время от времени. Что-то вроде способа почтить память отца. И никому не обмолвился и словом об этом. Они с Кларидоном общались какое-то время, но не близко. Потом, когда Марк исчез во время лавины, а Кларидон спрятался в психбольнице, я и Хенрик отступились.

— До сегодняшнего дня.

— Поиск продолжается, и на этот раз у нас могут появиться зацепки.

Он ждал объяснений.

— У нас есть книга с эскизом надгробия и «Читающий устав Каридад»...

— Литография у де Рокфора.

— Это не единственная копия картины. Я уже нашла ее в Интернете. Вместе мы на самом деле имеем шанс обнаружить то, что нашел Соньер, поскольку у нас впервые так много частей головоломки.

— И что мы будем делать, если что-нибудь найдем?

— Как мусульманка, я бы хотела поведать об этом миру. Как реалист, я не знаю. Историческое высокомерие христиан отвратительно. Для них любая другая религия — это всего лишь подделка. Удивительно, не правда ли. Вся история Запада определена жесткими правилами Церкви. Искусство, архитектура, музыка, литература, даже само общество стали слугами христианства. Это религиозное течение безусловно определило форму западной цивилизации, и, возможно, все это основано на лжи. Вы бы не хотели знать?

— Я не религиозен.

Ее тонкие губы снова изогнулись в улыбке.

— Но вы любопытный человек. Хенрик высоко отзывается о вашем мужестве и уме. Библиофил с эйдетической памятью. Ничего себе сочетание.

— Еще я умею готовить.

Кассиопия хмыкнула:

— Вы меня не обманете. Найти Великое Завещание — вы не можете остаться к этому равнодушными.

— Давайте скажем, что это будет весьма необычная находка.

— Ладно. Но если мы преуспеем, хотела бы я посмотреть на вашу реакцию.

— Вы так уверены, что есть что искать?

Она протянула руки к видневшимся вдали Пиренеям.

— Оно там, вне всякого сомнения. Соньер нашел его. Мы тоже можем.

Стефани еще раз осмыслила слова Торвальдсена о Новом Завете и повторила:

— Библию нельзя толковать буквально.

Торвальдсен покачал головой:

— С этим утверждением поспорили бы многие христианские вероучения. Для них Библия — это Слово Божье.

Стефани посмотрела на Марка:

— Твой отец считал, что Библия не является Словом Божиим?

— Мы много раз обсуждали это. Сначала я был верующим и спорил с ним. Но со временем я стал думать так же, как и он. Это собрание историй. Чудесных историй, сочиненных, чтобы направить людей к добродетельной жизни. В этих историях есть величие — если жить по моральным принципам, утверждаемым в них. Я не думаю, что необходимо считать это Словом Божиим. Достаточно того, что эти слова — истина на все времена.

— Возвышение Христа до божественного статуса было просто путем придать вес его посланию, — подхватил Торвальдсен. — После того как организованная религия взяла верх в третьем-четвертом столетиях, к первоначальной истории добавили так много, что уже невозможно выяснить, какова она была изначально. Ларс хотел изменить все это. Он хотел найти то, чем некогда владели тамплиеры. Много лет назад он впервые узнал о Ренн-ле-Шато и сразу же предположил, что Великое Завещание тамплиеров — это и есть находка Соньера. Поэтому он посвятил жизнь разгадке этой головоломки.

Стефани все еще была не убеждена.

— Почему ты думаешь, что тамплиеры что-то спрятали? Разве их не арестовали слишком быстро? Откуда у них было время что-то скрыть?

— Они были подготовлены, — ответил Марк. — Хроники ясно говорят об этом. То, что сделал Филипп Четвертый, имело прецедент. Ста годами раньше был случай с Фридрихом Вторым, королем Германии и Сицилии. В тысяча двести двадцать восьмом году он прибыл в Святую землю отлученным от церкви, что означало, что он не мог командовать Крестовым походом. Тамплиеры и госпитальеры оставались верны Папе Римскому и отказались следовать за ним. Его сторону держали только его тевтонские рыцари. В итоге он подписал мирный договор с сарацинами, в результате которого Иерусалим был поделен надвое. Храмовую гору, где располагалась штаб-квартира тамплиеров, согласно этому договору, отдали мусульманам. Так что можешь себе представить, какого мнения о нем были тамплиеры. Он был безнравственным, как Нерон, его все ненавидели. Он даже попытался похитить магистра ордена. Наконец он покинул Святую землю в тысяча двести двадцать девятом году. На пути к порту в Акре местные жители забрасывали его экскрементами. Он ненавидел тамплиеров. И когда вернулся на Сицилию — захватил собственность тамплиеров и арестовал многих. Все это было записано в Хрониках.

— Значит, орден был готов? — спросил Торвальдсен.

— Орден уже был свидетелем того, что может с ним сделать враждебный правитель. Филипп Четвертый был похож на Фридриха. В юности он хотел вступить в орден, но ему отказали. Он затаил пожизненную злобу на братство. В начале его правления тамплиеры спасли Филиппа, когда он пытался обесценить французскую валюту и народ восстал. Его укрыли в парижском Тампле. После этого он чувствовал себя обязанным тамплиерам, а такое мало кому по душе. Так что да, к октябрю тысяча триста седьмого года орден был готов. К несчастью, нет никаких записей о том, какие меры предосторожности были приняты. — Взгляд Марка вперился в лицо Стефани. — Папа отдал жизнь поискам разгадки.

— Ему это нравилось? — произнес Торвальдсен.

Отвечая датчанину, Марк не сводил глаз с матери.

— Это была одна из немногих вещей, действительно приносивших ему радость. Он хотел доставить радость своей жене и себе, но, к сожалению, ему не удалось ни первое, ни второе. Так что он решил выйти из игры. Оставить нас всех.

— Я никогда не хотела верить, что он совершил самоубийство, — ответила она сыну.
— Но мы никогда этого не узнаем?
— Может, и узнаете, — внезапно сказал Жоффруа. В первый раз за все время молодой человек поднял взгляд от стола. — Магистр сказал, что вы можете узнать правду о его смерти.
— Что ты знаешь? — спросила Стефани.
— Я знаю только то, что мне сказал магистр.
— Что он сказал тебе о моем отце? — Марка охватил гнев. Стефани не могла вспомнить, чтобы он так злился на кого-то, кроме нее.
— Что у вас будет возможность узнать. Больше ничего. — Жоффруа говорил тихо и примирительно. — Магистр велел мне быть терпимым к вашим чувствам. Он сказал, что вы мой начальник и я должен относиться к вам только с почтением.
— Но кажется, только у тебя есть ответы, — заметила Стефани.
— Нет, мадам. Я знаю только метки. Ответы, как сказал магистр, должны найти вы все вместе.

ГЛАВА XLVIII

Малоун последовал за Кассиопией в просторное помещение с потолком, укрепленным балками, и обшитыми панелями стенами, завешенными гобеленами, на которых были изображены кирасы, мечи, копья, каски и щиты. В длинной комнате, освещенной сверкающими канделябрами, возвышался черный мраморный камин. Из обеденной комнаты сюда пришли остальные, и он заметил необыкновенную серьезность на их лицах. Около окон стоял стол из красного дерева, на котором были разложены книги, документы и фотографии.

— Пришло время увидеть, к каким выводам мы можем прийти, — провозгласила Кассиопия. — На этом столе собрано все, что я смогла найти на интересующую нас тему.

Малоун рассказал остальным о дневнике Ларса и о том, что часть информации в нем фальшива.

— Включает ли это его слова о себе самом? — спросила Стефани. — Этот молодой человек, — она указала на Жоффруа, — прислал мне страницы из дневника, страницы, вырезанные его магистром. Там шла речь обо мне.

— Только вы можете знать, правду ли он сказал или нет, — ответила Кассиопия.

— Она права, — добавил Торвальдсен. — Дневник по большей части подделка. Ларс создал его как ловушку для тамплиеров.

— Еще одна вещь, которую вы удачно забыли упомянуть в Копенгагене, — едко сказала Стефани.

Торвальдсен не поддался на провокацию.

— Важно то, что де Рокфор считает дневник подлинным.

Спина Стефани выпрямилась.

— Вы сукин сын, нас могли убить, когда мы пытались вернуть его.

— Но не убили же. Кассиопия присматривала за вами.

— Думаете, это вас оправдывает?

— Стефани, неужели вы ни разу не утаивали информацию от ваших агентов?

Она придержала язык.

— Он прав, — заметил Малоун.

Она резко повернулась и уставилась на него.

— Сколько раз ты давала мне только часть картины? — продолжил он. — И сколько раз я потом жаловался, что нехватка информации могла меня убить? И что ты мне отвечала? «Привыкай». Тут то же самое, Стефани. Мне нравится это не больше, чем тебе, но я привык.

— Почему бы нам не перестать ссориться и не заняться делом? — предложила Кассиопия.

— И с чего нам начать? — спросил Марк.

— Я бы предложила начать с надгробия Мари д’Отпул де Бланшфор, тем более что у нас есть книга Штиблейна, которую Хенрик приобрел на аукционе. — Она указала на стол. — Вот она, открыта на странице с эскизом.

Они подошли ближе и начали рассматривать рисунок.

— В Авиньоне Кларидон объяснял нам это, — сказал Малоун и поведал им о неверной дате смерти — 1681 год вместо 1781, римской цифре MDCOLXXXI, в которую включен нуль, и о второй римской цифре — LIXLIXL, выгравированной в нижнем правом углу.

Марк взял карандаш со стола и записал на листке 59,59,50.

— Вот эти цифры в обратном порядке. Я опустил нуль в тысяча шестьсот восемьдесят первом. Кларидон прав, в римских цифрах не было нуля.

Малоун указал на греческие буквы на левом камне.

— Кларидон сказал, что это латинские слова, записанные греческими буквами. Он переписал их по-латыни, и получилось «Et in arcadia ego». «И в Аркадии я». Он полагал, что это может быть анаграмма, поскольку в самом предложении мало смысла.

Марк внимательно изучил слова, потом попросил Жоффруа передать ему рюкзак, откуда вытащил пакет, завернутый в полотенце. Он бережно развернул сверток и извлек маленький томик — кодекс. Его листы были сложены, затем сшиты и переплетены — пергамент, если Малоун не ошибался. Он никогда не видел подобную книгу так близко.

— Я взял это в архивах тамплиеров. Я обнаружил его несколько лет назад, вскоре после того как стал сенешалем. Он был написан в тысяча пятьсот сорок втором году одним из писцов аббатства. Это великолепная копия рукописи четырнадцатого века, в которой идет речь о том, как тамплиеры реформировались после чистки. Там также повествуется о времени с шестого декабря тысяча триста шестого до мая тысяча триста седьмого года, когда Жак де Моле был во Франции, но о его конкретном местопребывании было мало известно.

Марк бережно открыл древнюю книгу и осторожно пролистал ее, пока не нашел то, что надо. Латинская скоропись, состоящая из петель и завитушек, в которой слова соединяются в предложения без пробелов.

— Послушайте. «Наш Великий магистр, досточтимый и уважаемый Жак де Моле, встретил папского легата шестого июня тысяча триста шестого года с пышностью и обходительностью, предназначенной только для самых знатных. Послание гласило, что его святейшество Папа Клемент Пятый призывает магистра де Моле во Францию. Наш магистр намеревался подчиниться приказу и сделал все приготовления, но перед отбытием с острова Кипр, где находилась штаб-квартира ордена, узнал, что глава госпитальеров также был призван, но отказался, ссылаясь на необходимость быть со своим орденом во время конфликта. Это вызвало большие подозрения у нашего магистра, и он собрал капитул. Его святейшество также приказал, чтобы наш магистр отправился в путь инкогнито и с маленькой свитой. Это вызвало еще больше вопросов, поскольку было непонятно, почему его святейшество волнует, как наш магистр будет путешествовать. Затем нашему магистру прислали любопытный документ под названием „De Recuperatione Terrae Sanctae“ — „О возрождении Святой земли“. Эта рукопись была написана одним из законников Филиппа Четвертого и представляла собой план нового великого Крестового похода, который возглавит король-воин, чтобы отнять Святую землю у неверных. Это предложение противоречило планам нашего ордена и поставило под сомнение визит нашего магистра к королевскому двору. Наш магистр дал понять, что весьма не доверяет французскому монарху, хотя было бы глупо и недальновидно выражать свое недоверие за пределами Храма. Подозревая неладное, будучи осторожным человеком и памятуя о предательстве Фридриха Второго, наш магистр сделал все, чтобы обезопасить наше богатство и знание. Он молился, чтобы его подозрения оказались ошибочными, но считал нужным подготовиться. Он призвал брата Жильбера де Бланшфора и приказал ему унести сокровище Храма и скрыть его. Магистр поведал де Бланшфору: „Мы, вожди ордена, можем быть в опасности. Поэтому никто из нас не должен знать то, что ведомо тебе, и ты должен обеспечить, чтобы информация передавалась от тебя другим должным образом“. Брат де Бланшфор, будучи

ученым человеком, приступил к выполнению своей миссии и втайне спрятал все, чем владел орден. Его помощниками были четверо братьев, и они использовали четыре слова, по одному для каждого из них, в качестве сигнала. ET IN ARCADIA EGO. Но эти слова лишь прикрытие для подлинного послания. Перестановка букв открывает их настоящее задание. I TEGO ARCANA DEI». «Я скрываю тайны Бога», — произнес Марк, переводя последнюю строчку. — В четырнадцатом веке анаграммы были обычным делом.

— Значит, де Моле был подготовлен? — спросил Малоун.

Марк кивнул.

— Он прибыл во Францию с шестьюдесятью рыцарями, имея при себе сто пятьдесят тысяч золотых флоринов и двенадцать лошадей, навьюченных тюками с чеканным серебром. Он знал, что грядут неприятности. Деньги предназначались для того, чтобы выкупить себе путь из Франции. Но было еще кое-что, малоизвестное. Командором тамплиеров Лангедока был сеньор де Гот. Папа Клемент Пятый, вызвавший де Моле, в миру носил имя Бертран де Гот. Его матерью была Ида де Бланшфор, родственница Жильбера де Бланшфора. Так что де Моле был хорошо информирован.

— Это всегда помогает, — заметил Малоун.

— Де Моле также знал кое-что о Клементе Пятом. Перед тем как его избрали Папой Римским, Клемент встречался с Филиппом Четвертым. Король обладал властью сделать Папой того, кого пожелает. Перед тем как сделать Папой Клемента, он выдвинул шесть условий. Большинство из них касались самого Филиппа, который хотел гарантировать себе вседозволенность, но шестое относилось к тамплиерам. Филипп хотел уничтожить орден, и Клемент согласился.

— Интересное дело, — сказала Стефани. — Но сейчас мне кажется более важным то, что знал аббат Бигу. Он был тем человеком, который заказал надгробие Мари. Он мог знать о связи между семейной тайной де Бланшфоров и тамплиерами.

— Без сомнения, — отозвался Торвальдсен. — Мари д'Отпул де Бланшфор сама открыла ему этот секрет. Ее муж был прямым потомком Жильбера де Бланшфора. С тех пор как орден был подвергнут гонениям и тамплиеров стали сжигать на кострах, Жильбер де Бланшфор хранил тайну о местонахождении Великого Завещания. Так что этот семейный секрет наверняка связан с тамплиерами. Что еще это может быть?

Марк кивнул:

— Хроники рассказывают о повозках, которые двигались по Франции в сторону Пиренеев, сопровождаемые вооруженными людьми, переодетыми в крестьянскую одежду. Все, кроме трех, добрались до пункта назначения. К сожалению, нигде не упоминается о том, куда же они направлялись. Один-единственный ключ во всех Хрониках. *Где лучше всего спрятать камень?*

— Среди других камней, — ответил Малоун.

— Магистр тоже так говорил, — задумчиво сказал Марк. — Для разума четырнадцатого века самое очевидное укрытие было самым надежным.

Малоун рассматривал изображение надгробия.

— Значит, Бигу заказал эту могильную плиту с надписями, которые зашифрованно сообщают, что он скрывает тайны Бога, и разместил ее на глазах у всех. Где логика? Или мы что-то упустили?

Марк сунул руку в рюкзак и достал вторую книгу.

— Это доклад маршала ордена, написанный в тысяча восемьсот девяносто седьмом году. Он интересовался Соньером и в соседней деревне наткнулся на другого священника, аббата Жели, нашедшего криптограмму в своей церкви.

— Как и Соньер, — заметила Стефани.

— Верно. Жели расшифровал криптограмму и хотел, чтобы епископ узнал о том, что ему известно. Маршал выдал себя за посланца епископа и скопировал криптограмму, но ее разгадку оставил при себе.

Марк показал криптограмму, и Малоун внимательно рассмотрел ряды букв и символов.

— Для расшифровки нужен какой-то цифровой ключ?

Марк кивнул:

— Без ключа невозможно разгадать. Существуют миллионы возможных комбинаций.

— Такая же была в дневнике твоего отца, — сказал Малоун.

— Я знаю. Папа нашел ее в неопубликованной рукописи Ноэля Корбу.

— Кларидон нам рассказывал о ней.

— Это значит, что у де Рокфора эта криптограмма тоже есть, — сделала вывод Стефани. — Но это часть вымысла в дневнике Ларса?

— Все, о чем говорил Корбу, подозрительно, — объяснил Торвальдсен. — Он разукрасил историю Соньера, чтобы разрекламировать свой постоянный двор.

— Но как же рукопись, которую он написал? — заметил Марк. — Папа всегда считал, что там была правда. Корбу был близок с возлюбленной Соньера до самой ее смерти в тысяча девятьсот тридцать третьем году. Многие верили, что она ему кое-что рассказала. Вот почему Корбу никогда не напечатал свою рукопись. Она противоречила его художественной версии произошедшего.

— Но наверняка криптограмма в дневнике фальшивая? — произнес Торвальдсен. — Видимо, де Рокфор стремился заполучить дневник именно из-за нее?

— Мы можем только предполагать, — отозвался Малоун, заметив копию «Читающего устав Каридад» на столе. Он поднял репродукцию размером с открытку и стал рассматривать надпись под маленьким человечком в монашеской сутане, взгромоздившимся на стул и поднесшим палец к губам, призывая к молчанию.

АСАВОСЕ А° DE 1681.

Что-то было не так, и он тут же вспомнил, что дата на литографии в Авиньоне — 1687 год.

Он сказал им то, что вспомнил.

— Я провела утро, добывая информацию об этой картине, — начала рассказывать Кассиопия. — В конце тысяча девятьсот пятидесятих годов она погибла от огня, но перед этим полотно было очищено и подготовлено для выставки. Во время реставрационных работ было обнаружено, что тысяча шестьсот восемьдесят седьмой год на самом деле был тысяча шестьсот восемьдесят первым. Да, разумеется, литография в дворцовых архивах была сделана тогда, когда дата была неясной.

Стефани покачала головой:

— Это головоломка без ответа. Каждую минуту что-то меняется.

— Вы делаете именно то, что хотел магистр, — внезапно вмешался Жоффруа. Все уставились на него.

— Он сказал, что, когда вы все соберетесь вместе, все будет раскрыто.

Малоун был в замешательстве.

— Но твой магистр специально предупреждал, чтобы мы *опасались инженера*.

Жоффруа указал на Кассиопию.

— Возможно, вам следует опасаться ее.

— Что это значит? — поинтересовался Торвальдсен.

— Ее народ сражался с тамплиерами два столетия.

— На самом деле мусульмане побили братьев и заставили их собрать пожитки и покинуть Святую землю, — заявила Кассиопия. — А испанские мусульмане заботились о том, чтобы орден оставался в пределах Лангедока, в то время как тамплиеры стремились расширить свою сферу влияния на юге за Пиренеи. Так что ваш магистр был прав. Опасайтесь инженера.

— Что бы вы сделали, если бы нашли Великое Завещание? — спросил Жоффруа.

— Зависит от того, что оно собой представляет.

— Какое это имеет значение? В любом случае Завещание вам не принадлежит.

— Ты слишком нахален для простого члена ордена.

— Здесь многое поставлено на кон, и наименее важное — это ваши честолюбивые стремления доказать, что христианство — это ложь.

— Я не припоминаю, чтобы я говорила, что это мое честолюбивое стремление.

— Магистр знал.

Кассиопия раздраженно поморщилась — Малоун впервые видел, чтобы она была так взволнована.

— Твой магистр ничего не знал о моих мотивах.

— Скрывая их, — заявил Жоффруа, — вы только подтверждаете его подозрения.

Кассиопия взглянула на Хенрика:

— Этот молодой человек может стать проблемой.

— Его послал магистр, — пожал плечами Торвальдсен. — Ничего не поделаешь.

— Он вносит беспокойство, — решительно сказала Кассиопия.

— Может быть, — вмешался Малоун. — Но он часть происходящего, так что придется терпеть.

Она сохраняла спокойствие и безмятежность.

— Вы ему доверяете?

— Это не имеет значения, — ответил Марк. — Хенрик прав. Ему доверял магистр, и это единственное, что имеет значение. Даже если добрый брат иногда раздражает.

Кассиопия не стала продолжать эту тему, но было очевидно, что она это так не оставит. И Малоун не то чтобы был совсем не согласен с ней.

Он снова обратил свое внимание на стол и стал перебирать снимки, сделанные в церкви Марии Магдалины. Он заметил сад со статуей Девы и слова «Миссия 1891» и «Смирение, смирение», выгравированные на лицевой стороне перевернутой вверх ногами вестготской колонны. Пролистал крупные планы стадий распятия, задержавшись подольше на стадии десятой, где римский солдат играл в кости на плаще Христа, на гранях костей четко виднелись цифры три, четыре и пять. Потом он остановился на стадии четырнадцать, на которой двое мужчин несли тело Христа под покровом ночи.

Он припомнил, что Марк говорил ему в церкви, и задумался. Они несли его в гробницу или из нее?

Он покачал головой.

Что происходит, черт возьми?

ГЛАВА XLIX

Раймон де Рокфор нашел место раскопок в Живоре, которое было четко изображено на карте Мишлена, и приблизился к нему с осторожностью. Он не хотел информировать о своем присутствии. Даже если Малоуна и компании тут нет, Кассиопия Витт знает его. На лугу, служившем автостоянкой, они нашли «пежо» нужной модели и цвета, со стикером на стекле, обозначающим, что машина арендована.

— Они здесь, — сказал он. — Паркуйся.

Водитель повиновался.

— Я пойду посмотрю, что здесь происходит, — сказал он остальным двум братьям и Кларидону. — Ждите здесь и не показывайтесь на глаза.

Де Рокфор выбрался из машины. Приближался вечер, кровавый круг солнца медленно опускался за окружающие стены из известняка. Он глубоко втянул в себя воздух и посмаковал его прохладу, напомнившую ему аббатство. Они довольно высоко поднялись в горы.

Быстрый осмотр позволил ему обнаружить укрытую деревьями тропинку, и он решил, что надо идти в ту сторону, но по самой тропинке не пошел, прокладывая путь мимо высоких деревьев, по цветам и вереску, ковром покрывавшими землю. Окружающая земля некогда была владениями тамплиеров. На возвышавшемся неподалеку холме находилось одно из самых больших командорств в Пиренеях. Здесь была мастерская, одна из

нескольких, где братья трудились день и ночь, создавая оружие для ордена. Де Рокфор знал, что требовалось огромное мастерство, чтобы создать из дерева, кожи и металла щиты, которые было непросто пробить. Но подлинным другом брата-рыцаря был меч. Бароны часто любили свои мечи больше, чем собственных жен, и стремились сохранить один меч на всю жизнь. У братьев была такая же страсть, которую устав поощрял. Мечи тамплиеров тем не менее были не похожи на мечи баронов. Эфесы не были украшены золотом и жемчугами, без традиционных набалдашников, где в хрустале содержались святые мощи. У братьев-рыцарей не было нужды в подобных талисманах, потому что их сила происходила из преданности Богу и повиновения уставу. Их соратниками всегда были лошади, всегда умные и быстрые. Каждому рыцарю было дозволено иметь трех лошадей, за которыми надо было ежедневно ухаживать — кормить, поить и тренировать. Лошади были повсюду, где процветал орден, и рысаки, верховые и особенно боевые кони платили братьям-рыцарям за ласку и заботу необыкновенной преданностью. Он читал о том, как один брат вернулся домой из Крестового похода и даже родной отец не признал его, но верный жеребец узнал своего хозяина.

Тамплиеры садились только на жеребцов.

Ездить верхом на кобыле было немыслимо. Как выразился один рыцарь? «Женщина к женщине...»

Де Рокфор продолжал идти. Запах мускуса, доносившийся до него, тревожил воображение, и он почти слышал стук тяжелых копыт, приминавших нежный мох и цветы. Он попытался прислушаться, но мешал стрекот кузнечиков. Он предполагал, что тут могут быть камеры, но пока не заметил ни одной и двигался мимо высоких сосен, все дальше и дальше отходя от тропинки в глубь леса. Ему было жарко, глаза заливал пот. Где-то высоко наверху в расщелинах гор стонал ветер.

Монахи-воины, вот кем стали братья.

Ему нравилось это название.

Святой Бернар из Клерво оправдывал существование тамплиеров священной целью убивать нехристиан. «Ни причинение смерти, ни гибель во имя Христа не содержат в себе ничего преступного, а скорее приносят блистательную награду. Воин Христа убивает без угрызений, совести и умирает со славой. Он обнажает меч из-за святого дела. Он — орудие Бога для наказания злодеев и для защиты справедливости. Когда он убивает злодеев, это не человекоубийство, а кара виновного, и он считается законным палачом Христа».

Он хорошо знал эти слова. Их цитировали каждому посвященному. Он повторял их в уме, когда наблюдал за тем, как умирали Ларс Нелл, Эрнст Сковилль и Петер Хансен. Все они были еретиками. Людьми, стоявшими на пути ордена. Теперь в этот список следовало включить еще несколько имен. Тех мужчин и женщин в замке, который вырос перед его взглядом в уединенной ложине, обрамленной гребнями гор.

Он узнал кое-что о замке из информации, которую приказал добыть раньше, до того как покинул аббатство. Некогда, в XVI веке, это была королевская резиденция, один из многих домов Екатерины Медичи. Во время Революции он избежал разрушения благодаря своей изоляции. Так он и остался памятником Ренессансу — живописное скопление башенок, шпилей и отвесных крыш. Кассиопия Витт — женщина со средствами. Здания вроде этого требовали больших средств, чтобы купить их и содержать, и он сомневался, что она проводила экскурсии для того, чтобы заработать денег. Нет, это была частная резиденция надменной души, трижды вмешавшейся в его дела. Женщина, с которой следовало разобраться.

Но ему также были необходимы две книги, которыми завладел Марк Нелл.

Поэтому нельзя было действовать опрометчиво.

День подходил к концу, длинные густые тени падали на замок. Де Рокфор лихорадочно обдумывал, что делать.

Ему надо убедиться, что они все внутри. Его теперешняя позиция была слишком близко. Но он заметил в двухстах метрах отсюда густые буки, которые дадут ему отличный

вид на центральный вход и при этом скроют от посторонних глаз.

Следует иметь в виду — они могут ожидать его появления. Они знают, что Кларидон работает на него. Но они, возможно, не ждут его так скоро. И это хорошо. Ему надо было вернуться в аббатство. Капитул ждет его. Созван совет, который требует его присутствия.

Де Рокфор решил оставить двоих братьев для наблюдения. Пока этого будет достаточно.

Но он вернется.

ГЛАВА L

20.00

Стефани не могла припомнить, когда они с Марком последний раз просто сидели и разговаривали. Возможно, когда он был подростком. Вот как глубока была пропасть между ними.

Сейчас они уединились в комнате, расположенной в одной из башен замка. Марк распахнул четыре окна, ведущие на крошечные балкончики, впуская свежий вечерний воздух.

— Ты можешь верить или не верить этому, но я думаю о тебе и твоём отце каждый день. Я любила твоего отца. Но реннская история отдала его от меня. Она захватила его с головой. Со временем я начала злиться из-за этого.

— Я понимаю тебя. Правда понимаю. Чего я не понимаю, так это почему ты заставила его выбирать между тобой и делом его жизни.

Резкий тон Марка злил Стефани, но она заставляла себя сохранять спокойствие.

— В тот день, когда мы его похоронили, я осознала, насколько была не права. Но я не могла вернуть его.

— Я ненавидел тебя в тот день.

— Я знаю.

— Ты покинула Францию и просто уехала домой.

— Я думала, что ты этого хотел.

— Так и было. Но за последние пять лет у меня было много времени для размышлений. Магистр защищал тебя, хотя я только теперь понимаю, что он имел в виду. В Евангелии от Фомы Иисус говорит: «Тот, кто не возненавидел своего отца и свою мать, как я, не может быть моим [учеником], и тот, кто [не] возлюбил своего [отца и] свою мать, как я, не может быть моим [учеником]. Ибо моя мать... но поистине она дала мне жизнь».²⁹ Я начинаю понимать эти противоречивые высказывания. Я ненавидел тебя, мама.

— Но ты и любишь меня тоже?

Повисло молчание, раздиравшее её сердце.

Наконец он нарушил тишину:

— Ты моя мать.

— Это не ответ.

— Другого ты не получишь.

На его лице, так похожем на Ларса, отражались противоречивые эмоции. Она горько усмехнулась. Возможность требовать что-то была для неё давно утрачена.

— Ты все еще глава Magellan Billet? — поинтересовался Марк.

Стефани с благодарностью поддержала перемену темы.

— Да, но последние несколько дней я вела себя весьма опрометчиво. Мы с Коттоном привлекли слишком много внимания.

— Кажется, он хороший человек.

— Да. Я не хотела вовлекать его в это дело, но он настоял. Он долго работал на меня.

²⁹ От Фомы святое благовествование, 105.

— Хорошо иметь таких друзей.
— У тебя такой тоже есть.
— Жоффруа? Он скорее мой оракул, чем друг. Магистр заставил его поклясться в преданности мне. Зачем? Не знаю.
— Он будет защищать тебя ценой жизни. Это очевидно.
— Я не привык к тому, чтобы люди жертвовали ради меня жизнями.
Она вспомнила, что магистр написал ей в письме, о том, что Марку недостает решимости доводить свои битвы до конца. Она сказала об этом Марку. Он молча слушал ее.
— Что бы ты делал, если бы стал магистром? — полюбопытствовала она.
— Какая-то часть меня радовалась, когда я проиграл.
Она была удивлена:
— Почему?
— Я преподаватель, а не вождь.
— Ты человек, оказавшийся в центре важного конфликта. Другие люди ждут, когда этот конфликт разрешится.
— Магистр был прав насчет меня.
Она воззрилась на него с неприкрытым смятением.
— Твоему отцу было бы стыдно слышать это. — Она ожидала гневного возражения, но Марк сидел молча.
Некоторое время тишину нарушало только жужжание насекомых снаружи.
— Кажется, я убил человека сегодня, — прошептал Марк. — Что бы сказал папа?
Стефани подождала продолжения. Он ничего не рассказывал о том, что произошло, с тех пор как они покинули Ренн-ле-Шато.
— Коттон рассказал мне. У тебя не было выбора. Тому человеку был дан шанс, но он предпочел бросить тебе вызов.
— Я наблюдал, как его тело катится вниз. Странное чувство охватывает, когда ты знаешь, что только что отнял жизнь.
Она ждала, когда он объяснит.
— Я рад, что нажал на курок, потому что благодаря этому выжил. Но часть меня была в ужасе, потому что тот человек не выстрелил.
— Жизнь — это постоянный выбор. Он выбрал неправильный путь.
— Ты занимаешься этим все время? Принимаешь подобные решения?
— Я делаю свою работу, Марк. Тот человек сам выбрал свою судьбу.
— Нет. Ее выбрал де Рокфор. Он послал его на этот утес, зная, что будет стычка. Он сделал выбор за него.
— В этом и заключается проблема вашего ордена, Марк. Безусловная преданность — не самая хорошая вещь. Ни одна страна, ни одна армия, ни один вождь, требовавшие такую глупость, не выживали. Мои агенты делают выбор сами.
Опять воцарилось напряженное молчание.
— Ты права, — в конце концов пробормотал он. — Папа стыдился бы меня.
Стефани решила рискнуть:
— Марк, твоего отца больше нет. Он умер. Для меня и ты был мертв пять лет. Но теперь ты здесь. Есть ли в твоём сердце место прощению? — В ее голосе звучала мольба.
Он встал из кресла:
— Нет, мама. Нет.
И вышел из комнаты.

Малоун нашел убежище снаружи замка, в затененной арке, увитой зеленью. Тишину и покой нарушал только стрекот кузнечиков. Он наблюдал за темнеющим небом. Некоторое время назад Стефани отвела его в сторону и сказала, что делала запрос в Атланту насчет Кассиопии Витт и что ее имя не упомянуто ни в одной базе данных на террористов, имеющейся у правительства Соединенных Штатов. Она владеет трансконтинентальной

корпорацией со штаб-квартирой в Париже, включающей в себя широкий ряд предприятий стоимостью в миллиарды евро. Ее отец основал эту корпорацию, и она унаследовала контрольный пакет акций, хотя мало занималась текущей работой. Она также была председателем датского фонда, тесно сотрудничавшего с ООН по программе помощи больным СПИДом и голодающим, в частности в Африке. Ни одно иностранное правительство не расценивало ее как угрозу своей безопасности.

Малоун задумался.

Новые угрозы появлялись ежедневно и из самых неожиданных мест.

— Какая глубокая задумчивость.

Он поднял глаза и увидел Кассиопию, стоявшую около беседки. Она была одета в облегающий черный костюм для верховой езды, который ей необыкновенно шел.

— На самом деле я думал о вас.

— Я польщена.

Он кивнул на ее наряд:

— Я ломал голову, куда вы подевались.

— Я стараюсь ездить верхом каждый вечер. Это помогает мне думать.

Она вошла в его укрытие:

— Я построила это несколько лет назад в память о матери. Она любила проводить время вне замка.

Кассиопия села на скамейку напротив него. Малоун догадывался, что она пришла не просто так.

— Я заметила, что вы сомневаетесь в том, что слышали. Это из-за того, что вы не хотите подвергать сомнению вашу христианскую Библию?

На самом деле он не хотел говорить об этом, но она выглядела очень заинтересованной.

— Вовсе нет. Это потому, что вы хотите подвергнуть сомнению Библию. Похоже, каждый, кто вовлечен в это дело, имеет собственный интерес. Вы, де Рокфор, Марк, Соньер, Ларс, Стефани. Даже Жоффруа, который отличается от всех наличием четкого плана действий.

— Позвольте, я вам кое-что расскажу, и, может быть, вы поймете, что это не личное. По крайней мере, что касается меня.

Он усомнился в ее словах, но хотел выслушать доводы.

— Вы знаете, что за всю письменную историю в Святой земле был обнаружен только один скелет распятого человека?

Малоун покачал головой.

— Распятие было чуждым для иудеев наказанием. Они забрасывали камнями, сжигали, обезглавливали или удушали — вот какие виды смертной казни они использовали. Закон Моисея позволял повесить на дереве уже казненного преступника, как дополнительную кару.

— «...Ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]»,³⁰ — сказал он.

— А ты знаешь Ветхий Завет.

— Да, нас кое-чему учили там, в Джорджии.

Она улыбнулась:

— Но распятие было обычной формой смертной казни в Риме. В четвертом году до нашей эры Варрус распял больше двух тысяч человек. В шестьдесят шестом году нашей эры Флорус убил почти четыре тысячи. В семидесятом году Тит казнил пятьсот человек за один день. И при этом обнаружили только один распятый скелет. Это было в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, к северу от Иерусалима. Кости были датированы первым веком, что взволновало многие умы. Но это был не Иисус. Его звали Иоханан, он был ростом пять с половиной футов и возрастом от двадцати четырех до двадцати восьми лет. Мы узнали это из надписей на его урне. Он был привязан к кресту, а не прибит, и его ноги не были сломаны.

³⁰ Второзаконие, 21:23.

Вы понимаете значение этой детали?

Он понимал.

— На кресте умирали от удушья. Голова в конце концов падала вперед, и наступало кислородное голодание. Распятие было публичным унижением. Жертвы не должны были умирать слишком быстро. Поэтому для того чтобы оттянуть смерть, приделывали кусок дерева сзади — чтобы можно было присесть, или под ноги, чтобы можно было стоять на нем. Таким образом приговоренный мог поддерживать себя и дышать. Через несколько дней, если жертва еще не лишалась сил, солдаты перебивали ему ноги. Так он больше не мог поддерживать себя, и смерть приходила быстро.

Он вспомнил Евангелия.

— Распятые не должны были осквернить субботу. Иудеи хотели, чтобы тела Иисуса и двух разбойников, казненных вместе с Ним, сняли до наступления ночи. Поэтому Пилат приказал сломать ноги двум разбойникам.

Она кивнула.

— «Но, пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени...»³¹ Так сказано у Иоанна. Я всегда удивлялась, почему Христос умер так быстро. Он висел на кресте лишь несколько часов. Обычно распятые умирали несколько дней. И почему римские солдаты не сломали Ему ноги, как минимум, чтобы удостовериться, что он умер? Вместо этого, как написал Иоанн, Его бок пронзили копьем, и из раны хлынули кровь и вода. Но Матфей, Марк и Лука не упомянули об этом эпизоде.

— И что вы думаете?

— Из десятков тысяч казненных на кресте был обнаружен только один скелет. Причина проста. Во времена Иисуса похороны считались честью. Не было большего позора, чем оставить тело на съедение зверям. Все виды римской смертной казни — сжечь заживо, отдать на растерзание зверям или распять — имели одну общую черту. Не сохранялось тела, которое можно было похоронить. Жертвы распятия продолжали висеть, пока птицы не объедали их до костей, а то, что оставалось, хоронили в общей могиле. Тем не менее все четыре Евангелия сходятся на том, что Христос умер в три часа дня, потом был снят с креста и погребен.

Малоун начал понимать.

— Римляне бы так не поступили.

— Здесь начинается особенная путаница. Иисуса приговорили к смерти накануне субботы. Тем не менее Его приговорили к распятию — одной из самых медленных казней. Как кто-то мог предполагать, что он умрет до наступления ночи? В Евангелии от Марка говорится, что даже Пилат был удивлен такой быстрой смертью и спросил центуриона, все ли в порядке.

— Но ведь с Иисусом плохо обращались перед распятием.

— Иисус был сильным мужчиной в расцвете сил. Он привык проходить большие расстояния пешком в жару. Да, он был подвергнут бичеванию. Согласно закону, ему должны были нанести тридцать девять ударов. Но нигде в Евангелиях не сказано, что это количество было соблюдено. И после пыток он имел еще достаточно сил, чтобы убедительно обратиться к своим мучителям. Так что нет улик, указывающих на его плохое состояние. И при этом Иисус умер через три часа — и Его ноги не были сломаны, только Его бок пронзен копьем.

— Это пророчество, Иоанн говорит о нем в своем Евангелии. Он предсказал, что все, описанное в Писании, исполнится.

— Пророчество говорит об ограничениях, налагаемых еврейской Пасхой, и о том, что нельзя есть мясо за пределами дома. Его можно есть только в доме, не ломая костей. Это не имеет ничего общего с Иисусом. Отсылка Иоанна к этим словам — это слабая попытка установить связь с Ветхим Заветом. Разумеется, как я говорила, остальные три Евангелия не

³¹ От Иоанна святое благовествование, 19:33.

упоминают копьё.

— Полагаю, вы считаете, что Евангелия говорят неправду.

— Информация, содержащаяся в них, не имеет смысла. Они противоречат не только друг другу, но и истории, логике и здравому смыслу. Нам предлагают поверить, что распятый человек, с несломанными ногами, умер через три часа и потом ему оказали честь, похоронив. Разумеется, с религиозной точки зрения это все объяснимо. Ранние теологи стремились привлечь последователей. Им необходимо было возвысить человека Иисуса до бога Христа. Авторы Евангелий писали по-гречески и должны были знать мифологию. Осирис, супруг египетской богини Исиды, был подло убит в пятницу и через три дня воскрес. Почему Христос не мог сделать то же? Естественно, чтобы Христос мог воскреснуть, должно было сохраниться тело. Кости, обглоданные птицами и брошенные в общую могилу, не годились. Отсюда возникла история о погребении.

— Ларс Нелл пытался доказать, что Христос не воскрес из мертвых?

Кассиопия покачала головой:

— Понятия не имею. Я знаю только то, что тамплиеры владели какой-то информацией. Важной информацией, которая оказалась достаточно ценной, чтобы превратить отряд из девяти рыцарей в международную силу. Их экспансию питало знание. Знание, которое обнаружил Соньер. Я хочу знать, что это такое.

— Что это может быть за доказательство?

— Должно быть что-то такое. Вы видели церковь Соньера. Он оставил массу намеков, указывающих в одном направлении. Он нашел нечто, убедившее его скрыть это от тамплиеров.

— Вы гоняетесь за призраками.

— Неужели?

Малоун заметил, что вечер уже превратился в ночь, окружающие холмы и лес выглядели неясными силуэтами.

— Мы не одни, — прошептала Кассиопия.

Он посмотрел на нее вопросительно.

— Катаясь верхом, я ехала мимо одного горного уступа. Заметила там двоих человек. Один смотрел на юг, второй на север. Следили. Де Рокфор быстро вас нашел.

— Я и не рассчитывал, что уловка с жучком надолго его задержит. Он догадался, что мы направляемся сюда. И Кларидон наверняка указал ему дорогу. Они заметили вас?

— Сомневаюсь. Я была осторожна.

— Это становится опасным.

— Де Рокфору не хватает терпения, особенно когда он подозревает, что его обманывают.

— Вы имеете в виду дневник?

Женщина кивнула.

— Кларидон поймет, что там чепуха.

— Но де Рокфор нашел нас.

— Ему известно мало. Иначе он не стал бы следить за нами, а занялся бы поисками сам. Нет, мы ему нужны.

Ее доводы были разумными, как и все, что она говорила.

— Вы поехали кататься, ожидая заметить их?

— Я подумала, что за нами следят.

— Вы всегда так подозрительны?

Она взглянула ему в лицо:

— Только когда мне стремятся причинить вред.

— Я полагаю, у вас есть план?

— О да.

ГЛАВА LI

Аббатство де Фонтен
30 июня, понедельник
0.40

Раймон де Рокфор сидел перед алтарем в главной часовне, снова облаченный в официальную белую мантию. Скамьи перед ним были заполнены братьями, поющими слова, известные им с самого начала. Кларидон сидел в архивах, копался в документах. Он велел архивариусу дать этому глупцу доступ ко всему, что он пожелает, но при этом не спускать с него глаз. Доклад из Живора гласил, что в замке Кассиопии Витт тихо. Один из братьев следил за фасадом замка, второй — за задней стеной. Поскольку больше ничего пока нельзя было предпринять, он решил заняться своими обязанностями.

В орден должны были принять нового члена.

Семьсот лет назад любой неофит должен был быть законнорожденным, без долгов и физически годным к битве. Большинство из них были холостыми, но женатым даровался почетный статус. Преступники не были проблемой, отлученные от церкви тоже. И тем и другим даровалось искупление. Долг каждого магистра был увеличивать ряды братства. Устав четко гласил: «Если какой-либо светский рыцарь или другой человек желает оставить мирскую суету, не препятствуйте его вступлению в орден».

Но современный порядок посвящения брал начало в словах святого Павла. «Примите душу, если она от Бога». И кандидат, стоявший перед ним, представлял его первую попытку выполнить это указание. Ему претило, что такая славная церемония должна была проходить ночью и за закрытыми воротами. Но таков был путь ордена. Его наследием — он хотел, чтобы в Хрониках о нем было написано в первую очередь это, — будет возвращение к свету.

Пение прекратилось.

Де Рокфор встал с деревянного кресла, служившего тронem магистра с изначальных времен.

— Добрый брат, — обратился он к кандидату, стоявшему перед ним на коленях и положившему руки на Библию. — Ты просишь о великой милости. Ты видел только внешнюю сторону нашего ордена. Мы живем в этом роскошном аббатстве, хорошо едим и пьем. У нас есть одежда, лекарства, мы получаем образование и духовно совершенствуемся. Но при этом мы живем по строжайшим правилам. Заставить себя безоговорочно подчиняться другому человеку — трудно. Тебя могут разбудить, когда ты хочешь спать, и заставить лечь в кровать, когда ты хочешь бодрствовать. Ты должен идти куда приказано, даже если не хочешь. Ты едва ли сможешь делать то, что хочешь. Сможешь ли ты выносить эти трудности?

Молодой человек, около тридцати лет, уже коротко стриженный и чисто выбритый, поднял голову и произнес:

— Я вынесу все во имя Бога.

Он знал, что это обычный для ордена кандидат. Его нашли несколько лет назад в университете, один из братьев-наставников следил за его прогрессом, параллельно изучая его семью и его прошлое. Чем меньше было родственников и близких друзей — тем лучше, к счастью, мир изобиловал одинокими душами. Затем с ним вступили в прямой контакт, он согласился, и его начали постепенно наставлять в уставе и задавать вопросы, которые веками задавали кандидатам. Он женат? Помолвлен? Давал ли он когда-либо клятву или обет какому-либо другому религиозному обществу? Есть ли у него долги, которые он не в состоянии оплатить? Скрытые болезни? Есть ли обязательства перед другими людьми?

— Добрый брат, — продолжил де Рокфор, — в нашем обществе ты не должен стремиться к богатству, почестям или комфорту. Вместо этого ты должен стремиться к трем вещам. Первая — отвергнуть и отрицать мирские соблазны. Вторая — служить нашему Господу. И третья — бедность и смирение. Обещаешь ли ты Богу и Святой Деве, что до конца своих дней будешь повиноваться магистру этого храма? Что ты будешь жить в целомудрии и не иметь личной собственности? Что примешь порядки этого дома? Что ты

никогда не покинешь орден, ни из-за силы, ни из-за слабости, ни в лучшие времена, ни в худшие?

Эти слова произносились с начальных времен, и де Рокфор вспомнил, как тридцать лет назад их говорили ему. В его душе до сих пор горело пламя, некогда зажженное, — пламя, которое пожирало его изнутри. Быть тамплиером — это важно. Это что-то значило. И он намеревался проконтролировать, чтобы во время его правления каждый кандидат, надевающий плащ тамплиера, понимал важность и значение этого.

Он посмотрел на коленопреклоненного:

— Что ты скажешь, брат?

— De par dieu. Во имя Бога я сделаю это.

— Ты понимаешь, что ордену может потребоваться твоя жизнь? — После того, что произошло за последние дни, этот вопрос прозвучал еще более весомо.

— Без сомнений.

— И почему ты готов отдать жизнь за нас?

— Если так прикажет магистр.

Правильный ответ.

— И ты сделаешь это без возражений?

— Возражать — значит нарушать устав. Мой долг — повиноваться.

Он кивнул, и церемониймейстер извлек из деревянного сундука длинное саржевое одеяние.

— Встань, — повелел он кандидату.

Молодой человек, одетый в черную шерстяную рубаху до пят, поднялся на ноги.

— Сними одежду, — сказал де Рокфор, и неофит снял рубаху. Под ней оказались белая рубаха и черные брюки.

Церемониймейстер приблизился, держа в руках сутану.

— Ты сбросил покров материального мира, — объявил де Рокфор. — Теперь мы окутываем тебя одеянием нашего братства и празднуем твое возрождение в качестве брата нашего ордена.

Он сделал повелительный жест, церемониймейстер вышел вперед и обернул новопосвященного тканью. Де Рокфор много раз видел, как взрослые мужчины плакали в этот момент. Он сам с трудом сдержал слезы, когда его облачили в этот самый покров. Никто не знал, сколько лет этому покрову, но существовал один, сохранившийся со времен де Моле. Де Рокфор хорошо знал эту историю. После того как в парижском Тампле распятого Жака де Моле сняли с двери, его завернули в покров, использовавшийся до этого тамплиерами на церемонии посвящения. Де Моле пролежал без движения два дня, закутанный в эту ткань. У него не было сил даже пошевелиться, не то чтобы встать. Жидкости, сочившиеся из его тела, пропитали ткань и запечатлели изображение, которое пятьдесят лет спустя легковерные христиане приняли за образ Христа.

Он всегда думал, что судьба оказалась справедлива.

Магистр рыцарей-тамплиеров — глава якобы еретического ордена — стал прообразом, с которого все последующие художники писали Христа.

Справедливость восторжествовала.

Он перевел взгляд на собрание:

— Перед вами наш новый брат. Он облачен в покров, символизирующий возрождение. Мы все пережили этот миг, объединяющий нас друг с другом. Когда я был избран вашим магистром, я пообещал наступление нового дня, новый орден, новое направление. Я сказал вам, что отныне знание не будет привилегией меньшинства. Я обещал найти Великое Завещание.

Он выступил вперед.

— В эту самую минуту в наших архивах находится человек, который обладает нужными для нас знаниями. К сожалению, пока наш покойный магистр бездействовал, другие, не принадлежащие к нашему ордену, вели поиски. Я лично следил за их действиями

и передвижениями в ожидании часа, когда мы сможем присоединиться к этому поиску. — Он сделал паузу. — Это время пришло. Сейчас за стенами аббатства наши братья ведут поиск, и вы тоже присоединитесь к ним.

Держа речь, он перевел взгляд на капеллана. Это был итальянец с серьезным выражением лица, главное и самое высокопоставленное духовное лицо ордена. Капеллан возглавлял священников, которые составляли треть братства, — люди, избравшие жизнь, посвященную исключительно Христу. Слова капеллана имели большой вес, подкрепленный тем, что этот человек редко пользовался правом слова. Перед церемонией посвящения был созван совет, на котором капеллан выразил беспокойство по поводу недавних смертей.

* * *

- Ты слишком торопишь события, — заявил капеллан.
- Я делаю то, чего хочет орден.
- Ты делаешь то, чего желаешь ты сам.
- Разве это не одно и то же?
- Ты говоришь как предыдущий магистр.
- В этом он был прав. И хотя я во многом с ним не соглашался, я повиновался ему.

* * *

Он был возмущен прямотой капеллана, особенно перед лицом совета, но знал, что священника уважали многие.

* * *

- Чего бы ты хотел, чтобы я сделал?
- Берег жизни братьев.
- Братья знают, что их жизни могут потребоваться ордену.
- Сейчас не Средневековье. Мы не ведем крестовый поход. Эти люди посвятили себя Богу и обещали повиноваться тебе во имя Бога. У тебя нет права отнимать их жизни.
- Я намереваюсь найти наше Великое Завещание.
- Ради чего? Мы обходились без него семьсот лет. Оно не имеет значения.

* * *

Он был поражен.

* * *

- Как ты можешь говорить такое? Это наше наследие.
- Что оно может значить сегодня?
- Наше спасение.
- Мы уже спасены. Здесь живут только добрые души.
- Этот орден не заслуживает изгнания.
- Изгнание мы выбрали сами. Оно не тяготит нас.
- Меня тяготит.
- Тогда это твоя битва, а не наша.

* * *

В нем поднимался гнев.

* * *

- Я не желаю, чтобы со мной спорили.
— Магистр, не прошло и недели, а ты уже забыл, откуда ты.

* * *

Всматриваясь в лицо капеллана, де Рокфор пытался проникнуть в его мысли. Он не хотел, чтобы его приказы подвергали сомнению. Необходимо найти Великое Завещание. И ответы зависели от Ройса Кларидона и людей, находившихся в замке Кассиопии Витт.

Поэтому он не обратил внимания на холодный взгляд капеллана и сосредоточился на людях, сидевших перед ним.

- Братья мои. Помолимся за наш успех.

ГЛАВА LII

Живор

1.00

Малоун шел по Ренну, направляясь в церковь Марии Магдалины, и одна и та же деталь не давала ему покоя. В нефе никого не было, кроме мужчины в черной сутане, стоявшего перед алтарем. Когда тот повернулся, его лицо показалось Малоуну знакомым.

Беранже Соньер.

— Что вы здесь делаете? — резко спросил Соньер. — Это моя церковь. Мое творение. Мое, и больше ничье.

— Почему ваше?

— Я воспользовался этим шансом. И больше никто.

— Каким шансом?

— Бросающий вызов миру всегда рискует.

Затем он заметил зияющую дыру в полу, прямо перед алтарем, и ступеньки, ведущие в черноту.

— Что там внизу? — поинтересовался Малоун.

— Первый шаг на пути к истине. Благослови Боже всех, кто хранил эту тайну. Благослови Боже их великодушие.

Внезапно окружающая его церковь исчезла, и он оказался на засаженной деревьями площади перед американским посольством в Мехико. Вокруг него туда-сюда сновали люди, доносились звуки сирен, визжали шины и шумели двигатели машин.

Затем прозвучали выстрелы.

Стреляли из машины, притормозившей у остановки. Оттуда выскочили люди. Они стреляли в женщину средних лет и молодого дипломата-датчанина, обедавших в тени деревьев. Морские пехотинцы, охранявшие посольство, отреагировали, но они были слишком далеко.

Он достал пистолет и начал стрелять.

На тротуар падали люди. Пуля, предназначавшаяся женщине, угодила Каю Торвальдсену в голову, расколов ее как орех. Малоун застрелил двоих людей, начавших суматоху, потом почувствовал дикую боль, когда в его плечо вонзилась пуля. Из раны хлынула кровь.

Он пошатнулся, но смог выстрелить в нападавшего. Пуля угодила в смуглое лицо, которое превратилось в лицо Беранже Соньера.

— Зачем ты убил меня? — спокойно спросил Соньер.

Вокруг Малоуна снова выросли стены церкви, и он увидел стадии распятия. На одной из скамеек лежала скрипка. На струнах покоилось металлическое блюдо. Соньер парил в

воздухе и бросал песок на блюдо. Потом провел по струнам, и, когда резкие звуки стихли, песок сложился в рисунок.

Соньер улыбнулся.

— Когда блюдо не вибрирует, песок не колыхнется. Заставь струны звучать, и сложится новый рисунок. Каждый раз новый.

Ожила статуя Асмодея, корчившего рожи, демон оставил сосуд со святой водой и начал приближаться к ним.

— Ужасное место, — заявил Асмодей.

— Тебя сюда не звали! — закричал Соньер.

— Тогда зачем ты поставил меня здесь?

Соньер не ответил. Из теней возникла еще одна фигура. Маленький человечек в коричневой монашеской сутане с картины «Читающий устав Каридад». Его палец был прижат к губам, призывая к молчанию, и он нес стул с надписью ACABOCE A° DE 1681.

Человечек отнял палец от губ и торжественно сказал:

— Аз есмь альфа и омега, начало и конец.

Потом он исчез.

Появилась женщина в темных одеждах, ее лицо было в тени.

— Вы знаете мою могилу, — сказала она.

Мари д'Отпул де Бланшфор.

— Вы боитесь пауков? — спросила графиня. — Они не причинят вам вреда.

На ее груди засияли римские цифры. LIXLIXL. Под ними материализовался паук, такой же, как был выгравирован на могиле Мари. Между его лапок были семь точек. Места около его головы пустовали. Мари провела пальцем черту от своей шеи по груди, по сверкающим цифрам и изображению паука. Под ее пальцем загорелась стрела.

Та самая стрела с двумя остриями с надгробия.

Он парил в пространстве. Прочь из церкви. Мимо стен, во двор, затем в цветущий сад, где на вестготской колонне стояла статуя Святой Девы. Камень больше не был серым и выцветшим от старости, теперь слова «Смирение, смирение» и «Миссия 1891» горели на нем огнем.

Снова появился Асмодей. Демон произнес:

— Этим знаком ты победишь его.

Перед вестготской колонной на клочке маслянистого, залитого кровью асфальта лежал Кай Торвальдсен, неуклюже разбросав руки и ноги, как Красный Пиджак под Круглой башней. В его открытых глазах застыли боль и изумление.

Он услышал голос. Резкий, громкий, механический. И увидел телевизор, на экране которого человек с усами излагал новости, информируя о гибели мексиканского юриста и датского дипломата, причины убийства неизвестны.

И количество жертв.

— Семь мертвы, девять ранены.

Малоун проснулся.

Ему и прежде снилась гибель Кая Торвальдсена — много раз на самом деле, но никогда в связи с Ренн-ле-Шато. Он не мог уснуть — его мозг был слишком занят мыслями, от которых было трудно избавиться. Наконец он задремал в уединении одной из многих комнат замка Кассиопии Витт. Она уверила его, что за их надсмотрщиками будут тоже присматривать и, что если де Рокфор решит действовать ночью, они будут предупреждены. Но он был согласен с ней — до завтра их никто не потревожит.

Большую часть сна Малоун забыл, но последние эпизоды, особенно телеведущего, информировавшего о нападении в Мехико, запомнил. Позднее он узнал, что Кай Торвальдсен встречался с мексиканской женщиной-юристом. Она была жесткой, решительной особой, расследовавшей деятельность одного загадочного картеля. Местная полиция знала, что ей угрожали, но она не обращала внимания на угрозы. Во время атаки полиция была неподалеку, но, как ни странно, когда из автомобиля выпрыгнули

вооруженные люди, на помощь не пришел ни один полицейский. Она и младший Торвальдсен сидели на скамейке, обедая. Малоун был поблизости, возвращаясь в посольство после выполнения задания в городе. Он воспользовался своим оружием, чтобы застрелить двоих нападавших, перед тем как остальные двое обнаружили его присутствие. Он не видел третьего и четвертого, один из них ранил его в плечо. Перед тем как потерять сознание, он смог выстрелить в нападавшего. С последним киллером разделились морские пехотинцы, подоспевшие из посольства.

Но до этого пострадало много людей.

Семь были убиты, девять человек ранены.

Коттон Малоун резко сел в кровати. Ему только что удалось разгадать реннскую головоломку!

ГЛАВА LIII

Аббатство де Фонтен

1.30

Раймон де Рокфор провел магнитной карточкой по сенсору, и электронный замок открылся. Он вошел в ярко освещенную библиотеку и между узкими полками направился к месту, где расположился Ройс Кларидон. На столе перед Кларидоном лежали горы рукописей. Сбоку сидел архивариус, терпеливо наблюдая за происходящим, как ему было приказано. Де Рокфор жестом велел ему уйти.

— Что вы выяснили? — поинтересовался он у Кларидона.

— Материалы, на которые вы мне указали, весьма интересны. Никогда не подозревал, как широка была деятельность ордена после чистки в тысяча триста седьмом году.

— У нас богатая история.

— Я нашел доклад о казни Жака де Моле. Видимо, за этим наблюдали многие братья.

— Он взмошел на костер тринадцатого марта тысяча триста четырнадцатого года с высоко поднятой головой и обратился к толпе: «Это правильно, что в такой торжественный момент, когда моя жизнь подходит к концу, я могу раскрыть обман, который притворялся истиной».

— Вы помните его слова наизусть?

— Это человек, о котором следует знать.

— Многие историки винят де Моле в гибели ордена. Говорят, что он был слаб и самодоволен.

— А что говорят о нем отчеты, которые вы прочитали?

— Что он был сильным и решительным и хорошо все спланировал, когда отправлялся с Кипра во Францию летом тысяча триста седьмого года. На самом деле он догадывался о замыслах Филиппа Четвертого.

— Наши богатства и знания были надежно сохранены. Де Моле позаботился об этом.

— А Великое Завещание? — покачал головой Кларидон.

— Братья позаботились о том, чтобы уберечь его. Де Моле позаботился.

Кларидон устало посмотрел на де Рокфора. Несмотря на поздний час, магистр выглядел бодрым. Ему всегда лучше работалось по ночам.

— Вы прочитали последние слова де Моле?

Кларидон кивнул.

— «Бог отомстит за нашу смерть. Прежде чем закончится год, несчастья падут на тех, кто приговорил нас».

— Он имел в виду Филиппа Четвертого и Клементя Пятого, которые сговорились, чтобы погубить орден и его магистра. Папа умер меньше чем через месяц, и Филипп последовал за ним через семь месяцев. Ни один из наследников Филиппа не произвел на свет сына, так что королевский род Капетингов закончился. Четыреста пятьдесят лет спустя, во время Революции, французская королевская семья была заключена в тюрьму, в точности как

де Моле, в парижском Тампле. Когда гильотина обезглавила Людовика Шестнадцатого, незнакомец омочил руку в крови мертвого короля и обрызгал толпу, крича: «Жак де Моле, ты отомщен!»

— Один из ваших?

Де Рокфор кивнул.

— Да, брат, взволнованный произошедшим. Он видел, как уничтожают французскую монархию.

— Это много для вас значит?

Он не намеревался делиться своими чувствами с этим человеком, но хотел кое-что объяснить:

— Я магистр.

— Нет, дело не только в этом. Здесь что-то большее.

— Анализ — это часть вашей специальности?

— Вы встали на пути мчащейся машины, бросая Малоуну вызов. А потом были готовы без жалости изжарить мои ноги.

— Месье Кларидон, тысячи моих братьев были арестованы — только из-за жадности короля. Несколько сот сожжены на костре. По иронии судьбы, их спасением была только ложь. Правда оказалась их смертным приговором, потому что все обвинения против ордена были фальшивыми. Да, это очень личное.

Кларидон потянулся за дневником Ларса Нелла.

— У меня плохая новость. Я прочитал большую часть записок Ларса и должен сказать, что-то здесь не то.

Де Рокфору не понравилось то, что он услышал.

— Здесь есть ошибки. Даты неправильные. Названы неверные места. Ошибочно указаны источники. Мелочи, но опытному глазу они заметны.

К сожалению, де Рокфор не был достаточно сведущ, чтобы понять отличия. На самом деле он надеялся, что дневник даст ему больше информации.

— Может быть, это просто ошибки в отдельных записях?

— Сначала я думал, что да. Потом, по мере того как я замечал все больше и больше ошибок, я начал сомневаться. Ларс был аккуратным человеком. Многие факты из тех, что содержатся в записях, я сам помогал собирать. Это сделано преднамеренно.

Де Рокфор взял дневник и пролистал до криптограммы.

— А что с ней? Правильная?

— Не могу знать. Ларс не говорил мне, удалось ли ему выяснить математическую последовательность, необходимую для расшифровки.

Де Рокфор забеспокоился.

— Вы хотите сказать, что дневник бесполезен?

— Я хочу сказать, что в нем есть ошибки. Даже кое-какие выписки из личного дневника Соньера неверны. Давным-давно я сам читал отрывки из него.

Де Рокфор пребывал в замешательстве. Что происходит? Он мысленно вернулся к последнему дню жизни Ларса Нелла, вспоминая то, что ему сказал американец.

* * *

— Вы не можете найти даже то, что перед вашими глазами.

Стоя среди деревьев, де Рокфор был возмущен высокомерием Нелла, но при этом восхищался его мужеством — учитывая то, что вокруг шеи американца была веревка. Несколько минут назад он наблюдал, как пожилой человек закрепляет веревку на опоре моста и завязывает петлю. Потом Нелл взобрался на камень и уставился на темную реку под ногами.

Он следил за Неллом весь день, раздумывая, что тот делает высоко в Пиренеях. Деревушка, расположенная поблизости, не имела никакого отношения к Ренн-ле-Шато или

другим известным ему исследованиям Ларса Нелла. Приближалась полночь, вокруг них сгустилась непроглядная темнота. Спокойствие гор нарушало только журчание воды, текущей под мостом.

Де Рокфор выступил из-под листвы на дорогу и приблизился к мосту.

— Я размышлял, объявитесь ли вы или нет, — произнес Нелл, не поворачиваясь к нему. — Предположил, что поражение заставит вас выйти на свет.

— Вы знали, что я здесь?

— Я привык, что братья следят за мной. — Нелл наконец повернулся к нему и указал на петлю на своей шее. — Не возражаете? Я решил свести счеты с жизнью.

— Похоже, смерть вас не пугает.

— Я давно умер.

— Вы не боитесь вашего Бога? Он не позволяет совершать самоубийство.

— Какой Бог? Из праха в прах — вот наша участь.

— Что, если вы ошибаетесь?

— Я не ошибаюсь.

— Как же ваш поиск?

— Он принес мне только несчастья. И почему вас волнует моя душа?

— Она меня не волнует. Ваш поиск — другое дело.

— Вы долго наблюдали за мной. Ваш магистр даже разговаривал со мной лично. Какая жалость, ордену придется продолжать поиск без моего руководства.

— Вы знали, что мы следим за вами?

— Естественно. Братья много раз пытались добыть мой дневник.

— Мне говорили, что вы странный человек.

— Я несчастный человек, который не хочет больше жить. Какая-то часть меня сожалеет об этом. Из-за моего сына, которого я люблю. И из-за моей жены, которая по-своему любит меня. Но у меня нет желания жить.

— Разве нет более легких способов умереть?

Нелл пожал плечами:

— Я питаю отвращение к пистолетам, яд представляется мне отвратительным. Истечь кровью — малопривлекательно, поэтому я решил повеситься.

Де Рокфор пожал плечами:

— Звучит эгоистично.

— Эгоистично? Я вам скажу, что значит «эгоистично». То, что люди сделали со мной. Они верят, что в Ренне прячется все — от возрожденной французской монархии до инопланетян. Сколько искателей сокровищ осквернили эту землю своими инструментами? Стены сносились, выкапывались ямы, прорывались туннели. Они даже вскрывали могилы и эксгумировали трупы. Писатели паразитировали на всех мыслимых и немыслимых теориях — и все это ради денег.

Де Рокфор удивился этой странной предсмертной речи.

— Я видел, как медиумы проводили сеансы и ясновидцы общались с мертвыми. Столько всего было сфабриковано, что правда стала скучной. Они заставили меня написать об этой чуши. И мне пришлось проникнуться их фанатизмом, чтобы мои книги продавались. Люди хотят читать вранье. Это смешотворно. Я и сам смеялся над собой. Эгоистично? Этот ярлык следовало бы навесить на идиотов.

— И в чем же заключается правда о Ренне? — спросил де Рокфор.

— Я уверен, вы бы очень хотели узнать это.

Он решил попробовать другой подход.

— Вы понимаете, что вы единственный человек, который может разгадать головоломку Соньера?

— Может? Я это уже сделал.

Де Рокфор вспомнил о криптограмме, которую видел в отчете маршала, хранящемся в архивах аббатства. Криптограмме, которую нашли в своих церквях аббаты Жели и Соньер и

за расшифровку которой Жели поплатился жизнью.

— Может быть, вы скажете мне? — В его вопросе слышалась мольба, и он был недоволен этим.

— Вы как все остальные — ищете легкие пути. А как же вызов? Я потратил годы, чтобы расшифровать головоломку.

— И я полагаю, что ответ вы не записали?

— Попытайтесь выяснить.

— Вы наглец!

— Нет, я просто взбешен. Это разные вещи. Понимаете, все эти лицемеры, которые интересовались только собой и ушли ни с чем, кое-чему меня научили.

Де Рокфор ждал объяснений.

— Искать на самом деле нечего.

— Вы лжете.

Нелл пожал плечами.

— Может быть. А может, и нет.

Он решил предоставить Ларса Нелла его судьбе.

— Оставайтесь с миром. — Он отвернулся и пошел прочь.

— Тамплиер, — позвал Ларс Нелл.

Де Рокфор остановился.

— Я собираюсь сделать вам одолжение. Вы не заслуживаете его, потому что ваши братья причиняли мне только проблемы. Однако ваш орден не заслужил того, что с ним случилось. Поэтому я дам вам ключ. Он нигде не записан, даже в дневнике. Я даю его только вам, и если у вас хватит ума, вы даже сможете решить загадку. У вас найдутся ручка и бумага?

Де Рокфор подошел ближе, покопался в кармане и вытащил обрывок бумаги и ручку, протягивая их Неллу. Старик что-то нацарапал и бросил ручку и бумагу ему обратно.

— Удачи, — сказал Нелл.

И прыгнул с камня. Де Рокфор услышал хлопок натянувшейся веревки и треск ломающейся шеи. Поднес клочок бумаги к глазам и в неверном свете луны с трудом разобрал:

ПРОЩАЙ СТЕФАНИ

Стефани — имя жены Нелла. Де Рокфор разочарованно покачал головой. Это не ключ, а лишь прощание мужа с женой.

* * *

Теперь он не был так в этом уверен.

Де Рокфор тогда решил, что надо оставить записку рядом с телом — как подтверждение самоубийства. Поэтому он вытащил веревку с телом наверх и оставил записку в кармане.

Но что, если это на самом деле был ключ?

— В ту ночь, когда Нелл умер, он сказал мне, что разгадал криптограмму, дал мне это. — Де Рокфор схватил со стола ручку и бумагу и написал по-английски: GOODBYE STEPHANIE.

— Как это может быть решением? — спросил Кларидон.

— Я не знаю. Я даже никогда не думал, что это может быть ключом, до сегодняшнего дня. Если то, что вы говорите, верно и дневник содержит преднамеренные ошибки, значит, предполагалось, что мы найдем этот дневник. Я охотился за ним, пока Ларс Нелл был жив, и потом, когда дневник достался его сыну. Но Марк Нелл где-то прятал его. Затем, когда он оказался здесь, в аббатстве, я узнал, что во время лавины дневник был при нем. Записями

завладел магистр и держал их под замком долгое время.

Он вернулся мыслями в Авиньон, к промаху Кассиопии Витт. Теперь де Рокфор знал, что это был не промах.

— Вы правы. Дневник бесполезен. Нам его подсунули. — Он указал на написанные им слова. — Но может быть, это имеет значение?

— Или это тоже ловушка?

Что тоже было возможно.

Кларидон рассматривал слова с интересом.

— Что именно сказал Ларс, когда дал вам это?

Де Рокфор пересказал ему точные слова Ларса, закончив фразой: «Поэтому я дам вам ключ. Он нигде не записан, даже в дневнике. Я даю его только вам, и если у вас хватит ума, вы даже сможете решить загадку».

— Я припоминаю, что Ларс говорил мне что-то такое... — Кларидон покопался на столе, пока не нашел несколько служебных бумаг. — Это выписки, которые я сделал в Авиньоне из книги Эжена Штиблейна, в которой шла речь о могиле Мари д'Отпул. Посмотрите сюда. — Кларидон указал на последовательность римских цифр. — MDCOLXXXI. Это было выгравировано на камне рядом с датой ее смерти — тысяча шестьсот восемьдесят первый. Не будем принимать во внимание нуль, поскольку такой римской цифры не существовало. Но Мари умерла в тысяча семьсот восемьдесят первом году, а не в тысяча шестьсот восемьдесят первом. И ошибка в ее возрасте. Когда она умерла, ей было шестьдесят восемь, а не шестьдесят семь, как тут указано. — Кларидон схватил карандаш и записал на листке 1681,67 и GOODBYE STEPHANIE. — Ничего не замечаете?

Он уставился на цифры и буквы. Они ничего ему не говорили, но он никогда не был силен в кроссвордах.

— Надо думать так, как думал человек восемнадцатого столетия. Надгробный камень был сделан под руководством Бигу. Решение должно быть, с одной стороны, простым, с другой стороны — сложным из-за бесконечного количества вариантов. Разделите дату тысяча шестьсот восемьдесят один на две части — шестнадцать и восемнадцать. Один плюс шесть равно семи. Один плюс восемь равно девяти. Семь, девять. Потом посмотрите на цифру шестьдесят семь. Вы не можете перевернуть семерку, но шесть легко превращается в девятку. Опять семь и девять. Сосчитайте буквы в словах, написанных Ларсом. Семь в слове GOODBYE. Девять в слове STEPHANIE. Похоже, он на самом деле дал вам ключ.

— Откройте криптограмму и попробуйте ее расшифровать.

Кларидон пролистал дневник и нашел криптограмму.

— Есть несколько вариантов. Семь, девять. Девять, семь. Шестнадцать. Один, шесть. Шесть. Один. Я начну с самого очевидного. Семь, девять.



Де Рокфор внимательно наблюдал, как Кларидон отсчитывал ряды цифр и символов, останавливаясь на седьмом, потом на девятом, выписывая нужные буквы. Когда он закончил, на листке появилась фраза ITEGOARCANADEI.

— Это латынь, — сказал он, глядя на надпись. — I tego arcana dei. Я скрываю тайны Бога.

Черт.

— Этот дневник на самом деле бесполезен! — выкрикнул де Рокфор. — Нелл спрятал в нем свою собственную головоломку!

Но ему в голову пришла другая мысль. Отчет маршала. Там тоже была криптограмма, которую он добыл у аббата Жели. Та, которую предположительно разгадал аббат. Криптограмма, записанная маршалом, должна быть идентичной той, которую обнаружил Соньер.

Он должен заполучить ее.

— В одной из книг, которые унес Марк Нелл, есть другая головоломка.

Глаза Кларидона загорелись.

— Я предполагаю, что вы хотите завладеть ею.

— Когда солнце взойдет.

ГЛАВА LIV

Франция, Живор

1.30

Малоун стоял в гостиной, просторная комната была залита светом ламп, остальные сгрудились вокруг стола. Он разбудил их несколько минут назад.

— Я знаю ответ, — поведал он.

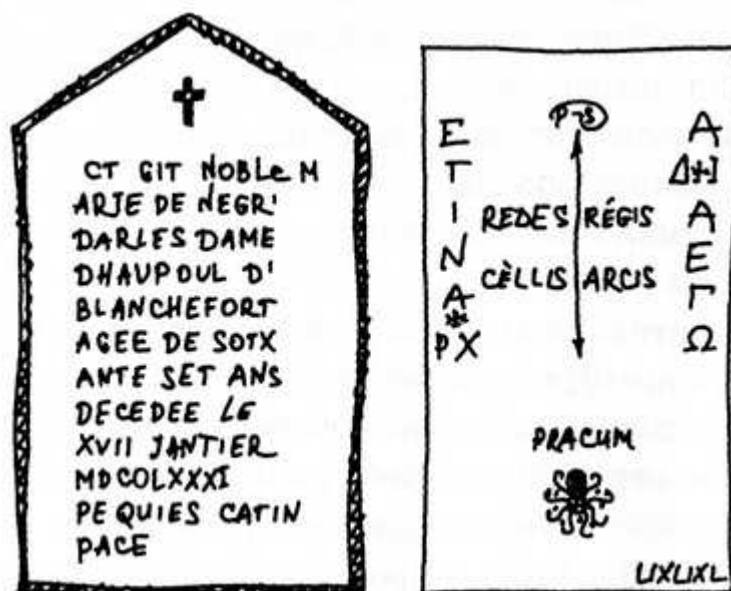
— Разгадку криптограммы? — спросила Стефани.

Он кивнул.

— Марк рассказал мне о личности Соньера. Смелый и нахальный. И я согласен с тем, что ты говорила на днях, Стефани. Церковь в Ренне — это не указатель к сокровищам. Соньер никогда бы не выдал такую информацию, но он не мог удержаться, чтобы не оставить кое-какие намеки. Проблема в том, что для решения загадки надо собрать много частей головоломки. К счастью, у нас их большинство.

Он потянулся к книге «*Pierres Gravées du Languedoc*», все еще открытой на странице с эскизом надгробия Мари д'Отпул.

— Настоящие ключи оставил Бигу. Он покинул Францию, не собираясь возвращаться, поэтому спрятал криптограммы в обеих церквях и оставил два камня с надписями на пустой могиле. Здесь указана неверная дата смерти — тысяча шестьсот восемьдесят первый, неправильный возраст — шестьдесят семь лет, и взгляните на эти римские цифры снизу — LIXLIXL — пятьдесят, девять, пятьдесят, девять, пятьдесят. Если вы сложите эти цифры, получите сто шестьдесят восемь. Он также оставил запись, относящуюся к картине «Читающий устав Каридад» в приходской книге. Помните, во времена Бигу дата была четко написана. Так что он видел тысяча шестьсот восемьдесят первый, а не тысяча шестьсот восемьдесят седьмой. И этот рисунок. — Он указал на изображение могильного камня. — Посмотрите на паука, выгравированного внизу. Между его лапками расположены семь точек, и два места оставлены пустыми. Почему бы не поставить точки везде? Потом взгляните, что Соньер сделал в саду снаружи церкви. Он берет вестготскую колонну, переворачивает ее вверх ногами и пишет «*Mission 1891*» и «*Penitence, penitence*» на лицевой стороне. Я знаю, что это звучит безумно, но мне только что все это приснилось.



Все заулыбались, но никто не перебил его.

— В прошлом году, когда Кай и другие люди были убиты в Мехико... я иногда вижу это во сне. Трудно забыть такое. Тогда было много убитых и раненых...

— Семь убито, девять ранено, — пробормотала Стефани.

Та же мысль возникла в головах у других, и он увидел понимание на их лицах, особенно у Марка.

— Коттон, ты, пожалуй, прав, — сказал Марк, садясь за стол. — Тысяча шестьсот восемьдесят один. Сложите первые две и последние две цифры. Семь, девять. Цифры на колонне. Соньер перевернул ее, чтобы донести послание. Он установил ее в тысяча восемьсот девяносто первом году, но переверните цифры, и вы получите тысяча шестьсот восемьдесят первый. Колонна перевернута, чтобы указать нам правильное направление. И опять семь и девять.

— Потом сосчитайте цифры, — подхватил Малоун. — Семь в слове Mission, девять в Penitence. Это не просто совпадение. И римские цифры на надгробии, складывающиеся в сто шестьдесят восемь. Прибавьте к шестерке и восьмерке единицу и получите снова семь и девять. Эти цифры повсюду. — Он взял цветное изображение десятой стадии распятия Христа из церкви Марии Магдалины. — Вы только взгляните. Вот римский солдат бросает кости, играя на плаще Христа. На костяшках цифры — три, четыре, пять. Когда мы с Марком были в церкви, я размышлял, почему выбраны именно эти цифры. Марк, ты упоминал, что Соньер лично контролировал каждую деталь в церкви. Поэтому он выбрал эти цифры не случайно. Я думаю, что их последовательность имеет значение. Сначала три, потом четыре и пять. Три плюс четыре равняется семи, четыре плюс пять равно девяти.

— Значит, семь и девять — это ключ к криптограмме? — подытожила Кассиопия.

— Есть только один способ узнать это наверняка, — отозвался Марк и дал Жоффруа знак подать ему рюкзак. Марк бережно открыл отчет маршала и нашел рисунок.

Используя цифры семь и девять, он начал двигаться по тринадцати строчкам знаков и символов, выписывая выбранные буквы.

TEMPLIERTRESORENFOUIAULAGUSTOUS

Y	E	N	S	Z	N	T	M	G	L	N	Y	Y	R	A	E	F	Y	H	E
O	.	W	O	T	+	P	E	C	T	H	P	E	R	+	A	T	B	L	Z
V	O	U	P	H	R	E	+	D	U	S	T	L	A	G	R	>	D	F	
L	P	O	R	X	F	O	N	S	R	T	V	H	D	G	+	C	R	K	R
R	D	E	U	M	A	E	T	R	+	R	Y	A	U	.	S	N	B	A	Q
R	I	O	+	A	O	I	L	U	I	D	P	Z	K	N	A	O	X	E	N
T	N	A	F	O	G	R	N	E	O	Y	+	M	P	F	G	L	E	+	T
L	X	V	O	.	L	T	R	Y	+	.	D	.	S	G	T	S	X	O	I
N	U	E	+	V	H	A	N	P	E	V	S	L	E	+	U	P	S	O	M
S	N	L	I	A	E	.	L	O	+	P	A	B	D	L	X	D	V	G	P
Y	V	E	R	C	.	T	U	B	G	.	H	S	N	S	C	.	L	X	.
O	L	P	T	B	M	+	B	L	V	O	V	+	N	A	X	W	X	S	U
D	A	T	S	O	E	S	E	X	.	S	T	S	W	B	.	T	Y	+	O

— Это по-французски. На языке Бигу.

Марк кивнул:

— Да, именно так.

Он переписал набор букв, добавив пробелы, и послание обрело смысл.

TEMPLIER TRESOR EN FOUI AU LAGUSTOUS

— Сокровище тамплиеров можно найти в... — перевел Малоун. — Что за lagustous?

— Понятия не имею, — ответил Марк. — И я не помню, чтобы такое слово упоминалось в архивах тамплиеров.

— Я живу в этих местах всю жизнь, — добавила Кассиопия, — и не знаю такой местности.

Марк был расстроен.

— В Хрониках указано, что повозки, которые везли Завещание, ехали на юг, к Пиренеям.

— Зачем аббату было делать загадку такой простой? — спокойно поинтересовался Жоффруа.

— Он прав, — заметил Малоун. — Бигу мог придумать еще одну головоломку, так что просто разгадать последовательность цифр и прочитать криптограмму недостаточно.

Стефани выглядела озадаченной.

— Я бы не сказала, что это было просто.

— Только потому, что куски головоломки разбросаны, а некоторые утеряны навсегда, — отозвался Марк. — Но во времена Бигу все части существовали, и он воздвиг надгробие, которое могли видеть все.

— Но Бигу сделал хороший выбор, — заметил Марк. — В отчете маршала сказано, что Жели обнаружил криптограмму, идентичную той, которую нашел Соньер в своей церкви. В восемнадцатом веке Бигу служил в обеих церквях, поэтому оставил отметки в каждой.

— Надеюсь, что какой-нибудь любознательный человек найдет хотя бы одну из них, — сказал Хенрик. — Так и случилось.

— Жели разгадал криптограмму, — сказал Марк. — Мы это знаем. Он поделился ответом с маршалом и также сказал, что не доверяет Соньеру. А через несколько дней был убит.

— Соньером? — поинтересовалась Стефани.

Марк пожал плечами:

— Никто не знает. Я всегда думал, что в этом мог быть замешан маршал. Через несколько недель после убийства Жели он исчез из аббатства и специально не указал в своем отчете разгадку криптограммы.

Малоун указал на листок:

— Теперь у нас есть расшифровка. Но надо выяснить, что такое *lagustous*.

— Это анаграмма, — вмешалась Кассиопия.

Марк кивнул:

— Может быть, подобно тому как на могильном камне Бигу написал «*Et in arcadia ego*» вместо «*I tego arcana dei*». Он мог использовать ту же уловку и здесь.

Кассиопия разглядывала листок бумаги, начиная догадываться.

— Ты знаешь? — спросил ее Малоун.

— Кажется, да.

Они ждали объяснений.

— В десятом веке богатый барон по имени Хильдемар встретил человека по имени Агулус. Родственники Хильдемара были недовольны влиянием, которое на него оказывал Агулус. Возмущенный претензиями своей семьи, Хильдемар передал все свои земли Агулусу, который превратил замок в аббатство, в которое вступил и сам Хильдемар. Во время молитвы перед алтарем в часовне аббатства сарацины убили коленопреклоненных Агулуса и Хильдемара. Впоследствии они оба стали католическими святыми. На том месте до сих пор существует город. В девяносто милях отсюда. Сен-Агулус. — Она взяла карандаш и превратила *lagustous* в *St. Agulous*.

— В тех краях некогда были тамплиеры, — подтвердил Марк. — Большое командорство, правда, сейчас оно не сохранилось.

— Замок, превращенный в аббатство, существует до сих пор, — пояснила Кассиопия.

— Надо ехать туда, — подытожил Хенрик.

— Может возникнуть проблема, — заметил Малоун, глянув на Кассиопию.

Они не рассказали остальным о наблюдателях де Рокфора, но теперь пришло время это сделать.

— Де Рокфор будет действовать, — заявил Марк. — Наша хозяйка позволила ему завладеть дневником отца. Как только он поймет, что эти записи бесполезны, он придет в ярость.

— Надо выйти отсюда незамеченными, — согласился Марк.

— Нас слишком много, — заметил Хенрик, — это будет проблемой.

Кассиопия улыбнулась:

— Обожаю проблемы.

ГЛАВА LV

Франция, Живор

7.30

Раймон де Рокфор спешил через лес из высоких сосен, земля под его ногами серебрилась белым вереском. Утренний воздух источал медовый аромат. Скалистые отроги из красного известняка терялись в легкой туманной дымке. Где-то над головой парил орел в поисках добычи. Де Рокфор позавтракал с братьями; трапеза происходила, как всегда, в молчании, нарушаемом только чтением Священного Писания.

Ему пришлось отдать должное Кларидону. Он расшифровал криптограмму с помощью последовательности цифр семь — девять. К сожалению, послание оказалось бесполезным. Кларидон рассказал ему, что Ларс Нелл обнаружил криптограмму в неопубликованной рукописи Ноэля Корбу, человека, создавшего много выдумок о Ренн-ле-Шато в середине двадцатого века. Но кто изменил криптограмму — Нелл или Соньер? Может быть, это понимание того, что криптограмма поддельная, привело Ларса Нелла к самоубийству? Столько усилий было потрачено, и когда он в конце концов расшифровал то, что оставил

Соньер, оказалось, что в ответе нет никакого смысла. Что, если Нелл имел в виду именно это, когда объявил: «Искать абсолютно нечего».

Может быть и так.

Но он собирался разобраться в этом. Любой ценой.

В отдалении раздался звук рожка, донесшийся со стороны замка. Похоже, начинался рабочий день. Впереди он заметил одного из оставленных им часовых. Он связался с ним по телефону по пути сюда из аббатства и знал, что все тихо. Сквозь деревья, в нескольких сотнях метров он разглядел замок, купавшийся в лучах утреннего солнца.

Он приблизился к брату, который час назад доложил, что на стройплощадке появились одиннадцать мужчин и женщин. Все в одежде XIII века. С тех пор никто не уходил со стройки. Второй часовой доложил, что позади замка все спокойно. Никто не входил и не выходил. Два часа назад в замке была какая-то суматоха — включили свет, засуетились слуги. Витт показывалась — ходила в конюшни, потом вернулась.

— И около часа ночи был какой-то шум, — доложил ему брат. — Загорелся свет в спальнях, потом в одной из гостиных на первом этаже. Через час после этого свет погас. Такое ощущение, что они все проснулись ненадолго, а потом опять легли спать.

Может быть, эта ночь принесла для них не меньше открытий, чем для него.

— Никто не покидал замок?

Брат отрицательно покачал головой.

Де Рокфор вытащил рацию из кармана и связался с главой отряда из десяти рыцарей, которых он привел с собой. Они припарковали свои автомобили в полумиле отсюда и теперь пробирались по лесу к замку. Он распорядился, чтобы они незаметно окружили здание и ждали его приказов. Сейчас он выяснил, что все десять уже на своих местах. С учетом двух часовых, которые следили за замком, и его самого их было тринадцать человек — более чем достаточно, чтобы справиться с заданием.

Забавно, подумал де Рокфор. Братья снова вышли на бой с неверными. Семь веков назад мусульмане нанесли поражение христианам и отняли Святую землю. Теперь мусульманка Кассиопия Витт ввязалась в дела ордена.

Его внимание было сосредоточено на замке и главном входе, откуда выходили люди, наряженные в пестрые одежды средневековых крестьян. Мужчины были в коричневых туниках, с поясами, завязанными вокруг талии, на ногах были темные чулки и тонкие туфли. Некоторые щеголяли повязками на щиколотках. Женщины были одеты в длинные серые платья. Широкополые шляпы, в том числе соломенные, капюшоны и чепцы покрывали головы. Вчера он обратил внимание, что все рабочие в Живоре одевались в исторические одежды, помогавшие создавать ощущение полной погруженности в Средневековье. Несколько рабочих перебрасывались добродушными шутками. Группа медленно двинулась по тропинке, ведущей к стройплощадке.

— Наверное, какое-то собрание, — предположил брат, стоявший рядом с де Рокфором. — Они пришли со стройки и теперь обратно туда возвращаются.

Он согласился. Кассиопия Витт лично руководила строительством в Живоре, так что вполне можно было предположить, что рабочие время от времени встречаются с ней.

— Сколько человек вошло?

— Одиннадцать.

Он пересчитал. Вышло столько же. Хорошо. Пришло время действовать. Он поднес рацию к губам и скомандовал:

— Вперед! Задержите их до моего появления.

Он вошел в замок через огромную кухню, в которой повсюду были расставлены предметы из нержавеющей стали. С того времени, как он отдал приказ войти в здание, прошло пятнадцать минут, и это было сделано без единого выстрела. Обитатели замка завтракали, когда появились братья. Тамплиеры заняли все выходы и окна, сделав побег невозможным.

Де Рокфор не хотел привлекать лишнего внимания. Переходя из комнаты в комнату, он

восхищался стенами, обитыми роскошной парчой, расписными потолками, резными пилястрами, изящными канделябрами и мебелью, прикрытой чехлами из дамаста³² разных оттенков. У Кассиопии Витт хороший вкус.

Он нашел обеденный зал и приготовился встретить Марка Нелла. Остальные будут убиты, их тела сожгут в лесу, но Марка Нелла и Жоффруа следует вернуть в аббатство, где они понесут наказание. Это будет пример остальным. Погибший в Ренне брат должен быть отомщен.

Он прошел через просторное фойе и оказался в обеденном зале. Братья расположились вдоль стен, с оружием наготове. Он посмотрел на людей, сидевших за длинным столом.

И никого не узнал.

Вместо Коттона Малоуна, Стефани Нелл, Марка Нелла, Жоффруа и Кассиопии Витт он увидел шестерых незнакомцев, одетых в джинсы и рубашки.

Рабочие со стройплощадки.

Они улизнули у него из-под носа!

Он с трудом сдержал растущий гнев.

— Никуда их не выпускать, пока я не вернусь, — приказал он одному из своих рыцарей.

Он вышел из здания и спокойно пошел по тенистой тропинке к автостоянке. В такую рань здесь было очень мало машин. Но автомобиль Коттона Малоуна, который был здесь припаркован, когда он приехал, исчез.

Он проиграл и понятия не имеет, куда они могли направиться.

Один из братьев, которых он оставил в замке, подбежал к нему.

— Магистр, — обратился к нему тамплиер, — один из людей в замке сказал мне, что Кассиопия Витт попросила их прийти сегодня рано. Шестерых из них попросили переодеться и остаться завтракать.

Об этом он уже и сам догадался. Что еще?

Брат подал ему мобильный телефон.

— Этот работник сказал, что ему оставили записку, предупреждающую о вашем приходе. Ему было велено отдать вам телефон и это письмо, когда вы появитесь.

Он развернул листок бумаги и прочитал:

«Ответ найден. Я позвоню по этому телефону до захода солнца и дам информацию».

Де Рокфор спросил:

— Кто это написал?

— Рабочий сказал, что записка и телефон лежали вместе с его одеждой и инструкцией передать все это вам.

— Как ты это получил?

— Он упомянул ваше имя. Я сказал, что это я, и получил записку и телефон.

Что происходит? Неужели в рядах его врагов есть предатель?

— Отзывай братьев и возвращайтесь в аббатство.

ГЛАВА LVI

Сен-Агулус

10.00

Малоун восхищался Пиренеями, своим видом и величием очень напоминавшими Альпы. Отделяя Францию от Испании, гребни гор возносились высоко в

³² Дамаст — материя, на гладкой основе которой вытканы цветы.

небо, каждый зубчатый пик был увенчан снежной шапкой, под ними чередовались зеленые склоны и пурпурные утесы. Между вершинами притаились опаленные солнцем долины, глубокие и уединенные, некогда служившие убежищами Шарлеманю, франкам, вестготам и маврам.

Они взяли две машины — ту, которую арендовал Малоун, и «лендровер» Кассиопии, который она держала на стоянке у стройплощадки. Они покинули замок очень грамотно, их уловка сработала, поскольку хвоста за ними не было. Тем не менее Малоун проверил на всякий случай оба автомобиля на наличие электронных жучков. Ловкость и находчивость Кассиопии вызывали восхищение.

Час назад, перед тем как направиться в горы, они остановились купить одежду в торговом центре возле горнолыжного курорта Акс ле Терме. Их яркие туники и длинные плащи привлекли любопытствующие взгляды, поэтому они предпочли переодеться в джинсы, рубашки и шерстяные пиджаки. Теперь они были готовы ко всему.

Сен-Агулус располагался на краю утеса, окруженный холмами, в конце узкого шоссе, которое спиралью поднималось в горы. Этот городок, размерами не больше, чем Ренн-ле-Шато, представлял собой скопление старых домов из известняка, казалось выросших прямо из скалы.

Малоун затормозил перед въездом в город, съехав с дороги на узкую грязную тропинку. Кассиопия последовала за ним. Они выбрались из машин и полной грудью вдохнули свежий горный воздух.

— Не думаю, что это хорошая идея — всем сразу направиться в город, — сказал он. — Городок не похож на мечту туриста, чужаки здесь редкость.

— Он прав, — поддержал Малоуна Марк. — Папа всегда осторожно вел себя в таких деревушках. Давайте пойдем мы с Жоффруа. Просто двое парней на прогулке. Это обычное дело летом.

— Ты думаешь, я произведу плохое впечатление? — поинтересовалась Кассиопия.

— Произвести впечатление — не фокус, — ухмыльнулся Малоун, — гораздо труднее заставить людей позабыть это впечатление.

— И кто, интересно, выбрал тебя для этого задания? — хмурилась Кассиопия, глядя на Марка.

— Я, — вмешался Торвальдсен. — Марк знает эти горы. Он говорит на местном языке. Пускай идут он и брат.

— Тогда идите, — сказала она. — Удачи.

Марк шел впереди, когда они с Жоффруа вошли в главные ворота и оказались на маленькой площади, затененной деревьями. Жоффруа нес рюкзак с двумя книгами, и они выглядели обычными путешественниками, отправившимися на прогулку. Над черными покатыми крышами кружили голуби, сражаясь с порывами ветра, свистевшего в горных расщелинах и разгонявшего облака. В центре площади расположился позеленевший от старости фонтан, из которого текла тоненькая струйка воды. Вокруг не было ни души. Их приветствовал только ветер.

От площади отходила мощенная булыжником улица, ухоженная и залитая солнцем. Стук копыт известил о приближении лохматой козы, которая пересекла площадь и скрылась на соседней улице. Марк улыбнулся.

Церковь, возвышавшаяся на другом конце площади, являла теперь лишь бледную тень былого великолепия. К двери в романском стиле вели широкие ступени. Само здание было скорее готическое, его колокольня имела странную восьмиугольную форму, которая немедленно привлекла внимание. Он не мог припомнить, чтобы видел когда-нибудь в этом районе нечто подобное. Размеры и величие церкви говорили об утраченном богатстве и славе.

— Интересно, откуда в этом маленьком городке такая огромная церковь? — задумчиво сказал Жоффруа.

— Ничего удивительного. Пятьсот лет назад это был процветающий торговый центр. В таком месте должна стоять подобающая церковь.

К ним приблизилась молодая женщина. Россыпь задорных веснушек придавала ей здоровый деревенский вид. Она улыбнулась и вошла в маленький магазинчик. Рядом располагалась почта. Каприз судьбы сохранил Сен-Агулус от сарацин, испанцев и французов, воевавших с альбигойцами.

— Начнем отсюда, — сказал Марк, указывая на церковь. — Может быть, нам поможет местный священник.

Они вошли в небольшой неф. Каменные стены ничем не украшены. Над простым алтарем — деревянное распятие. Истоптанные деревянные половицы, каждая минимум два фута шириной, покрывали пол и скрипели при каждом шаге. В отличие от церкви в Ренне, пестревшей грубыми деталями, здесь царил необыкновенный покой.

Из тени около алтаря вышел пожилой человек, одетый в свободное коричневое одеяние. Он шел ссутулившись, отрывистыми шагами, и его походка напомнила Марку щенка на поводке.

— Вы аббат? — спросил его Марк по-французски.

— Oui, месье.

— Как называется эта церковь?

— Часовня Святого Агулуса.

Жоффруа прошел мимо них к первому ряду скамеек у алтаря.

— Это спокойное место, — заметил Марк.

— Те, кто здесь живет, принадлежат только себе. Это на самом деле обитель спокойствия.

— Как долго вы служите здесь аббатом?

— О, много лет. Видимо, больше никто не хочет здесь служить. Но мне здесь нравится. Марк собрался с мыслями, вспоминая все, что знал об этом месте.

— Некогда это было укрытие для разбойников? Они тайком пробирались в Испанию, терроризировали местное население, грабили крестьян, потом через горы возвращались сюда и отсиживались во Франции, где их не могли достать испанцы.

Священник кивнул.

— Чтобы мародерствовать в Испании, им приходилось жить во Франции. И французов они не тронули ни разу. Но это было очень давно.

Марк продолжал разглядывать аскетическое убранство церкви. Ничто не указывало, что здесь скрывается великая тайна.

— Аббат, — обратился к нему Марк, — вы когда-нибудь слышали имя Беранже Соньера?

Пожилой человек немного подумал, потом отрицательно покачал головой.

— А кто-нибудь в деревне упоминал это имя?

— Я не имею обыкновения подслушивать разговоры моих прихожан.

— Я не имел это в виду. Но вы не помните, кто-то говорил о нем?

Священник снова покачал головой.

— Когда была построена эта церковь?

— В тысяча семьсот тридцать втором году. Но первое строение на этом месте было воздвигнуто еще в тринадцатом веке. С тех пор было много перестроек, но ничего не сохранилось.

Внимание аббата привлек Жоффруа, бродивший около алтаря.

— Что-то не так? — спросил заметивший это Марк.

— Что он ищет?

Хороший вопрос, подумал Марк.

— Может, он молится и хочет быть поближе к алтарю.

Священник взглянул в лицо Марка:

— Вы не умеете лгать.

Стоявший напротив него старик оказался намного умнее, чем могло показаться с первого взгляда.

— Почему бы вам просто не сказать мне то, что вам нужно? Вы очень похожи на своего отца.

Марк с трудом подавил изумление:

— Вы знали моего отца?

— Он много раз бывал в этих местах. Мы часто разговаривали.

— Он вам что-нибудь рассказывал?

Монах покачал головой:

— Это вам лучше знать.

— Вы знаете, чем я занимаюсь?

— Ваш отец сказал мне, что если вы когда-нибудь тут появитесь, значит, вы уже знаете, что вам нужно.

— Вы знаете, что он умер?

— Конечно, мне сказали. Он покончил с собой.

— Может быть, и нет.

— Любопытное предположение. Но ваш отец был несчастным человеком. Он приходил сюда в поисках, но, к сожалению, ничего не нашел. Это привело его в отчаяние. Услышав, что он покончил жизнь самоубийством, я не удивился. Для него не было покоя на этой земле.

— Он говорил с вами на эти темы?

— Много раз.

— Почему вы сказали, что никогда не слышали имя Беранже Соньера?

— Я не лгал. Я действительно никогда не слышал это имя.

— Мой отец никогда не упоминал о нем?

— Ни разу.

Очередная загадка поставила его в тупик, огорчая и вызывая раздражение. Подошел Жоффруа. Церковь, по всей видимости, не таила в себе ответов, и Марк спросил:

— Как насчет аббатства Хильдемара, замка, который он подарил Агулусу в тринадцатом веке? Оно все еще существует?

— О да, эти развалины еще сохранились. Вверху в горах. Недалеко отсюда.

— Это больше не аббатство?

— Нет, конечно. Там никто не живет вот уже триста лет.

— Мой отец когда-нибудь говорил об этом месте?

— Он бывал там много раз, но ничего не нашел. И это опечалило его еще больше.

Пора было уходить. И он задал последний вопрос:

— Кому принадлежат руины аббатства?

— Много лет назад их купил один датчанин. Хенрик Торвальдсен.

Часть V СОСУД ПОЗНАНИЯ

ГЛАВА LVII

Аббатство де Фонтен

11.40

Раймон де Рокфор сидел за столом, глядя в упор на капеллана. Священник ждал его возвращения из Живора, что было хорошо. После их вчерашней конфронтации магистр хотел поговорить с итальянцем наедине.

— Не смейте подвергать сомнению мои решения, — заявил ему де Рокфор. Он обладал властью устранить капеллана, если, как гласил устав, «он причинял беспокойство и был скорее помехой, чем помощью».

— Это мой долг — быть вашей совестью. Капелланы служили магистрам таким образом с самого начала.

Но решение снять капеллана с должности должно быть одобрено братством. И в этом была трудность, поскольку итальянец пользовался большой популярностью и авторитетом. Так что де Рокфор дал задний ход.

— Не смейте бросать мне вызов перед братьями.

— Я не бросал вам вызов. Просто заметил, что трагическая гибель двух братьев лежит тяжелым грузом на совести всех нас.

— А не на моей?

— Вы должны быть осторожны.

Они сидели за закрытыми дверями в покоях магистра, окно было открыто, в отдалении нежно журчал водопад.

— Такой подход никуда нас не приведет.

— Осознаете вы это или нет, но смерть этих людей пошатнула ваш авторитет. Братья уже обсуждают это, а вы стали магистром лишь несколько дней назад.

— Я не потерплю несогласия.

Капеллан улыбнулся грустно, но спокойно:

— Вы говорите в точности как человек, против которого вы выступали. Что изменилось? Сенешаль так повлиял на вас?

— К сожалению, это единственное его имя, которое я знаю. Вам, по-видимому, известно гораздо больше.

Но он сомневался, что скрытный венецианец, сидящий напротив него, будет с ним правдив. До него доходили разговоры и шпионы доносили, что капеллан очень интересовался тем, что делал магистр. В намного большей степени, чем полагалось духовному советнику. Что, если этот человек, обязанный быть его другом, стремится к большему? В конце концов, он сам делал то же когда-то.

Он действительно хотел обсудить этот вопрос, объяснить, что происходит, получить мудрый совет, но делиться секретами, связанными с Великим Завещанием, было сомнительным риском. Достаточно того, что Кларидон был в курсе, но он хотя бы не принадлежит к ордену. Этот человек был совсем другим. И в любой момент мог стать его врагом. Поэтому де Рокфор озвучил очевидное:

— Я ищу Великое Завещание и близок к успешному завершению поисков.

— Ценой двух жизней.

— Да будет так, — ответил он, повышая голос. — Во имя того, во что мы верим, погибли многие. В первые два века нашего существования своими жизнями пожертвовали двадцать тысяч братьев. По сравнению с этими жертвами двое убитых сейчас не имеют значения.

— Теперь человеческая жизнь имеет большую ценность, чем прежде. — Голос капеллана понизился до шепота.

— Нет, ее ценность не изменилась. Просто сейчас у нас не хватает преданности.

— Мы ни с кем не воюем сегодня. Речь не идет о неверных, удерживающих Святую землю. Мы говорим о поисках того, чего, скорее всего, не существует.

— Вы кощунствуете.

— Я говорю правду. И вы это знаете. Вы полагаете, что возвращение Великого Завещания изменит все. На самом деле это не изменит ничего. И вы должны беречь уважение тех, кто вам служит.

— Выполнение моего обещания завоюет это уважение.

— Вы когда-нибудь думали о том, что будет после того, как поиск завершится? Это не так просто, как вы думаете. На кон поставлено больше, чем было в начале. Мир больше не является неграмотным и невежественным. Вам придется бороться с тем, с чем братья прежде не сталкивались. К несчастью для вас, ни в одном светском историческом труде греков, римлян или иудеев нет ни одного упоминания об Иисусе Христе. Ни одного абзаца ни в

одном из уцелевших источников. Только Новый Завет. Это единственное свидетельство Его существования. И почему? Вы знаете ответ. Если Иисус жил на самом деле, он проповедовал в неизвестности Иудеи. О нем почти никто не знал. Римлян его поучения не волновали, до поры до времени Он не призывал к восстанию. А иудеи преимущественно ссорились между собой, что весьма устраивало римлян. Иисус пришел и ушел. Тогда он был не важен. Тем не менее сейчас он правит умами миллиардов. Христианство — самая популярная религия в мире. И Он во всех смыслах их Мессия. Воскресший Господь. И что бы вы ни нашли, это не изменит данность.

— Что, если там хранятся Его мощи?

— Откуда вы можете знать, Его ли это мощи?

— Откуда знали первые девять рыцарей? И посмотрите, чего они достигли. Перед их волей склонялись короли и папы. Чем еще это можно объяснить, если не их уникальным знанием?

— Вы думаете, они делились этим знанием? Что они делали — показывали мощи Христа каждому королю, каждому жертвователю денег, каждому верующему?

— Я понятия не имею, что именно они делали. Но в любом случае их методы оказались эффективными. Люди жаждали вступить в орден. Мирские власти искали его милости. Почему это нельзя вернуть?

— Можно. Но не тем путем, что вы думаете.

— Это возмущает меня. После того, что мы сделали ради церкви. Двадцать тысяч братьев, шесть магистров — все они погибли, защищая Иисуса Христа. Жертвы рыцарей-госпитальеров не идут ни в какое сравнение. И при этом нет ни одного святого тамплиера, а канонизированных госпитальеров много. Я хочу исправить эту несправедливость.

— Как можно изменить это? — Капеллан не ждал ответа от де Рокфора. — Данность нельзя изменить.

Де Рокфор снова подумал о записке. «Ответ найден». И о телефоне, лежавшем в его кармане. «Я позвоню, до того как солнце сядет, и дам информацию». Его пальцы бережно погладили телефон. Капеллан продолжал что-то говорить, бормоча о «поисках несуществующего». Ройс Кларидон продолжал исследования в архивах.

Но в его мозгу крутилась только одна мысль.

Почему не звонит телефон?

— Хенрик! — заорал Малоун. — Я больше не в состоянии терпеть это!

Он только что узнал от Марка, что руины аббатства принадлежат Торвальдсену. Они стояли среди деревьев, в полумиле от Сен-Агулуса, возле припаркованных автомобилей.

— Коттон, я и понятия не имел, что это моя собственность.

— Вы думаете, что мы этому поверим? — возмущенно спросила Стефани.

— Да мне наплевать, верите вы мне или нет. Я ничего об этом не знал.

— Тогда как вы это объясните? — продолжал злиться Малоун.

— За три месяца до смерти Ларс взял у меня займы сто сорок тысяч долларов. Он не сказал, зачем ему деньги, а я не спросил. Видимо, он купил на них эти развалины.

— Вы дали ему так много денег без единого вопроса? — изумилась Стефани.

— Ему нужны были деньги, поэтому я и дал. Я доверял Ларсу.

— Аббат в городке сказал, что папа купил этот участок у районных властей. Они хотели продать эти развалины, но желающих было мало, потому что аббатство расположено высоко в горах и находится в плохом состоянии. Оно было продано на аукционе здесь, в Сен-Агулусе, — сказал Марк, глядя на Торвальдсена. — Ваша ставка была самой высокой. Священник знал отца и сказал, что на самом деле это не он приобретает руины.

— Тогда Ларс нанял кого-то действовать вместо него. А потом записал собственность на мое имя, чтобы скрыть свой интерес к аббатству. Если бы я знал о том, что владею этим аббатством, я бы сказал об этом прошлой ночью, когда зашла речь о Сен-Агулусе.

— Не обязательно, — пробормотала Стефани.

— Послушайте, Стефани. Я не боюсь никого из вас. И не обязан что-то объяснять. Но я считаю вас своими друзьями, и если бы я знал о том, что владею этим местом, я бы сказал об этом прошлой ночью.

— Почему бы не предположить, что Хенрик говорит правду, — вмешалась Кассиопия. Во время спора она сохраняла необычное для нее спокойствие. — И давайте уже пойдем туда. В горах рано темнеет. Мне не терпится увидеть, что там.

— Она права, — вмешался Малоун, — поехали. Мы можем поругаться на эту тему позже.

Езда вверх в горы заняла пятнадцать минут и потребовала крепких нервов и умелого пользования тормозами. Они последовали указаниям аббата, и вот уже перед ними виднелись развалины монастыря, расположенного на возвышении. Остатки его разрушенной квадратной башни были защищены с боков головокружительным обрывом. Дорога закончилась в полумиле от аббатства, и пеший путь к нему по каменистой тропинке, заросшей чабрецом, занял еще десять минут.

Они вошли в руины.

Повсюду были очевидны следы упадка. Толстые стены были совершенно голыми. Малоун провел пальцем по серо-зеленому граниту. Много веков рабочие стойко и терпеливо добывали в горных каменоломнях эти камни. Некогда величественная галерея открывалась навстречу небу, колонны и капители, расположенные в ней, под действием ветра, дождя и солнечных лучей были повреждены до неузнаваемости. Мох, оранжевый лишайник и серая жесткая растительность покрывали землю, каменный пол давно раскрошился и превратился в песок.

Расположение комнат было трудно определить, поскольку крыша и большинство стен обрушились. Но монастырские погреба, большой зал и еще одну просторную комнату, возможно служившую библиотекой или скрипторием,³³ было легко распознать. Вполне можно было представить, как здесь протекала тихая жизнь, наполненная смирением, кротостью и аскетизмом.

— Ну и местечко ты приобрел, — заметил Малоун Хенрику.

— Да, я только что порадовался, как много можно было купить за сто сорок тысяч долларов двенадцать лет назад.

ГЛАВА LVIII

Малоун водил фонарем, освещая внутренности церкви, пытаясь найти на грубых каменных стенах что-то, что может подсказать, куда двигаться дальше. Они выгрузили все оборудование, которое взяла с собой Кассиопия, и свалили его в аббатстве. Стефани и Кассиопия были снаружи, обустроивая лагерь. Хенрик вызвался набрать хвороста. Они с Марком вернулись обратно, чтобы посмотреть, не упустили ли чего-нибудь.

— Эта церковь стояла пустой много лет, — сказал Марк. — Три века, как сказал священник в городе.

— Должно быть, когда-то она поражала воображение.

— Такой тип сооружений не является чем-то необычным. Подземные церкви есть повсюду в Лангедоке. В Вале, вблизи Каркасона, находится одна из самых знаменитых. Она в хорошем состоянии. До сих пор сохранились фрески. Все церкви в этих краях были расписаны внутри. Таков был обычай. К сожалению, мало что дожило до наших дней из-за Революции.

— Наверное, жизнь здесь была трудной.

³³ Скрипторий (позднелат. scriptorium, от лат. scriptor — писец) — мастерская письма в западноевропейских монастырях VI–XII вв.

— Монахи были особенным народом. У них не было газет, радио, телевидения, музыки, театра. Единственным развлечением были кое-какие книги и фрески в церкви.

Малоун продолжал вглядываться в почти театральный мрак, окружавший его и нарушаемый лишь бледным холодным светом, словно инеем покрывшим отдельные детали помещения.

— Я полагаю, что криптограмма в отчете маршала правильная, — заметил Марк. — У нас нет причин предполагать обратное. Я всегда подозревал, что этот маршал был таким же одержимым, как де Рокфор. Я думаю, он отправился на поиски сокровища. Он наверняка знал историю о семейном секрете де Бланшфоров. Эта информация и догадки о том, что тайну, возможно, доверили аббату Бигу, были записаны в наших Хрониках. Маршал мог предположить, что обе криптограммы оставил Бигу и что они указывают путь к Великому Завещанию. И, будучи честолюбивым человеком, отправился, чтобы найти его самолично.

— Тогда зачем он записал криптограмму?

— Почему бы и нет? У него была расшифровка, которую ему дал аббат Жели. Больше ни у кого ключа к разгадке не было. Почему бы не записать криптограмму в отчете и не показать магистру?

— Можно предположить, что маршал мог убить Жели, вернуться в аббатство и частично записать то, что произошло, чтобы отвести от себя подозрения.

— Вполне возможно.

Малоун подошел ближе к буквам «PRIER EN VENIR», выцарапанным на стене.

— Больше здесь ничего не сохранилось, — пробормотал он.

— Да, действительно. Какой позор! Здесь много ниш, в которых наверняка стояли статуи. В сочетании с фресками когда-то это было прекрасным местом.

— Тогда как эти три слова могли сохраниться?

— Они едва видны.

— Но этого достаточно, — сказал Малоун, думая, что об этом мог позаботиться аббат Бигу.

Он снова вспомнил надгробие Мари де Бланшфор. Стрелу с двумя остриями и «PRÆCUM» — «Молись, чтобы войти». Он уставился на пол.

— Когда-то здесь были скамейки, верно?

— Наверняка деревянные. Давным-давно.

— Если Соньер узнал расшифровку криптограммы от Жели или разгадал ее сам...

— Маршал написал в отчете, что Жели не доверял Соньеру.

Малоун покачал головой:

— Маршал мог выдумать это. Соньер наверняка вычислил что-то, неизвестное маршалу. Давай предположим, что он нашел Великое Завещание. Соньер возвращался к нему много раз. Ты мне сам в Ренне рассказывал, что он и его возлюбленная часто покидали город и затем возвращались с камнями для грота, который он строил. Наверное, он приходил сюда, чтобы пополнить свои денежные запасы.

— Во времена Соньера сюда можно было легко добраться поездом.

— Так что ему нужна была возможность легко добраться до сокровищ и при этом сохранить их местоположение в тайне.

Он снова посмотрел на надпись «PRIER EN VENIR». «Молись, чтобы войти». И опустил на колени.

— Разумное решение, но что ты видишь оттуда, чего я не вижу со своего места? — поинтересовался Марк.

Взгляд Малоуна обшарил церковь. Внутри ничего не осталось, кроме алтаря в двадцати футах впереди. Каменный верх был около трех дюймов в толщину, его поддерживало прямоугольное подножие, вырезанное из гранитных плит. Он сосчитал плиты по горизонтали. Девять. Потом по вертикали. Семь. Посветил фонарем на покрытые лишайником камни. Там еще сохранились толстые волнистые линии известкового раствора. Он поводил фонарем туда-сюда несколько раз, потом направил луч к основанию гранитного

верха.

И увидел это.

Теперь он понял. И улыбнулся.

«Молись, чтобы войти».

Умно.

Де Рокфор пропускал мимо ушей болтовню казначея. Тот нес что-то о бюджете аббатства и перерасходах. Аббатство имело в своем распоряжении фонд в размере нескольких миллионов евро, который был создан давно и которым управляли очень взвешенно и осторожно, дабы обеспечить богатство и процветание ордена. Аббатство находилось практически на самообеспечении. Его поля, фермы и хлебопекарни производили основную часть необходимых продуктов. Виноградники и молочные фермы обеспечивали питьем. А вода была в таком изобилии, что ее качали вниз в долину, разливали по бутылкам и продавали по всей Франции. Разумеется, многое для удовлетворения всех нужд надо было покупать, но дохода от виноделия и продажи воды, вкупе с платой, которую посетители отдавали за вход, для этого было более чем достаточно. Так что какие перерасходы?

— Нам нужны деньги? — перебил он казначея.

— Вовсе нет, магистр.

— Тогда зачем ты меня побеспокоил?

— Магистр должен быть в курсе всех финансовых решений.

Этот глупец прав. Но он не хотел слушать об этом. Хотя казначей может быть полезен.

— Ты изучал нашу финансовую историю?

Этот вопрос, казалось, застал брата врасплох.

— Разумеется, магистр. Это обязанность всех казначеев. Сейчас обучаю тех, кто впоследствии займет мое место.

— Каким было наше богатство во времена чистки?

— Неисчислимым. Орден владел девятью с лишним тысячами угодьев, и сейчас невозможно оценить их земельную площадь.

— А наши денежные средства?

— Опять-таки сложно сказать. В казне ордена были золотые динары, византийские монеты, золотые флорины, драхмы, марки, а также серебряные и золотые слитки. В тысяча триста шестом году де Моле приехал во Францию с двенадцатью лошадьми, навьюченными серебром, количество которого никто не считал. Потом еще были ценности, которые нам доверили на хранение.

Он понимал, о чем говорит брат. Орден первым открыл сейфовые депозитарии для драгоценностей и личных вещей. Его репутация была безупречна, поэтому услуги ордена пользовались большим спросом по всему христианскому миру — разумеется, не бесплатно.

— Ценности, которые мы хранили, были утрачены во время чистки, — продолжал казначей. — Их опись была утрачена вместе с частью наших архивов. Поэтому мы не можем даже приблизительно оценить стоимость всего этого. Но вполне можно допустить, что это были миллиарды евро.

Де Рокфор знал о телегах с сеном, отправившихся на юг в сопровождении четырех избранных братьев во главе с Жильбером де Бланшфором, которому было приказано, во-первых, никому не говорить, где находится тайник, и, во-вторых, обеспечить *передачу информации о нем другим людям должным образом*. Де Бланшфор хорошо справился с заданием. Прошло семь веков, и до сих пор никто не смог узнать, где тайник.

Что за сокровище де Моле распорядился спрятать с такими предосторожностями? Он тридцать лет пытался найти ответ на этот вопрос.

Телефон в его кармане завибрировал, и он чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Наконец!

— Что случилось, магистр? — поинтересовался казначей.

Он взял себя в руки.

— Оставь меня одного.

Казначей встал, поклонился и вышел. Де Рокфор открыл телефон-«раскладушку» и ответил:

— Я надеюсь, что это не будет напрасной тратой времени.

— Как правда может быть потерей времени?

Он сразу же узнал голос.

Жоффруа.

— Почему я должен верить твоим словам? — спросил де Рокфор.

— Потому что вы мой магистр.

— Ты был верен моему предшественнику.

— Да, пока он был жив. Но моя клятва братству требует, чтобы я был лоялен к тому, кто носит белую мантию...

— Даже если ты недолго любишь этого человека?

— Я полагаю, что в течение многих лет вы поступали так же.

— И нападение на твоего магистра — это проявление твоей преданности? — Де Рокфор не забыл удар пистолетом в висок, нанесенный ему Жоффруа перед тем, как они с Марком Неллом бежали из аббатства.

— Необходимая демонстрация, чтобы внушить доверие сенешалю.

— Где ты взял этот телефон?

— Мне дал его покойный магистр. Я должен был пользоваться им во время нашей вылазки за стены аббатства. Но я нашел ему другое применение.

— Вы с магистром хорошо спланировали.

— Для него было важно, чтобы мы преуспели. Поэтому он послал дневник Стефани Нелл. Чтобы втянуть ее в это дело.

— Дневник бесполезен.

— Я знаю. Но это новая для меня информация. Я узнал об этом только вчера.

Он задал вопрос, который его очень волновал:

— Они расшифровали криптограмму, записанную маршалом?

— Да, им это удалось.

— Так скажи мне, брат, где вы сейчас?

— В Сен-Агулусе. В руинах аббатства к северу от города. Недалеко от вас.

— И наше Великое Завещание там?

— Сюда ведут все ключи. Прямо сейчас они ведут поиски тайника. Меня послали в Эльн за припасами.

С одной стороны, он начинал верить этому человеку. Но сомневался, чем вызвано это доверие — отчаянием или здравым смыслом.

— Брат, я убью тебя, если ты лжешь.

— Вы уже убивали, так что я не сомневаюсь в этом.

Де Рокфор знал, что совершает глупость, но не смог удержаться от вопроса:

— И кого же я убил?

— Наверняка это вы расправились с Эрнстом Сковиллем. Что касается Ларса Нелла, не уверен. Трудно сказать, по крайней мере исходя из того, что мне сказал покойный магистр.

Он хотел прощупать, что еще знает этот человек, но сознавал, что проявляемый им интерес будет лишь подтверждением подозрений Жоффруа. Поэтому просто сказал:

— Брат, ты фантазер.

— Меня называли словами похуже.

— Чего ты хочешь?

— Стать рыцарем. Решение о посвящении принимаете вы. Несколько дней назад, в часовне, когда вы арестовали сенешаля, вы дали мне понять, что этого не случится. Тогда я решил взять другой курс — который не понравился бы покойному магистру. Так я и сделал. Узнал все, что мог. И ждал, когда смогу предложить вам то, что вам на самом деле нужно. Взамен я прошу только о прощении.

— Если ты говоришь правду, ты его получишь.

— Мне пора возвращаться в руины. Они собираются разбить там лагерь на ночь. Вы уже видели, какие они находчивые, поодиночке и вместе. Хотя я бы никогда не осмелился решать за вас, я бы посоветовал вам действовать решительно.

— Брат, я тебя уверяю, мой ответ будет более чем решительным.

ГЛАВА LIX

Малоун поднялся и подошел к алтарю. При свете фонаря он заметил, что под верхней плитой нет известки. Расположение поддерживающих камней по принципу «семь — девять» привлекло его внимание, и он встал на колени, чтобы рассмотреть щель получше.

Он направил луч света на алтарь, наклонившись к камням.

— Верхняя плита не закреплена.

— А зачем? — отозвался Марк. — Она и так никуда не денется, такая здоровая. Посмотри на нее. Три дюйма в толщину и шесть футов в длину. Уникальное место. Чтобы добраться туда, ему пришлось приподнять плиту, чтобы вытащить болт, который ее удерживал, и засунуть в углубление стеклянный фиал. Потом он вернул плиту на место, и получилось великолепное укрытие. Но мне кажется, что это неслучайно. Выбором тайника Бигу оставил послание. — Он посветил фонарем вниз. — Давай попробуем сдвинуть плиту.

Марк подошел к одному краю алтаря, Малоун встал у противоположного, взялся руками за плиту и попробовал ее пошевелить.

Камень едва заметно подался.

— Ты прав, — сказал Малоун, — плита не закреплена. Не вижу причин для деликатности. Давай сбросим ее.

Они стали раскачивать плиту, пока под действием силы тяжести она не рухнула на пол.

Малоун устался в прямоугольное отверстие под плитой и увидел, что там лежат камни.

— Давай попробуем вытащить их, — предложил он.

— Зачем?

— Если бы ты был Соньером и не хотел, чтобы кто-то проследил за твоими движениями, каменная плита стала бы отличным способом для отвода глаз. А эти камни — еще лучшим. Как ты мне вчера сказал, надо примерить на себя образ мыслей людей, которые жили сто лет назад. Посмотри вокруг. Никто не пришел бы сюда в поисках сокровища. Здесь были только руины. И кому могло прийти в голову разобрать этот алтарь, который веками стоял тут нетронутым? Но если кто-то сделал все это, значит, это еще одна линия защиты.

Прямоугольная подставка была три фута высотой, и они быстро освободили ее от камней. Через десять минут отверстие было пустым. Внизу было грязное дно.

Малоун прыгнул внутрь, и у него что-то дрогнуло под ногами. Он нагнулся и пощупал пол. Сухая почва была на ощупь как песок. Марк светил ему, пока он вычерпывал песок ладонями. Шестью дюймами ниже он на что-то наткнулся. Двумя руками вырыл яму в фут шириной и увидел деревянные доски.

Малоун посмотрел вверх и ухмыльнулся:

— Как приятно, когда ты прав.

Де Рокфор ворвался в комнату и посмотрел на своих советников. После разговора с Жоффруа он приказал своим рыцарям немедленно собраться.

— Великое Завещание найдено, — объявил он.

На лицах присутствовавших выразилось изумление.

— Бывший сенешаль и его союзники обнаружили тайник. Я внедрил к ним нашего брата. Он доложил об их успехе. Пришло время предъявить права на наше наследие.

— Что вы предлагаете? — спросил один из членов капитула.

— Мы возьмем отряд рыцарей и схватим их.

— Опять кровопролитие? — возмутился капеллан.

— Нет, если мы будем осторожны.

Капеллан ему не поверил:

— Бывший сенешаль и Жоффруа, который, по-видимому, является вашим союзником, поскольку там нет других братьев, уже убили двух наших людей. Нет причин думать, что они больше не будут стрелять.

Де Рокфор больше не желал это слушать.

— Капеллан, это не вопрос веры. Ваши советы не требуются.

— Безопасность членов ордена — наш общий долг.

— И вы осмеливаетесь заявить, что я не забочусь о безопасности ордена? — Де Рокфор повысил голос. — Вы подвергаете сомнению мой авторитет? Бросаете мне вызов? Скажите мне, капеллан, я желаю знать!

Если венецианец испугался, то не подал виду. Он просто ответил:

— Вы мой магистр. Я клялся вам в верности... невзирая ни на что.

Де Рокфору не понравился его надменный тон.

— Но, магистр, — продолжил капеллан, — разве вы сами не сказали, что такие важные решения мы должны принимать сообща? — Несколько рыцарей согласно кивнули. — Разве на конклаве вы не сказали братству, что будете следовать новым курсом?

— Капеллан, мы собираемся выполнить важнейшую миссию из тех, что когда-либо совершал орден. У меня нет времени спорить с вами.

— Я полагал, что наша важнейшая миссия — это возносить хвалу нашему Господу. И это вопрос веры, о котором я уполномочен говорить.

С него было достаточно.

— Вы освобождены от ваших обязанностей.

Капеллан не шелохнулся. Никто из присутствующих не сказал ни слова.

— Если вы немедленно не покинете эту комнату, я прикажу схватить вас и привести ко мне позже для наказания... — он выдержал паузу, — которое не покажется вам приятным.

Капеллан поднялся и склонил голову:

— Я ухожу. Как прикажете.

— Мы поговорим позже, я вас уверяю.

Он подождал, пока за капелланом закрылась дверь, и обратился к остальным:

— Мы долго искали наше Великое Завещание. Наконец-то оно в пределах досягаемости. То, что хранится в этом тайнике, — наше и больше ничье. Это наше наследие. Что касается меня, я намереваюсь предъявить права на то, что принадлежит ордену. Мне нужны двенадцать рыцарей. Оставляю на ваше усмотрение выбрать тех, кто пойдет со мной. Позаботьтесь, чтобы они были полностью вооружены и ждали меня в спортивном зале через час.

Малоун позвал Стефани и Кассиопию и попросил их принести лопату, которую выгрузили из «лендровера». Женщины пришли в сопровождении Хенрика. И когда они вошли в часовню, Малоун рассказал, что они с Марком обнаружили.

— А вы соображаете, — одобительно заявила Кассиопия, обращаясь к Малоуну.

— Ага, у меня бывают озарения. — Он скромно потупился.

— Надо убрать оттуда всю землю, — предложила Стефани.

— Дайте мне лопату.

За несколько минут он вычерпал всю землю и обнажил три почерневшие от времени доски. Две из них были скреплены металлическими скобами. Остальная часть образовывала дверь на петлях, которая открывалась наружу.

Малоун нагнулся и ласково погладил металл.

— Проржавел насквозь. Петли сломаны. Сто лет под землей и камнями не прошли даром. — Он поднялся и с помощью лопаты избавился от остатков петель.

— Что ты имеешь в виду, почему сто лет? — любопытствовала Стефани.

— Эту дверь сделал Соньер, — вместо Малоуна ответила Кассиопия. — Дерево в довольно хорошем состоянии, ему явно не несколько веков. И доски гладко обструганы, в Средневековье так не делали. Соньеру нужен был легкий путь в тайник. Обнаружив этот вход, он сделал новую дверь.

— Я согласен, — поддержал Малоун. — Это объясняет, почему алтарная плита не закреплена. Он отодвигал ее наполовину, вынимал камни, забирался внутрь, а когда выходил, возвращал все на свои места. Судя по тому, что я слышал о нем, он был в хорошей физической форме. И чертовски умен к тому же.

Он просунул край лопаты в щель между досками и приподнял дверь. Марк нагнулся и придержал ее. Малоун отставил лопату, и вместе они извлекли доски из рамы, обнажив зияющее отверстие.

Торвальдсен уставился в черноту.

— Поразительно. Неужели мы нашли?

Стефани посветила во мрак фонарем. У одной из каменных стен стояла приставная лестница.

— Как ты думаешь, она выдержит?

— Есть только один способ узнать.

Малоун осторожно встал одной ногой на первую перекладину. Лестница была сколочена из хорошей древесины, и он надеялся, что скреплявшие ее гвозди сохранились. Он заметил несколько заржавевших шляпок. Продолжая на всякий случай держаться руками за край алтаря, он крепче оперся ногой на ступеньку. Лестница выдержала. Он поставил на перекладину вторую ногу, продолжая проверять ее на прочность.

— Думаю, она выдержит, — сделал вывод Малоун.

— Я легче. Давайте я пойду первой, — вызвалась Кассиопия.

Он улыбнулся:

— Если не возражаете, я бы хотел, чтобы честь сделать это доверили мне.

— Видите, я права, — заметила она. — Вы действительно хотите найти сокровище.

Да, он хотел. То, что лежало внизу, манило его, подобно поискам редких книг. Никогда не знаешь, что можно найти на старых полках.

Продолжая держаться за остатки алтаря, он спустился на вторую ступеньку. Перекладины располагались в восемнадцать дюймах друг от друга. Он взялся руками за первую ступеньку и продолжил спуск.

— Вроде лестница крепкая, — сказал он.

Он спускался все ниже и ниже, внимательно ощупывая каждую перекладину. Стефани и Кассиопия направили лучи фонарей в колодец, освещая ему путь. Он спустился на последнюю ступеньку. Ниже было пространство, усыпанное мелким гравием и камнями величиной с кулак, и лежал череп.

— Бросьте мне фонарь, — попросил он.

Торвальдсен кинул ему свой фонарь. Малоун поводит лучом вокруг себя, осматриваясь. Лестница была примерно пятнадцати футов в длину. Малоун увидел, что ее основание стоит в центре природного коридора, который за миллионы лет дождь и тающий снег проточили в известняке. Он знал, что Пиренеи пронизаны пещерами и туннелями.

— Почему бы вам просто не спрыгнуть вниз? — спросила Кассиопия.

— Это слишком просто. — Спиной он чувствовал холод, источником которого не мог быть просто холодный воздух. — Я подлезу под лестницу с той стороны, а вы бросьте мне один из камней.

— Ты спрятался? — спросила Стефани.

— Да, бросай.

Сверху упал камень. Он проследил за его полетом и увидел, как он ударился о землю и затем продолжил движение.

Лучи фонарей уперлись в место его падения.

— Вы были правы, — промолвила Кассиопия. — Здесь прямо под ногами яма,

поджидающая неосторожных. Еще одна ловушка.

— Бросайте еще камни вокруг лестницы. Надо найти место, куда можно спуститься.

Еще четыре камня упали вниз, наткнувшись на твердый пол. Малоун спрыгнул с лестницы и осмотрел коварную ловушку. Отверстие было три фута в ширину и минимум столько же в глубину. Он пошарил рукой и нащупал несколько деревяшек, лежавших поперек ямы. Они крепились друг к другу и были достаточно тонкими, чтобы проломиться под тяжестью человеческого тела, и при этом довольно прочными, чтобы выдерживать вес ила и камней. На дне ямы располагались металлические пирамиды с заостренным верхом и широким основанием, поджидавшие незваных гостей. Они потемнели от времени, но не стали менее опасными.

— Соньер был серьезным мужчиной, — заметил Малоун.

— Это может быть ловушка тамплиеров, — отозвался Марк. — Это латунь?

— Бронза.

— Орден хорошо разбирался в металлургии. Медь, бронза, латунь — все это использовалось. Церковь запрещала научные эксперименты, так что они узнавали подобные вещи от арабов.

— Дерево не сохранилось бы семьсот лет, — возразила Кассиопия. — Должно быть, Соньер восстановил ловушки тамплиеров.

Малоуну не понравилось то, что он услышал.

— Это значит, что у нас могут быть и другие препятствия.

ГЛАВА LX

Малоун следил, как Стефани, Марк и Кассиопия спускаются по лестнице. Торвальдсен остался наверху ждать возвращения Жоффруа и передавать им инструменты по мере необходимости.

— Будьте осторожны, — напомнил Марк. — Тамплиеры очень любили использовать хитроумные ловушки. Я читал в Хрониках описания приемов и техник, которые они применяли.

— И смотрите вокруг, — добавил Малоун. — Если мы хотим найти то, что тут спрятано, надо быть внимательными.

— Уже начало четвертого, — сказала Кассиопия. — Через два часа стемнеет. Здесь и так нежарко, а после заката будет совсем холодно.

Пиджак согревал тело Малоуна, но перчатки и теплые носки не помешали бы. Жоффруа должен был привезти теплую одежду.

Коридор, простиравшийся в двух направлениях, освещался только слабым светом, сочившимся сверху. Очевидно, что без фонарей они не увидят дальше собственного носа.

— Дневной свет не важен. Здесь могут помочь только хорошие фонари. Нам просто надо дождаться, когда Жоффруа привезет теплую одежду и еду. Хенрик! — окликнул он датчанина. — Дай нам знать, когда вернется наш добрый брат.

— Удачной охоты, Коттон.

Малоун обдумывал дальнейшие действия.

— Какие будут предложения? — поинтересовался он у остальных.

— Это может быть часть *horreum*,³⁴ — заметила Кассиопия. — Когда этим краем правили римляне, они создали подземные хранилища, чтобы держать там скоропортящиеся продукты. Эдакий прообраз холодильника. Некоторые из них сохранились. Это может быть один из них.

— И тамплиеры знали о нем? — спросила Стефани.

— У них тоже были такие «холодильники», — ответил Марк. — Они узнали о них от

³⁴ *Horreum* — древнеримский подземный амбар.

римлян. Кассиопия говорит дело. Когда де Моле приказал Жильберу де Бланшфору *заблаговременно увезти сокровище храма*, тот вполне мог выбрать подобное место. Под неизвестной церковью, в незначительном аббатстве, не связанном с орденом.

Малоун посветил фонарем вперед, потом повернулся и направил луч света в другом направлении.

— Стефани с Марком, идите туда, — решил он. — А Кассиопия и я пойдем сюда. — Он видел, что ни Марку, ни Стефани его предложение не пришлось по душе. — У нас нет времени на ссоры. Давайте отложим выяснение отношений. Ты сама это предлагала, Стефани.

Она не стала спорить.

— Он прав. Пойдем, — обратилась она к сыну.

Малоун проследил, как они исчезли в темноте.

— Умно, Малоун, — прошептала Кассиопия. — Но вы думаете, это хорошая мысль — отправить их вдвоем? Они не ладят.

— Опасность поможет им найти общий язык.

— По отношению к нам это тоже должно сработать?

Он направил луч фонаря ей в лицо.

— Увидим.

Де Рокфор и двенадцать братьев подъехали к древним развалинам аббатства с юга. Они объехали городок Сен-Агулус и припарковали машины в километре от аббатства, в густом лесу. Дальше их дорога поднималась в гору по красному щебню через невысокий кустарник. Эти края — приманка для любителей походов. Вокруг поднимались зеленые склоны и пурпурные скалы, но тропинка была хорошо протоптанной, видимо, по ней местные пастухи гоняли овец. Она привела к руинам того, что некогда было местом поклонения Богу.

Де Рокфор остановил свою команду и посмотрел на часы. Четыре часа дня. Брат Жоффруа сказал, что вернется сюда в четыре. Руины находятся на скалистом уступе на сто метров выше. Машина Малоуна припаркована чуть ниже по склону.

— Спрячьтесь среди деревьев, — распорядился он.

Через несколько минут по усыпанной гравием дорожке подъехал «лендровер» и остановился около автомобиля Малоуна. Он видел, как Жоффруа выбрался из-за руля и осмотрелся. Но де Рокфор не показался, все еще остерегаясь ловушки.

Жоффруа потоптался около «лендровера», вытащил из багажника два пакета и направился вверх по тропинке к аббатству. Де Рокфор подождал, пока он пройдет мимо, потом решительно выступил на дорожку и сказал:

— Я здесь, брат.

Жоффруа обернулся.

На его лице разлилась бледность. Он молча поставил пакеты на землю и вынул из-под пиджака девятимиллиметровый револьвер. Эти австрийские револьверы были в арсенале тамплиеров.

Молодой человек сказал:

— Зовите ваших людей и покончим с этим.

Невероятное напряжение прогнало все мысли из головы Малоуна. Он следовал за Кассиопией, дюйм за дюймом осматривая подземный коридор. Примерно шесть футов в ширину и восемь в высоту, он был достаточно сухим с неровными стенами. От поверхности их отделяли пятнадцать футов твердой земли. Малоун не страдал клаустрофобией, но чувствовал себя здесь неуютно. У Кассиопии, похоже, нервы были крепче. Он видел подобную смелость у агентов, лучше всего работающих в состоянии сильного напряжения.

Он был готов к новым капканам, внимательно глядя на гравий впереди них. Когда он смотрел приключенческие фильмы, его очень забавляло, что двери и прочие движущиеся части, сделанные из камня и металла много веков, а то и тысячелетия назад, продолжали

функционировать, будто их только вчера смазали маслом. Железо и камень уязвимы перед разрушительной силой воздуха и воды. Но бронза — другое дело. Поэтому следовало опасаться ловушек, подобных той, что удалось успешно избежать.

Кассиопия остановилась, направив свет на место в десяти футах впереди.

— Что это? — спросила она.

— Где?

— Взгляните.

Он посветил своим фонарем туда, куда она указывала, и увидел это.

Стефани ненавидела запертые помещения, но не собиралась объявлять об этом своему сыну, который и так был о ней невысокого мнения. Так что, постаравшись отвлечься от дискомфорта, она спросила:

— Как рыцари смогли доставить сюда свои сокровища?

— Переносили понемногу. Ничто не могло остановить их, за исключением смерти или плена.

— Это потребовало много усилий.

— У них было достаточно времени.

Они сосредоточенно всматривались в пол перед собой, и Марк аккуратно проверял землю перед каждым следующим шагом.

— Их меры предосторожности не были изощренными, — продолжил Марк, — зато достаточно эффективными. Орден владел склепами по всей Европе. Большую часть они тщательно охраняли. Здесь свою роль играли и уединенное местоположение, и ловушки, но стражи не было. Последнее, чего они хотели, — привлечь внимание к такому месту, установив тут охрану из рыцарей.

— Твоему отцу здесь бы понравилось. — Стефани сочла необходимым сказать это.

— Я знаю.

Луч ее фонаря высветил что-то на стене. Она схватила Марка за плечо.

— Смотри.

На скале были высечены буквы.

**NON NOBIS DOMINE
NON NOBIS SED NOMINE TUO DA GLORIUM
PAUPERS COMMILITONES CHRISTI TEMPLIQUE
SALAMONIS**

— Что здесь написано? — поинтересовалась она.

— «Не ради нас, о Боже, не ради нас, но во имя Твое дай нам славу. Нищенствующие братья-рыцари Христа и Храма Соломона». Девиз тамплиеров.

— Так это правда! Оно здесь!

Марк ничего не сказал.

— Боже, прости меня, — прошептала Стефани.

— Бог не имеет с этим ничего общего. Всю эту неразбериху создал человек, и человек должен разобраться с этим. — Он провел лучом света дальше по коридору. — Посмотри сюда.

Она увидела металлическую решетку — дверь, открывавшуюся в другой коридор.

— Это здесь все хранится? — спросила она.

Не ожидая ответа, она обошла его и сделала несколько шагов.

— Нет! — крикнул Марк.

Земля выскользнула у нее из-под ног.

Малоун рассматривал то, что высветили их фонари. Скелет, распростертый на полу, плечи, шея и череп которого опирались на стену.

— Давайте подойдем поближе, — предложил он.

Они сделали шаг вперед, и он заметил, что здесь пол дает легкий уклон вниз. Он схватил Кассиопию за плечо.

— Я вижу, — отозвалась она, останавливаясь. — Щель. Длиной в пару ярдов.

— Эти чертовы ямы, наверное, когда-то были невидимы, но со временем дерево прохунилось, и их можно заметить.

Они обошли щель, оставаясь на твердой земле, и приблизились к скелету.

— Ничего не осталось, кроме костей, — заметила она.

— Посмотрите на грудь. Ребра. И лицо. Раздроблены. Он угодил в ловушку. Это следы от копий.

— Кто он?

Что-то привлекло его внимание.

Он нагнулся и разглядел среди костей почерневшую серебряную цепь. На звеньях болтался медальон.

— Печать тамплиеров. Двое мужчин на одной лошади. Символ личной бедности. Готов поспорить, что это тот самый маршал, отчетом которого мы воспользовались. Он исчез из аббатства после того, как узнал разгадку криптограммы, но оказался неосторожен. Наверное, Соньер обнаружил тело, но не стал трогать.

— Но как Соньер смог разобраться во всем этом? Как расшифровал криптограмму? Марк показал мне этот отчет. По словам Жели, Соньер не смог прочитать криптограмму, найденную в церкви. Жели не доверял Соньеру и хранил молчание.

— Это если верить словам маршала. Жели убил либо Соньер, либо маршал. Если преступником был маршал, что вероятнее всего, его отчет — это просто способ прикрыть свои грешки. Чтобы никто не подумал, что он ушел из аббатства на поиски Великого Завещания. Какое значение имело то, что он записал криптограмму? Без математической последовательности ее невозможно прочитать.

Он отвел взгляд от скелета и посветил вперед.

— Посмотрите сюда.

Кассиопия подошла, и они уставились на высеченный в скале крест с четырьмя равными частями, расширявшимися к концам.

— Cross patee,³⁵ — определила она. — Папский декрет даровал право носить его исключительно тамплиерам.

Он припомнил, что читал в книге о рыцарях-храмовниках.

— Такие кресты были красными на белых мантиях и символизировали готовность к мученичеству в битве с неверными. — Лучом фонаря он высветил надпись над крестом.

PAR CE SIGNE TU LE VAINGRAS

— «Этим знаком ты победишь его», — перевел он. — Те же слова написаны в реннской церкви, над сосудом со святой водой около дверей. Соньер приказал поместить их там.

— Слова Константина, которые он произнес после первой победы над Максенцием. Перед битвой он якобы увидел на солнце крест с этими словами, сияющими под ним.

— С одной разницей. Марк говорил, что в первоначальной фразе не было слова «его». Только «Этим знаком ты победишь».

— Он прав.

— Соньер поместил le — «его», после tu — «ты». Тринадцатая и четырнадцатая буквы во фразе. Тысяча триста четырнадцатый.

— Год, когда казнили Жака де Моле.

— Похоже, Соньер был не прочь добавить немного иронии в свои символы, и он

³⁵ Мальтийский крест.

почерпнул эту идею именно здесь.

Он взгляделся в темноту и увидел, что проход заканчивается в двадцати футах впереди. Но перед этим в другую сторону вела металлическая решетка, запертая цепью и засовом. Кассиопия тоже заметила это.

— Похоже, мы нашли.

Позади раздался грохот, и кто-то закричал:

— Нет!

Они обернулись.

ГЛАВА LXI

Раймон де Рокфор остановился перед входом в развалины и жестом приказал своим людям расположиться по бокам от него. Место было подозрительно тихим и спокойным. Ни одного движения. Ни голосов. Ничего. Брат Жоффруа стоял рядом с ним. Де Рокфор никак не мог выбросить из головы мысль, что его обманывают. Именно поэтому он пришел во всеоружии. Он был доволен выбором совета — избранные рыцари были лучшими, опытными воинами безусловной храбрости и стойкости, это могло сейчас понадобиться.

Он всмотрелся на груды покрытых лишайником обломков, в глубину обвалившегося здания, поверх выросшей на руинах травы. Над головой темнело небо, по мере того как солнце отступало за горы. Вскоре совсем стемнеет.

Де Рокфор махнул рукой, и его люди выдвинулись вперед, перебираясь через камни и остатки стен. В одном месте, около сохранившихся частей стены, он заметил разбитый лагерь. Дрова были уже сложены для костра.

— Я войду первым, — прошептал Жоффруа. — Они ждут меня.

Де Рокфор согласно кивнул.

Жоффруа неторопливо вышел на открытое пространство и направился к лагерю. Никто не появился. Вскоре молодой человек скрылся между руинами. Через минуту он опять появился в поле зрения и призывно махнул им рукой.

Де Рокфор приказал своим людям пока что оставаться на месте и начать атаку в случае необходимости. И пошел к Жоффруа.

— В церкви только Торвальдсен, — проинформировал его Жоффруа.

— В какой церкви?

— Монахи вырубили церковь в скале. Малоун и Марк Нелл обнаружили вход под алтарем, ведущий в пещеры. Все они, кроме Торвальдсена, сейчас внизу, ведут исследования. Я сказал Торвальдсену, что иду выгрузить покупки.

Де Рокфор был доволен.

— Я с удовольствием познакомлюсь с Хенриком Торвальдсеном.

С пистолетом наготове он последовал за Жоффруа в склепообразное помещение, вырубленное в скале. Торвальдсен стоял спиной к ним, глядя в зияющую дыру на месте алтарной плиты.

Услышав их шаги, старик обернулся.

Де Рокфор поднял пистолет:

— Ни слова. Или я убью тебя.

Земля ушла из-под ног Стефани. Ее ноги начали проваливаться в очередную ловушку из тех, что они так старательно избегали. О чем она думала? При виде слов, вырубленных на скале, и металлической решетки она осознала, что ее муж был прав. Поэтому утратила осторожность и побежала вперед. Марк пытался остановить ее. Она слышала его крик, но было слишком поздно.

Она проваливалась под землю.

Стефани вскинула руки в надежде ухватиться за что-то и вся сжалась при мысли о бронзовых остриях. Но тут она почувствовала, что ее крепко подхватили под грудью. Она

упала на спину, приземлившись на тело другого человека, смягчившее удар.

Через секунду она пришла в себя.

Под ней лежал Марк.

— Ты в порядке? — спросила она, скатываясь с него.

Марк сел и начал стряхивать с себя гравий.

— Чертовы камни.

Позади них послышались тяжелые шаги, и колеблющиеся лучи фонарей осветили коридор. Это были Малоун и Кассиопия.

— Что случилось? — встревоженно спросил Малоун.

— Я была неосторожна, — ответила Стефани, поднявшись на ноги и отряхиваясь.

Малоун посветил в прямоугольную яму.

— Да уж, кажется, тебе крупно повезло. Там куча пирамид, и все они в хорошем состоянии.

Она приблизилась, заглянула в яму, потом обернулась к Марку:

— Спасибо, сын.

Марк растирал шею, пытаясь избавиться от боли в мышцах.

— Не за что.

— Малоун, — позвала Кассиопия, — взгляните сюда.

Стефани посмотрела, как Малоун и Кассиопия разглядывают девиз тамплиеров, который нашли они с Марком.

— Я направлялась к этой решетке, когда наткнулась на яму.

— Их две, — пробормотал Малоун, — в противоположных концах коридора.

— Есть еще одна решетка? — поинтересовался Марк.

— С другой надписью.

Стефани внимательно выслушала рассказ Малоуна о том, что они нашли.

— Я согласен, — подытожил Марк, — это наверняка скелет нашего давно пропавшего маршала. — Он выудил цепочку из-под рубашки. — Мы все носим такие медальоны. Их вручают на посвящении.

— По всей видимости, — задумчиво сказал Малоун, — тамплиеры разделились и спрятали свои сокровища в двух разных местах. — Он указал на ловушку в полу. — И максимально затруднили путь к ним. Маршалу следовало быть более осторожным. — Он взглянул на Стефани. — Как и нам всем.

— Я понимаю, — отозвалась она. — Но, как ты часто мне напоминаешь, я не полевой агент!

Он улыбнулся в ответ на ее колкость.

— Давайте посмотрим, что скрывается за этой решеткой.

Де Рокфор прицелился прямо в лицо Хенрика Торвальдсена.

— Мне говорили, что вы один из самых богатых людей в Европе.

— А мне говорили, что вы один из самых честлюбивых монахов наших дней.

— Вам не следовало слушать Марка Нелла.

— Мне сказал это его отец.

— Его отец не знал меня.

— Вовсе нет. Вы довольно долго следили за ним.

— Что оказалось пустой тратой времени.

— Это сделало его убийство более легким для вас?

— Вы на самом деле думаете, что я убил Ларса Нелла?

— Его и Эрнста Сковилля.

— Вам ничего не известно, старик.

— Я знаю, что вы представляете собой проблему. — Торвальдсен указал на Жоффруа. — Я знаю, что он предал своего друга. И свой орден.

Де Рокфор наблюдал, как Жоффруа проглотил это оскорбление. В светло-серых глазах

молодого человека мелькнуло и исчезло пренебрежение.

— Я верен моему магистру. Я клялся в этом.

— Значит, ты предал нас во имя своей клятвы?

— Я не жду, что вы меня поймете.

— Не понимаю и никогда не пойму.

Де Рокфор опустил револьвер и подал знак своим людям. Они заполнили церковь, он жестом приказал им сохранять молчание. Несколько сигналов, и шестеро из них по команде распределились по помещению, а остальные шестеро заняли позицию во дворе аббатства.

Малоун осторожно обошел ловушку, в которую чуть не угодила Стефани, и приблизился к металлической решетке. Остальные последовали за ним. С цепи свисал висячий замок в форме сердца.

— Медь. — Он погладил калитку. — Но решетка бронзовая.

— Замок и цепь наверняка остались со времен Соньера, — заметил Марк. — В Средние века медь встречалась редко. Для нее нужен цинк, а его было трудно добывать.

— Когда-то такие замки использовались в этих краях для того, чтобы застегивать ошейники рабов, — сообщила Кассиопия.

Никто не пошевелился, чтобы открыть калитку, за которой могла таиться еще одна ловушка.

Малоун осторожно разгреб ботинком землю и гравий под ногами и попробовал почву. Твердая. Он направил свет за решетку, внимательно ее рассматривая. Правый край поддерживали две бронзовые петли. Он посветил сквозь калитку. Позади нее в нескольких футах коридор резко сворачивал направо, не позволяя разглядеть, что находится дальше. Замечательно! Он потрогал цепь и замок.

— Медь еще прочная. Нам не удастся сбить его.

— Может, попробуем перерезать? — предложила Кассиопия.

— Можно попытаться. Но чем?

— Я привезла с собой кусачки. Они в сумке с инструментами наверху, около генератора.

— Я принесу, — вызвался Марк.

— Есть тут кто-нибудь?

Эти слова донеслись из зияющей ямы на месте алтаря и застали де Рокфора врасплох. Но он быстро сообразил, что это голос Марка Нелла. Торвальдсен хотел было ответить, но де Рокфор схватил сгорбленного старика и закрыл ему рукой рот, помешав предупредить других. Потом он сделал знак одному из братьев, который бросился к нему и схватил лежащегося датчанина, зажимая ему рот. По жесту де Рокфора пленника отволокли в дальний конец церкви.

— Ответь ему, — велел он Жоффруа.

Это будет проверка лояльности его новообращенного союзника.

Жоффруа засунул свой пистолет за пояс и ступил к алтарю.

— Я здесь.

— Ты вернулся. Хорошо. Были какие-нибудь проблемы?

— Нет. Я все купил. Что происходит внизу?

— Мы что-то нашли, но нам нужны кусачки. Они в сумке с инструментами рядом с генератором.

Де Рокфор следил, как Жоффруа подошел к компактному генератору и извлек гидравлические кусачки.

Жоффруа бросил кусачки вниз.

— Спасибо, — отозвался Марк. — Пойдешь со мной?

— Я останусь тут с Торвальдсеном и присмотрю за вещами. Нам не нужны незваные гости.

— Хорошая мысль. Где Хенрик?
— Распаковывает мои покупки и готовит лагерь к ночлегу. Солнце почти село. Пойду помогу ему.
— Надо запустить генератор и распутать кабели. Нам может понадобится электричество.
— Хорошо, я позабочусь об этом.
Жоффруа подождал еще минуту, потом отошел от алтаря и прошептал:
— Он ушел.
Де Рокфор знал, что надо делать.
— Пришло время взять на себя руководство этой экспедицией.

Малоун взял кусачки и поднес их к медной цепи. Цепь со звоном упала на землю. Кассиопия наклонилась и подняла ее.
— Музеи по всему миру с удовольствием добавляют это к своим экспонатам. Я уверена, что немногие сохранились в таком хорошем состоянии.
— И мы только что перерезали ее, — заметила Стефани.
— У нас не было выбора, — отозвался Малоун. — Мы немного торопимся. — Он посветил сквозь решетку. — Встаньте все за мной. Я попробую осторожно открыть эту штуку. На вид она в порядке, но кто его знает.
Он взялся кусачками за калитку, потом отступил вбок, пользуясь каменной стеной для защиты. Петли застыли, и ему пришлось подергать решетку взад-вперед. Наконец дверь открылась.
Он уже собрался пойти дальше, как услышал голос, раздавшийся сверху:
— Мистер Малоун, у меня Хенрик Торвальдсен. Я хочу, чтобы вы и ваши компаньоны поднялись наверх. Немедленно. Даю вам одну минуту, потом пристрелю старикашку.

ГЛАВА LXII

Малоун выбрался наверх последним и увидел, что церковь занята шестью вооруженными людьми во главе с де Рокфором. Солнце уже село. Внутренности аббатства были освещены светом двух маленьких костров, дым от которых поднимался в небо и просачивался сквозь оконные щели.
— Мистер Малоун, вот мы и встретились, — произнес Раймон де Рокфор. — Вы хорошо проявили себя в Роскилском соборе.
— Рад, что вы мой поклонник.
— Как вы нас нашли? — поинтересовался Марк.
— Уж точно не благодаря фальшивому дневнику вашего отца, хотя это было умно с его стороны. Он говорил об очевидном и немного изменял подробности, как раз настолько, чтобы дневник стал бесполезным. Когда месье Кларидон расшифровал криптограмму, разгадка, разумеется, оказалась бессмысленной. Скажите мне, раз уж вы были внизу, там действительно скрываются какие-то секреты?
— У нас не было возможности узнать это, — ответил Малоун.
— Это мы исправим. Но, отвечая на ваш вопрос...
— Жоффруа предал нас, — перебил его Торвальдсен.
Марк ошарашен от удивления.
— Что?
Малоун уже заметил пистолет в руке Жоффруа.
— Это правда?
— Я брат храма, верный моему магистру, и исполнил свой долг.
— Твой долг?! — заорал Марк. — Ах ты лживый сукин сын! — Он бросился на Жоффруа, но путь ему преградили двое братьев. Жоффруа не шелохнулся. — Ты провел меня по этому пути только для того, чтобы победил де Рокфор?! Этого от тебя хотел наш

магистр? Он доверял тебе! Я доверял тебе...

— Я знала, что ты принесешь нам неприятности, — заявила Кассиопия. — От тебя прямо веяло неприятностями.

— И вам следовало бы знать, — сказал де Рокфор, — что для меня вы были сплошной неприятностью. Сначала вы подбросили мне дневник Ларса Нелла в Авиньоне. Думали, что это меня задержит на некоторое время. Но, видите, мадемуазель, верность братству оказалась превыше всего. Так что все ваши усилия оказались напрасными. — Де Рокфор перевел взгляд на Малоуна. — Со мной здесь шесть человек, еще шесть ждут снаружи — все вооружены и опыты. У вас нет оружия, по крайней мере, так мне сказал брат Жоффруа. Но на всякий случай... — И де Рокфор жестом приказал обыскать пленников.

— Что ты сделал? Позвонил в аббатство, когда мы отправили тебя за припасами? — спросил Марк у Жоффруа. — А я еще удивлялся, почему ты вызвался поехать в город. Ты не спускал с меня глаз последние два дня.

Жоффруа продолжал стоять неподвижно, на лице его застыло выражение убежденности в собственной правоте.

— Подонок! Предатель! — Марк плюнул на землю.

— Я согласен, — неожиданно сказал де Рокфор, поднял револьвер и трижды выстрелил в Жоффруа.

Пули заставили молодого человека пошатнуться, и де Рокфор сделал контрольный выстрел в голову.

Тело Жоффруа рухнуло на пол. Из ран хлестала кровь. Малоун от бессилия закусил губу.

Марк рванулся к де Рокфору. Тот перевел дуло револьвера на бывшего сенешаля, и Марк остановился.

— Он набросился на меня в аббатстве, — произнес де Рокфор. — Нападение на магистра карается смертью.

— Но не пятьсот лет спустя! — прорычал Марк.

— Он предал. И тебя, и меня. Никому из нас не было бы от него пользы. Это профессиональный риск шпиона. Он знал, на что шел.

— А ты знаешь, чем рискуешь?

— Станный вопрос из уст человека, который убил брата нашего ордена. Это преступление тоже карается смертью.

Малоун понял, что это представление разыгрывается для остальных. Де Рокфору нужен был враг в качестве козла отпущения, по крайней мере сейчас.

— Я делал то, что должен был, — резко сказал Марк.

Де Рокфор взвел курок револьвера.

— Я тоже.

Стефани ступила между двумя мужчинами, закрывая своим телом Марка.

— Меня вы тоже убьете?

— Если понадобится.

— Но я христианка и не причинила вреда ни одному из братьев.

— Слова, моя дорогая леди, пустые слова.

Она сунула руку в вырез рубашки и извлекла цепочку с медальоном.

— Дева Мария. Я никогда ее не снимаю.

Малоун знал, что де Рокфор не сможет выстрелить в нее. Она тоже чувствовала театральность происходящего и обличила его блеф перед братьями. Де Рокфор был впечатлен. Надо иметь много мужества, чтобы встать перед заряженным оружием. Неплохо для кабинетного работника.

Де Рокфор опустил револьвер.

Малоун рванулся к окровавленному телу Жоффруа. Один из братьев протянул руку, чтобы остановить его.

— Лучше не мешайте мне, — предупредил Малоун.

— Пустите его, — сказал де Рокфор.

Малоун приблизился к телу. Хенрик стоял, не отводя взгляда от трупа. Его лицо было искажено от боли, и Малоун с изумлением заметил в его глазах слезы, которых он не видел больше года.

— Ты и я пойдем вниз, — сказал де Рокфор Марку. — И ты покажешь мне, что ты там нашел. Остальные останутся здесь.

— Иди к дьяволу.

Де Рокфор пожал плечами и прицелился в Торвальдсена.

— Он еврей. Наши правила к нему не относятся.

— Не надо проверять его на прочность. — Малоун обратился к Марку. — Делай, как он говорит. — Он надеялся, что Марк понимает, что есть время для сражения, а есть для отступления.

— Ладно. Мы пойдем вниз, — вынужденно согласился Марк.

— Я бы тоже хотел пойти, — сказал Малоун.

— Нет, — отрезал де Рокфор. — Это дело, касающееся только братства. Хотя я никогда не считал Нелла одним из нас, тем не менее он принес клятву, а это что-то значит. Кроме того, могут понадобиться его знания. Вы же будете только проблемой.

— Откуда вы знаете, что Марк не будет проблемой?

— Ему придется вести себя прилично. Иначе вы все, христиане или нет, умрете до того, как он выберется из подземелья.

Марк спустился по лестнице, за ним по пятам следовал де Рокфор.

Де Рокфор убрал револьвер в наплечную кобуру и направил луч фонаря вперед.

— Указывай дорогу. И ты знаешь, что произойдет, если сделаешь какую-то глупость.

Марк двинулся вперед, включив свой фонарь. Они осторожно обогнули яму, которая чуть не погубила Стефани.

— Изобретательно, — заметил де Рокфор, рассматривая ловушку.

Они приблизились к открытой калитке. Марк вспомнил предостережения Малоуна, что им могут встретиться и другие ловушки, и продвигался вперед крошечными шагами. Коридор сузился до ярда в ширину, потом резко свернул вправо. Еще через несколько футов им встретился новый поворот, на этот раз налево. Марк продвигался вперед крайне осторожно, дюйм за дюймом.

Наконец они свернули за последний угол и остановились.

В свете фонаря перед глазами Марка раскинулась комната площадью примерно в десять квадратных ярдов, с высоким сводчатым потолком. Предположение Кассиопии о римском происхождении подземных подвалов оказалось верным. В этом месте галерея образовывала идеальное хранилище, в котором находилось множество чудес.

Первым делом он обратил внимание на скульптуры. Маленькие цветные статуэтки. Несколько изображений Девы Марии, сидящей на престоле с младенцем на руках. Позолоченные *pieta*.³⁶ Ангелы. Бюсты. Всё расположено ровными рядами вдоль задней стены. Марк заметил отблески золота из сундуков, отделанных слоновой костью и покрытых мозаикой из оникса и позолоты. Некоторые сундуки были украшены медью и декорированы гербами и религиозными сценками. Каждый из них был самостоятельным произведением искусства. Это были реликварии, предназначенные для хранения мощей святых, видимо, их прихватили в спешке, нуждаясь в средствах для перевозки сокровищ.

За спиной Марка де Рокфор снял рюкзак, и комната озарилась ярким оранжевым светом мощного прожектора. Де Рокфор передал ему второй фонарь.

— Это нам подойдет лучше.

Мужчины разошлись по хранилищу, разглядывая сокровища.

³⁶ *Pieta* (Пьета) — изображения Девы, оплакивающей Христа.

— Накройте его, — попросил Малоун одного из братьев, указывая на Жоффруа.
— Чем? — спросил тот в ответ.
— Шнуры питания от прожекторов завернуты в покрывало. Можно воспользоваться им. — Он махнул рукой в сторону костров.
Тамплиер поразмыслил немного над его предложением и согласился:
— Ош, делайте.
Малоун протопал по неровному полу к сумкам, взял покрывало, параллельно оценивая ситуацию. С покрывалом в руках вернулся к Жоффруа и накрыл его тело. Трое стражников стояли около другого костра. Еще трое занимали позицию около входа.
— Он не был предателем, — прошептал Хенрик.
Остальные уставились на него с изумлением.
— Он пришел ко мне и сказал, что здесь де Рокфор. Он вызвал его. Должен был. Покойный магистр заставил его поклясться, что, когда Великое Завещание будет обнаружено, Жоффруа скажет об этом де Рокфору. У него не было выбора. Он не хотел делать этого, но доверял своему учителю. Он попросил меня подыграть ему, умолял о прощении и сказал, что присмотрит, чтобы со мной ничего не случилось. К несчастью, я не смог отплатить ему тем же.
— Как глупо с его стороны, — сказала Кассиопия.
— Может быть, — отозвался Торвальдсен. — Но он был человеком слова.
— Он объяснил, почему должен был позвать де Рокфора? — тихо спросила Стефани.
— Сказал только, что магистр предвидел столкновение между Марком и де Рокфором. Заданием Жоффруа было обеспечить, чтобы это произошло.
— Марк не соперник этому человеку, — сказал Малоун. — Ему нужна помощь.
— Согласна, — поддержала Кассиопия, умудряясь говорить с неподвижными губами.
— Шансы не в нашу пользу, — добавил Малоун. — Двенадцать вооруженных человек, а мы с голыми руками.
— Я бы так не сказала, — прошептала Кассиопия.
И Малоуну понравился лукавый блеск в ее глазах.

Марк жадно рассматривал сокровища, окружавшие его. Он никогда не видел такого богатства. В реликвариях находилась масса золота и серебра, и в монетах, и в слитках. Там были золотые динары, серебряные драхмы, византийские монеты, сложенные аккуратными рядами. Три сундука были до краев наполнены необработанными драгоценными камнями. Невероятное богатство. Потом его взгляд привлекли позолоченные изнутри потиры³⁷ и реликварии из слоновой кости, хрусталя и серебра. На некоторых были вычеканены фигуры, и они были усыпаны драгоценными камнями. Чьи останки тут хранятся? Насчет одного не было сомнений. Он прочитал надпись, глядя на вырезанный из горного хрусталя сосуд, и прошептал:

— Де Моле.
Де Рокфор подошел к нему.
Внутри реликвария находились куски обгорелых костей. Жак де Моле был сожжен заживо на острове посреди Сены, в тени собора Парижской Богоматери. Он выкрикивал, что невиновен, и проклинал Филиппа IV, который бесстрастно наблюдал за казнью. Той же ночью братья тайком переплыли реку, выбрали из пепелища кости де Моле и вернулись обратно, неся останки своего магистра во рту. Сейчас эти останки были перед ним.
Де Рокфор перекрестился и произнес молитву.
— Посмотри, что они с ним сделали.

³⁷ Poter (потир) — литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия в виде чаши на высокой ножке.

Но Марк осознал значение этого факта в полной мере.

— Это значит, что кто-то приходил сюда после марта тысяча триста четырнадцатого года. Должно быть, они продолжали бывать здесь до самой смерти. Об этом тайнике знали пятеро. Черная смерть наверняка унесла жизни большинства из них в середине четырнадцатого века. Они не поделились своей тайной ни с одной живой душой, и этот тайник был утрачен навсегда. — Его охватила печаль при мысли об этом.

Он повернулся в другую сторону, и его прожектор осветил распятия и статуэтки из эбенового дерева, расположенные вдоль другой стены, — около сорока штук. Их стиль варьировался от римского и немецкого до византийского и высокой готики. Фигуры были настолько искусно вырезаны, что казались живыми и дышащими.

— Потрясающе, — взволнованно сказал де Рокфор.

Сокровища были неисчислимы, каменные ниши вдоль двух стен были заполнены целиком. В свое время Марк изучал историю и сюжеты средневековой резьбы по отдельным предметам, сохранившимся в музеях, но сейчас его взору предстало невероятное, роскошное изобилие предметов искусства Средних веков.

На каменном пьедестале возлежала огромная книга. Обложка до сих пор сохранила остатки блеска золотой фольги и была украшена жемчугом. По-видимому, кто-то прежде открывал эту книгу, судя по выпавшим из нее съезжившимся пергаментным страницам. Марк наклонился ближе и поднес фонарь к страницам.

Де Рокфор заметил его интерес.

— Что это?

— Список изделий. Видимо, Соньер пытался изучить его, когда нашел это место. Но будь осторожнее с пергаментом.

— Вор. Вот кем он был. Просто обычный вор. Он не имел права прикасаться к этому.

— А мы имеем?

— Это наше. Сокровища, сбереженные для нас самим де Моле. Он был распят на двери, но ничего им не сказал. Его кости здесь. *Это наше*.

Внимание Марка привлек приоткрытый сундук. Он посветил туда и увидел еще больше пергаментов. Медленно откинул крышку, которая довольно легко поддалась. Он не смел прикоснуться к сложенным листам. Поэтому попытался разобрать, что написано на верхнем листке. Старофранцузский. Его знаний было достаточно, чтобы понять — это завещание.

— Бумаги, которые доверили ордену на хранение. Этот сундук, похоже, содержит завещания и прочие документы тринадцатого и четырнадцатого веков. — Он зачарованно смотрел на бумаги. — До самого конца братья честно выполняли взятые на себя обязательства. Сколько можно было бы узнать из этих бумаг...

— Это не все, — неожиданно заявил де Рокфор. — Здесь нет книг. Где знание?

— Все перед тобой.

— Ты лжешь. Есть еще. Где?

Марк взглянул в лицо де Рокфору.

— Вот оно.

— Не лукавь со мной. Наши братья укрыли наше знание. Тебе известно об этом. Филиппу так и не удалось завладеть им. Так что оно должно быть где-то здесь. Я вижу это по твоим глазам. — Де Рокфор достал револьвер и направил его в лицо Марку. — Скажи мне.

— Лучше я умру.

— Ты же не хочешь, чтобы умерла твоя мать? Или твои друзья там, наверху? Потому что я убью их первыми, а ты будешь смотреть на это.

Марк обдумал эти слова. Дело было не в его страхе перед де Рокфором — странно, но он не чувствовал страха, — просто он тоже хотел знать истину. Его отец вел поиски много лет и ничего не нашел. Что сказал о нем магистр его матери? *У него не хватает решимости, чтобы довести до конца свою битву*. Черт. То, что так долго и упорно искал его отец, находилось в нескольких шагах от него.

— Ладно. Пойдем со мной.

— Тут ужасно темно, — обратился Малоун к брату, который производил впечатление старшего. — Не возражаете, если мы включим генератор и зажжем прожектора?

— Мы ждем возвращения магистра.

— Им понадобятся эти лампы внизу, а их надо приводить в действие несколько минут. Ваш магистр, вероятно, будет не склонен ждать, когда они ему потребуются. — Он понадеялся, что упоминание магистра может повлиять на мнение тамплиера. — Что в этом плохого? Мы просто соберем прожектора и добавим немного света.

— Ладно. Делайте.

Малоун отошел к своим и прошептал:

— Он купился. Давайте включим прожектора.

Стефани и Малоун направились к одному прожектору, а Кассиопия и Хенрик — к другому. Прожектора состояли из двух галогеновых ламп и оранжевой треноги. Генератор представлял собой компактное устройство, работающее на бензине. Они установили треноги в противоположных концах церкви и направили лампы вверх. Подключили силовые кабели и провели их к генератору, расположенному около алтаря.

Сумка с инструментами лежала рядом с генератором. Кассиопия полезла в нее, когда один из тамплиеров остановил ее.

— Мне надо подключить силовые кабели. Я только хочу достать отвертку.

Брат колебался, потом отступил, держа в руке пистолет и в полной готовности действовать. Кассиопия забралась в сумку, аккуратно достала из нее отвертку и прикрепила провода к клеммам генератора.

— Давай проверим все соединения, — сказала она Малоуну.

Они беззаботно подошли к первой треноге.

— В сумке с инструментами мое ружье, стреляющее дротиками, — прошептала она.

— Я полагаю, это те самые милые крошки, которые вы с таким успехом использовали в Копенгагене? — Малоун говорил, практически не шевеля губами, как чревоушитель.

— Они быстро действуют. Мне надо лишь несколько секунд, чтобы выстрелить.

Она возилась с треногой, в действительности ничего не делая.

— Сколько у вас выстрелов?

Она, по всей видимости, заканчивала делать то, что ей надо было.

— Четыре.

Они направились ко второй треноге.

— А у нас шесть гостей.

— Двое из них — твоя задача.

Они остановились около второй треноги. Он выдохнул:

— Нам надо отвлечь их и привести в замешательство. У меня есть идея.

Она сделала вид, что налаживает лампы.

— Очень вовремя.

ГЛАВА LXIII

Марк возвращался по подземному коридору, мимо лестницы, к месту, которое обнаружили Малоун и Кассиопия. В церкви наверху было темно. Уходя из сокровищницы, он прихватил с собой кусачки, предполагая, что вторая калитка тоже будет заперта.

Они дошли до слов, выбитых на стене.

— «Этим знаком ты победишь его», — прочитал де Рокфор, потом луч его фонаря упал на решетку. — Это здесь?

Марк кивнул и указал на скелет, прислоненный к стене.

— Он пришел сюда ради себя самого. — И рассказал о маршале — современнике Соньера и медальоне, который был найден Малоуном и позволил предположить, чьи это останки.

— Поделом ему, — задумчиво сказал де Рокфор.

— А то, что делаешь ты, — лучше?

— Я пришел ради братьев.

В неверном свете фонаря Марк заметил, что впереди земля идет немного под уклон. Не говоря ни слова, он двинулся дальше, осторожно обходя ловушку, которую де Рокфор, кажется, не заметил, сосредоточенно разглядывая скелет. Подойдя к калитке, Марк перерезал медную цепь, вспомнил предостережения Малоуна и отступил к стене, открывая калитку. За ней были два таких же резких поворота. Он осторожно двинулся дальше. Направив луч фонаря вперед, он ничего не увидел, кроме скалы.

Марк свернул за первый поворот, потом за второй. Де Рокфор встал за ним, и объединенные лучи их фонарей осветили еще один коридор, более просторный, чем сокровищница, которую они оставили.

Комната была усеяна каменными постаментами разных форм и размеров. На них лежали книги, сложенные аккуратными стопками. Сотни томов.

Марк похолодел при мысли, что эти рукописи, вероятнее всего, разрушились. Хотя в комнате было прохладно и сухо, наверняка время сказалось на бумаге и чернилах. Если бы книги были запечатаны в сосуды! Но братья, укрывшие здесь свои документы, не предполагали, что пройдет семь веков, прежде чем тайник будет обнаружен.

Он подошел к одной стопке и изучил обложку книги, лежавшей сверху. Покрытые серебром деревянные доски, служившие переплетом, почернели. Марк посмотрел на изображения Христа и двух апостолов, по всей видимости Петра и Павла, сделанные из глины и воска. Итальянское искусство. Немецкое мастерство. Он бережно поднял переплет и поднес фонарь поближе. Его опасения подтвердились. Он не мог разобрать большинство слов.

— Что там написано? — жадно спросил де Рокфор.

Марк покачал головой.

— Здесь нужна лаборатория. Потребуется профессиональная реставрация. Нам не следует трогать рукописи.

— Похоже, кто-то уже это сделал.

Марк проследил за лучом фонаря де Рокфора и увидел груды книг, разбросанных по полу. Почерневшие клочки бумаги выглядели, будто их извлекли из костра.

— Опять Соньер, — предположил Марк. — Потребуется годы, чтобы извлечь что-то полезное из всего этого. Если допустить, что тут есть что искать. Если не считать исторической ценности, они, наверное, бесполезны.

— Это *наше*.

«И что, — подумал Марк, — какая от этого польза?»

В его мозгу крутились предположения. Соньер приходил сюда. Это наверняка. Сокровищница стала источником его богатства, возвращаться сюда время от времени и выносить слитки золота и серебра было несложно. Старинные монеты вызвали бы вопросы. Банковские служащие захотели бы узнать их происхождение. А слитки металла были лучшей валютой в начале XX века, когда экономика многих стран основывалась на золоте или серебре.

Но аббат сделал больше.

Он использовал найденное богатство, чтобы реконструировать древнюю церковь и наполнить ее намеками на то, что смог узнать. То, в чем он был настолько уверен, что выставил это напоказ. «Этим знаком ты победишь его». Слова, выгравированные не только здесь, под землей, но и в реннской церкви. Он вызвал в памяти надпись, нарисованную над входом. «Я презираю царство мира сего и все преходящие украшения из любви к моему Господу Иисусу Христу, которого я видел, которого я люблю, в которого я верю и которому поклоняюсь». Туманные слова из древнего псалма? Возможно. Но Соньер не случайно их выбрал.

«Которого я видел».

Он провел лучом света по комнате и стал внимательно рассматривать постаменты. Потом он увидел это.
Где лучше всего спрятать камень?
Действительно, где?

Малоун вернулся к генератору, где стояли Стефани и Хенрик. Кассиопия все еще «работала» с треногой. Он наклонился и убедился, что в двигателе есть бензин.

— Эта штука производит много шума? — тихо спросил он.

— Можем только надеяться. К сожалению, сейчас их делают довольно тихими.

Малоун не притронулся к сумке с инструментами, не желая привлекать излишнее внимание. До сих пор ни один из тамплиеров не потрудился проверить, что там лежит. Похоже, оборонительная подготовка в аббатстве оставляла желать лучшего. Но насколько эффективной она может быть? Разумеется, можно научиться рукопашному бою, владению огнестрельным и холодным оружием. Но выбор новобранцев был ограничен, и прыгнуть выше головы они тоже не могли.

— Все готово, — громко произнесла Кассиопия.

— Мне надо попасть к Марку, — прошептала Стефани.

— Я понимаю, — отозвался Малоун. — Но сначала нам надо кое-что предпринять.

— Тебе хоть на секунду приходила в голову мысль, что де Рокфор не позволит ему выйти оттуда? Он застрелил Жоффруа без колебаний.

Он видел ее тревогу.

— Мы все понимаем это, — пробормотал он. — Не волнуйся.

Он тоже хотел добраться до де Рокфора.

— Мне нужна секунда, чтобы залезть в сумку с инструментами, — выдохнула Кассиопия, приседая и засовывая в сумку отвертку. Четверо тамплиеров стояли в противоположном конце церкви, за одним из костров. Остальные двое находились слева, у другого костра. Охранники, похоже, были абсолютно уверены, что пленники никуда не денутся из ловушки.

Кассиопия сидела около сумки, не вынимая руки из нее, и легко кивнула Малоуну. Готово. Он встал и громко сказал:

— Мы собираемся завести генератор.

Старший из тамплиеров дал знак действовать.

Он повернулся и прошептал Стефани:

— После того как я его заведу, мы нападём на двух братьев, стоящих рядом. Я займусь одним, ты вторым.

— С удовольствием.

Она очень волновалась, и он знал это.

— Соберись, дорогая. Это не так легко, как ты думаешь.

— Ты увидишь.

Марк приблизился к одному из каменных постаментов, всего их было около дюжины. Он кое-что заметил. Все плиты, на которых лежали рукописи, поддерживались разными колоннами, иногда одной, большинство двумя. Но одна из них покоилась на прямоугольной подставке, напоминавшей алтарь. Его внимание привлекло расположение камней, составляющих эту опору, — девять блоков в ширину, семь в высоту.

Он нагнулся и посветил под плиту. Между ней и камнями опоры не было следов известки. В точности как на алтаре.

— Надо убрать эти книги, — сказал Марк.

— Ты же сказал не трогать их.

— Самое ценное здесь — то, что внутри.

Он отложил фонарь и взял стопку древних манускриптов. От потревоженных книг поднялось облако темной пыли. Марк бережно опустил рукописи на каменный пол. Де

Рокфор последовал его примеру. В три приема они очистили плиту.

— Попробуем сдвинуть плиту, — предложил Марк.

Они ухватились за плиту, и она довольно легко подалась, поскольку была вполонину меньше алтарной плиты. Марк и де Рокфор столкнули ее на пол, и глыба известняка раскололась на куски. Внутри постамента Марк увидел сосуд размером двадцать четыре дюйма в длину, около двенадцати в ширину и восемнадцати в высоту. Вырезанный из серо-бежевого камня — известняка, если он не ошибся, — и в удивительно хорошем состоянии.

Марк схватил фонарь и осветил на сосуд. На его боку, как он и предполагал, обнаружилась надпись.

— Это урна, — определил де Рокфор. — Чей там прах?

Марк рассмотрел надпись, с удовлетворением поняв, что она на арамейском. Это было дополнительное подтверждение подлинности. Обычай класть мертвых в подземные гробницы и хранить их там, пока от них не оставались только кости, а потом собирать эти кости в каменную урну был популярен среди иудеев в первом веке. До нашего времени сохранились несколько тысяч урн. Но только четверть из них имела надписи, идентифицировавшие их содержимое, — скорее всего, потому, что большинство людей того времени были неграмотными. За века появилось много подделок — одна из них несколько лет назад, выдаваемая за урну с костями Иакова, сводного брата Иисуса. Второй проверкой на аутентичность является тип материала, из которого сделана урна, — меловой известняк из каменоломен вблизи Иерусалима, вместе со стилем надписей, анализом поверхности под микроскопом и углеродным анализом.

В университете он изучал арамейский. Трудный язык, который еще больше усложнялся различными диалектами, жаргоном и большим количеством ошибок, которые делали древние писцы. Проблемой являлось и то, чем были выгравированы буквы. Зачастую они проступали едва заметно, выцарапанные гвоздем. Иногда были разбросаны довольно хаотично, словно граффити. Временами их писали стилем, тогда буквы были четкими, что облегчало перевод. На самом деле он уже видел эти слова. И прочитал их справа налево, как положено, потом мысленно перевернул их.

ИЕШУА БАР ЙОСЕФ

— Иисус, сын Иосифа, — перевел Марк.

— Его останки?

— В этом еще предстоит убедиться. — Он разглядывал крышку. — Давай поднимем это.

Де Рокфор потянулся к плоской крышке и ухватился за нее. Подергал из стороны в сторону, пока камень не подался. Потом приподнял крышку и поставил ее рядом с урной.

Марк втянул воздух.

Внутри урны покоились кости.

Некоторые уже превратились в пыль. Многие уцелели. Бедренная кость. Большая берцовая. Несколько ребер, таз. А это вроде бы палец. Часть позвоночника.

И череп.

Это нашел Соньер?

Под черепом лежала маленькая, отлично сохранившаяся книга. Это было неудивительно, учитывая, что она хранилась в запечатанной урне, которая в свою очередь была спрятана в другом вместилище. Обложка была великолепна: украшена пластинками золота и усеяна ограненными камнями, расположенными в форме креста. На кресте был Христос, также сделанный из золота. Вокруг креста располагались еще камни — алые, зеленые и светло-желтые.

Он извлек книгу из урны и бережно стряхнул пыль и частицы останков с обложки, потом положил ее на угол постамента. Де Рокфор подошел ближе, держа фонарь. Марк

открыл обложку и прочитал incipit,³⁸ написанный по-латыни витиеватым готическим шрифтом без знаков препинания, чернила были смесью голубого и алого.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ ЧТО БЫЛО
ОБНАРУЖЕНО БРАТЬЯМИ-ОСНОВАТЕЛЯМИ ВО ВРЕМЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ХРАМОВОЙ ГОРЫ ЗИМОЙ 1121 ОРИГИНАЛ БЫЛ В ПЛОХОМ СОСТОЯНИИ
ПОЭТОМУ ЕГО ПЕРЕПИСАЛИ БУКВА В БУКВУ НА ТОМ ЯЗЫКЕ КОТОРЫЙ
ПОНИМАЛ ТОЛЬКО ОДИН ИЗ НАС ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ МАГИСТРА
УИЛЬЯМА ДЕ ШАРТРЕ 4 ИЮНЯ 1217 ГОДА ТЕКСТ БЫЛ ПЕРЕВЕДЕН НА
ЯЗЫК БРАТЬЕВ И СОХРАНЕН ДАБЫ ЗНАЛИ ВСЕ

Де Рокфор прочитал из-за плеча Марка и заключил:

— Эту книгу положили в урну не случайно.

Марк согласился.

— Давай посмотрим, что дальше.

— Я думал, ты пришел сюда ради братьев. Разве не следует вернуть это в аббатство и прочитать перед всеми?

— Я приму решение после того, как прочитаю сам.

Марк подумал, суждено ли братьям когда-либо узнать об этом. Но сам он хотел знать, поэтому изучил шрифт на следующей странице и узнал сплетение росчерков и каракулей.

— Это арамейский язык. Я могу прочитать на нем лишь несколько слов. Этот язык мертв уже две тысячи лет.

— Во введении сказано, что есть перевод.

Марк осторожно перелистал страницы и увидел, что арамейский текст занимает четыре листа. Потом увидел слова, которые мог прочитать. СЛОВА БРАТЬЕВ. Латынь. Бумага сохранилась в отличном виде, ее поверхность имела цвет старого пергамента. Чернила тоже сохранили четкость. Текст предварялся заголовком.

СВИДЕТЕЛЬСТВО СИМОНА

Он начал читать.

ГЛАВА LXIV

Малоун подошел к одному из братьев. Снаружи церкви были еще шестеро — как сказал де Рокфор, но Малоун собирался побеспокоиться об этом после того, как разберется с теми, кто внутри.

По крайней мере, он будет вооружен. Он следил, как Стефани схватила лопату и занялась костром, передвигая дрова и разжигая огонь сильнее. Кассиопия оставалась около генератора вместе с Хенриком, ожидая, пока Малоун со Стефани займут свои позиции.

Он повернулся к Кассиопии и кивнул.

Она дернула шнур стартера.

Генератор затрещал и умолк. Еще два рывка, и зажигание сработало, прибор начал издавать тихий гул. Лампы на обеих треногах ожили, их свет усиливался по мере увеличения напряжения. Галогеновые колбы нагревались быстро, и от стекла легким туманом начал подниматься конденсат, тут же испаряясь.

Малоун заметил, что генератор привлек внимание тамплиеров. Ошибка с их стороны. Но он должен выиграть еще немного времени, чтобы дать Кассиопии время выстрелить четыре дротика. Он подумал, насколько хорошо она владеет своим оружием, потом припомнил ее мастерство в Ренне.

³⁸ Введение (лат.).

Шум генератора продолжал усиливаться.

Кассиопия продолжала сидеть на корточках, перед сумкой с инструментами, делая вид, что возится с аппаратом.

Лампы зажглись в полную силу, и стража утратила к ним интерес.

Одна тренога взорвалась.

Потом вторая.

Белая вспышка, похожая на молнию, взлетела вверх и через миг исчезла. Малоун использовал эту секунду, чтобы ударить в челюсть брата, стоявшего рядом с ним.

Тамплиер пошатнулся и рухнул на пол.

Малоун подскочил к нему и забрал оружие.

Стефани выхватила горящую деревяшку из костра и повернулась в сторону тамплиера, стоявшего неподалеку от него, внимание которого было сосредоточено на взорвавшихся лампах.

— Эй! — окликнула она его.

Тот обернулся. Она швырнула полено. Кусок пылающего дерева пролетел по воздуху, тамплиер вытянул руки, пытаясь оттолкнуть снаряд, но не сумел, и полено ударило его в грудь.

Он завопил, и Стефани изо всех сил двинула его лопатой по лицу.

Малоун видел, как Стефани бросила полено в ближайшего к ней стражника и ударила его лопатой. Потом он перевел взгляд на Кассиопию, спокойно стрелявшую из воздушного ружья. Она уже попала в одного из тамплиеров, оставалось трое. Затем один из них схватился за бедро. Еще один вскрикнул и попытался пощупать свою спину.

Оба повалились на землю.

Последний тамплиер, стоявший у алтаря, увидел, что произошло, и резко повернулся в сторону Кассиопии, согнувшейся в тридцати футах и прицелившейся в него.

Он прыгнул за алтарную колонну. Она промазала.

Больше дротиков у нее нет. Через секунду брат начнет стрелять.

Он сжал пистолет в ладони. Малоун очень не хотел его использовать. Звук выстрела наверняка встревожит не только де Рокфора, но и братьев, оставшихся снаружи. Поэтому он побежал через церковь, ухватился руками за алтарную колонну и, когда тамплиер приблизился с револьвером наготове, он качнулся в воздухе и всей тяжестью обрушил свое тело на противника.

— Неплохо, — заметила Кассиопия.

— Ты говорила, что никогда не мажешь.

— Он прыгнул.

Кассиопия и Стефани разоружили тамплиеров, лежавших без сознания. Подошел Хенрик и спросил:

— Ты в порядке?

— Немного отвык от таких развлечений, но навыки остались.

— Хорошо, что остались.

— Как ты это сделал с фонарями? — поинтересовался Хенрик.

Малоун ухмыльнулся.

— Просто увеличил напряжение. Всегда срабатывает. — Что-то было не так. Почему никто из братьев, находившихся снаружи церкви, не отреагировал на взорвавшиеся лампы? — Почему никто не появился?

Кассиопия и Стефани подошли ближе, сжимая в руках револьверы.

— Может быть, они в руинах, перед главным входом, — предположила Стефани.

Он посмотрел в ту сторону.

— Или их вообще нет и не было.

— Уверяю вас, были, — раздался мужской голос от входа.

В поле видимости появился мужчина, лицо которого скрывали тени.

Малоун поднял револьвер.

— Кто вы такой?

Мужчина остановился у одного из костров. Взгляд глубоко посаженных серьезных глаз остановился на прикрытом теле Жоффруа.

— Магистр убил его?

— Без сожалений.

Лицо мужчины помрачнело, и губы что-то пробормотали. Молитву? Затем он представился:

— Я капеллан ордена. Брат Жоффруа позвонил мне после того, как вызвал сюда магистра. Я пришел, чтобы предотвратить насилие. Но мы прибыли слишком поздно.

Малоун опустил оружие.

— Вы были частью того, что делал Жоффруа?

Тамплиер кивнул.

— Он не хотел вызывать де Рокфора, но дал слово покойному магистру. — Его голос смягчился. — А теперь отдал и свою жизнь.

Малоун спросил:

— Что здесь происходит?

— Я понимаю вашу печаль...

— Нет, не понимаете, — вмешался Хенрик. — Бедняга Жоффруа погиб.

— И я скорблю по нему. Он служил ордену с честью.

— Звонить де Рокфору было глупо, — сказала Кассиопия. — Он навлек на всех неприятности.

— В последние месяцы жизни наш покойный магистр инициировал сложную цепь событий. Он обсуждал со мной свои планы. Сказал, кем является наш сенешаль и почему он принял его в орден. Мне было известно об отце сенешаля и о том, что предстоит. И я принес ему клятву, как и брат Жоффруа. Мы знали, что происходит. А сенешаль не знал, равно как и не был в курсе того, что мы имеем к этому отношение. Мне было приказано не вмешиваться, пока брат Жоффруа не попросит помощи.

— Ваш магистр внизу вместе с моим сыном, — резко сказала Стефани. — Коттон, нам надо идти туда.

Он слышал нетерпение и тревогу в ее голосе.

— Сенешаль и де Рокфор не могут существовать вместе, — продолжил капеллан. — Они как небо и земля. Ради блага ордена должен остаться только один. Но мой покойный магистр сомневался, что сенешаль сможет сделать это в одиночку. — Капеллан перевел взгляд на Стефани. — Вот почему вы здесь. Он верил, что вы придадите сенешалю силу.

Стефани была не в настроении долго рассуждать.

— Мой сын может погибнуть из-за этих глупостей.

— Столетиями орден выживал в битвах и столкновениях. Таков наш путь. Покойный магистр лишь усилил существовавшую вражду. Он знал, что сенешаль и де Рокфор будут воевать. Но хотел, чтобы их война была ради чего-то, привела к какому-то результату. Поэтому он направил их обоих на поиски Великого Завещания. Он знал, что оно где-то здесь, но я сомневаюсь, что он действительно верил, что кто-то из них сможет найти его. Он знал, что конфликт неизбежен и что останется только один победитель. Магистр также знал, что, если победит де Рокфор, его сторонники вскоре отвернутся от него. Так и произошло. Смерти двух наших братьев лежат тяжелым грузом на нашей совести. Все понимают, что это не конец...

— Коттон! — перебила Стефани. — Я иду.

Капеллан не шелохнулся.

— Мы обезвредили людей де Рокфора, которые находились снаружи церкви. Делайте, что должны. Здесь больше не будет кровопролития.

И Малоун понял, о чем умолчал этот мрачный человек.

Но внизу все совсем по-другому.

ГЛАВА LXV

Свидетельство Симона

Я рыбак. Я знаю, как ловить рыбу, но не умею писать. Пока время не стерло из памяти все, что я знаю про человека по имени Иешуа, я должен рассказать, а писец все запишет, чтобы люди знали правду про человека по имени Иешуа бар Йосеф.

Человек, называемый Иешуа, много лет ходил по Иудее и Галилее, проповедуя людям. Иешуа был хорошим учителем, а я был первым из его учеников. Но число учеников увеличилось со временем, потому что многие верили Иешуа сыну Йосефа. Мы, его ученики, шли за ним и видели, как наш учитель облегчает страдания, приносит надежду и дает веру. Люди восхваляли его или поносили, гнали и приветствовали как Мессию, но он всегда оставался собой, не зная гордыни, гнева и страха. В один день он сказал: «Мы все храним в себе образ Бога и Бог нас любит. Каждый может проникнуться духом Бога». На наших глазах Иешуа обнимал блудниц и прокаженных. Жизнь каждого была для него драгоценна. Он говорил нам: «Бог — наш отец. Он заботится о нас, любит и прощает. Это пастух, который не теряет своих овец. Откройте сердце свое Богу. Только искренняя душа обретет мир».

Человек, называемый Иешуа из Назарета, научил меня молиться. Он говорил о Боге, последнем суде и конце времен. Нам, его ученикам, казалось, что учителю стоит сказать волне «стой», и она застынет, стоит ему приказать, и ветер полетит вспять. Нас с детства учили, что боль и страдания — это Божья кара и нужно смиренно принимать Его гнев. Учитель Иешуа сказал, что это неправда. Он дал больному силу выздороветь, дал слабому поверить в свои силы, а неверующим помог найти веру. Каждое его слово звучало законом для нас. Каждый, кто слышал учителя, чувствовал душевное просветление.

Но в своих путешествиях Иешуа бар Йосеф нажил и много врагов. Старейшины завидовали учителю, потому что люди охотно верили ему. Старейшины видели, что Иешуа смущает народ. Если человеку по имени Иешуа будет дозволено и дальше распространять свое учение, думали старейшины, то священнослужители пострадают. Поэтому Иешуа оговорили, его арестовали за богохульство и Пилат приказал распять учителя на кресте. Я сам видел, что Пилат не хотел смерти Иешуа, но старейшины и священники требовали, и Пилат уступил.

Иешуа сына Йосефа и еще шестерых арестованных в канун праздника Пасхи привели на холм и привязали к крестам. В тот же день вечером троим из них по милости Пилата сломали ноги, и они задохнулись до наступления ночи. На следующий день к вечеру Бог послал смерть еще двоим. Но Иешуа был сильным человеком. И на третий день он все еще был жив, и римский солдат сжалился над ним и сломал ему ноги. Я не подходил к нему, пока он страдал. Я вместе с остальными его учениками боялся, что и нас повесят на кресты рядом с ним.

Праздник Пасхи закончился, тела остальных казненных выкупили родственники, а тело человека по имени Иешуа все еще висело на кресте, и птицы терзали его плоть. Наконец, на шестой день после наступления смерти, его растерзанное тело бросили в яму, сделанную недалеко от креста. Я видел, что истерзанные останки моего учителя преданы земле, и бежал подальше от Иерусалима в пустыню. Остановился в Вифании, в доме Марии, называемой Магдалиной, и сестры ее Марфы. Они знали Иешуа и были опечалены его страшной смертью. Они сердились на меня и говорили, что я должен был защищать учителя и поддерживать Его, но не прятаться, оставив его страдать. Я оставил их дом и вернулся в покой и тишину Галилеи. Когда меня спрашивали про Иешуа и его учение — я говорил всем, что ничего не знаю об этом.

Иаков и Иоанн, бывшие, как и я, учениками Иешуа, тоже вернулись в Галилею. Разделяя наше общее горе по учителю, мы продолжали ловить рыбу. Но мы чувствовали, что вокруг нас сомкнулся мрак, и время не облегчало наших страданий. Мы ловили рыбу в море

Галилейском и говорили про человека по имени Иешуа, о том, что он сделал, чему учил нас. Первый раз мы увидели его, когда он проповедовал с нашей лодки. Память о нем была на этом море и на всем, что нас окружало.

Однажды, когда был шторм, мы сидели на берегу. Я заметил, что над морем в тумане ходит человек по имени Иешуа. Я сказал об этом Иакову и Иоанну, и они тоже видели над морем в тумане человека по имени Иешуа. А потом, когда шторм утих, видение исчезло. У нас была рыба и хлеб. Иоанн поднял хлеб для благословения и заметил, что преломленный хлеб напоминает истерзанное тело учителя. С тех пор мы, преломляя хлеб, стали поминать человека по имени Иешуа бар Йосеф.

Прошло время, и однажды Иаков сказал:

— «Проклят перед Богом повешенный»,³⁹ но разве может быть проклят наш учитель Иешуа?

И я сказал, что не может быть проклят такой хороший человек Иешуа. И впервые я понял, что учение наших отцов не всегда правильно. А то, что говорил нам Учитель, — всегда правильно.

Прошло лето, подошел праздник Рош Ашана,⁴⁰ и мы решили, что можем безопасно отправиться в Иерусалим и принять участие в празднике. Мы пришли в Иерусалим, шли в процессии к Святой Святым, пели псалмы, говоря, что Мессия не умрет никогда, но будет жить и расскажет всем о деяниях Бога. Священник провозгласил, что Господь подвергнет Мессию испытаниям, но не отдаст его смерти. Камень, отвергнутый строителем, станет краеугольным. Мы слушали чтение книги пророка Захарии: «А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце».⁴¹

Слушая эти слова, я думал про человека по имени Иешуа бар Йосеф и про то, что с ним произошло. Слова пророка проникли ко мне в душу. В этот миг на меня снизошла любовь, которая уже никогда не уйдет. В эту ночь я отправился к тому месту, где был предан земле человек Иешуа. Я преклонил колени перед его останками и молился, а слезы очищения стекали по моим щекам.

И я понял, что любовь Бога безгранична. Человек Иисус много раз говорил это, и, приняв смерть с величайшим мужеством и достоинством, он дал нам последний урок. Заканчивая жизнь, мы ее начинаем. Любите, и будете любимы.

Сомнения оставили меня. Горе прошло. Смятение превратилось в ясность. Человек Иисус не умер. Он жив. Бог воскрес в моей душе. Я ощущал его присутствие так же явно, словно он стоял рядом со мной. Я вспомнил, что он говорил мне много раз: «Симон, если ты любишь меня, ты соберешь моих овец».

Я наконец понял, что если любить, как любил он, это поможет всем узнать о Боге. Поступать так, как он, — вот путь к спасению. Бог пришел с небес и поселился в человеке, называемом Иешуа бар Йосеф. Благодаря его поступкам и словам мы узнали Бога. Заботиться о нуждающихся, успокаивать печальных, поддерживать отверженных. Делай так, поступай правильно, и Бог будет доволен. Бог взял жизнь человека Иисуса, чтобы мы все поняли это. Я просто оказался первым, кто это принял. Задача стала ясна. Проповедь должна жить дальше благодаря мне и другим, кто тоже верит.

Я вернулся к Иоанну и Иакову, рассказал о моем прозрении, и они узрели то же. Перед тем как покинуть Иерусалим, мы вернулись туда, где у меня было видение, и выкопали из

³⁹ «...Ибо проклят перед Богом [всякий] повешенный [на дереве]» (Второзаконие, 21:23).

⁴⁰ Новый год, выпадает на сентябрь-октябрь.

⁴¹ Книга пророка Захарии, 12:10.

земли останки Иешуа. Мы унесли их с собой и положили в пещеру. Через год настал новый праздник Рош Ашана, мы вернулись туда и собрали его кости. Потом писец помог написать мне это послание, и мы положили эти слова рядом с останками человека по имени Иешуа бар Йосеф, ибо вместе они — СЛОВО.

ГЛАВА LXVI

Марк был сбит с толку и изумлен. Он знал, кто такой Симон.

Сначала его звали Сефас по-арамейски, потом Петрос, камень, по-гречески. В конце концов его стещи именовать Петр, и в Евангелии от Матфея сказано: «...и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее».⁴²

Это свидетельство было первым имевшим смысл древним документом из тех, что он читал. Никаких сверхъестественных событий или чудесных явлений. Никаких действий, противоречивших истории или логике. Нет противоречивых деталей, которые подвергали бы сомнению правдивость. Свидетельство простого рыбака о том, как он стал очевидцем жизни великого человека, добрые поступки и теплые слова которого продолжали жить после его смерти и вдохновили Симона на продолжение его дела.

Симон не обладал изощренным умом и способностью сочинять религиозные идеи, которые появились намного позже. Внимание многих было приковано к человеку с именем Иешуа, которое потом трансформировалось в имя Иисус. Бог забрал этого человека к себе, подвергнув тяжелым испытаниям и жестокой, насильственной смерти. Симону стало ясно: чтобы узнать Бога и стать Его частью, следует подражать Иисусу. Послание могло жить, только если он и другие последователи вдохнут в него жизнь. Таким простым путем смерть утрачивала свои права на человека, именуемого Иисусом. Произошло воскресение. Не физическое, но духовное. И в душе Симона Иисус воскрес — он жил вновь! Вот откуда осенней ночью спустя шесть месяцев после казни Иисуса родилась христианская Церковь.

— Нахальные подонки, — пробормотал де Рокфор, — со своими величественными церквями и учениями о Боге. Все это вранье.

— Нет, это не так.

— Как ты можешь так говорить? Не было ни вымышленного распятия, ни пустой гробницы и ангелов, объявляющих о воскресении Христа. Это вымысел, созданный людьми для их собственного блага. Это свидетельство говорит, как все было на самом деле. Все началось с одного человека, осознавшего нечто своим *разумом*. Наш орден был стерт с лица земли, наших братьев пытали и убивали во имя так называемого воскресшего Христа.

— Эффект тот же самый. Родилась Церковь.

— Неужели ты мог подумать хоть на минуту, что Церковь смогла бы процветать, если бы вся ее теология была основана на личном откровении простого человека? Сколько человек она смогла бы обратить в свою веру?

— Но случилось именно это. Иисус был обыкновенным человеком. Которого впоследствии люди возвысили до божественного статуса. И когда кто-то подвергал сомнению его божественность, их называли еретиками и сжигали на кострах. Здесь, в Пиренеях, уничтожили катаров за то, что они не верили.

— Ранним Отцам Церкви пришлось сделать то, что они сделали. Они должны были приукрасить истину, чтобы выжить.

— Ты миришься с тем, что они сделали?!

— Это уже сделано.

— Но мы можем вернуть все на свои места.

Марк внезапно понял.

— Соньер наверняка это читал.

⁴² «От Матфея святое благовествование», 16:18.

— И никому не сказал.

— Верно. Потому что понял тщетность истины.

— Он никому не сказал, потому что тогда он лишился бы своего клада. У него не было чести. Он был вором.

— Может быть. Но эта информация явно повлияла на него. Он оставил много ключей в своей церкви. Он был образованным человеком и читал по-латыни. Если он это обнаружил, в чем я уверен, он смог это прочитать. Тем не менее он вернул книгу на место и запер калитку, уходя.

Марк уставился на урну. Это действительно останки Иисуса? Его охватила печаль, когда он осознал, что от его отца тоже остались только кости.

Он перевел взгляд на де Рокфора и спросил о том, что действительно хотел знать:

— Ты убил моего отца?

Малоун увидел, что Стефани ринулась к лестнице, сжимая в руке пистолет, отобранный у одного из тамплиеров.

— Куда это ты собираешься?

— Там мой сын.

Он понял, что она должна идти, но одну он ее не отпустит.

— Я пойду с тобой.

— Я предпочитаю сделать это сама.

— Мне наплевать, что ты там предпочитаешь. Я иду с тобой.

— Я тоже, — поддержала Кассиопия.

Хенрик схватил ее за руку:

— Нет. Пусть они сделают это сами. Это их личное дело.

— Личное? — возмутилась Кассиопия. — Там, внизу, человек, который убивает без колебаний и сожалений.

Капеллан выступил вперед:

— Сенешаль и магистр должны вступить в схватку. Его мать была вовлечена не случайно. Отпустите ее. Она должна быть внизу, с ними.

Стефани спустилась по лестнице, Малоун следил, как она осторожно спрыгнула, избегая ямы. Малоун последовал за ней, держа в одной руке фонарь, в другой — пистолет.

— Куда идти? — прошептала Стефани.

Он сделал ей знак молчать. Прислушался, и до него донеслись голоса. Слева, из того помещения, которое обнаружили он и Кассиопия.

— Туда, — произнес он одними губами.

Он знал, что по пути не будет ловушек до входа в сокровищницу. Тем не менее они продвигались очень осторожно.

— Я спросил, это ты убил моего отца? — требовательно повторил Марк.

— Твой отец был слабой душой.

— Это не ответ.

— Я был там в ночь, когда он покончил с собой. Я шел за ним до моста. Мы поговорили.

Марк внимательно слушал.

— Он был разочарован. Зол. Он расшифровал криптограмму, ту, которая записана в его дневнике, и она ему ничего не сказала. Твоему отцу просто не хватило мужества перенести это.

— Ты ничего не знаешь о моем отце.

— Наоборот. Я годами наблюдал за ним. Он двигался от задачи к задаче и не мог решить ни одну. Это принесло ему проблемы — и личные, и профессиональные.

— Несомненно, он нашел достаточно, чтобы привести нас сюда.

— Нет. Это нашли остальные.

— И ты не попытался остановить его, не дать ему покончить с собой?!

Де Рокфор пожал плечами:

— Зачем? Он хотел свести счеты с жизнью, и я не видел смысла мешать ему.

— И ты просто ушел и позволил ему умереть?

— Я не вмешиваюсь в то, что меня не касается.

— Ты сукин сын! — Марк сделал шаг вперед, не выпуская из рук книгу. Де Рокфор поднял револьвер. — Вперед. Стреляй!

Де Рокфор выглядел абсолютно равнодушным.

— Ты убил брата. Тебе известно наказание.

— Он погиб из-за тебя. Ты послал его.

— В этом весь ты. Для тебя — одни правила, для остальных — другие. Нажал на курок ты.

— Это была самозащита.

— Положи книгу.

— И что ты сделаешь с ней?

— То, что магистры делали в начале. Использую ее против Рима. Я всегда удивлялся, как ордену удалось так быстро возвыситься. И все благодаря этой книге и этим останкам. Римская церковь не могла допустить, чтобы мы обнародовали то, что нам было известно. Только представь, что думали средневековые папы, когда узнавали, что физическое воскрешение Христа — это миф. Разумеется, они не могли быть уверены. Это свидетельство могло быть таким же ложным, как и все остальные свидетельства. Тем не менее слова убедительны, а останки трудно игнорировать. Тогда существовали тысячи мощей. Каждую церковь украшали останки святых. Люди верили во все это. Нет причин думать, что на эти кости могли не обратить внимания. А в наших руках были величайшие останки из всех существовавших. Так что магистры использовали то, что знали, и это работало.

— А сегодня?

— Все наоборот. Слишком много людей, которые ни во что не верят. Современные умы волнуют многие вопросы, а в Евангелиях мало ответов. Свидетельство Симона — совсем другое дело. Оно расставит все по своим местам.

— Значит, ты собираешься стать современным Филиппом Четвертым?

Де Рокфор плюнул на пол.

— Вот что я о нем думаю. Он хотел заполучить это знание, чтобы контролировать Церковь — а следом за ним и его наследники. Но заплатил за жадность. Он и весь его род.

— Неужели ты хоть на минуту можешь подумать, что у тебя получится что-то контролировать?

— Я не хочу контролировать. Но хочу увидеть лица всех этих напыщенных прелатов, когда они попытаются опровергнуть свидетельство Симона-Петра. В конце концов, его останки покоятся в сердце Ватикана. На его могиле построили собор, и в его честь называли базилику. Он их первый святой, первый Папа? Как они смогут опровергнуть его слова? Разве тебе не хочется на это посмотреть?

— Кто докажет, что это его слова?

— Кто доказал, что слова Матфея, Марка, Луки и Иоанна — их собственные слова?

— Попытка изменить все может оказаться не столь уж разумной.

— Ты так же слаб, как и твой отец. У тебя нет мужества для борьбы. Ты хочешь забыть об этом? Никому не говорить? Пусть орден прозябает в забвении, запятнанный клеветой жадного короля? Слабаки вроде тебя — вот из-за кого мы оказались в таком положении. Ты и твой магистр хорошо подходили друг другу. Он тоже был слабаком.

Марк услышал достаточно и без предупреждения, резко поднял фонарь, поставив его мощность на максимум и ослепив де Рокфора. От неожиданности де Рокфор зажмурился и опустил пистолет, прикрывая другой рукой глаза.

Марк выбил оружие из его руки и выбежал из сокровищницы. Он миновал открытую калитку и повернул в сторону лестницы. В десяти футах впереди он увидел свет и заметил

Малоуна и свою мать.

За его спиной появился де Рокфор.

— Стоять! — скомандовал магистр, и Марк остановился.

Де Рокфор приблизился. Марк смотрел, как его мать поднимает револьвер.

— Пригнись, Марк! — крикнула она.

Но ее сын не шевельнулся. Де Рокфор был теперь прямо за ним. Марк почувствовал, как дуло револьвера уткнулось ему в затылок.

— Опустите оружие, — велел де Рокфор Стефани.

Малоун показал ему свой пистолет.

— Ты не сможешь застрелить нас двоих.

— Нет. Но его точно убью.

Малоун взвесил все возможности. Он не мог выстрелить в де Рокфора, не рискуя задеть Марка. Но почему Марк остановился? Он дал де Рокфору преимущество.

— Опусти пистолет, — спокойно обратился Малоун к Стефани.

— Нет.

— Делайте, как он говорит, — рявкнул де Рокфор.

Стефани не шевельнулась.

— Он собирается убить его в любом случае.

— Возможно, — ответил Малоун. — Но не стоит его провоцировать.

Стефани не собиралась позволить, чтобы у нее снова отняли сына.

Малоун внимательно посмотрел в лицо Марка. Ни намека на страх. Он указал своим фонарем на книгу в руке Марка.

— Весь этот шум из-за нее?

Марк кивнул.

— Да, из-за Великого Завещания, уймы сокровищ и множества документов.

— Оно того стоило?

— Не мне судить.

— Стоило, — заявил де Рокфор.

— И что теперь? — поинтересовался Малоун. — Вам некуда идти. Ваши люди выведены из игры.

— Ваших рук дело?

— Отчасти. Но здесь также ваш капеллан с отрядом рыцарей. Похоже, у вас бунт.

— Посмотрим, — отозвался де Рокфор. — А сейчас могу только повторить. Миссис Нелл, опустите пистолет. Как верно заметил мистер Малоун, что я потеряю, убив вашего сына?

Малоун продолжал обдумывать варианты действий. В свете лампы Марка он увидел маленькое углубление в полу. Незаметное, если не знать, куда смотреть. Между ним и Марком простиралась очередная ловушка. Он взглянул в глаза Марка и прочитал в них, что тот знает о ее существовании. Легкий кивок, и Малоун понял, почему Марк остановился. Он хотел, чтобы де Рокфор пошел вслед за ним. Ему это было необходимо.

Видимо, пришло время покончить с этим.

Здесь и сейчас.

Он протянул руку и отнял пистолет у Стефани.

— Что ты делаешь? — закричала она.

Он произнес одними губами:

— Пол, — и заметил, что она поняла.

Малоун отступил.

— Мудрое решение, — одобрил де Рокфор.

Стефани промолчала, по-видимому начиная понимать замысел сына. Малоун обратил внимание на стоявших в конце коридора. Слова, сказанные де Рокфору, на самом деле предназначались для Марка.

— Ладно. Твой ход.

Марк понял, что пришло время действовать. В письме к матери магистр написал о нем, что у него не хватает решительности доводить до конца свои битвы. Начинать их казалось легко, продолжать — еще легче, но достичь результата всегда оказывалось трудно. Но не в этот раз. Его магистр подготовил сцену, и все актеры играли по сценарию. Пришло время для финала. Раймон де Рокфор являл собой опасность. Из-за него погибли уже двое братьев, и неизвестно, когда бы все это прекратилось. Он и де Рокфор не могут сосуществовать в ордене. Его магистр, видимо, знал это. Поэтому один из них должен уйти.

Жертвы, принесенные тысячами братьев в течение семи сотен лет, окажутся бесполезными из-за высокомерия и тщеславия де Рокфора.

Свидетельство Симона наконец дало историческое подтверждение собственному религиозному скептицизму Марка. Его всегда беспокоили противоречия в Библии и их сомнительные толкования. Он догадывался, что религия — это орудие, которое одни люди использовали для манипуляции другими. Потребность человеческого разума получить ответы даже на те вопросы, на которые ответа нет, привела к тому, что невероятное стало Евангелием.

Вера в то, что смерть — это не конец, даровала успокоение. Было что-то еще. Физически воскреснув, Иисус предложил такое же спасение всем верующим.

Но жизни после смерти нет.

Не в буквальном смысле слова.

Вместо этого человеческое бессмертие заключалось в его поступках. Помня о словах и делах человека Иисуса, Симон-Петр осознал, что убеждения его погибшего учителя воскресли в нем самом. И спасением Симона стали проповедь этого учения и поступки, сообразные тому, чему учил Христос. Никто из нас не должен судить другого, только самих себя. Жизнь не бесконечна. Нам всем отведено определенное время, а потом мы все обратимся в прах — как эти кости в урне.

Марк мог только надеяться, что его жизнь имела какой-то смысл и что другие запомнят его.

Он сделал вдох. И бросил книгу Малоуну, который поймал ее.

— Зачем ты это сделал? — крикнул де Рокфор.

Марк видел, что Малоун понял, что он собирается сделать. И внезапно его мать тоже поняла.

Он увидел это в ее глазах, полных слез. Он хотел сказать ей, что сожалеет, что был не прав, что ему не следовало осуждать ее. Она прочитала его мысли и сделала шаг вперед. Малоун остановил ее.

— Пусти меня, Коттон, — потребовала она.

Марк использовал этот миг, чтобы продвинуться вперед на дюйм, здесь еще была твердая земля под ногами.

— Иди, — велел ему де Рокфор. — Верни книгу.

— Конечно.

Еще один шаг. Твердо.

Но вместо того чтобы идти к Малоуну, как приказал де Рокфор, он нырнул вниз, уклоняясь от дула револьвера, и крутанулся на месте, ударив локтем в ребра де Рокфора. Мускулистый живот магистра был крепким, и Марк знал, что не соперник старому воину. Но у него было преимущество. Внезапность. Он обхватил руками грудь магистра, сбил с ног и увлек на пол, который, как он знал, их не выдержит.

Он услышал, как его мать кричит: «Нет!», потом пистолет де Рокфора выстрелил.

Он выкрутил руку с оружием в сторону, но не мог определить, куда угодила пуля. Их совокупный вес был достаточен, чтобы проломить доски. Де Рокфор наверняка рассчитывал, что под ними будет твердая земля, и готовился вскочить на ноги, но всем весом упал на острые колья, пронзившие его тело.

С его губ сорвался стон, и изо рта хлынула кровь.

— Я говорил тебе в тот день, когда ты бросил вызов магистру, что ты пожалеешь об этом, — прошептал Марк. — Твой срок окончен.

Де Рокфор пытался заговорить, но не смог. Потом его тело обмякло.

— Ты в порядке? — спросил Малоун сверху.

Он поднялся, опираясь на тело де Рокфора, отчего бронзовые кольца еще глубже вонзились в тело бывшего магистра. Весь в земле и гравии, Марк выбрался из ямы и отряхнулся.

— Я только что убил еще одного человека.

— Он убил бы тебя, — покачала головой Стефани.

— Плохая причина, но другой у меня нет.

По лицу его матери катились слезы.

— Я думала, что опять потеряла тебя.

— Я надеялся, что смогу избежать этих колец, но не знал, поможет ли мне в этом де Рокфор.

— Ты должен был убить его, — сказал ему Малоун. — Иначе он никогда бы не остановился.

— А куда попала пуля? — спросил Марк.

— Пролетела мимо, — ответил Малоун. Он взмахнул книгой. — Ты это искал?

Марк кивнул:

— И не только это.

— Я уже спрашивал тебя. Оно того стоит?

Марк сделал движение к концу коридора:

— Пойдем посмотрим. Ты сам мне скажешь.

ЭПИЛОГ

Аббатство де Фонтен

28 июня, среда

12.40

Марк смотрел на людей, собравшихся в круглом зале. Братья были облачены в официальные одежды. Они созвали конклав, чтобы избрать нового магистра. Труп де Рокфора прошлой ночью положили в Зале Отцов. На похоронах капеллан бросил вызов де Рокфору, и все единогласно согласились, что ему следует отказать в памяти. Слушая речь капеллана, Марк осознал, что все случившееся за последние дни было необходимым. К несчастью, он убил двух человек, одного с сожалением, второго без удовольствия. Он молил Бога простить его за первую смерть, но чувствовал только облегчение оттого, что де Рокфора больше нет.

Капеллан обратился к конклаву:

— Говорю вам, братья. Свершилось то, что было предназначено, но не так, как полагал де Рокфор. Его путь был неверным. Наше Великое Завещание возвращено благодаря сенешалю. Он преемник, избранный покойным магистром. Это он был отправлен в поиск. Он столкнулся лицом к лицу с врагом, поставил наше благоденствие превыше своего собственного и исполнил то, что наши прежние магистры пытались совершить веками.

Марк видел, как сотни голов согласно склоняются. Он никогда не производил на людей такого впечатления. Отшельническое существование в академии, вылазки с отцом по выходным, потом в одиночестве — это было его единственное приключение, если не считать того, что произошло за последние несколько дней.

Вчера утром Великое Завещание с осторожностью и почтением возвратили на место. Он и Малоун самолично вытащили урну вместе со свидетельством и принесли в аббатство. Марк показал капеллану, что они обнаружили, и они согласились, что новоизбранному

магистру следует решить, что делать с этим.

Теперь время этого решения приближалось.

На этот раз Марк не стоял вместе с сановниками ордена. Он был простым братом, поэтому занял место среди остальных. Он не попал в конклав и сейчас наблюдал за двенадцатью избранными.

— Это очевидно, — произнес один из членов конклава. — Новым магистром должен стать бывший сенешаль. Да будет так.

В зале воцарилось молчание.

Марк хотел было запротестовать. Но устав запрещал протесты, а он и так нарушил уже достаточно правил.

— Я согласен, — поддержал другой член конклава.

Остальные десять тоже согласно кивнули.

— Значит, так тому и быть, — заключил первый. — Тот, кто прежде был нашим сенешалем, станет нашим магистром.

Зал взорвался аплодисментами, когда больше четырех сотен братьев поддержали это решение.

Началось пение.

Beauseant.

Он больше не был Марком Неллом.

Теперь он Великий магистр.

Все взгляды сосредоточились на нем. Он вышел из толпы братьев и присоединился к конклаву. Посмотрел на знакомые лица, которыми восхищался. Он вступил в орден для того, чтобы исполнить завет отца и сбежать от матери. Он остался, потому что полюбил и орден, и его магистра.

В памяти всплыли слова Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».⁴³

Симон-Петр признал и принял Его, так же как и все пришедшие после Симона, и мрак превратился в свет. Возможно, благодаря тому, что осознал Симон, теперь они все стали детьми Бога.

Крики и шум стихли.

Он подождал, когда воцарится тишина.

— Я думал, что, может быть, пришло время для меня оставить это место, — тихо произнес он. — Последние дни вызвали к жизни много трудных решений. Делая выбор, стоявший передо мной, я полагал, что моя жизнь в качестве брата окончена. Я убил одного из наших братьев и сожалею об этом. Но у меня не было выбора. Я убил магистра. — Его голос стал громче. — Он бросил вызов всему, во что мы верим. Его жадность и безрассудство привели бы к нашему падению. Он был озабочен *своими* нуждами, *своими* желаниями, не *нашими*. — Марк выпрямился, полный силы, ему вспомнились слова его учителя. «Помни то, чему я учил тебя». — Как ваш магистр, я объявляю: мы выйдем из тени, не ради мести или справедливости, но для того, чтобы занять свое место в этом мире — как бедные рыцари Христа и Храма Соломона. Вот кто мы есть. Вот кем нам следует быть. Нам предстоят великие дела. Бедные и угнетенные нуждаются в защитнике. Мы можем стать их спасением.

Он вспомнил, о чем писал Симон. «Мы все храним в себе образ Бога, все достойны любви, все можем проникнуться духом Бога». За последние семь веков он будет первым магистром, руководствующимся этими словами.

И Марк Нелл намеревался следовать им.

— Сейчас, добрые братья, пришло время попрощаться с братом Жоффруа. Его жертва сделала сегодняшний день возможным для нас.

⁴³ От Иоанна святое благовествование, 1:1.

Аббатство поразило Малоуна. Он, Стефани, Хенрик и Кассиопия были приглашены сюда. Они стали первыми непосвященными в братство людьми, которым когда-либо была оказана подобная честь. Их гид, капеллан, показал им все закутки и терпеливо поведал об истории ордена. Потом он оставил их, объявив, что должен начаться конклав. Через несколько минут он вернулся и провел их в часовню. На похороны Жоффруа их допустили благодаря роли, которую они сыграли в поиске Великого Завещания.

Они сели в первом ряду, прямо перед алтарем. Часовня была великолепна, своего рода собор, место, где веками находили упокоение рыцари-тамплиеры. И Малоун ощущал их присутствие.

Стефани сидела рядом с ним, Хенрик и Кассиопия — около нее. Он уловил, как у Стефани перехватило дыхание, когда пение прекратилось и из-за алтаря вышел Марк. В то время как остальные братья носили домотканые сутаны и покрывали головы капюшонами, он был облачен в белую мантию магистра. Малоун сжал ее дрожащую руку. Она улыбнулась ему в ответ.

Марк подошел к простому гробу Жоффруа.

— Этот брат отдал свою жизнь за нас. Он сдержал клятву. За это ему будет оказана честь быть похороненным в Зале Отцов. Прежде этого удостоивались только Великие магистры. Теперь к ним присоединится этот герой.

Никто не сказал ни слова.

— Также аннулирован вызов, брошенный нашему покойному магистру братом де Рокфором. Ему будет отведено подобающее место в Хрониках. А теперь давайте попрощаемся с братом Жоффруа. Благодаря ему мы возродились.

...Служба длилась час, затем Малоун и остальные сопроводили братьев в подземный Зал Отцов, где гроб положили в нишу рядом с гробом покойного магистра.

Затем они вышли во двор к своим автомобилям. Малоун заметил особенное спокойствие в Марке и явную оттепель в его отношениях с матерью.

— Чем собираешься заняться, Малоун? — поинтересовалась Кассиопия.

— Вернусь к книгам. Вскоре приезжает мой сын, на месяц.

— Сын? Сколько лет?

— Четырнадцать, но ведет себя как тридцатилетний. Непростой мальчик.

Кассиопия ухмыльнулась:

— Похож на отца, значит.

— Скорее, на мать.

Он много думал о Гарри за последние дни. Глядя на борьбу между Стефани и Марком, он вспомнил собственные неудачи в качестве отца. Но Гарри никогда не давал ему этого понять. В то время как Марк возмущался и обижался, Гарри преуспевал в школе, спорте, ни разу не возразил против переезда Малоуна в Копенгаген. Вместо этого сын поддерживал его, понимая, что его отцу тоже хочется быть счастливым. Малоун зачастую чувствовал себя виноватым за это решение. И он с нетерпением ждал приезда сына. В прошлом году они первый раз вместе провели лето в Европе. В этом году собирались попутешествовать по Швеции, Норвегии и Англии. Гарри нравилось путешествовать — в этом их с Малоуном вкусы совпадали.

— Будет здорово, — задумчиво сказал Малоун.

Малоун, Стефани и Хенрик собирались ехать в Тулузу и оттуда вылететь в Париж. Потом Стефани отправится домой в Атланту, Хенрик и Малоун вернутся в Копенгаген. Кассиопия направляется обратно в свой замок.

Она стояла около своей машины, когда Малоун подошел к ней.

Со всех сторон их окружали горы. Через несколько месяцев зима укроет все снежным одеялом. Круговорот. И в природе, и в жизни. Хорошее, затем плохое, снова хорошее, опять плохое, и снова хорошее. Он вспомнил, как говорил Стефани, уходя в отставку, что сыт по горло этой суматохой. Она улыбнулась его наивности и сказала, что на земле нет и не будет

спокойного места. Везде одна и та же игра, меняются только игроки.

И это хорошо. Опыт прошлой недели помог ему понять, что он игрок и всегда им останется. Но если его кто-то спросит, он ответит, что он книготорговец.

— Береги себя, Малоун, — сказала Кассиопия. — Я больше не прикрываю твою спину.

— У меня такое чувство, что мы еще встретимся.

Она улыбнулась:

— Кто знает...

Он вернулся к своему автомобилю.

— Как насчет Кларидона? — поинтересовался он у Марка.

— Он умолял о прощении.

— И ты благородно даровал его.

Марк ухмыльнулся:

— Он сказал, что де Рокфор собирался поджарить его ноги, и несколько братьев подтвердили это. Он хочет присоединиться к нам.

Малоун хмыкнул.

— Вы готовы к этому, парни?

— Некогда наши ряды пополнялись гораздо худшими людьми. Мы выживем. Я присмотрю за ним — это будет моя епитимья.⁴⁴

Стефани и Марк обменялись несколькими словами. Они уже попрощались наедине. Стефани выглядела спокойной и расслабленной. Видимо, их прощание было мирным. Малоун порадовался за них.

— Что будет с урной и свидетельством? — любопытно спросил Малоун.

Других братьев поблизости не было, поэтому он мог свободно обсуждать эту тему.

— Они будут спрятаны. Мир доволен тем, во что верит. Я не собираюсь вмешиваться.

— Мудрое решение, — согласился Малоун.

— Но орден выйдет из тени.

— Это правильно, — поддержала Кассиопия. — Я уже говорила с Марком насчет того, чтобы орден поддержал благотворительную организацию, которую я возглавляю. Всемирная поддержка больных СПИДом и жертв голода найдет применение денежным вливаниям, а ордену теперь есть что тратить.

— Хенрик очень склонял нас заняться и его делами тоже, — добавил Марк. — И я согласился. Так что рыцари-тамплиеры будут заняты. Наши умения можно использовать на благие дела.

Малоун и Марк обменялись рукопожатием.

— Я верю, что тамплиеры в хороших руках. Удачи тебе.

— И тебе, Коттон. И мне до сих пор хочется узнать, откуда у тебя это прозвище.

— Конечно. Позвони мне как-нибудь, и я тебе все расскажу.

Они сели в машину, арендованную Малоуном.

— Я тебе обязана, — сказала Стефани, пристегивая ремень.

Он уставился на нее с изумлением:

— Первый раз слышу от тебя такое.

— Не привыкай к этому.

Он широко улыбнулся.

— Пользуйся этим мудро.

— Да, мэм.

И машина тронулась с места.

⁴⁴ Духовное взыскание, наказание.